

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 5

Киров
2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редакторы **О. И. Коробкова**, **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **М. А. Харунжева** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Романова С. А.</i> Менталитет как интегральный атрибут народа	6
<i>Стычинский М. С.</i> От мультикультурализма к культурной глокализации	9
<i>Лебедев А. В.</i> Библейско-философское постижение нравственности христианства	14
<i>Макаров С. П.</i> К вопросу о поздней философии В. С. Соловьева	17

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Трушкова И. Ю., Балыбердин Ю. А.</i> Трансформации ментальности и этнического самосознания населения Вятской губернии во время Первой мировой войны: история инотерриториальных влияний	24
<i>Безруков Д. А.</i> Вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений как фактор зарождения потенциальных узлов противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе	30
<i>Свинцова М. Н.</i> Проблемы эвакуации Военно-морской медицинской академии в г. Киров в период Великой Отечественной войны	34
<i>Калинин А. А.</i> Греческий вопрос в ООН в 1946–1947 гг.	39
<i>Чернышева Н. В., Чернышев К. А., Бровцин А. В.</i> Трудовые миграции населения СССР в сер. 1940–1960-х гг.: историографический обзор	48
<i>Грачев С. П., Трушкова И. Ю., Флакман А. Л.</i> Проблемы создания Банка данных этнографической коллекции традиционных культур Российского Юга на Российском Севере.....	60

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Родионова О. С., Абрамова Н. В.</i> Специфика слоговой и акцентной структуры слов в современном немецком языке	63
<i>Сергеева Т. С.</i> Аббревиатуры в современных англоязычных текстах массовой информации	67
<i>Старкова Е. В.</i> Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях	75
<i>Бакина О. В.</i> Субъективная позиция автора письма как компонент публицистического текста	81
<i>Горыкина С. С.</i> Номинативная репрезентация концепта <i>Nature</i> в древнеанглийской загадке	86
<i>Адясова Л. Е.</i> Концепт СССР: специфика функционирования морбиальной метафоры в современном российском медиадискурсе	89
<i>Антонов Ю. Г., Шеянова С. В.</i> Концепт «дом» как способ нравственно-философского осмысления мира и человека в литературном дискурсе Мордовии	96
<i>Гусейнова У. Г.</i> Концепт «смерть» в древнетюркской языковой картине мира	100
<i>Левина Н. Н.</i> Жанровая специфика мордовской лирической повести (на примере творчества Ю. Кузнецова)	105

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Артемов Н. С., Бурчихин А. Н.</i> Причины и условия рецидивной преступности и основные меры её предупреждения	110
<i>Фещенко П. Н.</i> К вопросу об исследовании мотивационной сферы лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в аспекте изучения состояния и перспектив изменения социальной напряженности	114
<i>Мухлынина М. М.</i> Актуальные аспекты нормативно-правового регулирования адвокатской деятельности в РФ	119

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Куклина С. С., Шардина Е. С.</i> Развитие коммуникативных способностей учащихся начальной школы в ходе обучения элементарному иноязычному общению	122
<i>Шмакова О. В.</i> Формирование межкультурной коммуникативной компетенции специалиста в процессе профессиональной социализации в рамках курса «Межкультурное корпоративное общение»	127
<i>Каткова А. Л.</i> Развитие ИКТ-компетентности преподавателей педагогического вуза	132

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Вечтомов Е. М., Варанкина В. И.</i> Развитие функциональной алгебры в Вятском государственном гуманитарном университете.....	136
<i>Сведения об авторах</i>	145
<i>Information about authors</i>	148

CONTENTS

- Romanova S. A.* Mentality as an integral attribute of the nation
- Stychinsky M. S.* From multiculturalism to cultural glocalization
- Lebedev A. V.* Biblical and philosophical comprehension of christian morality
- Makarov S. P.* Concerning the later philosophy of Vl. Solovyov
- Trushkova I. Y., Balyberdin Y. A.* Transformation of mentality and ethnic identity of the population of Vyatka province during the First World War: the history of interracial influences
- Bezrukov D. A.* Washington conference on naval arms limitation as a factor in the origin of the potential contradictions in the Asia-Pacific region
- Svintsova M. N.* Problems of evacuation the Leningrad Military Medical Academy in Kirov during the Great Patriotic War
- Kalinin A. A.* The Greek Question at the United Nations, 1946–1947
- Chernysheva N. V., Chernyshev K. A., Brovtsyn A. V.* Labour migration of the population of the USSR in the mid. 1940–1960-ies: a historiographical review
- Grachev S. P., Trushkova I. Y., Flaksman A. L.* Problems of creating a Data Bank of ethnographic collections of traditional cultures of Russian South in Russian North
- Rodionova O. S., Abramova N. V.* The specificity of syllabic and accentual structure of words in modern german
- Tatjana S. S.* Abbreviations in modern English media texts
- Starkova E. V.* The problem of idiostyle phenomenon interpretation in linguistic studies
- Bakina O. V.* The subjective position of the author of the letter as a component of publicism text
- Gorykina S. S.* Nominal representation of the domain *nature* in the old english riddle
- Adyasova L. E.* Concept of the *USSR*: special traits of functioning of the disease metaphor in the modern russian media discourse
- Antonov Y. G., Sheyanova S. V.* The concept “Home” as a way moral and philosophical understanding of the world and man in Mordovia literary discourse
- Huseynova U. H.* concept “Death” in the ancient turkic language picture of the world
- Levina N. N.* Genre specificity of mordovian lyrical story (evidence from Yu. Kuznetsov’s creation)
- Artemiev N. S., Burchikhin A. N.* The causes and conditions of recidivism and the main measures for its prevention
- Feshchenko P. N.* Criminal-legal aspects of criminological impact on the social tension
- Mukhlynina M. M.* Topical aspects of legal regulation of advocacy in the Russian Federation
- Kuklina S. S., Shardina Y. S.* Development of Communicative Abilities in Elementary School Students Learning Foreign Language Communication on an Elementary Level
- Shmakova O. V.* Specialist’ intercultural communicative competency development by means of vocational socialization during«Intercultural Corporate Communication» course
- Katkova A. L.* The development of ict competence of teachers pedagogical university
- Vechtomov E. M., Varankina V. I.* Development of functional algebra in Vyatka State University of Humanities

Менталитет как интегральный атрибут народа

В работе раскрыто содержание основных структурных элементов менталитета, показаны особенности их динамики. Обоснована идея о том, что менталитет является интегральным атрибутом народа, ключевые элементы структуры которого необходимо сохранять и возрождать.

The article deals with the basic structural elements of mentality and their dynamics. The idea that mentality is the integral attribute of the people is described, and the key elements of the mentality's structure have to be saved and revived.

Ключевые слова: менталитет, коллективное сознание, этнос, народ.

Keywords: mentality, collective consciousness, ethnos, people.

Усиление глобализации значительно повысило интерес к роли национального менталитета в процессе вхождения народов в мировые интеграционные процессы. Особенно это значимо для государств и народов, которые в конце XX – начале XXI в. резко изменили свой социально-экономический и политический уклад, а потому оказались в состоянии некоторой разорванности между прежними установками, привычками и новыми глобальными стандартами. Это касается и нашей страны. Распад СССР и поначалу стремительное, подчас некритическое и неосмысленное принятие западных образцов во всех сферах жизни привели не только к достижениям, но и к потерям. Именно поэтому проблема ценностного кризиса стала сегодня общегосударственной, а ее решение требует восстановления духовных скреп общества [1]. Появилась необходимость осознать себя как народ новой страны, самоидентифицироваться не только на практически-житейском уровне, но и теоретически вникнуть в суть особенностей российского менталитета, выявить некоторые закономерности его устойчивости и изменчивости, понять, какие его структуры могут стать духовными скрепами.

Понятие «менталитет» происходит от прилагательного *mentalis*, что в средневековой схоластике означало «разум, рассудок». В научный оборот оно было введено Л. Леви-Брюлем, который рассматривал менталитет как коллективные представления, передающиеся из поколения в поколение и не зависящие от отдельных личностей, но вместе с тем пробуждающие в них в зависимости от жизненных ситуаций определенные чувства и образцы поведения [2].

Французский социолог Э. Дюркгейм в работе «Коллективный ритуал» определил ментальность как «коллективное сознание». По его мнению, общество представляет собой надындивидуальное бытие, и поэтому его развитие не зависит от действий отдельных индивидов. Коллективные представления есть воздействие и реагирование на внешние влияния, они продукты этих взаимодействий, которые возможны лишь через материального посредника. И по мнению исследователя, роль последних не сводится к тому, чтобы выражать ментальные состояния, с которыми они связаны, напротив, они помогают их создавать [3].

Представитель французской исторической школы «Анналов» Л. Февр относил менталитет к сфере автоматических форм сознания и поведения людей и рассматривал его как преломление коллективного сознания и поведения в сознании и поведении индивидуальном. Поэтому реконструкции мира представлений людей прошлого и интерпретации ими действительности считались ученым столь же значимыми для понимания истории, как и изучение социально-экономических и политических систем общества.

Одним из первых философский анализ феномена менталитета провел П. Сорокин. Он исходил из того, что культура есть система ценностей, норм, символов и значений, возникающих путем сознательной или бессознательной деятельности людей. При этом всякая культура индиви-

дуальна, так как в ее основе лежит основополагающий принцип, определяющий ценности, установки, идеи, желания, эмоции и т. д. Этот принцип и есть менталитет, который формирует духовный опыт социальной группы и проявляется в действиях ее членов, реакциях на влияние природной и социальной среды. Менталитет определяет, в конечном счете, и тип культуры. На этом основании П. Сорокин выделил три типа культур – «умозрительный», «чувственный» и «идеалистический». Для каждого типа характерна особая ментальность, которая формирует стереотипы поведения, являющиеся важной частью жизнедеятельности любой социальной общности. Эти группы как надындивидуальные объединения представляют, по мнению социолога, «замиренную» среду с определённой организацией, фиксированными стандартами поведения, уставом должного, запрещённого и рекомендованного. Это состояние «замиренности» определяется «правильностью психического взаимодействия», условием которого является одинаковое проявление психических переживаний членами социальной группы [4].

Данную характеристику можно отнести, в частности, и к такой социальной группе, как этнос, который, по мнению Л. Гумилева, представляет собой форму адаптации *Homo sapiens* в биоценозе своего ландшафта. Вне этноса, как отмечал исследователь, нет ни одного человека на Земле, этническая принадлежность в сознании носит всеобщий характер и отражает глубинную, биологическую, внешнюю природу по отношению к сознанию и психологии. Отсюда самоощущение представляет собой особый тип связи в этносе, которая определяет его устойчивость. Этноты имеют свою неповторимую структуру, стереотипы поведения и реакции на внешний мир, свой ритм и темп развития. Именно этот набор особенностей этноса и составляет его менталитет [5].

Философское осмысление непосредственно российского менталитета было осуществлено такими отечественными мыслителями, как В. Соловьев, Н. Бердяев, Н. Лосский, Л. Карсавин и др. Они не употребляли самого понятия «менталитет», а рассматривали с разных сторон особенности национального характера, национального сознания, коллективной исторической индивидуальности. Уникальные черты национального характера они искали, главным образом, в духовной жизни русского народа. Глубокий анализ национального характера дал Н. А. Бердяев в своей работе «Русская идея». Он обратил внимание на то, что «безграничность» и «бесконечность» русской души тесно связана с «географией физической». А ее противоречивость обусловлена тем, что в России происходит не только столкновение, но и взаимодействие восточной и западной культур. Именно поэтому «два противоположных начала легли в основу формаций русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие» [6].

Проблема национального менталитета в последнее десятилетие вновь заняла важное место в исследованиях представителей различных гуманитарных наук – психологии, антропологии, культурологии, этнологии, социологии, философии. Обществоведы с разных позиций стремятся дать более точное определение менталитета с целью выявить его сущностные характеристики, а также показать особенности его преломления в происходящих в настоящее время социальных явлениях и процессах.

Так, открытие фундаментальной психологией такого свойства человеческого мозга, как функциональная асимметрия, породило идею корреляции способов работы левого и правого полушарий и глобальных менталитетов Запада и Востока [7]. По мнению Н. В. Беломестновой, культура в некоторой степени является порождением психики человека, которая возникла в биологических системах, получив знаково-символические детерминанты развития на завершающих этапах формирования разума, а составляющей менталитета является стиль мышления, который в значительной мере обусловлен функциональными свойствами головного мозга. Кроме того, на основе анализа многочисленных эмпирических данных ученые показали, что биологические механизмы сыграли роль как в становлении культуры в целом, так и в закладке механизмов ее дифференциации.

С позиций современной социальной философии менталитет рассматривается как социально-психологический облик и настрой народа, который обуславливает его рефлексию на внешнюю действительность и оригинальность ее восприятия. Его философское осмысление осуществляется на двух уровнях: онтологическом, т. е. как реально и объективно существующий феномен, и гносеологическом, как инструмент исследователя, используемый с целью более полного объяснения целого ряда общественных изменений.

Известно, что менталитет включает в себя не столько рационализированные элементы мышления и сознания, сколько иррациональные, которые выражают эмоционально-ценностные аспекты жизни народа. Кроме того, исследования последних лет подтверждают гипотезу о его двойственной природе: с одной стороны, он обладает статичностью и не подвержен быстрым изменениям, с другой стороны, менталитет, как и любое социальное явление, характеризуется изменчивостью и подвижностью.

Полагаем, это связано со структурой менталитета, которая включает в себя так называемое «ядро», содержащее глубинные элементы психики этноса, его архетипы, практически не меняющиеся со временем, и «оболочку» как внешний слой менталитета народа, который в большей степени формируется под влиянием социальных факторов и поэтому представляет собой адаптационный элемент ментальной структуры. Именно внешняя составляющая менталитета, на наш взгляд, позволяет этносу приспосабливаться к изменениям, усваивать социальные новации, успешно взаимодействовать с другими народами. Однако приспособление к новым условиям осуществляется с учетом глубинной сути менталитета народа, а потому проявляется своеобразно. На эту особенность указывал в свое время Л. Карсавин. Характеризуя современный ему период «острой европеизации», он писал, что «самый факт этой европеизации, ее характер и интенсивность, разумеется, в высокой степени национальны» [8].

Примером, подтверждающим наше предположение, является современная трансформация российского менталитета. Активно втягиваясь в мировую экономическую, политическую и культурную интеграцию, мы по-прежнему остаемся россиянами, успешно, а иногда и не очень, преломляя эти процессы в «зеркале» нашего менталитета. Так, указанные Н. Бердяевым противоположные начала в русской душе, сочетающей в себе деспотизм государства и вольность, жестокость и доброту, обостренное сознание личности и коллективизм, самохвальство и благочестие, позволяют нам приспособиться к стремительным общественным изменениям и по-своему «переварить» глобалистское воздействие. Россияне быстро впитали и претворили в жизнь стандарты рыночных отношений, трафареты массовой культуры, образцы политических структур, привнеся в них, правда, свою неповторимую российскость. Например, скинув внешний атеизм, мы почти в одночасье стали верующими, однако не пустили религию в сердце, а остановились на обрядоверии, т. е. на исполнении внешних атрибутов религиозности. Точно так же позабыв о коллективизме, наш народ стал успешно превращаться в общество индивидуалистов и быстро освоил идеологию потребительства.

Вероятно, что и вековая привычка приспосабливаться к жестким условиям жизни, природным и социальным, поможет нам духовно выжить и найти пути сохранения своей идентичности, тех нравственно-психологических ценностей и принципов, которые станут духовной основой нашей дальнейшей жизни. Хочется надеяться, что постепенно формирующееся в России гражданское общество в перспективе будет способствовать усвоению его членами политических демократических ценностей. Однако, по верному замечанию исследователя Я. Шольте, это потребует разделяемой всеми идентичности, выражающейся в единстве истории, языка, религии и т. д. [9]. И здесь следует помнить, что именно менталитет является интегральным атрибутом народа, а потому необходимо укрепить те его составляющие, которые позволят россиянам и в будущем оставаться самодостаточным и уникальным этносом.

Примечания

1. Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ от 12 декабря 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 10.01.2014).
2. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. URL: http://philosophy.ru/library/myth/levi_brul.html (дата обращения: 10.02.2014).
3. *Дюркгейм Э.* Коллективный ритуал. URL: <http://nauka-i-religia.narod.ru/religioved/garadga/text11.html> (дата обращения: 14.02.2014).
4. *Сорокин П. А.* Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 142.
5. *Гумилев Л. Н.* Этногенез – природа процесса // Природа. 1971. № 2. С. 43–50.
6. *Бердяев Н.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 31.
7. *Беломестнова Н. В.* Диахронический принцип типологии культур // Философские науки. 2006. № 2. С. 84.
8. *Карсавин Л. П.* Восток, Запад и русская идея. Пг.: Academia, 1922. С. 12.
9. *Scholte J. A.* The Globalization of World Politics // Globalization of World Politics. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 13.

Notes

1. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of December 12, 2012. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (accessed: 10.01.2014). (in Russ.)
2. *Levi-Brühl L.* Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking]. Available at: http://philosophy.ru/library/myth/levi_brul.html (accessed: 10.02.2014).
3. *Durkheim E.* Kollektivnyj ritual [Collective ritual]. Available at: <http://nauka i religia.narod.ru/religioved/garadga/text11.html> (accessed 14.02.2014).
4. *Sorokin P. A.* Chelovek, civilizaciya, obshchestvo [People, civilization, society]. Moscow. Politizdat. 1992. P. 142.
5. *Gumilev L. N.* Ehtnogenez – priroda processa [Ethnogenesis is the process nature] // Priroda – Nature. 1971, No. 2, pp. 43–50.

6. Berdyaev N. Russkaya ideya [The Russian idea]. SPb. Azbuka-klassika. 2008. P. 31.
7. Belomestnova N. V. Diahronicheskiy princip tipologii kul'tur [Diachronic principle of typology of cultures] // Filosofskie nauki - Philosophical Sciences. 2006, No. 2, p. 84.
8. L. P. Karsavin Zapad i russkaya ideya [East, West and the Russian idea]. PG. Academia. 1922. P.12.
9. Scholte J. A. The Globalization of World Politics // the Globalization of World Politics. Oxford: Oxford University Press, 1997. R. 13.

УДК 304.42

М. С. Стычинский

ОТ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА К КУЛЬТУРНОЙ ГЛОКАЛИЗАЦИИ*

Статья посвящена одному из наиболее актуальных следствий процесса глобализации – феномену культурной глобализации. Культурные различия являются одной из наиболее важных причин мировой напряженности и конфликтности. Поиск формата мирного общечеловеческого существования становится объективной необходимостью в условиях наличия средств массового уничтожения. Популярная некогда политика мультикультурализма привела к усугублению и без того напряжённой ситуации сосуществования множества культур в ограниченном пространстве. Политика культурной глокализации представляется в сложившихся условиях единственно возможной моделью, способной сохранить мир.

The article covers one of the most actual consequences of the world globalization – a phenomenon of cultural globalization. Cultural differences are one of the most important causes of global tension and conflicts. Searching for a new format peaceful universal existence becomes an objective necessity in the presence of weapons of mass destruction. The policy of multiculturalism has led to the worsening of the already tense situation of coexistence of many cultures in a confined space. Politics cultural glocalization seem under the circumstances the only possible model that could save the world.

Ключевые слова: культурная глобализация, мультикультурализм, толерантность, культурная глокализация, культурно-цивилизационные основания.

Keywords: cultural globalization, multiculturalism, tolerance, cultural glocalization, cultural and civilizational grounds.

Описывая настоящий момент в истории человечества, мы не можем не упомянуть очень важную его отличительную особенность: явление глобализации. Единого и разделяемого всеми современными исследователями определения этому явлению на данный момент не существует, однако в общем виде глобализацию все же можно представить как процесс общемировой интеграции, направленный на формирование системы единого человечества. Можно долго спорить о том, хорошо это или плохо, нужно ли самому человечеству такое объединение или нет, равно как и ставить под сомнение сам факт существования глобализации как таковой, но целый ряд изменений, произошедших с мировым сообществом в течение последних двух-трех столетий, дает нам право сделать вполне определенные выводы об *объективном* характере феномена глобализации [1].

Остановимся на них подробнее. Начиная с середины XIX в. в мире наблюдается прогрессирующий рост человеческой численности, которая возросла с 1130 млн до 6 млрд человек к началу XXI в., т. е. практически в 6 раз. Важно отметить, что пригодное для проживания людей пространство фактически осталось неизменным, что в свою очередь неизбежно привело к увеличению плотности населения Земли. Одновременно активно шло развитие средств массовой коммуникации: от телеграфа и телефона до спутникового телевидения и глобальной сети Интернет – 2,7 млрд пользователей к 2014 г. (по данным интернет-портала «Интернет в России и мире»), «опутавшей» человечество плотной «паутиной» коммуникативных связей. В это же время активно росла протяженность транспортных сетей – общая длина только железных дорог в мире увеличилась с 2,4 тыс. км в 1836 г., до 1145,1 тыс. км 1985 г. [2], т. е. почти в 477 раз (!), не говоря уже об автомобильных, воздушных и морских путях сообщения. Кроме того, сильно видо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»), проект № 15-23-21002.

изменились и сами транспортные средства: они стали более скоростными, вместительными и грузоподъемными, что также не могло не сказаться на увеличении количества и качества межкультурных контактов.

Совокупность данных факторов привела к значительной трансформации общественного сознания, к изменению мировосприятия, роли и места отдельного индивида в нем: мир из некогда большого, неизведанного и таинственного, превратился в «маленький шарик», голубую точку в космическом пространстве, «мир конца XX века решительно уменьшился» [3], стал, по выражению М. Маклюэна, «глобальной деревней» [4]. Таким образом, вследствие «сжимания» пространства, сопровождающегося ростом человеческой численности, неизбежно произошло увеличение количества межкультурных контактов как в материально-физическом, так и в информационном (виртуальном) пространстве.

Все упомянутые выше процессы и явления как раз и составляют каркас феномена глобализации (хотя это лишь их некоторая часть), который есть не что иное, как совокупность изменяющихся общества тенденций, направленных на формирование единого человечества. Можно сказать, что процесс глобализации носит вполне объективный и в то же время – интересубъективный характер, приводя к интенсификации межкультурных контактов, что в свою очередь заставляет человечество искать новые решения насущных проблем, хочется добавить – глобальных проблем [5].

Исследования такой новой научной дисциплины, как межкультурная коммуникация, возникшей с 60-х гг. XX столетия вследствие актуализации межкультурной проблематики, показали, что контакты между культурами, имеющими в своей структуре различные ценностно-мировоззренческие основания, чреваты возникновением конфликтных ситуаций и ростом общей напряженности. Выявление причин возникающих культурных антагонизмов заслуживает отдельного серьезного исследования, однако уже сейчас становится понятно, что основу межкультурной напряженности составляют различия в нормативно-ценностном основании культур.

Существует не одна сотня попыток определения сущности явления «культура» [6], но, несмотря на существующие различия в его толковании, большая часть исследователей подчеркивает наличие у каждой культуры своего уникального набора ценностей, норм, обычаев, стереотипов, языковых форм и религиозных оснований. Своего рода интегрирующим все сказанное в отношении культуры может служить определение, данное российским культурологом Н. Важинским: «Культура есть мировоззрение, реализованное в образе жизни» [7], из которого следует, что взаимодействие культур – это во многом взаимодействие мировоззрений. Теперь можно представить, к чему могут привести межкультурные контакты, когда в силу наличия различного мировоззрения и ценностно-нормативной базы одно и то же событие или явление будет восприниматься и интерпретироваться характерным для каждой конкретной культуры способом. Именно поэтому межкультурная коммуникация содержит в себе потенциальную возможность развития конфликта, непонимания, антагонизмов, которая будет тем вероятнее, чем значительнее различаются культуры. Большое значение при таких контактах имеют идентификационные механизмы, на эмоциональном уровне разделяющие участников коммуникации на «своих» и «чужих». Во многом сущность главной проблемы современности сформулировал еще в XIX в. русский ученый Н. Я. Данилевский: «Можно только сказать, что в новые времена, вследствие улучшений в мореплавании и вообще в средствах сообщения, сношения между народами разных типов сделались чаще, но не стали от этого несколько теснее» [8].

Еще раз повторимся, что именно процессы глобализации привели к увеличению количества межкультурных контактов, а соответственно, к необходимости поиска решения проблемы мирного общежития в условиях мультикультурности. Поскольку человеку зачастую свойственно искать наиболее простые и наименее трудозатратные варианты решения возникающих проблем, в качестве реакции на сложившуюся ситуацию на рубеже 50–70-х гг. XX в. изначально в Канаде и США, а затем и в Европе появился термин «мультикультурализм» как «идеология, пропагандирующая и поддерживающая культурное разнообразие и сохранение культурной идентичности в многонациональных государствах» [9].

Начиная с 1980-х гг. многими европейскими государствами в связи с участвовавшими контактами с представителями иных культур на своей же территории в качестве основной программы по разрешению данной ситуации была принята так называемая «политика мультикультурализма», парадигма которой заключалась в следующем: необходимо было учиться жить «параллельно» с представителями «иных» культур, принимать их такими, какие они есть, закрывать глаза на существующие культурные различия. В основе политики мультикультурализма лежал принцип *толерантности* (от лат. *tolerantia* – терпение, терпеливость, добровольное перенесение страданий) – «допущение, признание и уважение различия; моральная максима, по необходимости ведущая к поиску возможностей разрешения конфликтов и противоречий через признание права другого (других) на отличные от наших взгляды, верования, формы поведения» [10].

Таким образом, мультикультурализм предлагал формат параллельного сосуществования представителей различных культур в границах многонационального государства. Для его реализации в принципе не предполагалось никаких культурных изменений, отсутствовала сама необходимость какой-либо трансформации, от людей требовалось лишь приспособиться к новым условиям существования и научиться «закрывать глаза» на время неприятных культурных столкновений. Политика мультикультурализма выступала в качестве альтернативы жестким универсалистским подходам, предлагая, как казалось, компромиссное решение проблемы многокультурного общежития.

В последние годы многие европейские государства, а в основном именно они выступили мировыми донорами цивилизационных благ для иммигрантов из других культур, начали отказываться от проводимой долгие годы политики мультикультурализма. Вначале о ее крахе заявил премьер министр Великобритании Дэвид Кемерон, а затем немецкий канцлер Ангела Меркель и бывший французский президент Николя Саркози.

Однако посеянные за время осуществления политики мультикультурализма семена уже начали давать свои всходы, все прочнее врастая корнями в «плодородную почву» западной культуры, что еще долго будет сказываться на культурной сфере европейского континента. Дело в том, что если ранее, до начала активизации массовых перемещений людей по планете, зачастую направленных на смену постоянного места жительства и приобщение к мировым цивилизационным благам, межкультурные контакты совершались эпизодически и у людей всегда существовала возможность уйти от них на свою историческую территорию, где доминировала материнская, понятная и родная культура, то затем ситуация начала резко меняться. Мягкая миграционная политика мультикультурализма привела к ситуации возникновения на территории принимающей культуры очагов анклавности, замкнуто существующих на принципах симпатрии, сохраняющих родную для иммигрантов культуру. Фактически такие переселенцы получали доступ к цивилизационным благам принимающей их культуры, одновременно сохраняя свою собственную, превращаясь, таким образом, в своего рода инородное тело, находящееся в ткани некогда единого культурного организма. Воспользовавшись методом аналогий, можно проиллюстрировать данную ситуацию примером из медицинской практики, из которой известно, что в случае попадания в организм инородных тел они в скором времени вызывают воспаление, нарыв и последующее отторжение.

Негативные последствия проводимой политики мультикультурализма, таким образом, заключаются в том, что «культуры, не действуя вместе, сегментируются и социально замыкаются в свои группы. Эмигранты в следующих поколениях не ассимилируются. Противоположная ситуация встречается редко» [11]. Все это порождает межкультурную напряженность и повышает степень агрессивности в обществе, что в свою очередь может привести к большим межкультурным конфликтам, поскольку «убежать» из родного дома становится уже некуда. Допустим, политика мультикультурализма действительно неприменима для решения существующих глобальных проблем, но тогда возникает справедливый вопрос – какие еще альтернативы могут существовать?

Другим вариантом решения проблемы межкультурной коммуникации в условиях глобализации с теоретической точки зрения могла бы служить *тотальная культурная унификация*, представляющая противоположную крайность, граничащую, пожалуй, с утопичностью. Проекты культурного универсализма уже реализовывались локально отдельными государствами в пределах собственных границ. Наиболее характерным в этом плане является опыт Франции, который, правда, провалился под давлением общеевропейской программы мультикультурализма. Стоит также отметить, что в случае реализации сценария прихода к единой глобальной культуре, вероятнее всего, наступил бы так называемый «конец истории», прогнозируемый в 90-х гг. известным американским политологом Френсисом Фукуямой [12]. В мире резко бы снизилась напряжённость, подхлестываемая в настоящее время культурными различиями, человечество стало бы единым социальным организмом, единообразно воспринимающим окружающую действительность. Однако этот вариант развития событий на данный момент представляется крайне маловероятным по причине существования множества региональных различий, обусловленных как географическими особенностями местности проживания того или иного народа, так и такими уникальными, но в то же время достаточно плохо отрефлексированными чертами вроде ментальности и идентичности, которые в свою очередь также играют большое значение в формировании национальной культурной специфики.

Описанные выше модели решения глобальных межкультурных проблем представляются двумя крайностями: первая предлагает научиться не замечать «режущие глаз» культурные различия, оставляя всю структуру взаимоотношений культур без изменений; вторая несет в себе принципиальные революционные изменения в сфере межкультурного взаимодействия, кардинально меняющие сложившиеся коммуникативные нормы и правила поведения. Но существует

еще один – третий вариант развития, который одновременно предлагает как выработку общечеловеческой системы ценностей и норм поведения, так и сохранение локальной специфики той или иной национальной культуры. Речь идет о *культурной глокализации*.

Сам термин *глокализация* начал входить в научный лексикон с 1992 г., когда в свет вышла книга английского социолога Роланда Робертсона под названием “Globalization: Social Theory and Global Culture” [13]. Фактически глокализация означает дуалистический процесс смешения глобального и локального, в ходе которого вырабатывается новая парадигма общечеловеческого взаимодействия в условиях глобализирующегося мира: «...это глобализация локального, и локализация глобального, объективная сцепленность локального, регионального и собственно глобального» [14]. Действительно, многими современными учеными отмечается парадоксальная на первый взгляд ситуация, характеризующаяся разнонаправленными тенденциями: с одной стороны, под воздействием процессов глобализации с их опутывающими человечество коммуникационными сетями происходит объединение человечества в единый социальный организм, с другой стороны, наблюдается противоположный процесс поиска локальной, национальной идентичности, что в свою очередь ведет к росту межкультурной напряженности. Может возникнуть справедливый вопрос: как такое возможно и к чему это может привести?

Дело в том, что интегрирующие человечество глобализационные тенденции, как мы уже показали выше, имеют вполне объективный характер, а в силу своей интерсубъективности не поддаются контролю со стороны субъектов, подверженных их влиянию. Появившийся интерес к национальным традициям, нормам, религиозно-мировоззренческим взглядам, с одной стороны, вызван инстинктом самосохранения, причем не только и не столько сохранения своего физического тела, сколько сохранением своей культурной идентичности, своих ценностей, своего мировоззрения; с другой стороны, не второстепенную роль здесь играют процессы самоидентификации индивида в новых условиях. Действительно, широко известно, что при попадании в атмосферу иной культуры, иных нравов человек в большей степени начинает понимать не чужую культуру, а свою собственную, ярко проявляющуюся на ее фоне. То же происходит и в глобальных масштабах, когда встретившиеся в результате процессов глобализации представители разных культур осознают свою несхожесть, «инаковость», в результате чего происходит обращение к своей культуре, в поисках ответа на вопрос: «Кто я в этом глобальном мире и какова моя идентичность?» Следующим за этапом культурного самоосознания должен наступить этап выработки нового глобального общечеловеческого договора, о котором в последнее время довольно часто пишут многие специалисты.

Культуры уникальны и разнообразны, так же как разнообразны и сами их «носители», каждая из культур обладает своей спецификой, своими особенностями и характерными чертами. В то же время мировая действительность требует выработки единого для всего человечества культурно-мировоззренческого и ценностного основания, которое должно служить барьером на пути конфликтов и межкультурных антагонизмов, которые, учитывая наличие средств массового уничтожения, могут привести к полной гибели человечества. Сейчас, вероятно, трудно представить, как добиться такого единства, однако, как отмечает российский философ и специалист в области теории глобалистики А. Н. Чумаков, на данный момент уже в определенной степени начало формироваться единое культурно-цивилизационное основание и соответствующие ему нормы поведения, свободные от религиозных и иных мировоззренческих особенностей [15]. Все это хорошо прослеживается при взаимодействии больших человеческих масс «в аэропортах, на вокзалах, в супермаркетах и других общественных местах, где люди ведут себя “как все”», где забываются культурные различия и на первый план выходит общечеловеческая идентичность [16].

Таким образом, на данный момент мы имеем ситуацию единства в многообразии: одновременное сближение (глобализация) и отталкивание (локализация), что в сумме дает новый формат человеческого взаимодействия – единство при сохранении локальной культурной надстройки над общим культурно-цивилизационным основанием. Данную ситуацию хорошо иллюстрирует пример наличия межатомарных связей между частицами, которые при сближении отталкиваются друг от друга, но в то же самое время удерживаются силами притяжения, представляя собой единое целое.

Подводя итог, можно сказать, что путь решения проблемы межкультурного взаимодействия в рамках всего человечества лежит от мультикультурализма, через культурную глобализацию, к культурной глокализации. Иными словами, «перед вызовами глобализации в более выгодной ситуации окажутся те страны, где первостепенное внимание уделяют культуре» [17] и её переосмыслению в контексте современных мировых тенденций. Тогда главная задача нынешнего и будущих поколений состоит в осознании кардинальных проблем существования в условиях мультикультурализма и выработке общих культурно-цивилизационных оснований общественного развития.

Примечания

1. Куда движется век глобализации? : сб. статей, Волгоград, 2014. С. 400.
2. Сотников Е. А. Железные дороги мира из XIX в XXI век. М., 1993.
3. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 16.
4. Маршал Маклюэн. Галактика Гутенберга. Киев, 2004.
5. Global Studies Encyclopedic Dictionary / edited by Alexander N. Chumakov, Ivan I. Mazour and William C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Editions Rodopi B. V., Amsterdam; New York, 2014. XI, 531 pp.
6. Kroeber A., Kluckhohn C. Culture: A critical review of concepts and definitions. Harvard University Printing Office, 1952. 223 p.
7. Важинский Н. П. К вопросу об определении термина «культура» // Аналитика культурологии. 2010. № 16.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2011. С. 130.
9. Русских Л. В. Мультикультурализм: интеграция или раскол? // Вестник ЮУГУ. 2013. Т. 13. № 1. С. 174.
10. Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М., 2003. С. 1017.
11. Белас Л., Беласова Л. Мультикультурализм в глобализирующемся мире // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 7. С. 8.
12. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2010.
13. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. SAGE, 1992.
14. Гречко П. К. Социокультурная универсальность в историческом бытии человека и общества // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 6–16.
15. Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в современном мире // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 35–42.
16. Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М., 2006. С. 217.
17. Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2. С. 180.

Notes

1. Kuda dvizhetsya vek globalizacii? : sb. statej - Where is the age of globalization?: coll. of art. Volgograd. 2014. P. 400.
2. Sotnikov E. A. ZHeleznyye dorogi mira iz XIX v XXI vek [Railways of the world from the nineteenth to the twenty-first century]. M. 1993.
3. Utkin A. I. Globalizaciya: process i osmyslenie [Globalization: the process and reflection]. M. 2001. P. 16.
4. Marshal McLuhan. The Gutenberg Galaxy. Kiev. 2004.
5. Global Studies Encyclopedic Dictionary / edited by Alexander N. Chumakov, Ivan I. Mazour and William C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Editions Rodopi B. V., Amsterdam; New York, 2014. XI, 531 pp.
6. Kroeber A., Kluckhohn C. Culture: A critical review of concepts and definitions. Harvard University Printing Office, 1952. 223 p.
7. Vaginskiy N. P. K voprosu ob opredelenii termina "kul'tura" [To the question about the definition of the term "culture"] // Analitika kul'turologii - Analysis of cultural studies. 2010, No. 16,
8. Danilevsky N. Ya Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. M. 2011. P. 130.
9. Russkikh L. V. Mul'tikul'turalizm: integraciya ili raskol? [Multiculturalism: integration or conflict?] // Vestnik YUUGU - Herald of YUSU. 2013. Vol. 13, No. 1, p. 174.
10. Globalistika: ehnciklopediya - Globalistics: an encyclopedia / editor-in-chief I. I. Mazur, A. N. Chumakov. M. 2003. P. 1017.
11. Belas L., Belasova L. Mul'tikul'turalizm v globaliziruyushchemsya mire [Multiculturalism in a globalizing world] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta - Herald of Vyatka State University of Humanities. 2014, No. 7, p. 8.
12. Fukuyama F. Konec istorii i poslednij chelovek [The end of history and the last man]. M. 2010.
13. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. SAGE, 1992.
14. Grechko P. K. Sociokul'turnaya universal'nost' v istoricheskom bytii cheloveka i obshchestva [Sociocultural universality in the historical Genesis of man and society] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta - Herald of Vyatka State University of Humanities. 2014, No. 6, pp. 6–16.
15. Chumakov A. N. Kul'turno civilizacionnyj dialog kak sposob resheniya problem v sovremennom mire [Cultural and civilization dialogue as a way of solving problems in the modern world] // Voprosy filosofii - Questions of philosophy. 2013, No. 1, pp. 35–42.
16. Chumakov A. N. Metafizika globalizacii. Kul'turno civilizacionnyj kontekst [Metaphysics of globalization. Cultural and civilization context]. M. 2006. P. 217.
17. Chumakov A. N. Kul'tura i vyzovy globalizacii: novye podhody [Culture and the challenges of globalization: new approaches] // Vek globalizacii - Age of globalization. 2011, No. 2, p. 180.

БИБЛЕЙСКО-ФИЛОСОФСКОЕ ПОСТИЖЕНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА

В статье рассматриваются основополагающие вопросы христианской нравственности, морального сознания и библейского основания этических представлений современного российского общества. Во все времена вопросы культуры, нравственности, проблемы человека как такового оставались одинаково важными. В современной философии идея стремления человека подчиняться чему-либо значительно больше, чем жизненная данность, высказывалась неоднократно. Возрождение русской национальной духовности неотделимо от возврата к библейским ценностям и принципам в общественной и религиозной жизни, образовании, искусстве. Для постижения христианства возникает необходимость осмысления ценностных ориентиров человека, выраженных в вере как чувстве нравственности, взаимосвязи интеллекта и духа. Диалектика соотношения философской и христианской этики по вопросам разума, добра и зла, поведения человека в социуме проявляется в истории развития мыслительной деятельности человечества.

The article discloses the foundational issues of Christian morality, thinking and biblical grounds for ethical notions of the contemporary Russian society. At all times, issues of culture, morality, human problems remained very important. In modern philosophy the idea of human desire to obey anything much larger than life for granted, was expressed repeatedly. The revival of Russian national spirit is inseparable from the return to biblical values and principles in the social and religious life, education, the arts. It becomes necessary. To comprehend Christianity for understanding the values of human faith as expressed in the sense of morality, intellect and spirit relationship. The dialectic of the relation of philosophical and Christian ethics on reason, good and evil, human behavior in society is manifested in the development of mental activity of mankind.

Ключевые слова: Библия, нравственность, моральное сознание, христианство, Десять заповедей, национальная духовность.

Keywords: the Bible, morality, moral consciousness, Christianity, the Ten Commandments, national spirit.

Наиболее сложным объектом философского постижения христианства является нравственный мир человека. Как сказано в Евангелии, «тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь, и немногие находят его» (Мат. 7:14). Идея равенства людей для осуществления стремления к бесконечному совершенствованию и свободе содержится в Ветхом и Новом Заветах, в «золотом правиле», требующем отношения к другому человеку, как к себе: «Итак, во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...» (Матф. 7, 12). Такое отношение – основа связи между людьми, которая называется любовью («люби ближнего, как самого себя»). Как основа нравственного поведения «золотое правило» всегда было объектом пристального внимания философов.

В процессе развития общества постоянно идет полемика между религиозной и философской моралью: религиозная – связана исключительно с Божественными заповедями, а моральная теория, сформулированная философией, утверждает, что религиозная вера не играет существенной роли в процессе формирования нравственности. Христианская этика и мораль опираются на новую личность, живущую в обществе согласно правилам христианской веры и проповедующую христианскую теорию всеобщей любви. Диалектика соотношения философской и христианской этики по вопросам разума, добра и зла, поведения человека в социуме проявляется в истории развития мыслительной деятельности человечества. Этика во все времена пыталась сформулировать основные принципы морального поведения, и всегда была неотъемлемой частью человеческой культуры. Так, Платон в сочинении «Государство» доказывает, что «благая жизнь состоит в гармонии души, то есть разума, духа и желания; счастье и процветание человека зависит от морально благой жизни, в сочетании с добродетелями». [1]. Аристотель в своих трудах об этике утверждает, что «главной целью человеческой жизни является счастье как деятельность в согласии с разумом на основании моральных добродетелей. Только при условии веры в Бога и знания Его заповедей человек и общество признают существование моральных требований [2].

Культура поведения человека всегда выделялась по этически-моральному критерию. Согласно софистам, культура «есть сфера произвольного, она включает те законы и обычаи, которыми люди по своему усмотрению руководствуются в своих взаимоотношениях, и то, что они де-

лают с вещами для своей пользы, но не вытекает из физической природы этих вещей» [3]. Поэтому культура входит в предмет этики, к которой относится все, что не относится к природе. Основой этики Э. Канта является убеждение, что моральное сознание является абсолютной необходимостью, что нашло отражение в его труде «Критика практического разума» [4]. Однако с середины XIX в. К. Маркс и Ф. Ницше с разных теоретических позиций приходят к выводу, что мораль представляет собой обман. По Марксу, мораль – иллюзорная, превращенная форма общественного сознания, прикрывающая аморальность жизни и обслуживающая интересы господствующих классов. Поэтому трудящиеся нуждаются не в теории морали, а в освобождении от нее [5]. Ницше видел в морали выражение рабской психологии, воплощение слабой воли, унижения человека.

Современные этические представления в России основаны на альтернативе религиозно-философского и социально-исторического пониманий морали, а на Западе – на основе альтернативы «кантианства» и «утилитаризма», то есть Кант предполагал, что поступок человека приобретает моральное качество, если он совершается ради долга, из уважения к моральному закону. Этический анализ деятельности человека устанавливает меру нравственности и ставит два основных вопроса: откуда берутся цели деятельности и какие конкретные цели являются нравственными. В свою очередь, цели трансформируются в конкретные материальные действия человека.

Десять заповедей Священного Писания дают нравственную основу человеческой душе, а человек имеет свободу выбора – подчиняться или не подчиняться нравственным законам. При этом нравственная свобода налагает на человека ответственность за свои поступки. Нарушение заповедей Бога ведет к духовному и физическому вырождению и страданию. Так, например, прародители человечества Адам и Ева нарушили заповедь Божию, в результате чего жизнь людей наполнилась преступлениями и несчастьями; в жизни человечества были Всемирный потоп, уничтожение городов Содомы и Гоморры, разрушение Иудейского царства и другие бедствия, которые были даны в наказание за грехи людей. Десять заповедей Божиих лежат в основе всех древних и современных этических норм, о которых повествует книга Исход в главах 19, 20, 24. Десять заповедей (Декалог, Десятисловие) представляют собой десять основных нравственных предписаний, которые в том или ином виде были восприняты авраамическими религиями – иудаизмом, христианством, исламом. Электронная еврейская энциклопедия отмечает, что «Десять заповедей названы асерет ха-дварим (עֲשָׂרֵי הַדְּבָרִים – «десять слов»; Исх. 34:28; Втор. 4:13; 10:4), в раввинистической литературе (Талмуд и другие источники) – термином асерет ха-дибброт (עֲשָׂרֵי הַדְּבָרִים – «десять речений»), который вошел в современный иврит, или просто дибброт» [6].

Большую роль Десять заповедей играют и в христианском учении, что нашло свое отражение в Евангелиях и Посланиях Апостолов (Матф. 19:18–19; Рим. 13:9). Отцы Церкви полагали, что эти предписания были известны человечеству еще до их провозглашения и кодификации на Синае. Известные деятели схоластической мысли Фома Аквинский и Бонавентура утверждали, что Десять заповедей представляют собой необходимый элемент естественного порядка вещей, который был повержен после грехопадения. С XIII в. Декалог становится центральным объектом исследования в христианских трудах и догматах Церкви. Одним из результатов Реформации явилась первенствующая роль Десятисловия в изложении основ христианской нравственности. Тридентский собор (1545–1563) постановил, что от Церкви следует отлучать тех, кто отрицает важность Десяти заповедей для личного благочестия. Как писал Э. Ренан, «Десять заповедей – это достояние всех народов мира, и они вовек останутся заветом Божиим» [7]. В Заповедях есть определенная последовательность: первые четыре повествуют об обязанностях человека по отношению к Богу, следующие пять определяют взаимоотношения между людьми, последняя заповедь призывает к чистоте мыслей и желаний человека.

Таким образом, Десять заповедей дают людям нравственные правила жизни, которые сводятся к учению о любви к Богу и ближнему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумом твоим, а ближнего своего возлюби, как самого себя...» (Мтф. 22:37–40). Именно Вера Библии (Вера как жизнь в присутствии Бога) – движущая сила вечного стремления человека к совершенству, мерилom которого является совершенство Бога.

Для постижения христианства возникает необходимость осмысления ценностных ориентиров человека, выраженных в вере как чувстве нравственности, взаимосвязи интеллекта и духа. Впервые *понятие «вера»* появилось в античности и было развито в трудах Аристотеля и Платона. Так, Аристотель рассматривал веру как психологическую основу убеждения, а Платон – как познавательную составляющую человеческой души. В Средние века веру стали рассматривать как философскую категорию; ее ставили в противовес знанию и исследовали соотношение рационального и иррационального; от века Просвещения до философии Нового времени рассматривалось противоречие между верой обыденной и верой религиозной, отождествление веры с законом, что придавало ей морально-этическое направление (от Августина Аврелия, П. Абеляра,

Ф. Бэкона, И. Канта до Д. Локка, Д. Юма, Б. Рассела). Психоаналитическая трактовка веры, то есть «вера в Бога есть вера в человека», и ценность веры как способности помочь людям в жизни стали основой гуманистического мировоззрения (Д. Абрамс, У. Джеймс, З. Фрейд, Э. Эриксон; С. Н. Булгаков, И. В. Киреевский, В. В. Розанов, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский и др.). Гносеологическое исследование аспектов веры, философская интерпретация соотношения веры и бытия, социально-психологические аспекты веры и религиозности, диалектика чувственного и рационального в вере – вот те вопросы, которые интересуют ученых и религиозных мыслителей последних двух веков, таких, как В. Г. Галушко, Р. М. Грановская, Б. А. Ерунов, Ю. М. Зенько, Т. А. Казанцева, А. В. Романов, С. А. Токарев, Д. М. Угринович и др. Таким образом, гносеологический подход к феномену веры в пространстве культуры прошел развитие от противопоставления веры знанию до понимания веры как обязательной составляющей процесса познания.

Возрождение русской национальной духовности неотделимо от возврата к библейским ценностям и принципам в общественной и религиозной жизни, образовании, искусстве. Известный философ И. В. Киреевский пытался привнести своим современникам идею русской культуры, которая «не имеет ценности без ценностей духовных и нравственных» [8]. Она в основе духовна, убеждал мыслитель, ибо является «культурой духа». Каждому из нас необходимо переосмыслить свои ценностные и духовные ориентиры. Размышляя о необходимости пересмотра ценностей для каждой личности, Ф. Лилиенфельд говорит, что кризис морали «заставляет нас еще раз внимательно оглянуться назад, на пройденный путь, может быть, там мы найдем то, что поможет решить эти новые задачи». Действительно, изучая прошлое, мы постигаем настоящее, осознаем те процессы, которые происходят в нашей жизни сегодня. Человек «открывает и изменяет мир и самого себя через культуру» [9]; вне культуры он не может реализовать свой духовный потенциал.

Во все времена вопросы культуры, нравственности, проблемы человека как такового оставались одинаково важными. В современной философии идея стремления человека подчиняться чему-либо значительно большему, чем жизненная данность, высказывалась неоднократно (Г. Марсель, Т. Манн и др.). По мысли Гегеля, человек духовный, в отличие от «естественного», «возвышается» над природой, он умеет познавать мир, различать и понимать добро и зло, а также творить прекрасное. Общечеловеческие духовные ценности, к которым приобщается человек в течение жизни (Истина, Добро, Любовь и Красота), утверждались в человеческом общежитии на протяжении тысячелетий. Эти универсалии, по мысли Л. А. Шумихиной, являются смысложизненными, поскольку они «придают бытию любого всеобщий смысл общечеловеческой значимости, без которого наше бытие перестает быть подлинно человеческим, то есть духовным... В жизни, – разъясняет философ, – важна не категория добра, но доброта в значении нравственной характеристики индивидуального качества конкретного человека, не истина, но верность принципу истины в конкретной познавательной ситуации и не абстрактное суждение о том, что есть красота, а личное чувство прекрасного, способность увидеть, услышать, почувствовать гармонию мира...» [10]. Поэтому важно духовно воспитывать, просвещать человека, пробуждая в нем духовные переживания, открывать доступ к разумному, доброму, вечному.

Библия в христианстве определяется латинской формулой “norma normans non normata”, что означает «норма нормирующая, но не подверженная нормированию». Известный католический автор Даниель-Роп говорит о Библии как о «единственной книге, абсолютно неисчерпаемой, книге Бога и человека» [11]. Мы уверены, что нравственно-ценностные доминанты Священного Писания наполняют жизнь человека смыслом, дают силы для духовного созидания и в этом выражается библейско-философское постижение нравственности христианства.

Примечания

1. Гусейнов А. А. История этических учений. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Gusein/_19_2.php (Дата обращения 22.05.2013) С. 128.
2. Гусейнов А. А. Этика и мораль в современном мире. URL: <http://lib.rus.ec/b/413161/read> (Дата обращения 23.05.2013).
3. Яхонтов И. Изложение и историко-критический разбор мнения Р. о происхождении еврейского единобожия // Яхонтов И. Прибавления к Творениям св. отцов. М., 1884. Ч. XXXIII. С. 22.
4. Ивановская О. В. Вера как феномен культуры. URL: http://dibase.ru/article/23012012_ivanovskayaov/2 (Дата обращения 20.05.2013) С. 7–18.
5. Лилиенфельд Ф. В поисках идеала // Вопр. лит. 1989. № 6. С. 186–198.
6. Мальтер Р. К истории возникновения «Основоположения к метафизике нравов» и «Критики практического разума» // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. Т. 3. М., 1997. С. 7–18.
7. Мир политической мысли: в 4 ч. / под ред. А. К. Голикова, Б. А. Исаева, В. Е. Юстужева. Ч. 1. Русская политическая мысль. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 1994. С. 22.
8. Платон. Государство // Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 31.

9. Шумихина Л. А. Русская духовность: в 3 т. Т. 1. Рождение русской духовности. Екатеринбург: Изд-во Т. И. Возяковой, 2002. С. 186–198.
10. Электронная еврейская энциклопедия. URL:<http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=13178&query=%CF%D0%C5%C2%CE%C4> (Дата обращения 15.02.2014). С. 20–22.
11. Daniel-Rops. Que est ce que la Bible. Paris, 1955. С. 7.

Notes

1. Huseynov A. A. Istoriya ehticheskikh uchenij [History of ethical doctrines]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Gusein/_19_2.php (accessed 22.05.2013) P. 128.
2. Huseynov A. A. Ehtika i moral' v sovremennom mire [Ethics and morality in the modern world]. Available at: <http://lib.rus.ec/b/413161/read> (accessed 23.05.2013).
3. Yakhontov I. Izlozhenie i istoriko kriticheskiy razbor mneniya R. o proiskhozhdenii evrejskogo edinobozhiya [Summary and historical critical analysis of the views of R. on the origin of Jewish monotheism] // Yakhontov I. Pribavleniya k Tvoreniam sv. otcov – Adding to the works of the Holy fathers. M. 1884. Pt. XXXIII. P. 22.
4. Ivanovskaya O. V. Vera kak fenomen kul'tury [Faith as a cultural phenomenon]. Available at: http://dibase.ru/article/23012012_ivanovskayaov/2 (accessed 20.05.2013) Pp. 7–18.
5. Lilienfeld F. V poiskah ideala [In search of the ideal] // Vopr. lit. – Questions of lit. 1989, No. 6, pp. 186–198.
6. Malyper R. K istorii vozniknoveniya "Osnovopolozheniya k metafizike nravov" i "Kritiki prakticheskogo razuma" [History of the "Foundations for the metaphysics of morals and Critique of practical reason"] // Kant I. Works on Deutsch and Russian. Vol. 3. M. 1997. Pp. 7–18.
7. Mir politicheskoy mysli – World of political thought: in 4 pts. / edited by A. K. Golikov, B. A. Isaeva, V. E. Stosowa. Part 1. Russkaya politicheskaya mysl' – Russian political thought. SPb. Balt. State Technical University. 1994. P. 22.
8. Plato. Gosudarstvo [The State] // Plato. Works: in 4 vols. Vol. 3. Part 1 / under the General editorship of A. F. Losev and V. F. Asmus, translated from ancient Greek. SPb. "Publ. of Oleg Abyshko". 2007. P. 31.
9. Shumikhina L. A. Russkaya duhovnost' [Russian spirituality]: in 3 vols. Vol. 1. Rozhdenie russkoj duhovnosti [The birth of Russian spirituality]. Ekaterinburg. Publishing house of T. I. Vozyakova. 2002. Pp. 186–198.
10. Electronic Jewish encyclopedia. Available at:<http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=13178&query=%CF%D0%C5%C2%CE%C4> (accessed 15.02.2014). Pp. 20–22. (in Russ.)
11. Daniel-Rops. Que est ce que la Bible. Paris. 1955. P. 7.

УДК 1(091)(470) +111

С. П. Макаров

К вопросу о поздней философии В. С. Соловьева

В статье рассматривается проблема сущности поздней философии В. С. Соловьева. Ее особый характер становится предметом дискуссий, так как он входит в противоречие с господствующим мнением о всеохватывающей роли учения о «всеединстве» в творчестве мыслителя. В статье формулируются конкретные определения и ориентиры поздней философии В. Соловьева. Первым шагом в этой работе служит критический анализ исследований творчества мыслителя, ставших классическими. Это работы Е. Н. Трубецкова, А. Ф. Loseva, С. М. Соловьева, К. В. Мочульского. Далее учитывается историко-философский контекст, который позволяет высветить объективные новшества поздних идей мыслителя. Для этого используются работы Н. А. Бердяева и С. С. Хоружева, в которых обнажается «духовный кризис» эпохи, помогая объяснить и связать воедино малое количество различных по характеру и стилю работ философа последних лет.

The problem of the essence of the philosophy of the late V. S. Soloviev. Its special character becomes a subject of debate, as it is in contradiction with the prevailing opinion of the previously all-encompassing role of the doctrine of "unity" in the work of a thinker. The task of this article we see in the formulation of specific definitions and guidelines later philosophy of Vladimir Soloviev. The first step in this work is a critical analysis of studies of the work of the thinker, have become classics. This work E. N. Trubetskova, A. F. Losev, S. M. Solovyov, K. V. Mots-chulsky. Further, the author plunges later philosophy of Vladimir Soloviev in the historical and philosophical context, which serves to highlight the objective of innovation ideas later thinker. For this purpose, the work N. A. Berdjajaeva and S. S. Horuzheva, which exposed the "spiritual crisis" era, helping us to explain and link together a small number of different character and style of work of the philosopher in recent years.

Ключевые слова: В. С. Соловьев, поздняя философия, теория познания, всеединство, истина, истинное добро, способность к творчеству, свобода человека.

Keywords: V. S. Soloviev, later philosophy, theory of knowledge, unity, truth, true good, creativity, freedom of man.

По вопросу существования особого, позднего периода развития философских идей Владимира Соловьева высказываются различные мнения. Подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что самостоятельный поздний период его философского творчества выделять следует. Но вот в понимании качественных характеристик этого периода, а следовательно, и причин его обособления существуют разные точки зрения. Большинство из них имеют под собой веские и обоснованные доводы, проистекающие из противоречивости взглядов самого Соловьева, а также из сложности и смысловой насыщенности тех форм, в которых они были высказаны. Мы не будем углубляться в эту полемику, но укажем лишь основные ее позиции с целью внесения некоторой определенности в общий историко-философский контекст.

Итак, одна из позиций заключается в выделении позднего этапа философского творчества В. Соловьева только как хронологического. Одним из ее главных представителей является С. М. Соловьев (племянник и биограф В. С. Соловьева), который отрицает существенные изменения идей философа в заключительный период его творчества. Взглянем на периодизацию С. М. Соловьева творчества своего дяди-философа, которую он дает в книге «Владимир Соловьев: жизнь и творческая эволюция»: первый этап длится с 1874 г. до начала 80-х гг., основным содержанием он имеет борьбу против материализма и позитивизма; второй этап, длящийся до начала 90-х гг., посвящен, по его мнению, борьбе с национализмом; третий этап определяется как «синтетический», во время которого В. Соловьев возвращается к философской работе. Для этого этапа характерна, помимо прочего, критика Ницше и Толстого [1]. Однако в своей книге С. М. Соловьев большее внимание уделяет внешним обстоятельствам жизни своего дяди-философа, а в научном срезе его интерес больше культурологический, нежели философский.

А. Ф. Лосев принимает подобную, в целом, хронологическую периодизацию творчества В. Соловьева: до начала 80-х гг. – ранние философские труды (сам этот период он никак в отдельности не характеризует); 80-е гг. – сочинения церковного характера; 90-е гг. – возвращение к теоретической философии [2]. Основной чертой творчества Соловьева, в том числе и последнего периода, Лосев считает ее мистическую направленность, что, как ему кажется, подтверждается написанным в 1897 г. сочинением «Понятие о Боге (В защиту философии Спинозы)». Однако, по его мнению, только на первый взгляд, но все же выбивается из ряда мистических работ «Теоретическая философия». Ее рассуждения он не считает отличными от философских рассуждений ранних работ. Особенность ее лишь в том, что «здесь философ не ставит всех теоретических проблем в их полноте». Он считает, что Соловьев без всякого противоречия мог внести эту работу в контекст своих ранних произведений.

Особенно эта позиция кажется интересной в отношении «богочеловеческих» исканий философа, поскольку сам Лосев, несколькими страницами выше, признает значительный сдвиг в его мировоззрении: «В конце жизни В. Соловьев вдруг заговорил о том, что, кроме Бога, вовсе не существует таких (вечных. – С. М.) субстанций, что всякая субстанция состоит из случайных и относительных элементов; а вечное во всякой субстанции есть только известного рода заданность, которая может осуществиться, а может и не осуществиться» [3]. Таким образом, в позиции Лосева может быть указано противоречие: если он считает мистическую составляющую основным содержанием философии Соловьева, то почему он пропускает столь радикальное изменение в ключевом вопросе субстанциональности человека, переход от прежнего *богочеловечества* к только лишь возможному истинному существованию человека, изменение, в котором коренным для человека образом меняется его мистический статус.

Другие исследователи, напротив, придерживались мнения, что в поздний период своего творчества В. Соловьев радикально пересмотрел свои взгляды и начал формировать совершенно новую концепцию. Впервые эту точку зрения подробно обосновал Е. Н. Трубецкой в работе «Мирозерцание Владимира Соловьева». Даже свою периодизацию творчества философа он построил таким образом, что бы в ней была видна изначальная эволюционная преемственность всех трудов Соловьева. Первый период, с 1873 по 1882 г., он называет подготовительным. «В эту пору философ всецело посвящает себя теоретической разработке и обоснованию основных начал своего философского и религиозного мирозерцания». Второй период творчества Соловьева, с 1882 г. и приблизительно по 1894 г., определяется им как «утопический». В это время «Соловьев всецело отдается той практической задаче, в которой он видит не только важнейшее свое дело, но и конечную цель всего мирового процесса» [4]. И наконец, третий, последний период творчества Соловьева получает у Трубецкого название «положительного»: здесь «положительные ценности мирозерцания Соловьева, которые составляют неумирающее, вечное его зерно, – освобождаются от того временного исторического балласта, который в первые два периода деятельности философа задерживал полет его вдохновения и затемнял его глубочайшие мысли» [5].

Е. Н. Трубецкому принадлежит заслуга самого подробного и развернутого до сих пор исследования философии В. Соловьева, поэтому оно заслуживает особого внимания. Наряду с утверждением

своеобразия последних работ философа, он соглашается и с тем, что даже те из них, где новшества проявились ярче всего, во многих отношениях не противоречат старому: «Даже точка зрения “Трех разговоров”, которая наиболее резко противоречит старой теократической схеме Соловьева, в других отношениях представляет собою прямое продолжение и завершение мыслей, высказанных им смолоду» [6]. Но изменения, по его мнению, коснулись самого важного для философского мировоззрения – теории познания: задача «Теоретической философии», вместе с «Оправданием Добра» заключалась в содержательном пересмотре «Критики отвлеченных начал». Эта новая работа должна была структурно повторять «Критику». В ней должны были содержаться этика, гносеология и метафизика. «Оправдание Добра» было посвящено этике; статьи, вышедшие под общим названием «Теоретической философии», должны были составлять гносеологию. Этот большой труд не был закончен, однако план его набросан Соловьевым в заключении «Оправдания Добра».

Особенностью этого плана, как отмечает Е. Трубецкой, является высокое значение вопроса о зле: «Вопрос о зле, коего “Критика отвлеченных начал” почти не касается, здесь выдвинут на первый план» [7]. Еще более эта роль зла усиливается в «Теоретической философии», в которой *добро* представляет с *истиной* «коренное единство» и должно быть оправдано как истина. По-видимому, это и было плодом той «особой перемены в душевном настроении» [8], которая произошла с Соловьевым именно в период написания этих работ. На взгляд Е. Н. Трубецкого, она коснулась самых глубин мировоззрения философа: «Новая теоретическая философия Соловьева была задумана под впечатлением переживания, которое было всего более чуждо его раннему и среднему периоду его творчества: он всеми силами своей души ощутил “бездну”, лежащую между двумя мирами; это значило для него прежде всего понять всю схематичность, искусственность тех внешних построений, которыми он пытался заполнить ее. И мысль его волей-неволей сосредоточилась вокруг вопроса – как преодолеть эту бездну, как *построить мост между небом и землею*» [9].

Еще один исследователь, К. В. Мочульский, в работе «Владимир Соловьев. Жизнь и учение» дает свой опыт осмысления духовной биографии Соловьева. Он не делит его творчество на периоды, представляя его как находящееся в постоянном развитии [10]. В том, что касается нашей задачи – определения качественного своеобразия последних работ философа, то он признает, что, начиная с «Оправдания Добра», становится очевидным, что «его мироощущение изменилось, вера в тождество добра и исторической жизни человечества поколебалась, усилилось чувство “неудачи христианства в истории” – и вопрос о сущности зла предстал в своей трагической неотвратимости» [11]. Это и привело философа к стремлению «оправдания Добра». Однако в одноименной работе он приходит к выводу, что вопрос этот может решаться только в «метафизической системе», а Добро как Истина должно быть оправдано теоретической философией [12]. «Но Соловьеву не удалось закончить свою гносеологию. Три главы “Теоретической философии” (1897–1899) не позволяют судить о неосуществленном замысле во всем его объеме. Одно несомненно: прежнюю свою теорию познания он подвергнул еще более радикальному пересмотру, чем свою этическую систему: учение о познании, изложенное в “Философских началах цельного знания” и “Критике отвлеченных начал”, отвергается теперь целиком» [13]. Далее Мочульский пишет: «От третьего (наряду с чувственным и рациональным. – С. М.) мистического пути познания – интеллектуальной апперцепции, или интуиции, от тройственного познавательного акта, состоящего из веры, воображения и творчества, не осталось и следа» [14].

Последняя точка зрения, означающая признание перехода Соловьева к совершенно новым представлениям о познании, а значит, и к новой философской позиции в целом, кажется на первый взгляд весьма справедливой. Однако так ли это на самом деле?

А. Ф. Лосев и Е. Н. Трубецкой одинаково говорят нам об отсутствии явного противоречия между ранней и поздней философией Соловьева. И действительно, что изменилось в его взглядах? Ответ на этот вопрос поможет дать гносеология философа: в поздних работах Соловьева нет объемной критики «частных» наук и «отвлеченного» знания вообще, но как в «Теоретической философии», так и в «Трех разговорах» она (критика) имеется в виду, подразумевается; в них нет явных попыток синтеза различных родов знания в их «относительной истинности», но они, как и прежде, не отвергаются совершенно; что касается цели познания – понятия «всеединая система знания», «свободная теософия», «всеединство» больше не звучат, но взамен им приходит Истина, истинное добро, представляющее некоторое единство с Истиной, понимаемые вполне рационально, но вместе с тем и религиозно. Таким образом, внешне поздний период не имеет коренных противоречий с ранним, и вполне можно подумать, что изменения коснулись только стиля, который стал лаконичнее, строже и яснее.

На самом деле в теории познания и в философском мировоззрении вообще у Соловьева в последние годы все же происходят значительные изменения. Их действительное значение уловить достаточно сложно ввиду неосуществленности (неясности) замысла, а также ввиду дли-

тельной оторванности российской философии от развития мировых тенденций как в философии, так и культуре в целом, вне которых нельзя понять мировоззрение Соловьева, всегда мыслившего глобально. Поэтому мы видим необходимость для иллюстрации нашей позиции в отношении позднего периода философии В. Соловьева обратиться к другим мыслителям, которые могут пролить свет на характер произошедших перемен.

Итак, в своих основных поздних работах, затрагивающих проблему познания (в «Теоретической философии» и «Трех разговорах»), В. Соловьев указывает причиной именно такого изложения своих мыслей рост необходимости рационального понимания и объяснения многого из того, что раньше принималось на веру – прежде всего это нравственные нормы и религиозные догматы [15], либо вообще не ставилось в качестве проблемы [16]. Видимую им в такой тяге к неперемнной рациональности угрозу он изложил в предисловии к «Трем разговорам», но этот текст мы с трудом можем применить к проблематизации познания вообще, например для «Теоретической философии». Но вот другой русский философ, Н. А. Бердяев, в статье «Воля к жизни и воля к культуре» не менее ярко, но вместе с тем более развернуто в интересующем нас плане показал нарастающие изменения в познании и связанные с ними трансформации мировоззрения.

Основной тезис этой статьи Бердяева состоит в различении «культуры» и «цивилизации» как двух периодов в жизни человеческого общества, в продолжении которых в нем преобладают различные, а во многом и противоположные силы. Если культура – это «дух творчества», то цивилизация – это «смерть духа культуры», стремление не к творчеству, а к «власти» над жизнью.

«Во всякой культуре, после расцвета, усложнения и утончения, начинается иссякание творческих сил, удаление и угашение духа, убыль духа. Меняется все направление культуры. Она направляется к практическому осуществлению могущества, к практической организации жизни в сторону все большего ее расширения по поверхности земли. Цветение “наук и искусств”, углубленность и утонченность мысли, высшие подьемы художественного творчества, созерцание святых и гениев – все это перестает ощущаться как подлинная, реальная “жизнь”, все это уже не вдохновляет. Рождается напряженная воля к самой “жизни”, к практике “жизни”, к могуществу “жизни”, к наслаждению “жизнью”, к господству над “жизнью”. И эта слишком напряженная воля к “жизни” губит культуру, несет за собой смерть культуры... Слишком хотят “жить”, строить “жизнь”, организовывать “жизнь” в эпоху культурного заката. <...> Цель начинают полагать в самой “жизни”, в ее практике, в ее силе и счастье. Культура перестает быть самоценной, и потому умирает воля к культуре» [17]. Это происходит потому, что культура не осуществляет, не реализует «истины жизни, добра жизни, красоты жизни» в повседневной реальности. «Она осуществляет лишь истину в познании, в философских и научных книгах; добро – в нравах, бытии и общественных установлениях; красоту – в книгах стихов и картинах, в статуях и архитектурных памятниках, в концертах и театральных представлениях; божественное – лишь в культуре и религиозной символике» [18].

В эпоху цивилизации культура переходит, когда она достигает определенного пика своего развития. Переживая период «просвещения», культура переходит в цивилизацию, неся с собой двойное наследие: с одной стороны, достижения творческого разума используются как «техника» обустройства и организации жизни; другая часть – зачастую это сами идеальные основы культуры отрицаются как не имеющие практического значения, а значит, не реальные. «Перед судом реальной “жизни” в эпоху цивилизации духовная культура признается иллюзией, самообманом еще не освобожденного, зависимого сознания, призрачным плодом социальной неорганизованности» [19]. Цивилизация, таким образом, представляет собой во многом закономерное (благодаря достижениям самой культуры) стремление к власти, волю к власти: власти над природой – в ее познании и использовании; над обществом – в познании закономерности его жизни, в его организации и рациональном использовании его сил; и наконец, к власти над собой (над человеком), которая состоит в самопознании и в обуздании (предвидении) (его/своих) стихийных порывов. Однако цивилизация – в чем состоит основной пафос Бердяева – таким образом угнетает и даже старается вовсе исключить творческое начало, заменив его определенностью «реальности» и «техникой» работы с ней. Творчество перестает быть (в рамках цивилизации) прозрением гениальности, а становится только «техникой» поиска в имеющемся. Как плоды цивилизации Бердяев ставит в один ряд науку, как она сложилась в Новое время, буржуазный уклад с его цинизмом, прагматизмом и экономизмом, социализм с его наивной верой в «материализм», «футуристическое искусство», которое, с одной стороны, служит всего лишь украшению, а с другой – благодаря своей природе, сохраняя символический характер, становится символом «разложения человеческого образа» [20]. Так, человек, по мнению Бердяева, не только теряет способность к творчеству (в широком смысле, например, к творческому восприятию), но и сам «образ человека». Первыми это чувствуют художники: «В человека начинают входить предметы, лампы, диваны, улицы, нарушая целостность его существа, его образа, его неповторимого лика. Человек проваливается в окружающий его предметный мир» [21].

Соловьеву подобные экзистенциальные размышления, конечно, не были свойственны, но важная параллель с его творчеством здесь налицо. Все в «цивилизации» Бердяева является следствием воли к «жизни», воли к власти над «жизнью». Про философию он говорит, что «господство гносеологизма, методологизма и прагматизма также характерно для цивилизации. Самая идея “научной” философии порождена цивилизаторской волей к могуществу, желанием приобрести метод, дающий силу» [22]. К этой тенденции в философии он справедливо относит и В. Соловьева, что, справедливо, на наш взгляд, только за исключением его позднего периода.

В своих ранних философских работах В. Соловьев критикует «частные» и «отвлеченные» начала (науки, философии и религии), имея перед собой некий образ целого [23], под которым понимал «всеединство», стремившееся к статике, а следовательно, к пантеизму. За это он подвергался и подвергается справедливой критике. Но для нас здесь не важны те онтологические построения, в которые он был вынужден погрузиться тогда, ведомый своим методом и стремлением придать завершенность своей системе. Важно для нас то, что в своих ранних работах он был как бы внутри этого процесса овладения «жизнью», стремился к власти над «жизнью», поскольку хотел определить место всего так, «как должно», вслед за чем должна была совершиться «организация всей нашей действительности». В конечном итоге, в полном соответствии с определением Бердяева, Соловьев стремился к «реализации человеком божественного начала во всей эмпирической, природной действительности, осуществление человеком божественных сил в самом реальном бытии природы» [24].

Из этого отступления нам также становится ясным, почему именно нравственное учение было названо в его поздних работах основной целью. По-видимому, если говорить языком Бердяева, из-за того, что именно нравственная составляющая человека, его нравственная природа в наибольшей степени зависит от его способности к творчеству, к свободе.

Таким образом, мы получаем руководящий признак для выделения позднего периода философии В. Соловьева по сравнению с его ранними работами именно через идеи теории познания. Если в ранний период он тяготеет к пантеизму, осознает это и безуспешно пытается преодолеть этот недостаток своего учения, то в поздний период, не отказываясь ни от чего важного в своем прежнем мировоззрении, ему удается найти источник человеческой свободы (спонтанности), или собственно человеческую, творческую составляющую в «свободе от самого себя, от своего эмпирического Я» [25].

С другой стороны, но сходным образом, проблему «кризисности» самого строя современной жизни раскрывает С. С. Хоружий в своей книге «Опыт из русской духовной традиции». В одной из ее глав «Соловьев и Ницше в кризисе европейского человечества» [26] (само название которой говорит о многом) он указывает на то, что ощущаемый на рубеже XIX–XX вв. кризис не завершился и по сей день. «Иногда лишь снижая остроту, становясь менее заметным, он прошел через весь минувший век – и ныне мы констатируем, что кризисное сознание обострилось вновь». Сегодня можно говорить о том, что мы имеем дело не с кризисом рубежа веков, а с кризисом рубежа тысячелетий; мы «мало-помалу постигаем, что перед нами не смена времен, а некое особое время, и все фазы, прошедшие и, возможно, будущие, – не столько переходный момент, сколько самостоятельная кризисная эпоха» [27].

Наблюдая и исследуя видимые проявления «кризиса», мы начинаем понемногу приходить к пониманию того, что за «теми аспектами, что были видны вначале, лежат некие иные, более глубинные и более радикальные. Пытаясь разглядеть это *подлежащее*, ныне уже не европейского, а планетарного кризиса, различить за кризисом жизни, мысли, культуры некоторый более глубинный, *порождающий горизонт кризисного процесса* (курсив мой – С. М.), мы приходим к единственному выводу: этот глубинный и порождающий горизонт кризиса, его подлежащее – *человек*. То, что происходит с человеком, с его самостоятельным статусом как субъекта собственных действий, «приобретает решающую роль в бытии общества и культуры, в глобальной динамике современного мира». Поэтому, как считает Хоружий, «в существовании кризисной эпохи ведущей стороной становится *антропологический кризис*» [28].

И действительно, в «постпросвещенческую» эпоху, особенно после «коперниканского переворота» Канта, который, без сомнения, ознаменовал «антропологический поворот», после многолетней работы всей философии Нового времени, в которой антропологическая линия была неизменно центральной, кажется вполне закономерной деконструкция самого субъекта, что часто определяют формулой: *смерть субъекта*. Но если первоначально эта формула обозначала «демонстрацию и исчезновение метафизической и преимущественно гносеологической инстанции, «субъекта познания», бывшего на авансцене европейской метафизики от Декарта до Гегеля и почти до Гуссерля», то, в конечном итоге, смерть субъекта «начала получать более широкое истолкование, уже не гносеологическое, а антропологическое» [29]. Происходит «прямой» перенос теории в практику, что безусловно углубляет кризисные явления, поскольку «никакого нового

человека на смену покойному до сих пор не родилось. <...> Разумеется, здесь появились некоторые общеизвестные фигуры или модели: фрейдистский человек, экзистенциальный человек; можно добавить к ним и давно маячившего в искусстве романтико-символистского “многоликого” человека, наделенного множеством “индивидуальных субстанций”. Но по разным причинам они не составили достаточно основательной альтернативы прежнему человеку, не смогли стать новой базовой антропологической моделью для европейской мысли» [30].

Таким образом, во-первых, мы имеем в таком видении продолжающегося культурного кризиса дополнительную актуальность в отношении исследования философии В. Соловьева. Но главное для нас в рассуждениях С. Хоружего в другом, в сделанных им содержательных указаниях относительно философии Соловьева: Ницше он, конечно, считает более радикальным, но в «Теоретической философии» Соловьева «субстанциональный субъект ниспровергается не менее решительно и даже более основательно, чем у Ницше» [31]. Но почти здесь же Хоружий критикует Соловьева за то, что он все же пытается сохранить понятие субъекта: «русский философ использует понятие “безусловного центра” и трактует новую конструкцию субъекта как отказ “от субъективного центра ради центра безусловного”, давая ей имя “становящийся разум истины”. За этим стоит, конечно, стремление его нарождающейся феноменологии быть христианской феноменологией. Для немецкой традиции подобное стремление имеет сомнительные шансы, и, в частности, Ницше расценил бы его как явную уступку “мифологизму”» [32].

Позволим себе не согласиться с уважаемым исследователем, поскольку в «Теоретической философии» незаметно сколько-нибудь весомого религиозного фактора; в ней нет стремления к «мифологизму», а есть «логоцентризм», в смысле стремления придерживаться достоверности «чистой логики».

Упоминание о феноменологии здесь также не случайно, поскольку, по распространенному мнению, к которому присоединяется и Хоружий, соловьевская «конструкция десубстанциализированного субъекта <...> чрезвычайно близка конституции интенционального субъекта у Гуссерля, включая и наличие феноменологической редукции» [33]. (Сравнительный анализ гносеологии Гуссерля и позднего Соловьева проделан нами в статье «Основания достоверности Вл. Соловьева и Э. Гуссерля» [34].)

Подводя итог, следует начать с указания на переворот мировоззрения Соловьева в отношении к мистике – человек перестает быть действительным *богочеловеком*, в поздних работах он лишается субстанциальности, и даже человеком он может стать, а может и не стать. Проблемой становится его место в мире «техники», где отношение к нему, как и ко всему прочему, становится утилитарным, теоретическим, как к некоторому «конструкту». И единственным доказательством его самостоятельного существования, по Бердяеву и Соловьеву, остается способность к творчеству, которым для последнего является прежде всего способность *творить добро*. Однако Соловьев не удовлетворяется ускользающей экзистенциальной очевидностью и обращается к «последним» теоретическим вопросам, что и обуславливает собой его позднюю гносеологию в «Теоретической философии», а затем и другие работы последних лет.

Примечания

1. Соловьев С. М. Владимир Соловьев: жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 6.
2. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2000. С. 49, 62, 80.
3. Там же. С. 129–130, 135–136.
4. Трубецкой Е. Н. Мирозерцание Вл. С. Соловьева. М., 1995. С. 93–94.
5. Там же. С. 94.
6. Там же. С. 191.
7. Там же. С. 193.
8. Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 636.
9. Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 194.
10. Мочульский К. В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 192.
11. Там же. С. 195.
12. Там же.
13. Там же. С. 195–196.
14. Там же. С. 196.
15. Соловьев В. С. Указ. соч. Т. 1. С. 758; Т. 2. С. 638–639.
16. См. также: *Ненашев М. И.* Поздний Соловьёв: перемена в понимании природы зла и безусловной достоверности // Соловьёвские исследования: периодический сб. науч. трудов. Вып. 18 / Ивановский гос. энергетический ун-т. Иваново, 2008. С. 95–113.
17. Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 164.
18. Там же.

19. Там же. С. 167.
20. Там же. С. 135.
21. Там же.
22. Там же. С. 168–169.
23. Соловьев В. С. Указ. соч. Т. 1. С. 586.
24. Там же. С. 743.
25. Там же. С. 821–822.
26. Там же. С. 249.
27. Там же. С. 250.
28. Там же.
29. Там же. С. 251.
30. Там же. С. 252.
31. Там же. С. 261.
32. Там же. С. 262.
33. Там же.

34. Макаров С. П. Основания достоверности у Вл. Соловьева и Э. Гуссерля // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3(1). С. 16–23.

Notes

1. S. M. Soloviev Vladimir Solov'ev: zhizn' i tvorcheskaya ehvoluciya [Vladimir Solovyov: life and creative evolution]. M. 1997. P.6.
2. Losev A. F. Vladimir Solov'ev i ego vremya [Vladimir Soloviev and his time]. M. 2000. Pp. 49, 62, 80.
3. Ibid. Pp. 129–130, 135–136.
4. E. N. Trubetskoy. Mirosozercanie Vl. S. Solov'eva [The worldview of V.S. Solovyov]. M. 1995. Pp. 93–94.
5. Ibid. P. 94.
6. Ibid. P. 191.
7. Ibid. P. 193.
8. Solovyov V. S. Works: in 2 vol. Vol. 2. M. 1988. P. 636.
9. E. N. Trubetskoy. Op. Cit. P.194.
10. Mochulskiy K. V. Vladimir Solov'ev. Zhizn' i uchenie [Vladimir Solovyov. The life and teachings] // Mochulskiy K. V. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. M. 1995. P. 192.
11. Ibid. P. 195.
12. Ibid.
13. Ibid. Pp. 195–196.
14. Ibid. P. 196.
15. Solovyov V. S. Op. cit. Vol. 1. P. 758; Vol. 2. Pp. 638–639.
16. See also: M. I. Nenashev Pozdnij Solov'yov: peremena v ponimanii prirody zla i bezuslovnoj dostovernosti [Late Soloviev: the change in understanding of the nature of evil and absolute reliability] // Solov'evskie issledovaniya – Solov'ev studies: periodical collection of scientific works. Vol. 18 / Ivanovo State Energy University. Ivanovo. 2008. Pp. 95–113.
17. Berdyaev N. A. Smysl istorii [Meaning of history]. M. 1990. P. 164.
18. Ibid.
19. Ibid. P. 167.
20. Ibid. P. 135.
21. Ibid.
22. Ibid. Pp. 168–169.
23. Solovyov V. S. Op. cit. Vol. 1. P. 586.
24. Ibid. P. 743.
25. Ibid. Pp. 821–822.
26. Ibid. P. 249.
27. Ibid. P. 250.
28. Ibid.
29. Ibid. P. 251.
30. Ibid. P. 252.
31. Ibid. P. 261.
32. Ibid. P. 262.
33. Ibid.
34. Makarov S. P. Osnovaniya dostovernosti u Vl. Solov'eva i E.H. Gusserlya [Grounds of reliability in Vl. Solovyov and E. Husserl] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities. 2012, No. 3(1), pp. 16–23.

УДК 392.1(470.342)

И. Ю. Трушкова, Ю. А. Балыбердин

Трансформации ментальности и этнического самосознания населения Вятской губернии во время Первой мировой войны: история инотерриториальных влияний*

В статье исследуются особенности трансформации самосознания и появления военнопленных в Вятской губернии во время Первой мировой войны. Анализ архивных документов и экспедиционные наблюдения позволили сделать определенные выводы. В начале XX в. единое самосознание в аграрном регионе формировалось медленно и под влиянием общероссийских экономических процессов. Трансформации в этнической идентичности местного вятского населения инспирировались властями из столицы. Отношение к военнопленным немцам и славянам различалось. Осознание себя по формуле «мы – они» способствовало формированию единого самосознания только частично. Случаи конфликтов в прессе и документах чиновников отмечены. Основное население не выявляло деструкционного поведения.

The specific of transformation of identity and the war prisoners' emergence in the Vyatka province during World War I are investigated in the article. Analysis of archival documents and expeditionary observations allowed to draw certain conclusions. At the beginning of the XX century the universal identity in the agricultural region was slowly formed under the influence of the all-Russian economic processes. The transformation in the ethnic identity of the local Vyatka population was inspired by the authorities from the capital. The attitude towards war prisoners Germans and Slavs was differed. Self-awareness by the formula "we – they" helped to creation of common identity only in part. Some conflicts in the press and in official documents are marked. The main population not detected the destruction behavior.

Ключевые слова: этническая идентичность, Первая мировая война, влияние военной психологии, военнопленные в Вятской губернии.

Keywords: ethnic identity, I World War, the impact of military psychology, war prisoners in the Vyatka province.

Преобразования этнического самосознания у населения тех или иных регионов происходят по разным направлениям и в зависимости от общего хода исторического процесса на рассматриваемых территориях. Специфично в этом смысле проявляли себя в связи с этим крестьянские и посткрестьянские губернии России до 1917 г., и особенно – в период экстремального развития, во время Первой мировой войны.

Известно, что «наглядным внешним выражением этнического самосознания как на личном уровне, так и на уровне этнической общности в целом является этноним. Само наличие такого наименования свидетельствует об осознанности членами этноса их особого единства и отличия от членов других подобных общностей. Для каждого из таких единств, больших и малых, наименование является фактором, объединяющим внутри и различающим вовне» [1]. На рубеже XIX–XX вв. у населения Вятской губернии единое этническое самосознание еще не было сформированным. «Как и большинство российских губерний, Вятская губерния не представляет собою этнографического целого. Едва не половина русского населения Вятской губернии не считает себя вятчанами»... Собственно вятчанами назывались жители только центральных уездов губернии: Вятского, Котельничского, Орловского, Нолинского и части Слободского... «Кстати, заметим, что обычный у местной интеллигенции... термин “вятичи”, в смысле “жители Вятской губернии”, ничуть не народный и исторически прямо нелепый термин. Его ввели в употребление, нужно ду-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-11-43601 «Этнокультуры Российского Юга на Русском Севере: опыт взаимодействия в кон. XX – нач. XXI в. (на примере Приуралья и Кировской области)».

мать, старинные доморожденные учителя географии... “Вятчи” – древнерусское племя, ничего общего с Вяткой не имеющее» [2]. Так, единого самосознания у русского населения края в начале XX в. не выявлялось. Но оно начинало формироваться, чему способствовал единый товарный рынок, втягивание регионального крестьянства в систему рыночных отношений, экономические контакты с другими губерниями, центром страны и т. д.

Крестьянская ментальность включала сильную объединительную реакцию на внешнюю опасность. Поэтому события Первой мировой войны повлияли на складывание унифицированного восприятия самих себя, пусть даже в форме некоей оппозиции населению из далеких территорий. Это позволяет выявить как расширенное поле исследования этнографической науки, так и анализ архивных источников.

Согласно Обязательному постановлению и. о. губернатора А. Чернявского, изданному 5 августа 1914 г., на основании ст. 15 и пункта 5-го ст. 26 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия воспрещалось «находящимся в пределах Вятской губернии военнопленным германским и австрийским подданным собираться в группы, как на улицах, так и в домах. Лица, кои окажутся виновными в неисполнении или нарушении означенного постановления, подвергаются в административном порядке заключению в тюрьме или крепости на три месяца, или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до трех тысяч рублей» [3]. Обязательное постановление вятского губернатора от 5 августа 1914 г. гласило: «Кто из лиц, проживающих в Вятской губернии, позволит себе вызывающее отношение к России и союзным, воюющим с Германией и Австрией, государствам, подвергается в административном порядке заключению в тюрьме или крепости на три месяца, или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до трех тысяч рублей» [4]. Некие посылы к изменению в восприятии представителей других этносов стали исходить «сверху», от властей. Региональные власти старались поддержать межэтнический, но больше – политический баланс в коммуникации населения.

Этнокультурная ситуация в Вятской губернии в ее главном городе Вятке стала изменяться. На улицах слышалась заграничная речь, на рынках пленные подчас покупали дорогие продукты на те средства, которые им полагались «Красным Крестом» и другими организациями. Власти должны были реагировать соответственно. Уже в первые месяцы в Вятскую губернию прибыли несколько тысяч немецких военнопленных, 400 человек были оставлены в самой Вятке. Разумеется, пленных привлекали к физическому труду. «В октябре – декабре 1914 г. около 400 пленных были заняты работой по исправлению подъездных путей на станции Вятка 1-я и земляными работами по проведению железнодорожной линии Вятка – Слободской, 200 человек исправляли дороги в Орловской уезде, 200 – были заняты на заготовке дров в лесах, 130 – чистили улицы города Вятки от снега» [5]. Губернскими властями пунктуально составлялись списки военнопленных, даже с адресами жительства по уездам [6]. Военнопленные были расселены в разных уездах Вятской губернии (см. таблицу).

**Сведения о количестве водворенных в пределах Вятской губернии
военнообязанных к 1-му августа 1915 г.**

(по данным: ГАКО. Ф. 582. Оп. 191. Д. 33. Л. 243)

Уезды	Количество военнообязанных	Количество членов семьи, живущих с военнообязанными
Вятский	817	466
Глазовский	645	269
Елабужский	117	7
Котельничский	771	300
Малмыжский	234	77
Нолинский	91	25
Орловский	732	247
Сарапульский	599	–
Слободской	1086	596
Уржумский	82	21
Яранский	94	18
Город Вятка	434	435
Итого	5702	2461

В привычную картину мира вятского обывателя стали включаться иноэтнические сюжеты. Осознание этнической принадлежности бывает многозначным, в том числе и благодаря сложности, иерархичности этнической идентичности. В условиях увеличения числа контактирующих этнических культур на Вятке у местного населения срабатывало правило некоей психологической самозащиты.

В крестьянских/аграрных/традиционных/этнических культурах достаточно четко выражена бинарная оппозиция «мы – они», «свои – чужие». Во время кризисов, войн этот дуализм обостряется до предела. «Потенциально опасный “чужой” превращается в реального смертельного врага. “Они”, всегда “чужие”, иные, не до конца понятные и уже потому являющиеся источником мнимых или реальных опасностей, в экстремальной ситуации противостояния “не на жизнь, а на смерть” становятся прямым источником угрозы самому существованию общности “мы” и составляющих ее индивидов. Расплывчатый образ оборачивается вполне конкретными проявлениями несчастий, исходящих от “чужого”. Отсюда и преобладание эмоционально-субъективного начала в оценках противника: те его качества, которые у своих оцениваются как исключительно позитивные, применительно к врагу рассматриваются, как правило, в негативном ключе...» [7] Враги наделялись негативными характеристиками.

В губернской прессе стали появляться специфические публикации. «Недавно в газете “Вятская речь” сообщалось, что с прибытием в Холуницу пленных условия жизни обывателей изменились. Теперь они меняются еще больше, так как число пленных прибывает... Расплодилось нищество. А с прибытием пленных прибывает и нужда. Ржаная мука дошла до 1 руб. 15 коп. за пуд, и на понижение цены не надеются, так как число потребителей увеличивается. Огородные овощи, служившие бедному населению подспорьем, и даже лакомством, жадно истребляются пленными, так как при крайней нужде население запас их распродает, прельщаясь высокой ценой. Правда, местный пристав пишет, что, желая прийти на помощь населению завода квартирной платой от пленных, он расселил их по заводу. Посмотрим, какой и кто от этого получает доход.

Правда, в числе пленных есть люди состоятельные, которые и поселились у тех, кто живет совсем в других условиях, чем рабочие, не имеют нужды, а имеют большие дома, эти действительно наживаются и дерут такие цены за квартиры, каких Холуница никогда не видала. Бедному же населению достались бедные квартиранты, хоть плачь с ними! Вообще присутствие пленных здесь улыбается одним только торговцам» [8].

От региональных властей в столицу сразу же последовало опровержение. «Так как эта корреспонденция не отвечает действительности, по поручению Г. Главногоначальствующего, считаю нужным разъяснить, что причиной повышения на Холуницком заводе цен на муку служат в действительности не пленные, а отсутствие муки, так как по случаю дождливой погоды крестьяне лишены были возможности молотить рожь и вывозить ее для размола. Что же касается продажи огородных овощей, то населением завода продаются лишь только излишки картофеля. Военнопленные расквартированы в Холунице преимущественно у бедных домовладельцев, которые за первый месяц получили с военнопленных, по предварительному подсчету, до 800 рублей в плату за квартиры, занимаемые ими в домах-лачугах, находившихся до этого времени необитаемыми и забитыми, ввиду чего большинство бедноты из обывателей завода очень довольны расквартированием пленных, дающим этим возможность населению к безбедному существованию. И. д. правителя Канцелярии Вятского губернатора (подпись) 29 сент.» [9] Так, оппозиция в восприятии пленных в Вятской губернии в каких-то случаях искусственно выстраивалась, в том числе благодаря и средствам массовой информации.

Иногда в отношении пленных германцев местные власти проявляли чрезмерную жесткость. Так, например, в рапорте вятскому губернатору от Котельничского уездного исправника зимой 1914–1915 г. значилось, что военнопленный Поппер не являлся за получением временного для пленных вида на жительство, что старший городской получил оскорбление от Поппера, выразившееся в том, что Поппер набросился на Шатова с криком и грозил ему жестами. Хотя единственный свидетель происшедшего техник Захаров, у которого Поппер квартировал, смягчал в своем показании обращение пленного к старшему городскому. Он объяснял случившееся «вызовом к столкновению от самого городского» [10]. Разбирательство по этому делу выявило, что Поппер не являлся по болезни, к нему до этого три раза вызывали врача [11]. Разумеется, высокая температура, жар, попытка обратиться за помощью и объяснить свое нездоровье были восприняты как агрессия.

Еще один пример рассматриваемой субъективности сохранился в центральных газетах «Вечернее время» и «Русский инвалид», где в марте 1915 г. была опубликована статья «Неуместная симпатия» о жизни в той же Холунице, где, по мнению автора, на вечерах местные дамы уделяют больше внимания пленным, танцуют с ними, а не с местными же мужчинами. В объяснении от вятского губернатора в департамент полиции МВД 21 марта 1915 г. было отмечено: «Данные совершенно не правдоподобны. ...Автор записки Алексей Ельшин проживает в Петрограде, а в ноябре м-це приезжал в Холуницу за своей сестрой и, видимо, написал эту записку под впечатлением существовавших в то время кривотолков. Музыкальных вечеров военнопленными вообще не устраивалось... увлечения немцами местных барышень не установлено, местные девицы “боятся” и сторонятся немцев» [12]. Аналогичный случай якобы произошел в Вятском уезде. «От Вр.

и. д. Начальника Вятского губернского жандармского управления 8 июня 1915 г. г. Вятскому губернатору. Секретно. В селе Бахте Троицкой вол. Вятского уезда проживающие там немцы пользуются неограниченной свободой, прогуливаются целыми ночами и группами катаются на арендованной ими лодке, на что местное население сильно негодует» [13]. Внимание в рассматриваемом случае было обращено на то, что встречи происходили в позднее время, и при катании на лодке контактирования с местным населением не происходило. Рассмотренные и другие эпизоды показывают, что инициатива в обострении восприятия иноэтничных, пленных людей происходила либо от прессы, либо от чиновничества. Особых негативных действий в отношении рассматриваемой категории лиц у местного населения не обнаружено.

Специфично в Вятской губернии во время Первой мировой войны строились собственная идентичность и восприятие врага. С одной стороны, работали такие закономерности. «Враг должен быть “плохим”, потому что иначе война в нравственном (и психологическом!) отношении вообще оказывается невозможной: убийство человека находится за пределами общепринятых норм человеческой морали, религиозной этики и здоровой психики... В общественном сознании (в том числе и в массовом бытовом) враг наделяется свойствами, “противными человеческой натуре”. Действительно отрицательные его качества гипертрофируются, а качествам, по обычным “мирным” меркам оцениваемым положительно, придается негативный смысл» [14]. Вероятно, тыловое расположение региона, а также посткрестьянская и крестьянская ментальность не приводили к радикальным идеям и действиям.

В условиях продолжения формирования единого самосознания оформлялось и понятие границ этничности. «Центральным моментом порождения этничности, а значит, и появления группы (а не просто описанного культурного комплекса) является категория *границы* (выделено нами. – И. Т., Ю. Б.). ...Этничность – это, прежде всего, то, что относится к осознанию культуры, ее использованию как ресурса, и в то же время она является частью культуры» [15]. Однако такие этнические границы также находились в процессе оформления.

В целом враждебность в прессе по отношению к немецким военнопленным в Вятской губернии можно считать еще не самым крайним проявлением негатива по отношению к противнику. Вероятно, это объясняется тыловым характером территории и крестьянской (созерцательной) ментальностью. Известны случаи, когда расквартированные в Вятке военнопленные так подружились с хозяевами своих квартир, что переписывались после отъезда из города вплоть до конца 1920-х гг. [16] В этом проявляются особенности трансформации самосознания населения в «серединных»/провинциальных территориях.

В ситуации расширения обычного круга жизнедеятельности у жителей края стало меняться отношение хотя и к «далеким» иностранцам, военнопленным, но все-таки «братьям-славянам».

Среди военнопленных в России славяне составляли примерно половину. Особого внимания российского правительства были удостоены чехи и поляки. Поняв, что война затягивается на неопределенный срок, оно рассчитывало внести раздор в стан врага, оказывая покровительство части пленных (славянам, итальянцам, румынам, эльзасцам)... Для поляков, чехов и словаков в августе 1917 г. были установлены особые льготы. Им предоставлялось право взаимного общения, производство покупок на местных рынках, прогулки вне лагеря под надлежащим надзором, переписка на родном языке при соблюдении правил цензуры. Разрешалось посещать богослужения, образовывать кассы взаимопомощи... Разрешалось перемещение из одного лагеря в другой, совместное водворение братьев и близких родственников, а также предоставлялось право вступать в брак на основании установленных на этот счет особых правил [17]. С точки зрения этнических контактов это могло привести к большей сохранности славянской этничности и позитивным контактам славянских народов.

В Вятской губернии все действия по отношению к военнопленным-славянам по-прежнему осуществлялись согласно предписаниям властей. Составлялись списки военнопленных-славян [18]. Особое значение имели циркуляры о переходе военнопленных славян в российское гражданство. Так, в телеграмме вятскому губернатору от 20.08.1915 г. значилось, что согласно «Высочайше утвержденному 28 июля журналу Совета министров проживающие в пределах империи австрийские подданные славянских национальностей могут быть ныне принимаемы русское подданство порядке статьи 848 Зак. сост. для сего им надлежит подавать вам соответствующие прошения документами гербовым сбором, каковые сведения личностях и заключением прошу без замедления мне представлять номер 2764 = Министр внутренних дел Маклаков» [19]. При этом в текстах наблюдалась именно апелляция к самосознанию людей. «МВД. Департамент полиции. Вятскому губернатору. 13 марта 1915 г. Для облегчения положения военнообязанных славян, австрийских, венгерских и германских подданных, ввиду исключительных условий настоящей войны, когда славянские народы вынуждены сражаться со своими единоплеменниками...» [20]. Во фразах также проявлялось обращение к общеславянской идентичности.

Многие австрийские и германские подданные в Вятской губернии решали воспользоваться льготами по переезду в другие регионы. «В. Нужное. В Департамент полиции. 7 апр. 1915 г. От военнообязанных австрийских и германских подданных славянского происхождения ко мне в огромном количестве поступают прошения последних о разрешении им выезда из пределов Вятской губернии в другие местности, избранные ими для жительства. Но они никаких доказательств своего славянского происхождения не имеют...» [21] Стали использоваться различные ограничения. «МВД. Департамент полиции. Вятскому губернатору. 24 августа 1915 г. Высочайшее повеление об облегчении участи славян на румын не распространяется» [22]. Некоторые военнопленные славянского происхождения уехали из Вятской губернии. Одному из них – Хандлярику – было разрешено уехать в г. Курск 1 июля 1916 г., другому – Гачеку – в Тверскую губернию 2 марта 1917 г. [23] Переписка губернатора с исправниками о работе уполномоченных шведского Общества Красного Креста среди военнопленных славяно-польского происхождения в Орловском уезде в 1916 г. включает такую запись. «Совершено секретно. Вятскому Губернатору Орловского уездного исправника рапорт. Дворянка Казимира Малаховская из города Петрограда прибыла 3 апреля на ст. Мураши, а 4 апреля взывала к себе военнообязанных славянского происхождения, с которыми вела беседу о размере получаемого ими пособия и вообще о их жизненных условиях». То же самое она делала и в селе Чудиново, и в городе Орлове. Потом пароходом отбыла в город Вятку [24]. Жившие в северном вятском пограничье столыпинские переселенцы – эстонцы и латыши – в первые десятилетия XX в. жили достаточно обособленно и сохраняли традиционное самосознание [25].

Общеславянское родство было более понятным местному населению. Но опять инициатива контактов и каких-либо действий принадлежала властям, а не отдельным конкретным личностям или микросообществам. Последним приходилось «встраиваться» в новые «повестки дня».

Так, культурное контактирование и взаимное восприятие местного вятского населения, с одной стороны, а с другой стороны, германцев и славян из Австро-Венгрии проходило стадию «вживления», адаптации. Немцы в Приуралье появились с петровских времен, инженеры на заводах, мастера на производстве – они не были неизвестными для местного населения. Славяне, вероятно, воспринимались в рамках расширяющегося «русского мира», включавшего до 1917 г. великороссов, малороссов и белорусов; расширявшегося после освобождения болгар, славянофильства и т. д. Поэтому, наверное, восприятие «новых» в регионе этносов не начиналось с «белого листа», хотя и отягощалось негативом психологии войны.

Но во время Первой мировой войны в Вятскую губернию приезжали не только активисты для ревизии состояния «своих» пленных. Так, властями Вятской губернии на Ижевский и Воткинский заводы был послан циркуляр о «недопуске» туда не только германских и австрийских подданных, но и китайских, о запрете пролетов аэропланов [26]. Почему-то и представители «Поднебесной» в то время стали проявлять интерес к региональной промышленности.

В 1915 г. в Вятскую губернию приехал и американец Чадберн. «МВД. Департамент полиции. Вятскому губернатору. 20 ноября 1915 г. В дополнение к отношению от 11 июля с. г. Департамент полиции уведомляет Ваше Превосходительство, что ныне Министерством внутренних дел разрешено американскому гражданину Чадберну посещать неприятельских подданных во вверенной Вам губернии с целью оказания им материальной поддержки, при обязательном условии присутствия при этом чина губернской администрации без права производства Чадберном фотографических снимков... Принимая во внимание, что Министерством внутренних дел не давалось названному иностранному гражданину разрешения на посещение мест расселения неприятельских подданных, Департамент полиции просит Ваше превосходительство 1 июля 1916 г. ...по прибытии Чадберна никакого содействия для исполнения возложенного на него поручения не оказывать» [27]. В другом документе значится, что Посольство Северо-Американских Соединенных Штатов возбудило ходатайство разрешении его делегату мистеру Чадберну посетить с целью оказания благотворительной помощи военнопленным, находящимся в следующих пунктах: Глазове, Сарапуле, Елабуге и Яранске [28]. Бюро помощи американского посольства раздавало некие суммы на содержание военнопленных в Вятской губернии. Имеются целые списки получивших финансовую помощь, по уездам губернии и за несколько месяцев 1917 г. [29] Ревизионную активность в 1917 г. через Общество Красного Креста стали проявлять и шведы [30]. Однако во время Первой мировой войны взаимодействие проходило либо в минимальной степени, либо равнялось нулю.

Таким образом, во внутреннем, провинциальном культурном пространстве в индустриальную эпоху стали проявляться черты выхода на глобальный уровень. Это происходило и посредством такого экстремального способа, как война. Этнополитическая ситуация была под контролем, особых конфликтов с прибывшими военнопленными не фиксировалось. Даже наоборот, не всегда контакты с пленными, носителями далеких от Вятки этнических традиций, заканчивались конфликтами.

Трансформации, дальнейшее оформление этнического самосознания происходили во время коммуникации с представителями других территорий. Фактор дополнительных рисков, связанных с войной, выступал весомым дополнением к этому основному мотиву. Формирование единого самосознания, кроме экономических причин, стало усиливаться и из-за внешней опасности, но все-таки во время Первой мировой войны и последующих революции и Гражданской войны оно не сложилось. Оно оформилось лишь в период социализма, с установлением четкой индустриальной основы и выразилось в едином для всей жителей уже Кировской области – «кировчане». В этом проявляются особенности вхождения крестьянских и посткрестьянских регионов в индустриальную стадию развития.

Примечания

1. Бромлей Ю. А. Очерки теории этноса. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 180.
2. Зеленин Д. К. Избранные труды по духовной культуре. М., 1995. С. 65, 69.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 191. Д. 34. Л. 1.
4. Там же. Л. 2.
5. Колотов А. В. О деятельности Шведского Красного Креста в Вятской губернии в годы Первой Мировой войны // Шведы и Русский Север: материалы Междунар. науч. симпозиума. Киров: Киров. обл. тип., 1997. С. 242.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 191. Д. 34. Л. 133–134 об., 156–182.
7. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. С. 253.
8. Холуницкий завод (Пленные) // Вятская речь. 1914. 19 сент. С. 3.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 191. Д. 34. Л. 35.
10. Там же. Л. 4.
11. Там же. Л. 48 об.
12. Там же. Л. 112–112 об.
13. Там же. Л. 191.
14. Сенявская Е. С. Указ. соч. С. 254.
15. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 117.
16. Трушкова И. Ю. Национальные меньшинства в Приуралье в XIX – начале XXI в.: вопросы истории и культурной адаптации. Киров: Аверс, 2014. С. 143–154.
17. Ощепков Л. Г. Военнопленные-славяне на территории Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Федеральный вестник Прикамья. 2007. № 1.
18. ГАКО. Ф. 582. Оп. 192. Д. 19. Л. 80–80 об.
19. Там же. Оп. 191. Д. 33. Л. 18.
20. Там же. Л. 216.
21. Там же. Л. 191.
22. Там же. Л. 222.
23. Там же. Оп. 192. Д. 19. Л. 115, 117.
24. Там же. Д. 68. Л. 2.
25. Трушкова И. Ю. Этничность у эстонцев и латышей в вологодско-вятском пограничье в 1920–30-е годы // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 3. С. 37.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 191. Д. 33. Л. 9.
27. Там же. Оп. 192. Д. 68. Л. 47–49 об.
28. Там же. Л. 55.
29. Там же. Д. 19. Л. 33–33 об.
30. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–5.

Notes

1. Bromley J. A. Ocherki teorii ehtnosa [Essays on the theory of ethnos]. M. Publishing house "LIBROKOM". 2009. P. 180.
2. Zelenin D. K. Izbrannyye trudy po duhovnoj kul'ture [Selected works on spiritual culture]. M. 1995. Pp. 65, 69.
3. GAKO. F. 582. Sh. 191. File 34. Sh. 1.
4. Ibid. Sh. 2.
5. Kolotov V. A. O deyatel'nosti SHvedskogo Krasnogo Kresta v Vyatskoj gubernii v gody Pervoj Mirovoj vojny [On the activities of the Swedish red cross in Vyatka province in the First World war] // SHvedy i Russkij Sever – The Swedes and Russian North: proceedings of the International scientific symposium. Kirov. Kirov region typography. 1997. P. 242.
6. GAKO. F. 582. Sh. 191. File 34. Sh. 133–134 turn, 156–182.
7. Senyawskaaya E. S. Psihologiya vojny v XX veke: istoricheskij opyt Rossii [Psychology of war in the twentieth century: the historical experience of Russia]. M. ROSSPEN. 1999. P. 253.
8. Holunickij zavod (Plennyye) – Kholunitskii plant (Captive) // Vyatskaya rech'– Vyatka speech. 1914, 19 Sept. P.3.

9. GAKO. F. 582. Sh. 191. File 34. Sh. 35.
10. Ibid. Sh. 4.
11. Ibid. Sh. 48 turn.
12. Ibid. Sh. 112–112 turn.
13. Ibid. Sh. 191.
14. Senyawsкая E. S. Op. cit. P. 254.
15. Tishkov V. A. Rekviem po ehtnosu. Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii [Requiem for ethnoses. Research on socio-cultural anthropology]. M. Nauka. 2003. P. 117.
16. Trushkova I. J. Nacional'nye men'shinstva v Priural'e v XIX – nachale XXI v.: voprosy istorii i kul'turnoj adaptatsii [National minorities in the Urals in the XIX – beginning of XXI century: problems of history and cultural adaptation]. Kirov. Avers. 2014. Pp. 143–154.
17. Oshchepkov L. G. Voennoplennye-slavyane na territorii Permskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny [Captured Slavs on the territory of the Perm province in the First world war] // Federal'nyj vestnik Prikam'ya – Federal Gazette of the Kama region. 2007, No. 1.
18. GAKO. F. 582. Sh. 192. File 19. Sh. 80–80 turn.
19. Ibid. Sh. 191. File 33. Sh. 18.
20. Ibid. Sh. 216.
21. Ibid. Sh. 191.
22. Ibid. Sh. 222.
23. Ibid. Sh. 192. File 19. Sh. 115, 117.
24. Ibid. File. 68. Sh. 2.
25. Trushkova I. Y. Ehtnichnost' u ehstoncev i latyshej v vologodsko-vyatskom pogranich'e v 1920–30-e gody [Ethnicity Estonians and Latvians in Vologda–Vyatka Borderlands in 1920–30-ies] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities. 2013, No. 3, p. 37.
26. GAKO. F. 582. Sh. 191. File 33. Sh. 9.
27. Ibid. Sh. 192. File 68. Sh. 47–49 turn.
28. Ibid. Sh. 55.
29. Ibid. File 19. Sh. 33–33 turn.
30. GAKO. F. 1345. Sh. 1. File 141. Sh. 1–5.

УДК 94

Д. А. Безруков

Вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений как фактор зарождения потенциальных узлов противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе

В статье описывается развитие международных отношений после окончания Первой мировой войны, когда в результате стремления США занять ведущее положение в области морских вооружений и англо-американских противоречий в данном вопросе было допущено критическое военное усиление Японии, что привело к формированию очага военной напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в начале 30-х гг. XX в.

The article is devoted to the development of foreign relations after the end of the World War I, when as a result of the ambition of the USA to take a leading position in the field of naval armaments and English-American contradictions on the point a critical reinforcement of Japan military prescriptive was allowed, that brought to the formation of a military tension hotbed in the Asia-Pacific Region in the early 1930s.

Ключевые слова: Вашингтонский договор, Азиатско-Тихоокеанский регион, военное усиление Японии, морские вооружения, военная напряженность.

Keywords: The Washington Naval Treaty, Asia-Pacific Region, reinforcement of Japan military prescriptive, naval armaments, military tension.

Окончание Первой мировой войны означало разрешение ранее существовавших внутриевропейских и колониальных конфликтов между основными геополитическими игроками, с одной стороны, с другой – привело к формированию новых узлов напряженности между союзниками по Антанте.

По окончании Первой мировой войны противоречия по вопросам, связанным с обладанием морем, обострились, в особенности между США и Великобританией. Уже на Парижской конфе-

ренции В. Вильсон настаивал на «абсолютной» свободе мореплавания [1]. В 1920 г. через Сенат был проведен закон Джонса, по которому государственный торговый флот США, созданный во время войны, подлежал приватизации. Характерно, что суммарная стоимость коммерческого тоннажа превышала 408 млн долларов, а в частные руки корабли передавались всего за 44 млн, далее, судостроительные фирмы освобождались от подоходного налога, морские перевозчики получали громадные льготы. Таким образом, Соединенные Штаты стремились достичь доминирования в морской торговле за счет стимулирования собственных перевозчиков.

В Вашингтоне сделали правильные выводы из уроков глобального конфликта: без надлежащих военно-морских сил внешняя торговля страны и экономическая экспансия в другие регионы обречены на провал. Поэтому, встретив непонимание со стороны Лондона по вопросу «свободы морей», Белый дом перешел к открытым угрозам создания самых мощных военно-морских сил в мире [2].

Еще в 1918 г. президент В. Вильсон затребовал у конгресса ассигнований на новую морскую программу, предусматривавшую строительство 10 линкоров, 6 тяжелых и 10 легких крейсеров, а также 130 кораблей других классов, «чтобы защитить торговлю от нападения любой державы или группы держав» [3]. Законодатели одобрили инициативу администрации, и США приступили к грандиозному строительству военно-морского флота, который рос лавинообразно. К середине 1921 г. строилось 16 линкоров – сверхдредноутов [4].

Великобритания не смогла принять вызов и начать новую гонку вооружений. Состояние ее финансов было настолько плачевно, что Лондон был вынужден отказаться от двухдержавного стандарта и перейти к однодержавному. В ответ на развернутое американцами строительство Британия смогла построить лишь один линейный крейсер – «Худ».

В то же время вызов приняла Япония. «Первая мировая война способствовала формированию идеологии агрессивной внешней политики Японии, стала трамплином для превращения Японии из регионального лидера в ведущую мировую державу» [5]. Ее выросшая за время войны экономика уже могла потянуть соревнование. Усилившиеся противоречия в Китае и на Тихом океане с США и Англией также требовали наращивания своего военного присутствия в регионе. В результате Вашингтон и Токио приступили к активному усилению своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Америка спешно усиливала систему обороны на Панамском канале, «большие морские работы проектировались на Филиппинах, Гуаме, Самоа, а Пёрл-Харбор должен был стать Гибралтаром на Тихом океане» [6]. Японская империя отвечала симметрично, укрепляя мандатные острова. Кроме того, в 1917 г. была принята новая военно-морская программа «8–8», предполагавшая строительство восьми линейных кораблей и восьми линейных крейсеров к 1927–1932 гг.

Действия Токио вызывали серьезную обеспокоенность Соединенных Штатов. По разведывательным каналам и из открытых источников была получена следующая информация о японской кораблестроительной программе: класс «Кага» (2 ед.): водоизмещение 39 900 т, 10–16” орудий, скорость 23 узла; класс «Амаги» (4 ед.): 43 000 т, 8–16”, 31 уз.; класс «Овари» (2 ед.): 45 000 т, 12–16”, 23 уз.; № 11, 12 (2 ед.): 48 000 т, 8–18”, 23 уз.; № 13–16 (4 ед.): 46 000 т, 8–18”, 33,5 уз [7].

Анализ данных показывал, что для сохранения паритета с Японской империей в Тихоокеанском бассейне США было необходимо вводить в строй 2 линкора в год. Одновременно требовалось строить новые и модернизировать старые крейсера всех типов, которых и так было сравнительно мало. В противном случае к 1927 г. японский флот должен был существенно превзойти американский. Стремясь сохранить военное преимущество, командование ВМС США затребовало у конгресса дополнительные ассигнования на строительство 12 линкоров, однако получило отказ [8].

Теперь Соединенные Штаты оказались в ситуации, в которой не могли продолжать гонку морских вооружений, прежде всего, в результате роста изоляционистских (или антиинтервенционистских [9]) настроений внутри страны. Остро реагируя на изменения общественного мнения, победивший на выборах 1920 г. республиканец У. Гардинг заявил, что «не будет продолжать внешнюю политику Вильсона, а будет проводить действительную политику мира» [10]. Новый президент трезво оценивал сложившуюся внутривнутриполитическую обстановку и не хотел обострять противоречия по морским вопросам с Великобританией и Японией. Он предложил новую программу: «...наиболее мудрой политикой США должно быть стремление добиться превосходства на море в результате сокращения вооружений» [11].

Идея ограничения вооружений нашла поддержку и у основных конкурентов. Правящие круги Англии «не могли не учитывать своего финансового бессилия» [12], таким образом, для Лондона было выгодно, пойдя на определенные уступки, зафиксировать флоты других держав на определенном уровне договором [13]. Японская империя в 1921 г. расходовала треть национального бюджета на флот, продолжая экспансию в Манчжурии, Китае и интервенцию в России. В результате до половины доходов страны уходило на военные нужды, что вело за собой повышение

налогов и падение жизненного уровня населения. В стране стали раздаться голоса против дальнейшей милитаризации экономики, в феврале 1921 г. член японского парламента И. Озаки внес предложение о начале переговоров с Великобританией и Соединенными Штатами о сокращении морских вооружений. Несмотря на то что предложение было провалено 285 голосами «против» при 38 «за» [14], это был определенный симптом.

В начале 1921 г. между Лондоном и Вашингтоном прошли неофициальные переговоры по вопросу расторжения англо-японского союза, срок которого истекал в 1921 г. Во время консультаций англичане заверили американских дипломатов в своем согласии участвовать в конференции. Что касается союза с Японией, то Великобритания попала в сложную ситуацию. С одной стороны, США, стремившиеся избежать угрозы войны с двумя великими морскими державами в Атлантике и на Тихом океане одновременно, пошли на прямое давление, угрожая перейти к «двухдержавному стандарту» при строительстве своего флота. С другой стороны, гегемонистские устремления Токио на Дальнем Востоке и его попытки вытеснить британскую корону с рынков Индии, Австралии и Канады ставили под угрозу доминионы, которые видели выход в союзе с США. Таким образом, именно политика Японии толкала Лондон в объятия Белого дома.

Администрация США понимала всю щекотливость ситуации и возможное сопротивление со стороны как европейских держав, так и Токио, поэтому на прелиминариях речь шла о «сокращении вооружений» [15] без конкретных уточнений. 11 августа 1921 г. Соединенные Штаты обратились к правительствам Великобритании, Японии, Франции и Италии с предложением о созыве конференции, на что те ответили согласием.

Американская сторона довольно длительно и детально готовилась к предстоящим дипломатическим баталиям, предложения разрабатывались Госдепом и морским министром Э. Денби. На первом же пленарном заседании Государственный секретарь Ч. Юз выступил с конкретными предложениями по ограничению морских вооружений, которые выражались в формуле 5:5:3:1,75:1,75 соотношения водоизмещений линейных флотов (США, Англия, Япония, Франция, Италия) [16]. Далее Юз предложил установить максимальный допустимый тоннаж, который для Великобритании должен был составить 500 000 т, а для остальных стран-участниц вычислялся в соответствии с приведенной пропорцией.

Также было предложено ограничить качественные характеристики капитальных кораблей, водоизмещение – 35 000 т, а калибр орудий – 406 мм. В данном случае американские дипломаты взяли за основу проекты своих новейших линкоров с тем, чтобы в будущем ни одна из подписавших договор держав не могла обойти США, ограничения также диктовались пропускными возможностями Панамского канала, через шлюзы которого не могли пройти суда существенно больших размеров.

Кроме того, предлагались ограничения на суммарный тоннаж легких сил флота:

	Авианосцы	Крейсера	Подводные лодки
США	80 000	450 000	90 000
Великобритания	80 000	450 000	90 000
Япония	48 000	270 000	54 000

15 ноября началась дискуссия по американским предложениям. Несмотря на ряд оговорок, английская делегация согласилась. Иную позицию заняли дипломаты Японии, которые, сославшись на скорое истечение срока англо-японского договора, заявили, что соотношение 10:10:6 (5:5:3) не устраивает их страну и потребовали увеличения своей квоты до 70%. Однако на подобное заявления вице-адмирала Кэто Юз парировал, что конгресс ни за что не пропустит такой договор.

Японская делегация выдвинула контрпредложение о прекращении фортификаций на существующих и о запрете строительства новых морских баз на Тихом океане. В конечном итоге, Лондон, Вашингтон и Париж уступили, согласившись взаимно обеспечить неприкосновенность островных владений в Тихоокеанском бассейне и отказавшись от строительства новых и укрепления существующих военно-морских баз (исключение составили Гавайи и Сингапур) [17]. Таким образом, японская делегация одержала довольно значительную победу, так как реальное соотношение сил на Тихом океане даже после подписания договора складывалось в ее пользу. Во-первых, Соединенные Штаты, вынужденные держать свой флот сразу на двух океанах, в Тихоокеанском бассейне заведомо оказывались слабее императорского флота. Во-вторых, Великобритания, оберегающая громадную колониальную империю и метрополию в Европе, вообще не могла отправить в условиях ограничений в регион серьезную эскадру. И в-третьих, границы империи отодвигались до Гавайев и Сингапура, что делало японские коммерческие коммуникации практически неуязвимыми.

Если по вопросу о линейных кораблях и несколько позже об авианосцах между державами-участницами конференций было быстро достигнуто соглашение, то проблемы, связанные с ко-

личеством крейсеров, а также подводных лодок, зашли в явный тупик. В конечном итоге, Юз предпочел закрепить в договоре паритет с Англией по тяжелым кораблям, а остальные вопросы оставить открытыми. 6 января 1922 г. был подписан отдельный договор о запрете действий подводных лодок против коммерческого судоходства [18].

6 февраля сторонами был подписан окончательный текст договора «четырёх держав», вошедшего в историю как Вашингтонский договор. Основные положения, к которым державы пришли во время переговоров, указаны выше. Соглашение считалось действительным до 31 декабря 1936 г.

Мировая реакция на Вашингтонский договор, в результате которого Англия, США и Япония отказались от 70 крупных военных кораблей общим водоизмещением 1 878 000 т., может быть проиллюстрирована корреспондентом лондонской «Таймс». Пораженный таким «погромом», он писал: «Государственный секретарь Юз за 35 минут потопил больше линейных кораблей, чем все адмиралы мира на протяжении веков» [19].

Оценивая итоги конференции в вопросе ограничения морских вооружений, необходимо отметить, что это был первый прецедент в мировой истории, когда путем переговоров было достигнуто соглашение о столь существенном количественном и качественном ограничении морских вооружений.

Тем не менее ее результаты в контексте сглаживания противоречий между основными игроками Азиатско-Тихоокеанского региона необходимо признать неудовлетворительными. Достигнутые договоренности лишь временно маскировали существующие узлы напряженности, в особенности в американо-японских отношениях и в то же время способствовали появлению новых.

Так, прежде всего, стремясь урегулировать двусторонние англо-американские взаимоотношения, Вашингтон и Лондон согласились с требованиями Японии о демилитаризации островных владений в Тихоокеанском бассейне. Данная уступка впоследствии приведет к тотальному военному доминированию Токио во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Соединенные Штаты, которые были «жизненно заинтересованы в Востоке... из-за своих капиталовложений и торговли» [20], в дальнейшей борьбе за передел рынков и сфер влияния в Тихоокеанском бассейне будут вынуждены опираться исключительно на использование экономических конкурентных преимуществ при однозначно недостаточной военной и политической поддержке этих усилий. В то же время Японская империя, ставя перед собой аналогичные американским цели, будет опираться на использование выгодного географического положения и безусловное военное доминирование в регионе, появившееся в результате формирования Версальско-Вашингтонского договорного комплекса, что приведет к формированию очага военной напряженности на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском бассейне уже в начале 30-х гг. XX в.

Примечания

1. *Rutherford V. H.* War or Peace? England or America? L.: Williams and Norgate, 1930. P. 26.
2. *The Times.* 1920. March 10.
3. *Beard C. A.* The Navy (Defense or Portent?). N. Y.; L.: Harper and Bros, 1932. I. P. 1–2.
4. *Виноградов С.* Восточная легенда // *Наваль.* 1992. № 2. С. 64.
5. *Базин О. А.* Позиция Японии по поводу участия в Первой мировой войне // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета.* 2014. № 8. С. 62.
6. *Bywater H. C.* Navies and Nations. L.: Constable, 1927. VII. P. 193.
7. *Виноградов С.* Указ. соч. С. 65–66.
8. *Солонцов З. М.* Дипломатическая борьба США за господство на море и противоречия империалистических держав (1918–1945). М.: Изд-во ИМО, 1962. С. 53.
9. *Романов В. В., Артюхов А. А.* Понятие изоляционизма во внешнеполитической мысли США: концептуальные характеристики // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета.* 2014. № 8. С. 67–71.
10. *Survey of American Foreign Relations 1931.* Journal. ed. by Howland C. New Haven: Yale University Press, 1932. IX. P. 524.
11. *Vinson J. C.* The parchment peace; the United States Senate and the Washington Conference, 1921–1922. Athens: University of Georgia Press, 1955. XI. P. 72–74.
12. *Солонцов З. М.* Указ. соч. С. 39.
13. *Papers relating to the foreign relations of the United States, 1921.* Washington: United States Government Printing Office, 1936. Vol. I. CXX. P. 19.
14. *Vinson J. C.* Op. cit. P. 99.
15. *Papers relating to the foreign relations of the United States, 1921.* Washington: United States Government Printing Office, 1936. Vol. I. CXX. P. 21.
16. *Bywater H. C.* Op. cit. P. 123.
17. *Conference on the limitation of armament: President's address to the Senate. Letter of the secretary of state submitting treaties to the President. Invitations to the Conference. Proceedings of plenary sessions of Conference. Minutes of Committee on limitation of armament. Minutes of Committee.* Washington: Government Printing Office, 1922. IX. P. 892–902.
18. *Papers relating to the foreign relations of the United States, 1922.* Washington: United States Government Printing Office, 1938. Vol. I. CXV, P. 267–271.

19. The Times. 1922. February 7.

20. Buell R. L. The Washington Conference. L.-N.Y.: D. Appleton and Company, 1922. XIII. P. 280.

Notes

1. Rutherford V. H. War or Peace? England or America? L.: Williams and Norgate, 1930. P. 26.

2. The Times. 1920. March 10.

3. Beard C. A. The Navy (Defense or Portent?). N.Y.; L.: Harper and Bros, 1932. I. P. 1-2.

4. Vinogradov S. Vostochnaya legenda [East legend] // Naval. 1992. № 2. P. 64.

5. Bazin O. A. Pozitsiya Yaponii po povodu uchastiya v Pervoy mirovoy voyne [Position of Japan in te World War I] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities, 2014. № 8. P. 62.

6. Bywater H. C. Navies and Nations. L.: Constable, 1927. VII. P. 193.

7. Vinogradov S. Op. cit. Pp. 65-66.

8. Solontsov Z. M. Diplomaticheskaya bor'ba SShA za gospodstvo na more i proti-vorechiya imperialisticheskikh derzhav (1918-1945) [Diplomatic struggle of the USA for naval supremacy and contradictions between imperialist powers]. Moscow: IMO. 1962. P. 53.

9. Romanov V. V., Artyukhov A. A. Ponyatie izolyatsionizma vo vneshnepoliticheskoy mysli SShA: kontseptual'nye kharakteristiki [Definition of isolationism in foreign policy theories in the USA] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities, 2014. № 8. Pp. 67-71.

10. Survey of American Foreign Relations 1931. Jornal. ed. by Howland C. New Haven: Yale University Press, 1932. IX. P. 524.

11. Vinson J. C. The parchment peace; the United States Senate and the Washington Conference, 1921-1922. Athens: University of Georgia Press. 1955. XI. P. 72-74.

12. Solontsov Z. M. Op. cit. P. 39.

13. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1921. Washington: United States Government Printing Office, 1936. Vol. I. CXX. P. 19.

14. Vinson J. C. Op. cit. P. 99.

15. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1921. Washington: United States Government Printing Office, 1936. Vol. I. CXX. P. 21.

16. Bywater H. C. Op. cit. P. 123.

17. Conference on the limitation of armament: President's address to the Senate. Letter of the secretary of state submitting treaties to the President. Invitations to the Conference. Proceedings of plenary sessions of Conference. Minutes of Committee on limitation of armament. Minutes of Committee. Washington: Government Printing Office, 1922. IX. P. 892-902.

18. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1922. Washington: United States Government Printing Office, 1938. Vol. I. CXV, P. 267-271.

19. The Times. 1922. February 7.

20. Buell R. L. The Washington Conference. L.-N. Y.: D. Appleton and Company, 1922. XIII. P. 280.

УДК 93

М. Н. Свинцова

Проблемы эвакуации Военно-морской медицинской академии в г. Киров в период Великой Отечественной войны

В период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. руководством страны придавалось большое значение работе высших военно-медицинских учебных заведений. Большой вклад в развитие военной медицины Советского Союза и, в частности, Кировской области внесла многоплановая деятельность Военно-морской медицинской академии (ВММА), находившейся в эвакуации в г. Кирове в 1942-1944 гг. Процесс эвакуации и размещения ВММА сопровождался рядом проблем внутреннего и внешнего характера, связанных с организацией передислокации, размещения, снабжения и материального обеспечения, восстановления научной и педагогической деятельности, а также с кадровым и личностным аспектами. В данной статье речь идет проблемах, с которыми ВММА пришлось столкнуться в период эвакуации в тыл, и их влиянии на качество работы академии во время войны.

During the Great Patriotic War of 1941-1945 leadership of the country attached great importance to the work of the higher military medical schools. Great contribution to the development of military medicine of the Soviet Union and, in particular, the Kirov region has made multifaceted activities of the Military Medical Academy (VMMA), which was evacuated in Kirov in 1942-1944. The process of evacuation and placement the VMMA were

accompanied by several problems, internal and external, connected with the organization relocation, accommodation, logistics and material support, recovery scientific and pedagogical activities, as well as human and personal aspects. This article deals with the problems that VMMA had to face during the evacuation to the rear, and their impact on the quality of the Academy during the war.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Военно-морская медицинская академия, эвакуация, военная медицина.

Keywords: The Great Patriotic War, the Military Medical Academy, evacuation, military medicine.

Развитие здравоохранения Кировской области в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. невозможно представить без многотрудной деятельности Ленинградской Военно-морской медицинской академии.

Образованная еще до начала Великой Отечественной войны в 1940 г. в г. Ленинграде ВММА с января 1942 г. до конца лета 1944 г. находилась в эвакуации в г. Кирове. Нормальное функционирование академии прервала война.

Зачастую при освещении вклада ВММА в развитие военной медицины замалчиваются большие трудности, с которыми ей пришлось столкнуться в военные годы, в частности в период эвакуации в г. Киров.

Во-первых, сложности с отбытием из Ленинграда. ВММА представляла собой богатейшую учебную базу (Загородный проспект, д. 47). Предполагалось, что её территория (около 10 га), окруженная стратегически важными объектами (Витебский вокзал, мосты через Фонтанку и Введенский канал, электростанция и Газовый завод) в случае войны подвергнется ударам со стороны противника, поэтому план эвакуации на восток был разработан детально [1]. Специфика военных действий внесла свои коррективы в его осуществление. Решением НКО и СНК СССР от 17 августа 1941 г. ВММА должна была перебазироваться из Ленинграда на восток в связи с военной угрозой городу, а осенью территория академии пострадала от бомбардировок (29 сентября, 13 и 14 октября) и артобстрелов (18 сентября, 16 октября и 20 ноября). Комиссия из представителей хозяйственных отделов и бухгалтерии ВММА установила, что академия понесла материальный ущерб в 250 341 рубль 19 копеек [2].

Тяжелая эвакуация в Киров затянулась на несколько месяцев. Причины Комиссия партийного контроля видела не только в тяжелых погодных и стратегических условиях, но и в попытках руководства академии соблюсти собственные интересы в происходившем. Приказ об эвакуации принят в августе 1941 г., когда была возможность начать эвакуацию летом, вывезти академию вместе со всем учебным имуществом, но возможность не была использована. Отдельным работникам ВММА не хотелось оставлять насиженные места в Ленинграде и отправляться в тыл. Эвакуация экстренно началась, когда территория академии подверглась ударам противника, затягивать далее было попросту некуда. В результате с июня 1941 г. до февраля 1942 г. учебные занятия были сорваны [3].

Печально известен первый опыт эвакуации через Ладогу в сентябре 1941 г. По официальным данным, в извещении Медико-санитарного управления Наркомата ВМФ значилось, что во время переправы погиб 131 человек с V курса академии, удалось спастись только 47 выпускникам [4]. Очевидцы указывают на большее количество погибших – 134 военно-морских врача [5]. Результаты проверки Комиссией партконтроля свидетельствуют, что причиной стали плохие баржи, выделенные для транспортировки, которые были разбиты волной вследствие безответственности руководителей перевозки [6]. С 22 ноября 1941 г. начала работать ледовая «Дорога жизни», эвакуация была возобновлена.

Изначально было решено эвакуировать академию в Астрахань, но к началу эвакуации новым местом дислокации выбрали г. Иваново [7]. Было приказано перебросить личный состав пешим порядком через Ладожское озеро. Общее расстояние, которое должны были преодолеть сотрудники и курсанты академии, составляло 320 километров. Условия переправы были суровыми [8]. За время всего пути было много желудочных заболеваний и до 20 случаев обморожения I и II степени. Докладные сообщают об отсутствии во время эвакуации людских потерь, но есть данные, что в пути умерли 3 человека [9]. Часть личного состава была вынуждена остаться на этапах следования: в Вологодских госпиталях, значительная часть проехала в г. Иваново. На 27 января из всего личного состава не прибыли в Киров – начсостава 10 человек, курсантов и слушателей – 28. В январе 1942 г. эвакуация ВММА была завершена. В Киров прибыли всего 1 763 человека, из которых 993 курсанта и слушателя, остальные – руководство, профессорско-преподавательский состав академии [10].

Во-вторых, не соответствующим военной обстановке было и поведение руководства и части профессорско-преподавательского состава. 28 ноября 1941 г. большая часть начальствующего

состава покинула свои подразделения (была переброшена самолетами до железнодорожной станции), оставив группы курсантов без руководства во время эвакуации, что пустило организацию передислокации состава и имущества на самотёк [11].

Для поддержания духа курсантов и педсостава в пути политработники проводили партийные и комсомольские собрания. Докладные записки политотдела академии сообщают о дисциплинированности и высокой моральной устойчивости личного состава [12], однако секретная на тот момент переписка той же службы, адресованная начальнику ГПУ ВМФ, сообщает, что среди личного состава имели место антиправительственные и антипартийные настроения. Причины накаленной обстановки: неустроенность быта, плохое питание, размещение, слабая санобработка и общий физический упадок сил [13]. Методы воздействия на профессорско-преподавательский состав были малоэффективны еще и потому, что многие профессора и доценты академии были беспартийными. В курсантской среде за время пути заметно ослабла воинская дисциплина, так как пришлось в Киров двигаться отдельными самостоятельными группами. На моральное состояние сильно повлияли неудачная переправа через Ладогу и печальные сообщения о судьбе родственников, находившихся на западных территориях страны и оставшихся в Ленинграде.

В-третьих, отсутствие соответствующей учебной базы в Кирове. Предварительно ВММА должна была разместиться в Астрахани, Иваново или Молотове (ныне – Пермь). Администрация ВММА осенью 1941 г. добилась изменения приказа о передислокации академии в Иваново, где она должна была разместиться на базе Ивановского медицинского института [14]. Однако 6 января 1942 г. Правительство приняло решение разместить ВММА в Кирове из-за тяжелого состояния личного состава, дефицита подвижного железнодорожного транспорта, длительного перерыва в учебном процессе. В случае размещения в Иваново академия получила бы определенные преимущества: оборудование учебной платформы мединститута, помещения, приспособленные для расположения кафедр, облегчили бы начало и повысили эффективность работы ВММА. В Кирове же медицинского института не было, а следовательно, требовались время и средства для создания специальных условий, большие усилия местных хозяйственных органов и населения. Учебная база академии собиралась с нуля по крупицам: парты из школ, от обкома ВКП(б) получили библиотеку в 70 тысяч книг, учебное и демонстративное имущество было взято в педтехникуме и ветинституте, пединституте, часть оборудования и реактивов привезена сотрудниками из Москвы, Ленинграда и Свердловска, ряд наглядных пособий изготовлен силами личного состава ВММА [15]. Отчеты об учебной и научной работе академии за учебный год сообщают, что дислокация в Кирове снижала возможности воспитания курсантов и офицеров академии (расположение в центре города, близость рынка), ухудшала качество практических занятий курсантов и особенно слушателей из-за отсутствия соответствующих баз для кафедр гигиены общей, гигиены морской, эпидемиологии и микробиологии, возможности использовать корабль как базу учебной практики, условий для физического воспитания курсантов.

Вновь принимаемые в условиях войны курсанты, в основном из фельдшеро-в, представляли контингент с низким общим развитием, что приводило к росту процента неуспевающих и снижало показатели успеваемости и подготовки курсантов ВММА [16].

В-четвертых, возникла проблема размещения. К тому времени, когда академия прибывает в Киров, в городе уже развернуто большое количество эвакуогоспиталей, занимающих наиболее приспособленные и выгодно расположенные здания. Размещение и расквартирование личного состава требовало освобождения зданий госпиталей, которому активно сопротивлялось управление местного эвакуопункта № 22 (начальник Филиппов). Причиной трудностей стали несогласованность работы и волокита местных властей, которые отказывались выделять помещения до окончательного решения о постоянном месте базирования академии. Временное размещение в Кирове курсантов и слушателей было неудовлетворительным, в результате большое число заболевших (80–100 чел.), которых вынуждены размещать в госпиталях [17]. Для административного и профессорско-преподавательского состава и членов семей были созданы приемлемые условия. Они были размещены на 4-м этаже лучшего здания в городе – бывшей Центральной гостиницы (ул. Ленина, 80), в котором на тот момент располагался Кировский военно-морской госпиталь, эвакуированный и действовавший с сентября 1941 г., представлявший собой тыловую медицинскую базу флота, стратегически расположенную на пересечении железных дорог, ведущих из Ленинграда, Архангельска, Мурманска, Горького. Приказом Наркома ВМФ от 25 апреля 1942 г. Кировский ВМГ был передан в ведение академии, переименован в Клинический военно-морской госпиталь ВММА и стал её клинической базой. В том же здании была расквартирована часть курсантского состава, а часть размещена в городе на частных квартирах. Выделены часть здания стадиона «Динамо», здание Сталинского райвоенкомата, часть мест сортировочного госпиталя [18]. Здание медтехникума получено только в конце февраля 1942 г. в связи с очередной тяжбой органов местной власти с руководством МЭП № 22 [19].

У курсантов условия быта и учебы были тяжелыми [20]. Получить что-либо в городе не было возможности, так как весь инвентарь, мебель и другое взято в формируемые госпитали. Быт устраивали при дефиците материала, который удавалось достать или найти, подручными средствами.

Большие трудности были с питанием личного состава. В одном из полученных зданий организовали камбуз и столовую, для командного состава и членов семей – столовую и кают-компанию. Горячее питание зимой ликвидировало желудочно-кишечные заболевания. Бедой была вшивость. Бани в г. Кирове перегружены, часто не работали из-за отсутствия дров. Источниками инфекции были и госпитали, где проходили практические занятия слушателей, приходилось отказываться от работы в них. Такая ситуация сохранялась до конца февраля 1942 г., однако после гигиенических мероприятий и мер по обустройству быта удалось облегчить жизнь курсантам [21].

В-пятых, существовала проблема качества комплектования и формирования преподавательского состава, значительная часть которого назначалась сверху. Комплектование преподавательского состава без участия кафедр офицерами, долго служившими на флоте, но не в учебных заведениях, за редким исключением, создавало текучесть кадров, так как они не приспособлялись к клиническим, научным и педагогическим запросам кафедры и часто бывали балластом. Комплектование кафедр академии и ординатуры клиник молодыми врачами затруднялось еще необходимостью их стажирования на флоте, а следовательно, длительными отъездами. За время стажирования многие из них теряли связь с кафедрой и вкус к науке и попросту не возвращались в академию. К лету 1942 г. из 477 должностей, положенных по штату академии, были фактически свободны 187. Не хватало командиров, начальников, преподавателей, учебно-вспомогательного, военно-технического и военно-хозяйственного состава. Кадровую проблему усугубляло и то, что с началом войны на флот были призваны неопытные люди, некоторые из них попали и на службу в ВММА. Зачастую распределение должностной иерархии происходило, не соответствуя уровню и специфике образования кадров [22]. Снижал качество работы в эвакуации дефицит и непрофессионализм ряда педагогических, хозяйственных и административных кадров.

Вопрос с работниками материально-хозяйственной части стоял остро на протяжении всей войны, плохо обеспечивались самые неотложные нужды учебы и быта состава. Основной причиной являлся плохой подбор руководителей отдела материального обеспечения и частая их смена: за 3 года сменились 6 или 7 начальников и временно исполняющих обязанности [23].

Вместо воспитания стали прибегать к административным методам, упуская важные составляющие воинской дисциплины.

Начальником ВММА на протяжении военных лет был генерал-майор медицинской службы Алексей Иванович Иванов. Вклад ВММА в развитие военной медицины в г. Кирове, несмотря на все трудности, сложно переоценить. В начале войны перед медицинскими вузами были поставлены определенные задачи. Они должны были слить часть своих клиник с эвакуогоспиталями, профессора – вести консультативную и педагогическую работу в них, сочетать лечебную работу с научной, перестроить концепцию в соответствии с практическими требованиями военного времени, вести на своей базе работу по повышению квалификации, подготовке и переподготовке медицинского персонала, при этом заботясь о сохранении контингента обучающихся и сократив до минимума отсеб [24]. Все эти задачи ВММА удалось выполнить в военные годы на Вятской земле.

Большая доля всей проделанной научной и научно-практической работы по преобразованию и актуализации тематики медицинских исследований, внедрения в жизнь новых изобретений в Кирове приходится на работу кафедр (более 35) и сотрудников академии. В эвакуации трудились знаменитые профессора и доценты Ю. Ю. Джанелидзе, А. Л. Мясников, А. В. Мельников, А. В. Триумфов, Р. А. Засосов и др. ВММА предоставила свои кадры для формирования и практики института хирургов-консультантов и научных консультантов, которые курировали коллективы госпиталей в научно-исследовательской и практической работе, содействовали в принятии решений в сложных случаях. Академия продолжала в период эвакуации в Киров вести педагогическую деятельность, готовить кадры военно-морских врачей для флота и частично гасить кадровый голод. За время существования академии до окончания Великой Отечественной войны было произведено шесть выпусков военно-морских врачей, два из которых (в ноябре 1942 г. и в январе 1944 г.) – в Кирове. Первый выпуск ВММА на Вятке был проведен в ноябре 1942 г. и с момента образования академии был пятым. Программа IV и V курсов проходила всего за 20 недель. Обучение прошли 203 человека и 16 вольнослушателей, из них 5 курсантов (2,5%) окончили академию с отличием. Председателем ГЭК был профессор К. М. Быков. Второй вятский выпуск (шестой с момента учреждения ВММА) состоялся в январе 1944 г. Были подготовлены 232 человека и 7 вольнослушателей, из них с отличием – 12 (5,1%) [25]. Сотрудники ВММА занимались просветительской и противоэпидемической работой среди населения (проф. Горбовицкий), проводили занятия по программам повышения квалификации для старшего и среднего медицинского персонала кировских госпиталей. Члены академии принимали участие в работе областных органов управления и контроля.

Академия многое дала городу Кирову: наладила постановку лечебной работы в военных и гражданских учреждениях здравоохранения, уберегла город от эпидемий и улучшила его санитарную обстановку, провела массовую гигиеническую работу с населением, подняла общий культурный уровень города, дала возможность вятской молодежи освоить медицинскую науку. И хотя период вятской эвакуации академии был одним из самых сложных в судьбе ВММА, Киров дал передышку и возможность вести научную и педагогическую деятельность сотрудникам, а курсантам – возможность выжить в реалиях войны и получить военно-медицинское образование.

Примечания

1. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 137. Оп. 0620. Д. 1. Л. 17–17 об.
2. Там же. Оп. 7799. Д. 4. Л. 9.
3. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. 1291. Оп. 1. Д. 52. Л. 114.
4. ЦВМА. Ф. 137. Оп. 05092. Д. 6. Л. 83.
5. Воспоминания Копанева А. Н. URL <http://iremember.ru/krasnoflotsi/kopanev-aleksandr-nikolaevich.html>. (Дата обращения 18.05.2014).
6. ГАСПИ КО. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 52. Л. 112.
7. Воспоминания Копанева А. Н. URL <http://iremember.ru/krasnoflotsi/kopanev-aleksandr-nikolaevich.html>. (Дата обращения 18.05.2014).
8. ЦВМА. Ф. 137. Оп. 05093. Д. 4. Л. 1.
9. Там же. Оп. 0621. Д. 33. Л. 8.
10. Куковьякин С. А. Вятский период деятельности Военно-морской медицинской академии. Киров, 2000. С. 14.
11. ГАСПИ КО. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 52. Л. 114.
12. ЦВМА. Ф. 137. Оп. 05093. Д. 4. Л. 1.
13. Там же. Л. 2.
14. ГАСПИ КО. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 52. Л. 113.
15. ЦВМА. Ф. 137. Оп. 05093. Д. 4. Л. 6.
16. Там же. Оп. 7799. Д. 5. Л. 77.
17. Там же. Оп. 0621. Д. 33. Л. 7.
18. Куковьякин С. А. Указ. соч. С. 11.
19. ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 104. Л. 40.
20. Соколовский А. М. Мы – курсанты 41 года: очерк о фронтовом курсе Военно-морской медицинской академии. Л.: Лениздат, 1990. С. 77.
21. ЦВМА. Ф. 137. Оп. 05093. Д. 4. Л. 5.
22. Там же. Оп. 7799. Д. 5. Л. 77.
23. Там же. Оп. 05095. Д. 3. Л. 12.
24. Карапетян Г. Н. Очередные задачи медицинских вузов // Сов. здравоохранение. 1942. № 7. С. 20–22.
25. ЦВМА. Ф. 137. Оп. 017838. Д. 4. Л. 48.

Notes

1. The Central naval archive (CVMA). F. 137. Sh. 0620. File 1. Sh. 17–17 turn.
2. Ibid. Sh. 7799. File 4. Sh. 9.
3. State archive of socio-political history of the Kirov region (GASPI KO). F. 1291. Sh. 1. File 52. Sh. 114.
4. CVMA. F. 137. Sh. 05092. File 6. Sh. 83.
5. Vospominaniya Kopaneva A. N. – Memories of Kopanev A. N. Available at: <http://iremember.ru/krasnoflotsi/kopanev-aleksandr-nikolaevich.html>. (Accessed 18.05.2014). (in Russ.)
6. GASPI KO. F. 1291. Sh. 1. File 52. Sh. 112.
7. Vospominaniya Kopaneva A. N. – Memories of Kopanev A. N. Available at: <http://iremember.ru/krasnoflotsi/kopanev-aleksandr-nikolaevich.html>. (Accessed 18.05.2014). (In Russ.)
8. CVMA. F. 137. Sh. 05093. File 4. Sh. 1.
9. Ibid. Sh. 0621. File 33. Sh. 8.
10. Kukovyakin S. A. Vyatskij period deyatel'nosti Voenno-morskoj medicinskoj akademii [Vyatka period of activity of the Naval Medical Academy]. Kirov. 2000. P. 14.
11. GASPI KO. F. 1291. Sh. 1. File 52. Sh. 114.
12. CVMA. F. 137. Sh. 05093. File 4. Sh. 1.
13. Ibid. Sh. 2.
14. GASPI KO. F. 1291. Sh. 1. File 52. Sh. 113.
15. CVMA. F. 137. Sh. 05093. File 4. Sh. 6.
16. Ibid. Sh. 7799. File 5. Sh. 77.
17. Ibid. Sh. 0621. File 33. Sh. 7.
18. Kukovyakin S. A. Op. cit. P. 11.
19. GASPI KO. F. 1290. Sh. 8. File 104. Sh. 40.
20. Sokolowski A. M. My – kursanty 41 goda: ocherk o frontovom kurse Voenno-morskoj medicinskoj akademii [We are the cadets of 41 year: an essay on the frontline course Naval Medical Academy]. Leningrad. Lenizdat. 1990. P. 77.

21. CVMA. F. 137. Sh. 05093. File 4. Sh. 5.
22. Ibid. Sh. 7799. File 5. Sh. 77.
23. Ibid. Sh. 05095. File 3. Sh. 12.
24. Karapetyan, G. N. Ocherednye zadachi medicinskih vuzov [Another task of medical schools] // Sov. zdorovohranenie – Sov. Health. 1942, No. 7, Pp. 20–22.
25. CVMA. F. 137. Sh. 017838. File 4. Sh. 48.

УДК 94(4)"1946/1947"

А. А. Калинин

Греческий вопрос в ООН в 1946–1947 гг.*

В статье рассматривается обсуждение греческого вопроса в Совете Безопасности Организации Объединённых Наций в 1946–1947 гг. Автор изучил позиции Советского Союза, Соединённых Штатов и Великобритании в ООН по греческому вопросу. Рассматривается обсуждение «советской жалобы» в феврале 1946 г., «украинской жалобы» в сентябре и «греческой жалобы» в декабре. Дипломатическое противостояние СССР и США по греческому вопросу стало одним из симптомов зарождения холодной войны. Особое внимание уделено изучению деятельности Комиссии по расследованию пограничных инцидентов в Греции. Источниковую базу статьи составили официальные публикации документов Организации Объединённых Наций, дипломатические документы США, Великобритании и СССР. Использованы материалы Архива внешней политики РФ. Огромный массив ценной для историка информации имеется на официальном сайте ООН (<http://www.un.org/>).

The article deals with discussion on the Greek question at the United Nations Security Council in 1946–1947. The author examines the positions of the Soviet Union, the United States and Great Britain on the Greek question at the UN. The author considered discussions on the «Soviet complaint» in February 1946, the «Ukrainian complaint» in September and the «Greek complaint» in December. Diplomatic confrontation between the USSR and the USA on the Greek question has become one of the symptoms of the origins of the Cold War. Special attention is paid to activities of the United Nations Commission for Investigation of Greek Frontier Incidents. Sources base of this article amounted to official publication of the United Nations documents, diplomatic documents of the USA, the UK and the USSR. Materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation are used. A huge array of valuable information for the historian is available on the official website of the United Nations (<http://www.un.org/>).

Ключевые слова: Организация Объединённых Наций, Совет Безопасности, гражданская война в Греции, холодная война, СССР, внешняя политика США.

Keywords: United Nations, Security Council, Greek Civil War, Cold War, USSR, U. S. foreign policy.

В январе 1946 г. начали свою работу Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности Организации Объединённых Наций. Одним из первых вопросов, вынесенных на рассмотрение новой всемирной организации, стал греческий кризис. Органы ООН рассматривали эту проблему вплоть до первой половины 1950-х гг.

Процесс обсуждения греческого вопроса в ООН разбирается в работах С. Ксидиса, А. Начмани, Г. Говарда и других историков [1]. В отечественной историографии эту проблему затрагивала Ю. В. Запарий [2]. Большое значение для раскрытия темы имеет знакомство с общими трудами по истории Организации Объединённых Наций [3]. Вклад в становление ООН её первого Генерального секретаря норвежца Трюгве Ли, а также работа секретариата Организации освещается в книге Дж. Барроса [4]. Среди работ отечественных авторов особо следует выделить недавно опубликованную монографию И. В. Гайдука [5].

Греческий вопрос был впервые вынесен на рассмотрение ООН в январе 1946 г. по инициативе СССР. 21 января исполняющий обязанности главы делегации СССР в ООН А. А. Громыко направил письмо председателю недавно сформированного Совета Безопасности Н. Дж. О. Мейкину с

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственной работы «Проведение научно-исследовательских работ (фундаментальных научных исследований, прикладных научных исследований и экспериментальных разработок)». Задание № 2014/330. ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», НИР № 892 «Исследование взаимных представлений США и СССР в период холодной войны (1945–1960 гг.)», рук. В. Т. Юнгблюд.

официальным протестом против присутствия британских войск в Греции [6]. В западной историографии среди причин, побудивших советское руководство выступить с таким демаршем, называют желание уравновесить шансы в борьбе с бывшими союзниками за влияние в других регионах [7]. 19 января Иран при поддержке Великобритании и США обратился в Совет с жалобой на присутствие советских войск в Северном Иране. Через 2 дня последовал ответ Москвы. Советское руководство восприняло иранскую жалобу как недружественный шаг западных держав, «выставление на показ» перед всем миром имеющихся разногласий, в то время как оно полагало, что в ООН будут рассматриваться лишь заранее согласованные вопросы [8].

Глава советской делегации в ООН А. Я. Вышинский не стеснялся в выражениях, обвиняя англичан в поддержке «белого террора», развязанного греческими фашистами. Британский министр иностранных дел Э. Бевин давал жесткий отпор этим заявлениям. При этом Москва явно надеялась сыграть на разногласиях Лондона и Вашингтона, так как последний прохладно относился к британским «колониальным» методам наведения порядка в Греции [9].

Позиция Москвы не нашла поддержки в Совете Безопасности: из 11 членов осуждали присутствие британских войск только Советский Союз и Польша. 6 февраля Совет согласился принять к сведению заявления, сделанные СССР, Великобританией и Грецией, а также мнения других стран по вопросу о пребывании британских войск в Греции и считать тему исчерпанной. Вопрос не ставился на голосование и был исключен из повестки дня [10]. Достигнутый компромисс оказался очень близок к предложению постоянного представителя США при ООН Э. Стеттиниуса, который обращал внимание на бесперспективность дальнейшего обсуждения вопроса [11]. Советский демарш имел скорее обратный эффект: жесткий тон советских «разоблачений» британской политики вызвал раздражение большинства делегаций в ООН, которые подозревали СССР в использовании этого вопроса для политического давления на англичан и пропаганды.

Греческий вопрос был вновь поставлен в ООН 24 августа 1946 г., когда министр иностранных дел Украинской ССР Д. З. Мануильский в телеграмме на имя Генерального секретаря Трюгве Ли заявил, что в результате политики греческого правительства на Балканах создалась ситуация, представляющая серьезную угрозу миру и безопасности в этой части Европы. В документе утверждалось, что на греко-албанской границе вооруженные группы с греческой стороны при попустительстве и поощрении властей провоцируют многочисленные инциденты, также говорилось о преследовании национальных меньшинств в Македонии, Фракии и Эпире. Отличием от январского обращения стал особый акцент на агрессивном характере афинского режима. Главной причиной напряженной ситуации на Балканах называлось присутствие британских войск и прямое вмешательство Лондона во внутренние дела Греции «на стороне агрессивных монархических элементов» [12]. Вероятнее всего, Москва вновь надеялась сыграть на разногласиях Вашингтона и Лондона по Греции, так как развитие событий там во многом не соответствовало принципам Декларации об освобожденной Европе. Если такой расчет был, то в какой-то мере он оправдался: между США и Великобританией действительно возникли разногласия по вопросу реакции на новую советскую инициативу. Лондон воспринял «украинскую жалобу» как часть советской политики давления на британские позиции в Средиземноморском регионе [13]. Глава британской дипломатии Э. Бевин обратил внимание Госсекретаря Дж. Бирнса, что Москва никогда не ставила этот вопрос по обычным дипломатическим каналам, расценив жалобу как «пропагандистский трюк». Англичане предложили блокировать обсуждение этого вопроса. Высказывались опасения, что рассмотрение жалобы может навредить репутации Совета Безопасности [14].

Временно исполняющий обязанности представителя США в ООН Х. Джонсон также скептически отнесся к «украинской жалобе». Однако Вашингтон принял решение не выступать против обсуждения жалобы, и 3 сентября Совет большинством голосов включил этот вопрос в повестку дня. Госдепартамент считал, что ООН является площадкой открытой дипломатии и каждый ее участник имеет право быть выслушанным [15].

«Украинская жалоба» обсуждалась на четырнадцати заседаниях Совета Безопасности с 30 августа до 20 сентября [16]. На 60-м заседании Мануильский обосновал жалобу реакционной политикой греческого правительства, которое использует террористические методы для борьбы со своими политическими противниками. По его логике, «крайние греческие монархисты» сначала подавили собственный народ, а теперь ведут подготовку к «агрессивным действиям против других народов». В свою очередь, греческий представитель В. Дендрамис на 61-м заседании сравнил украинские заявления с обвинениями волка в адрес ягненка из басни Эзопа о том, что тот мутит воду и не дает ему пить [17]. Постоянный представитель Великобритании А. Кадоган настаивал на заведомой абсурдности украинского обвинения, так как Греция в ее текущем положении не могла представлять никакой угрозы своим северным соседям [18]. В целом обсуждение шло по предсказуемому сценарию: «украинскую жалобу» энергично поддержал постоянный

представитель СССР при ООН А. А. Громыко, а также представитель Польши. Остальные члены Совета высказывались против украинских обвинений.

В Госдепартаменте полагали, что трения между Албанией и Грецией проистекают как из идеологических различий, так и из притязаний Афин на Северный Эпир. Джонсону было поручено отстаивать позицию, согласно которой присутствие британских войск не только не является «угрозой миру», а, наоборот, служит важным стабилизирующим фактором. В то же время многочисленные пограничные инциденты на границах Греции могли рассматриваться Совбезом [19]. Джонсон считал, что Москва стремится «сломать» Грецию, сделать ее более послушной. По его мнению, США следовало взять на себя инициативу создания комитета по изучению ситуации на границах Греции с ее северными соседями. Госдепартамент в целом согласился с идеей формирования такой подкомиссии. Таким образом, Соединенные Штаты, не отвергая с порога «украинскую жалобу», предложили сконцентрировать внимание на проблеме пограничных инцидентов, считая остальные вопросы малозначительными [20]. Такой поворот означал крушение советского замысла, который преследовал цель сосредоточить внимание мирового сообщества на внутренней ситуации в Греции, вновь использовать факт пребывания британских войск для продолжения дипломатического торга с западными державами, а также обеспечить пропагандистскую и дипломатическую поддержку левых греческих партий.

На 67-м заседании 16 сентября СССР внес проект резолюции, который всю ответственность за пограничные инциденты на греко-албанской границе возлагал на «греческие агрессивные монархические элементы», требующие аннексии части территории Албании. Также Афины обвинялись в преследовании национальных меньшинств и «разжигании национальной розни». Предлагалось обязать греческое правительство изменить внутреннюю политику [21]. На 69-м заседании 18 сентября американский представитель высказался против советской резолюции и подчеркнул, что пограничные инциденты заслуживают особого рассмотрения [22]. На 70-м заседании 20 сентября США внесли проект резолюции, который предусматривал учреждение комиссии из трех членов, назначенных Генеральным секретарем, для изучения фактов, относящихся к пограничным инцидентам вдоль границ Греции, с одной стороны, и Албании, Болгарии и Югославии – с другой [23].

Советский проект резолюции был отклонен 9 голосами (Австралия, Бразилия, Китай, Египет, Франция, Мексика, Нидерланды, Соединенное Королевство, США) против 2 (СССР и Польша). Представитель СССР вынужден был воспользоваться правом «вето», чтобы не допустить принятия американского проекта резолюции: «за» было подано 8 голосов, против – 2, австралийский представитель воздержался. В итоге греческий вопрос был снят с повестки дня Совета [24]. Таким образом, дипломатический поединок был в очередной раз проигран Москвой, которая выступила с явно «непроходной» резолюцией и оказалась в изоляции. Западные державы все настойчивее ставили «неудобный» для Советского Союза и его балканских союзников вопрос о вмешательстве в греческие дела со стороны Албании, Болгарии и Югославии. Обсуждение греческого вопроса продемонстрировало нарастающую враждебность в отношениях между недавними союзниками и поляризацию Совета Безопасности.

Дискуссии по греческому вопросу в Совете возобновились в декабре 1946 г. 3 декабря Генеральному секретарю ООН было направлено письмо с жалобой греческих властей на северных соседей, которые, по утверждению Афин, оказывали помощь партизанскому движению в Греции, и предложением провести расследование ситуации на месте [25].

10 декабря «греческая жалоба» была внесена в повестку дня, и Совет Безопасности обсуждал ее на 6 заседаниях. В своем выступлении глава греческого правительства К. Цалдарис утверждал, что агрессивные действия Албании, Болгарии и Югославии против Греции являются частью плана, нацеленного на отторжение греческой части Македонии в пользу Югославии и установление народной республики по образцу ее северных соседей. Соединенные Штаты предложили проект резолюции о создании комиссии по расследованию обстановки на границах Греции с Албанией, Болгарией и Югославией. К удивлению западных делегаций, на этот раз советский представитель поддержал идею создания комиссии. 19 декабря Совет Безопасности единогласно принял резолюцию о создании Комиссии по расследованию пограничных инцидентов в Греции, в которую были включены по одному представители стран-членов Совета [26].

Среди исследователей нет единого мнения относительно мотивов Москвы, которая в сентябре отвергла проект создания небольшой подкомиссии, а в декабре согласилась с созданием полноценной комиссии по расследованию ситуации в Греции. Госсекретарь Дж. Бирнс считал согласие СССР во многом своей заслугой. Он вспоминал, что ему удалось убедить В. М. Молотова согласиться на отправку комиссии ООН в Грецию [27]. Высказывались предположения, что причина может заключаться в двойственности советской греческой политики, суть которой состояла в сочетании моральной поддержки левых сил в Греции с усилиями, направленными на избегание

конфронтации с западными державами. Согласие СССР могло служить косвенным доказательством, что у него нет каких-либо тайных намерений в отношении Греции [28]. Последовательный советский отказ одобрить создание комиссии мировым общественным мнением воспринимался бы как фактическое подтверждение греческих обвинений [29]. Участие СССР в Комиссии ООН обеспечивало возможность использования органов ООН для обнародования материалов, дискредитирующих афинские власти [30]. И. В. Гайдук справедливо заметил, что в Москве преобладал подход к греческой проблеме как предмету пропаганды, а не стратегическому вопросу [31]. Ю. В. Запарий предполагает, что СССР решил избрать более гибкую тактику: формально согласиться на создание комиссии, но противодействовать ее нормальной работе [32].

Можно предположить, что на фоне ухудшения отношений с Западом и завершения согласования мирных договоров на Нью-Йоркской сессии СМВД Москва решила продемонстрировать свою готовность сотрудничать с прежними союзниками. Вероятнее всего, соглашаясь на создание Комиссии, Советский Союз надеялся направить ее деятельность в выгодное для себя русло дискредитации «антинародного» режима в Афинах, а также на поиск доказательств британского вмешательства во внутренние дела Греции. Еще одной целью советского участия было недопущение обвинения Албании, Югославии и Болгарии в нарушении греческих границ и поддержке партизан.

Комиссия впервые собралась в Афинах 29 января 1947 г., затем до апреля проводила заседания в Салониках, Софии и Белграде. Из ее членов были сформированы: комитет экспертов, команды расследования, комитет по разработке проекта доклада для Совбеза. В основном наблюдатели занимались сбором доказательств и заслушиванием свидетельств, которые затем обсуждались на заседаниях [33]. Греческая комиссия провела 91 заседание (в Афинах, Салониках, Софии, Белграде, Женеве и Нью-Йорке), семь команд по расследованию работали в Греции, Болгарии, Югославии и Албании, были опрошены сотни свидетелей и изучены заявления частных лиц, вовлеченных правительств и неправительственных организаций. По окончании расследования Комиссия переехала в Женеву и приступила к составлению доклада, который был утвержден 23 мая [34].

Сразу после начала работы Комиссии обозначились серьезные разногласия между советским и польским представителями и остальными участниками. Первые настаивали на том, чтобы она оставалась работать в Афинах с целью наблюдения за деятельностью греческого «монархофашистского» правительства вместо того, чтобы переместиться ближе к северным границам Греции [35]. Советский представитель А. А. Лаврищев последовательно отвергал любые свидетельства о содействии греческим партизанам со стороны Югославии, Албании и Болгарии, обвиняя других членов комиссии в поддержке исключительно точки зрения официальных Афин [36]. СССР предлагал включить в доклад обвинения Греции в экспансионизме и провокационной политике по отношению к северным соседям, а также утверждения, что гражданскую войну спровоцировал «нынешний греческий режим» [37].

Москва также предприняла попытку поставить под контроль ООН американскую программу помощи Греции и Турции по доктрине Трумэна. На 123-м заседании Совета Безопасности 28 марта США проинформировали о принятой программе помощи двум странам. На 126-м заседании 7 апреля советский представитель А. А. Громыко заявил, что не может согласиться с утверждением, будто действия американцев находятся в согласии с принципами и целями ООН. В действительности, заявил Громыко, Вашингтон оказывает Греции не экономическую, а военную помощь. Такие действия США будут способствовать «дальнейшему разжиганию гражданской войны в стране» и станут орудием иностранного влияния на ее внутренние дела. СССР внес предложение создать специальную комиссию ООН для контроля помощи Греции. Советский проект резолюции о создании комиссии был отклонен большинством голосов («за» голосовали СССР и Польша, против – 4 голоса, 5 стран, в том числе США, воздержались) [38].

28 марта США поставили также вопрос о необходимости продолжать расследование ситуации вдоль северной границы Греции в период, когда члены Комиссии работают в Женеве над докладом. К тому же с наступлением весны ожидалась активизация партизанских действий. 7 апреля был внесен проект резолюции о создании Вспомогательной группы, состоящей из представителей всех членов Комиссии по расследованию. Резолюция была принята Советом («за» – 9 голосов, воздержались СССР и Польша). Американцы считали важным то обстоятельство, что СССР и США при голосовании спорных резолюций воздерживались при голосовании [39]. Вспомогательная группа расположилась в Салониках. Албания, Болгария и Югославия отказались назначить туда своих представителей. 12 мая СССР поставил вопрос о полномочиях Вспомогательной группы, однако советский проект резолюции вновь был отклонен [40].

8 мая представитель США в Комиссии М. Этридж сообщил Госсекретарю Дж. Маршаллу некоторые результаты расследования. Большая часть партизан находилась в районах, прилегающих к северным границам Греции. Югославия, Албания и Болгария предоставляли им возмож-

ность отступить на свою территорию, беженцы возвращались в Грецию с оружием для вступления в партизанские отряды. Этридж не снимал ответственность и с греческого правительства, обращая внимание, что примерно 20 000 человек вынуждены были бежать из Греции в Югославию, 5 000 – в Болгарию. Большая часть беженцев были славомакедонцами, подвергавшимися дискриминации [41].

Работа над докладом Комиссии по расследованию проходила в непростой обстановке. Госдепартамент считал недопустимым идти на компромисс с мнением меньшинства Комиссии («славянским блоком»), что предлагали французы. США последовательно отстаивали собственные трактовки ситуации в Греции и выгодные для себя рекомендации Комиссии. Так, Госдепартамент отверг французское предложение о проведении новых парламентских выборов в Греции для стабилизации ситуации в стране. Не была поддержана и рекомендация провести амнистию в связи с отсутствием единства по этому вопросу среди греческих политиков. Также Вашингтон не согласился с попытками рассматривать в докладе ответственность греческого правительства за пограничные инциденты наряду с ответственностью Албании, Болгарии и Югославии, настаивая, что главную ответственность несут северные соседи Греции. В Госдепартаменте считали, что есть лишь отдаленная связь между недемократической внутренней политикой греческих властей и нарушениями границ. Американским дипломатам предписывалось проводить мысль о том, что беспорядки на греческих границах в таких масштабах вряд ли возникли бы, если бы северные соседи не пытались распространить собственную тоталитарную систему на Грецию. Таким образом, Комиссия ООН должна была подтвердить, что Албания, Болгария и Югославия осуществляют агрессию против Греции. В то же время, по мнению американцев, сохранялась возможность урегулирования ситуации путем переговоров [42]. Вашингтон целью северных соседей Греции считал, во-первых, отделение Эгейской Македонии, во-вторых, утверждение у власти над оставшейся частью Греции коммунистического режима, который бы согласился на вступление страны в опекаемый Советским Союзом Балканский блок [43].

Новая фаза борьбы по греческому вопросу в Совете Безопасности началась 27 июня обсуждением доклада Комиссии по расследованию. Заседания Совета проходили в напряженной атмосфере. Представители СССР и Польши сделали диаметрально противоположные остальным членам комиссии выводы. Если 8 членов из 11 (французский представитель воздержался при голосовании) в целом подтвердили обвинения греческого правительства и пришли к заключению, что Югославия и, в меньшей степени, Албания и Болгария поддерживают партизанское движение в Греции, то советская делегация заявила, что эти обвинения подтверждены в основном лживыми показаниями свидетелей, «набранных из разных фашистских и уголовных элементов». В докладе Комиссии указывалось, что Югославия обучает на своей территории греческих партизан, вербует и отправляет их в Грецию, снабжает их оружием, припасами, лечит в своих госпиталях и, наконец, предоставляет им пути отхода под натиском греческих правительственных сил. Албания и Болгария также предоставляли убежище партизанам, снабжали их оружием. Эти страны подвергали греческих беженцев политической обработке и пропаганде с целью свержения афинского правительства. Также Болгария и Югославия поддерживали сепаратистское движение славомакедонцев. По словам постоянного представителя США в ООН У. Остина, северные соседи Греции покушались на ее территориальную целостность «косвенными методами инфильтрации, запугивания и уловок». Член американской делегации в Комиссии Г. Говард отмечал, что советские представители всерьез пытались доказать, что все опрошенные в течение нескольких месяцев сотни свидетелей были «лжецами, ворами, убийцами и насильниками». Северные соседи Греции, заметил на одном из заседаний Совбеза Х. Джонсон, изображались СССР и Польшей как «невинные маленькие славяно-албанские братья, которым угрожает злой фашистский греческий волк».

Большинство членов Комиссии подготовили предложения по урегулированию ситуации: прекратить поддержку партизан, разрешать взаимные претензии по дипломатическим каналам или через органы ООН, заключить пограничные конвенции, а также создать орган Совета Безопасности для расследования нарушений границ. Если поддержка подрывных элементов будет продолжаться, то Совету предлагалось рассматривать ее как угрозу миру. На основе этого документа США сразу же внесли проект резолюции с рекомендацией учредить в Салониках на двухлетний срок Комиссию для контроля греческих границ. СССР представил собственный проект резолюции, который ответственность за пограничные инциденты возлагал на греческое правительство. В итоге Совет Безопасности оказался в патовой ситуации. Против американского проекта резолюции проголосовали СССР (имеющий право вето) и Польша (голосование состоялось на 170-м заседании 29 июля). Советский проект на 174-м заседании 4 августа поддержали только Москва и Варшава, все остальные члены Совета голосовали против. Попытки принятия компромиссных резолюций также провалились: не получили поддержки польский проект (сокращенная версия советского), близкие к американскому австралийский и колумбийский [44].

А. А. Громько заявил, что Комиссия по расследованию и Вспомогательная группа исчерпали свои задачи. 19 августа на 188-м заседании СССР заблокировал новый проект американской резолюции, который предписывал Вспомогательной группе предоставить Совету Безопасности доклад о том, выполняют ли Албания, Болгария и Югославия рекомендацию о прекращении помощи греческим партизанам [45].

Тем временем подоспела информация от Вспомогательной группы, которая свидетельствовала о том, что иностранная помощь греческим партизанам увеличилась. Бескомпромиссная советская позиция поставила под вопрос судьбу Вспомогательной группы. Пытаясь ее спасти, США 15 сентября на 202-м заседании внесли предложение, чтобы Совет Безопасности обратился к Генеральной Ассамблее с просьбой рассмотреть греческий вопрос, что позволило бы группе продолжить работу. Однако и на этот раз советский делегат наложил вето на резолюцию [46]. Советские попытки использовать Комиссию по расследованию в собственных интересах провалились, и теперь Громько блокировал принятие любых не устраивающих СССР резолюций. Таким образом, Совет Безопасности оказался неспособен принять ни одного решения по греческому вопросу. После пяти советских вето Совету осталось лишь снять греческий вопрос с повестки дня и положить конец существованию Вспомогательной группы.

Американцы, твердо настроенные вовлечь ООН в разрешение греческого вопроса, решили передать его в Генеральную Ассамблею, где у СССР не было права вето. 20 августа представитель США попросил Генерального секретаря включить вопрос об «угрозе политической независимости и территориальной целостности Греции» в повестку дня 2-й Генеральной Ассамблеи ООН. На 202-м заседании Совет Безопасности исключил греческий вопрос из повестки дня и передал все документы по нему в распоряжение Генассамблеи [47]. 18 сентября Вспомогательная группа прекратила свое существование.

Таким образом, уже в самом начале холодной войны Организация Объединенных Наций стала ареной дипломатического противостояния двух сверхдержав. Обсуждение греческого вопроса в органах ООН в течение 1946 г. продемонстрировало всему миру серьезные разногласия Запада и Востока. Характер дискуссий по греческим проблемам в 1947 г. в Совете Безопасности свидетельствовал о втягивании ООН в холодную войну.

СССР и США предпринимали попытки использовать Организацию в качестве инструмента собственной внешней политики. Больше в этом преуспел Вашингтон, что объяснялось наличием проамериканского большинства в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности. Дебаты по греческому вопросу продемонстрировали дипломатическую изоляцию СССР и немногочисленных стран народной демократии. Американцы обладали устойчивым большинством при обсуждении практически любого значимого вопроса. Симптомом холодной войны в ООН стало выраженное биполярное видение греческого кризиса: в Организации боролись две диаметрально противоположные точки зрения на конфликт – американская и советская. Дискуссии все больше становились похожи на столкновение двух враждебных коалиций во главе с США и СССР. В то же время ООН являлась площадкой открытой дипломатии и в ней высказывались альтернативные точки зрения на события в Греции. Многоголосье мнений далеко не всегда укладывалось в прокрустово ложе двух главных трактовок событий, предлагаемых Москвой и Вашингтоном.

Примечания

1. *Xydis S. G. Greece and the Great Powers 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”.* Thessaloniki, 1963; *Nachmani A. International Intervention in the Greek Civil War: the United Nations Special Committee on the Balkans, 1947–1952.* N. Y.; Westport (Conn.); L., 1990; *Howard H. N. United States Policy toward Greece in the United Nations, 1946–1950 // Balkan Studies. Vol. 8, 1967. № 2. P. 263–296; Coufoudakis V. The United States, the United Nations, and the Greek Question, 1946–1952 // Greece in the 1940s: A Nation in Crisis / ed. by J. O. Iatrides. Hanover; L., 1981. P. 275–297.*

2. *Запарий Ю. В. Организация Объединенных Наций и «греческий вопрос» (1946–1950 гг.) // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 6. Сер. Балканика. Вып. 1. Екатеринбург, 2008. С. 118–128.*

3. *Luard E. A History of the United Nations. Vol. 1: The Years of Western Domination, 1945–1955.* N. Y., 1982.

4. *Barros J. Trygve Lie and the Cold War: The UN Secretary-General Pursues Peace, 1946–1953.* DeKalb (Illinois), 1989.

5. *Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН. 1945–1965 гг. М., 2012.*

6. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Первый год. Первая серия. Дополнение № 1. Лондон, 1946. С. 38; документ S/PV.6. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.6>; Правда. 1946. 23 янв. С. 5.

7. *Alexander G. M. Prelude to the Truman Doctrine: British Policy in Greece, 1944–1947.* Oxford, 1982. P. 71–173.

8. *Запарий Ю. В. Указ. соч. С. 119.*

9. Johnson E. Early Indications of a Freeze: Greece, Spain and the United Nations, 1946-47 // Cold War History. Vol. 6, № 1 (Feb. 2006). P. 47-48.
10. Совет Безопасности ООН. Резолюции 1946 года. Греческий вопрос. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1946/res12.pdf>; United Nations. Yearbook of the United Nations, 1946-1947. N. Y., 1947. P. 337-338; см. также: Luard E. Op. cit. P. 118-119.
11. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1946. Vol. 7. P. 111-112.
12. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальный отчет второй сессии. Дополнение № 2 (А/366). Доклад Совета Безопасности Генеральной Ассамблее за период с 16 июля 1946 г. по 15 июля 1947 г. Лейк Соксес (Нью-Йорк), 1947. С. 4; Yearbook of the United Nations, 1946-1947. P. 351; Внешняя политика Советского Союза. 1946 г. Документы и материалы. М., 1952. С. 602; FRUS. 1946. Vol. 7. P. 194.
13. Documents on British Policy Overseas. Ser. I. Vol. VII. The United Nations: Iran, Cold War and World Organization, 1946-1947. L., 1995. P. 207-208.
14. Documents on British Policy Overseas. Ser. I. Vol. VII. P. 210-211.
15. Yearbook of the United Nations, 1946-1947. P. 352; Johnson E. Op. cit. P. 48.
16. Yearbook of the United Nations, 1946-1947. P. 352-360; Худис С. Г. Op. cit. P. 335-346, 349-355.
17. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Официальный отчет. Первый год. Вторая серия. № 8. Шестидесятое заседание – 4 сентября 1946 г. Нью-Йорк, 1947. С. 108-113; документ S/PV.60. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.60>; документ S/PV.61. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.61>.
18. Документ S/PV.69. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.69>; Documents on British Policy Overseas. Ser. I. Vol. VII. P. 230-233.
19. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 202-204.
20. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 207-208, 214-215, 217-218.
21. Доклад Совета Безопасности ... за период с 16 июля 1946 г. по 15 июля 1947 г. С. 10-11; Yearbook of the United Nations, 1946-1947. P. 357-358.
22. Документ S/PV.69. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.69>.
23. Доклад Совета Безопасности... за период с 16 июля 1946 г. по 15 июля 1947 г. С. 11-13; Yearbook of the United Nations, 1946-1947. P. 358-359.
24. Документ S/PV.70. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.70>; Доклад Совета Безопасности... за период с 16 июля 1946 г. по 15 июля 1947 г. С. 13-15; Yearbook of the United Nations, 1946-1947. P. 359-360.
25. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 84. Оп. 29а. П. 30а. Д. 4. Л. 22-26; Ф. 434. Оп. 2. П. 6. Д. 42. Л. 54; Доклад Совета Безопасности ... за период с 16 июля 1946 г. по 15 июля 1947 г. С. 15; FRUS. 1946. Vol. 7. P. 272-275.
26. Доклад Совета Безопасности ... за период с 16 июля 1946 г. по 15 июля 1947 г. С. 15-20; документ S/PV.87. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.87>; S/RES/15(1946). URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/15%281946%29>; Yearbook of the United Nations, 1946-1947. P. 360-362; АВП РФ. Ф. 434. Оп. 2. П. 6. Д. 42. Л. 54; FRUS. 1946. Vol. 7. P. 284-285; Kondis B. Aspects of Greek-American Relations on the Eve of the Truman Doctrine // Balkan Studies. Vol. 19, 1978. № 2. Thessaloniki, 1978. P. 337-338; Lebe M. S. Op. cit. P. 109-110; Luard E. Op. cit. P. 122; Barros J. Op. cit. P. 94.
27. Byrnes J. All In One Lifetime. N. Y., 1958. P. 384-385.
28. Гайдук И. В. Указ. соч. С. 123.
29. Johnson E. Op. cit. P. 49.
30. Kondis B. Op. cit. P. 339.
31. Гайдук И. В. Указ. соч. С. 123.
32. Занаруй Ю. В. Указ. соч. С. 123-124.
33. United Nations. Security Council. Official Records. Special Supplement. Second year, 1947. No. 2. Report of the Commission of Investigation concerning Greek Frontier Incidents. Vol. 1. N. Y., 1947. P. 6; Занаруй Ю. В. Указ. соч. С. 124.
34. Доклад Совета Безопасности ... за период с 16 июля 1946 г. по 15 июля 1947 г. С. 20; Yearbook of the United Nations, 1946-1947. P. 362; Nachmani A. Op. cit. P. 33-35.
35. Oral History Interview with Mark F. Ethridge. U. S. delegate to the U. N. Commission of Investigation to study the Greek border disputes, 1947. P. 27-28. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/ethridge.htm>; FRUS. 1947. Vol. 5. P. 23-24, 820, 872-873.
36. Худис С. Г. Op. cit. P. 466-468.
37. АВП РФ. Ф. 84. Оп. 30. П. 29. Д. 14. Л. 27-29.
38. Доклад Совета Безопасности ... за период с 16 июля 1946 г. по 15 июля 1947 г. С. 22-24, 27-28; документ S/PV.123. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.123>; документ S/PV.126. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.126>; документ S/PV.130. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.130>; документ S/PV.131. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.131>.
39. Доклад Совета Безопасности ... за период с 16 июля 1946 г. по 15 июля 1947 г. С. 22-28; документ S/PV.123. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.123>; документ S/PV.131. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.131>; документ S/RES/23(1947). URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/23%281947%29>; FRUS. 1947. Vol. 5. P. 837; см. также: АВП РФ. Ф. 434. Оп. 2. П. 6. Д. 42. Л. 54; текст Директивы Вспомогательной группе... – АВП РФ. Ф. 84. Оп. 30. П. 29. Д. 14. Л. 33-35.

40. АВП РФ. Ф. 434. Оп. 2. П. 6. Д. 42. Л. 55; документ S/PV.133. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.133>; Доклад Совета Безопасности ... за период с 16 июля 1946 г. по 15 июля 1947 г. С. 28–32.
41. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 845–848.
42. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 839–843, 848–849, 862–865.
43. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 866–867.
44. АВП РФ. Ф. 434. Оп. 2. П. 6. Д. 42. Л. 56–63; документ S/PV.147. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.147>; документ S/PV.153. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.153>; документ S/PV.170. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.170>; документ S/PV.174. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.174>; Доклад Совета Безопасности ... за период с 16 июля 1946 г. по 15 июля 1947 г. С. 32–46; Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Третья сессия. Официальные отчеты. Дополнение № 2 (A/620). Доклад Совета Безопасности Генеральной Ассамблеи за период с 16 июля 1947 г. по 15 июля 1948 г. Лейк Соксес (Нью-Йорк), 1948. С. 3–17; *Nachmani A.* Op. cit. P. 35–36.
45. Документ S/PV.188. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.188>.
46. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Вторая сессия. Официальные отчеты. Первый комитет: Политические вопросы и вопросы безопасности, включая регулирование вооружений. Краткие отчеты заседаний 16 сентября – 19 ноября 1947 г. Лейк Соксес (Нью-Йорк), 1947. С. 7–8; документ S/PV.202. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.202>.
47. АВП РФ. Ф. 434. Оп. 2. П. 6. Д. 42. Л. 63; Ф. 06. Оп. 9. П. 50. Д. 740. Л. 33; документ S/RES/34(1947). URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/34%281947%29>.

Notes

1. S. G. Xydis *Greece and the Great Powers 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”*. Thessaloniki, 1963; *Nachmani A. International Intervention in the Greek Civil War: the United Nations Special Committee on the Balkans, 1947–1952*. N. Y.; Westport (Conn.); L., 1990; Howard H. N. *United States Policy toward Greece in the United Nations, 1946–1950 // Balkan Studies*. Vol. 8, 1967. No. 2. P. 263–296; *Coufoudakis, V. The United States, the United Nations, and the Greek Question, 1946–1952 // Greece in the 1940s: A Nation in Crisis / ed. by J. O. Iatrides*. Hanover; L., 1981. P. 275–297.
2. Zaparyi Y. V. *Organizaciya Ob"edinennyh Nacij i «grecheskij vopros» (1946–1950 gg.) [Organization of the United Nations and the "Greek question" (1946–1950)] // Imagines mundi: al'manah issledovanij vseobshchej istorii XVI–XX vv – Imagines mundi: journal of research of General history XVI–XX centuries*. № 6. Ser. Balkanika. Vol. 1. Ekaterinburg, 2008. Pp. 118–128.
3. Luard E. *A History of the United Nations*. Vol. 1: The Years of Western Domination, 1945–1955. N. Y., 1982.
4. Barros J. *Trygve Lie and the Cold War: The UN Secretary-General Pursues Peace, 1946–1953*. DeKalb (Illinois), 1989.
5. Gaiduk I. V. *V labirintah holodnoj vojny: SSSR i SSHA v OON [In the labyrinths of the cold war: the USSR and the USA in the UN. 1945–1965]*. M. 2012.
6. The United Nations. The Security Council. The official report. The first year. First series. Supplement No. 1. London. 1946. P. 38, document S/PV.6. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.6>; Truth. 1946, 23 Jan., p.5. (in Russ.)
7. Alexander G. M. *Prelude to the Truman Doctrine: British Policy in Greece, 1944–1947*. Oxford, 1982. P. 71–173.
8. Zaparyi Y. V. Op. cit. P. 119.
9. Johnson E. *Early Indications of a Freeze: Greece, Spain and the United Nations, 1946–47 // Cold War History*. Vol. 6, No. 1 (Jan. 2006). Pp. 47–48.
10. The UN Security Council. *Resolution of 1946. The Greek question*. Available at: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1946/res12.pdf>; United Nations. *Yearbook of the United Nations, 1946–1947*. N. Y., 1947, pp. 337–338; see also: E. Luard Op. cit. Pp. 118–119.
11. *Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers (hereafter FRUS)*. 1946. Vol. 7. Pp. 111–112.
12. The United Nations. The General Assembly. The official report of the second session. Supplement No. 2 (A/366). *The report of the Security Council to the General Assembly for the period from July 16, 1946–July 15, 1947, city of Lake Success (New York)*, 1947. P. 4; *Yearbook of the United Nations, 1946–1947*, p. 351; *Foreign policy of the Soviet Union*. 1946. Documents and materials. M. 1952. P. 602; FRUS. 1946. Vol. 7. P. 194.
13. *Documents on British Policy Overseas*. Ser. I. Vol. VII. The United Nations: Iran, Cold War and World organisation, 1946–1947. L., 1995. Pp. 207–208.
14. *Documents on British Policy Overseas*. Ser. I. Vol. VII. Pp. 210–211.
15. *Yearbook of the United Nations, 1946–1947*. P. 352; E. Johnson Op. cit. P. 48.
16. *Yearbook of the United Nations, 1946–1947*. Pp. 352–360; S. G. Xydis Op. cit. Pp. 335–346, 349–355.
17. The United Nations. The Security Council. The official report. For the first year. Second series. No. 8. Sixtieth meeting – September 4, 1946, New York, 1947, pp. 108–113; document S/PV.60. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.60>; document S/PV.61. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.61>. (in Russ.)
18. Document S/PV.69. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.69>; (in Russ.) *Documents on British Policy Overseas*. Ser. I. Vol. VII. Pp. 230–233.
19. FRUS. 1946. Vol. 7. Pp. 202–204.
20. FRUS. 1946. Vol. 7. Pp. 207–208, 214–215, 217–218.

21. Doklad Soveta Bezopasnosti ... za period s 16 iyulya 1946 g. po 15 iyulya 1947 g – The report of the Security Council for the period from July 16, 1946–July 15, 1947, pp. 10–11; Yearbook of the United Nations, 1946–1947, pp. 357–358.
22. Document S/PV.69. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.69>. (in Russ.)
23. Doklad Soveta Bezopasnosti... za period s 16 iyulya 1946 g. po 15 iyulya 1947 g. – The report of the Security Council for the period from July 16, 1946–July 15, 1947, pp. 11–13; Yearbook of the United Nations, 1946–1947, pp. 358–359.
24. Document S/PV.70. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.70>; (in Russ.). Doklad Soveta Bezopasnosti... za period s 16 iyulya 1946 g. po 15 iyulya 1947 g. – Report of the Security Council for the period from July 16, 1946–July 15, 1947, pp. 13–15; Yearbook of the United Nations, 1946–1947, pp. 359–360.
25. The archive of foreign policy of the Russian Federation (AVP RF). F. 84. Sh. 29A. Art. 30A. File 4. Sh. 22–26; F. 434. Sh. 2. Art. 6. File 42. Sh. 54; Doklad Soveta Bezopasnosti ... za period s 16 iyulya 1946 g. po 15 iyulya 1947 g. – Report of the Security Council for the period from July 16, 1946–July 15, 1947, p. 15; FRUS 1946. Vol. 7. Pp. 272–275.
26. Doklad Soveta Bezopasnosti ... za period s 16 iyulya 1946 g. po 15 iyulya 1947 g. – The report of the Security Council for the period from July 16, 1946–July 15, 1947, pp. 15–20; document S/PV.87. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.87> (in Russ.); S/RES/15(1946). Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/15%281946%29> (in Russ.); Yearbook of the United Nations, 1946–1947. Pp. 360–362; AVP RF. F. 434. Sh. 2. Art. 6. File 42. Sh. 54; FRUS 1946. Vol. 7. Pp. 284–285; B. Kondis Aspects of Greek–American Relations on the Eve of the Truman Doctrine // Balkan Studies. Vol. 19, 1978. No. 2. Thesaloniki. 1978. Pp. 337–338; M. S. Lebe Op. cit. Pp. 109–110; E. Luard Op. cit. P. 122; J. Barros Op. cit. P. 94.
27. Byrnes J. All In One Lifetime. N. Y., 1958. Pp. 384–385.
28. Gaiduk I. V. Op. cit. P. 123.
29. Johnson E. Op. cit. P. 49.
30. Kondis B. Op. cit. P. 339.
31. Gaiduk I. V. Op. cit. P. 123.
32. Zapariy Y. V. Op. cit. Pp. 123–124.
33. United Nations. Security Council. Official Records. Special Supplement. Second year, 1947. No. 2. Report of the Commission of Investigation concerning Greek Frontier Incidents. Vol. 1. N. Y., 1947. P. 6; Zapariy Y. V. Op. cit. P. 124.
34. Doklad Soveta Bezopasnosti ... za period s 16 iyulya 1946 g. po 15 iyulya 1947 g. – The report of the Security Council for the period from July 16, 1946–July 15, 1947, P. 20; Yearbook of the United Nations, 1946–1947, p. 362; A. Nachmani Op. cit. Pp. 33–35.
35. Oral History Interview with Mark F. Ethridge. U. S. delegate to the U. N. Commission of Investigation to study the Greek border disputes, 1947. Pp. 27–28. Available at: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/ethridge.htm>; FRUS. 1947. Vol. 5. Pp. 23–24, 820, 872–873.
36. S. G. Xydis Op. cit. Pp. 466–468.
37. AVP RF. F. 84. Sh. 30. Art. 29. File 14. Sh. 27–29.
38. Doklad Soveta Bezopasnosti ... za period s 16 iyulya 1946 g. po 15 iyulya 1947 g. – The report of the Security Council for the period from July 16, 1946–July 15, 1947, P. 22–24, 27–28; document S/PV.123. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.123>; document S/PV.126. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.126>; document S/PV.130. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.130>; document S/PV.131. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.131>.
39. Doklad Soveta Bezopasnosti ... za period s 16 iyulya 1946 g. po 15 iyulya 1947 g. – The report of the Security Council for the period from July 16, 1946–July 15, 1947, pp. 22–28; document S/PV.123. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.123>; document S/PV.131. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.131>; document S/RES/23(1947). Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/23%281947%29>; FRUS. 1947. Vol. 5. P. 837; see also: AVP RF. F. 434. Sh. 2. Art. 6. File 42. Sh. 54; the text of the Directive for support group... – AVP RF. F. 84. Sh. 30. Art. 29. File 14. Sh. 33–35.
40. AVP RF. F. 434. Sh. 2. Art. 6. File 42. Sh. 55; document S/PV.133. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.133>; Report of the Security Council for the period from July 16, 1946–July 15, 1947, pp. 28–32.
41. FRUS. 1947. Vol. 5. Pp. 845–848.
42. FRUS. 1947. Vol. 5. Pp. 839–843, 848–849, 862–865.
43. FRUS. 1947. Vol. 5. Pp. 866–867.
44. AVP RF. F. 434. Sh. 2. Art. 6. File 42. Sh. 56–63; document S/PV.147. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.147>; document S/PV.153. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.153>; document S/PV.170. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.170>; document S/PV.174. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.174>; Report of the Security Council for the period from July 16, 1946–July 15, 1947, pp. 32–46; The United Nations. The General Assembly. The third session. The official report. Supplement No. 2 (A/620). Doklad Soveta Bezopasnosti ... za period s 16 iyulya 1947 g. po 15 iyulya 1948 g. – The report of the Security Council to the General Assembly for the period from July 16, 1947–July 15, 1948, city of Lake Success (New York). 1948. Pp. 3–17; A. Nachmani Op. cit. Pp. 35–36.
45. Document S/PV.188. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.188>.
46. The United Nations. The General Assembly. The second session. The official report. First Committee: Political and security questions including regulation of armaments. Summary records of meetings, September 16 – November 19, 1947, city of Lake Success (New York). 1947. Pp. 7–8; document S/PV.202. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.202>.
47. AVP RF. F. 434. Sh. 2. Art. 6. File 42. Sh. 63; F. 06. Sh. 9. Art. 50. File 740. Sh. 33, document S/RES/34(1947). Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/34%281947%29>.

Н. В. Чернышева, К. А. Чернышев, А. В. Бровцин

Трудовые миграции населения СССР в сер. 1940–1960-е гг.: историографический обзор*

В статье рассматриваются основные этапы и направления исследований в области трудовых миграций населения СССР в сер. 1940–1960-е гг. Авторы отмечают междисциплинарный характер и научно-практическую значимость данных исследований.

The article considers the main stages and directions of research in the field of labor migration the population the USSR in the mid of 1940–1960 gg. The authors note the interdisciplinary nature of scientific and practical significance of this research.

Ключевые слова: историография, население СССР, трудовые миграции, организованный набор рабочей силы, сельскохозяйственное переселение, трудовые резервы.

Keywords: historiography, the population of the USSR, labor migration, organized set labor, agricultural resettlement, labor reserves.

В России миграционные процессы изначально играли огромную политическую и социально-экономическую роль. Особенно велико было их значение в XIX–XX столетиях, хотя их характер и круг решаемых таким образом задач менялся со временем. Для исследований трудовых миграций населения страны свойственен междисциплинарный и прикладной характер. Экономико-географические исследования впоследствии дополнялись демографическими, социологическими и историческими.

В первое послевоенное десятилетие отсутствовали значимые научные исследования. В конце 1950-х гг. началось постепенное возрождение исследований в области миграции. В 1954 г. в работе Е. Иоффе обосновывается необходимость оргнабора рабочих в идеологически правильном ключе [1]. М. Я. Сониным в работе «Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда» подробно проанализированы организованные формы обеспечения народного хозяйства рабочей силой [2].

В 1960-е гг. стали появляться научные работы, посвященные вопросам населения СССР [3]. В них рассматривались проблемы численности и состава населения Советского Союза. В Сибири создается научный центр Сибирского отделения АН СССР, в составе которого работал Институт экономики и организации промышленного производства. Особо плодотворно работал в данном направлении В. И. Переведенцев, опубликовавший в 1960-е гг. несколько работ [4]. Совместно с Ж. А. Зайончковской им были разработаны и научно обоснованы показатели приживаемости новоселов.

Вслед за работами В. И. Переведенцева в конце 1960-х гг. вышла монография Л. Л. Рыбаковского «Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока» [5]. В ней впервые было обосновано понятие «генетическая структура населения». В 1969 г. были разработаны стандартизованные по двум основаниям (относительно населения районов выхода и вселения) коэффициенты интенсивности межрайонных связей (КИМСы).

В 1970–1980-е гг. изданы общие научно-методологические исследования, затрагивающие проблемы народонаселения, служившие основой развития демографической науки (Б. Ц. Урланис, А. Г. Вишневский, Г. А. Слесарев, В. В. Переведенцев) [6]. Ученые дали классификацию демографических процессов и проанализировали способы их изучения. Проводятся исследования по оценке достоверности статистического учета и их математической оценке (В. В. Оникиенко, В. А. Поповкин, А. У. Хомра, И. С. Матлин) [7]. А. Г. Вишневский, рассматривая исторические типы воспроизводства населения (специфические черты и закономерности), справедливо отмечает: «Только знание этих специфических черт и закономерностей открывает путь к пониманию реально наблюдаемых демографических изменений и тенденций» [8].

Коллектив сибирских ученых под руководством Т. И. Заславской, используя системный подход и социологические методы, изучал миграцию населения Сибири по типу «село – город»

* Статья подготовлена в рамках выполнения регионального гранта РГНФ и Правительства Кировской области «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее». Кировская область, номер проекта 14-11-43004.

[9]. Применение социологических методов значительно расширило исследовательскую проблематику. Анализируя миграционное поведение, ученые определили причины миграций, факторы, миграционные установки [10].

Другая научная школа формируется во второй половине 1960-х гг. в Центре по изучению проблем народонаселения МГУ им. М. В. Ломоносова. Область научных интересов: миграционная подвижность населения и изучение миграции населения в контексте проблем урбанизации. Работа Центра связана с трудами Б. С. Хорева и его учеников В. Н. Чапека, С. А. Польского, С. Г. Смидовича, А. Г. Гришановой, В. А. Ионцева [11].

В середине 1970-х гг. был сформирован еще один научный центр – Центр демографии Института социологических исследований АН СССР.

Необходимо также отметить тот фактор, что на высшем уровне в этот период принимается решение о запрете открытых публикаций и демографических сведений, усложнена процедура получения доступа к ним.

Ученые Центра демографии проверили ряд крупных теоретико-методологических исследований. По мнению Л. Л. Рыбаковского, их можно разделить на 3 направления: региональный анализ миграций; теория трехстадийности миграционного процесса; теория миграционного поведения.

Исследования региональной миграции касались не только выявления территориальных особенностей, но и типов миграционных проблем [12].

Возросший интерес был подкреплен изданием в 1985 г. энциклопедического словаря «Народонаселение», в котором был представлен комплекс научных знаний о народонаселении, раскрыт понятийный аппарат демографической науки [13].

В период перестройки Л. Л. Рыбаковский дал расширенное понятие миграционной политики. Автор акцентировал внимание на взаимосвязи миграционной политики с социальной, демографической и экономической, разработал структуру миграционной политики, выделив цели и задачи [14]. Ученый дал понятие миграции в узком и широком смысле. В узком смысле – законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства (переселение). В широком – любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности [15].

В конце 1980-х гг. начинается новый этап изучения миграционных процессов. С открытием фондов центральных и региональных архивов расширились исследовательские возможности. Все больше появляется историко-демографических работ. Ученые «обнаружили», что в миграцию вовлекались не только советские граждане, но и граждане иностранных государств (военнопленные, мобилизованные, иностранные рабочие). Одним из популярных направлений исследований стали принудительные миграции 1940–1950-х гг. (В. Н. Земсков, П. М. Полян) [16].

Одним из первых принудительные миграции исследовал В. Н. Земсков. Он рассматривал численность, этнический состав мигрантов СССР, выделив среди «спецпоселенцев» более 30 категорий [17]. П. М. Полян, проводя исследование на стыке географии, истории и демографии, дает классификацию принудительных миграций в СССР, выделяет 9 периодов (историю и географию таких переселений), рассматривает вопросы использования труда переселенцев и пр. [18]

Из региональных исследователей необходимо назвать Е. Н. Чернолуцкую, которая одной из первых выявила структуру «спецконтингентов», численность, этнический состав и специфику их использования на Дальнем Востоке [19]. В истории принудительных миграций также стоит отметить исследования В. А. Бердинских, В. В. Сарновой, А. А. Шевякова, А. Б. Сулова и др. [20]

В. А. Бердинских в своей монографии о политической ссылке народов в СССР исследовал историю массовых депортаций 1930–1950-х гг., рассматривая их применительно к Кировской области [21]. Автор детально исследовал организацию и административное устройство спецпоселений, механизмы государственного управления жизнью поселенцев в центре и на местах, привел анализ экономической эффективности.

Отдельно стоит остановиться на работах, посвященных изучению освоения целинных и залежных земель. Историографию данного вопроса можно разделить на два этапа: советский (50-е – конец 80-х гг. XX в.) и постсоветский (российский) периоды.

В первое десятилетие освоения целины средства массовой информации весьма подробно освещали эту тему [22]. Для научных трудов конца 50–60-х гг. XX в. характерно освещение истории освоения целинных земель на территории Казахстана и Западной Сибири (деятельность местных партийных организаций и переселенческие мероприятия) [23]. Как правило, все ограничивалось рассмотрением участия в целинной кампании отдельных социальных групп, прежде всего комсомола [24].

Ю. В. Арутюнян одним из первых обратил внимание на необходимость изучения кадрового вопроса на целине. Им были поставлены вопросы формирования коллективов целинных хо-

зайств и закрепления кадров на новых местах. По мнению Ю. В. Арутюняна, определяющее значение в этом вопросе имело материально-бытовое устройство переселенцев [25]. И. Г. Ткаченко отмечал, что закреплению кадров на целине во многом препятствовало отсутствие элементарных культурно-бытовых условий [26].

Исследованием истории освоения целины на Южном Урале занимался Е. М. Тяжелников. По мнению исследователя, успех целинной кампании обеспечило массовое добровольческое движение [27].

Во второй пол. 60-х – первой пол. 70-х гг. XX в. появляется как самостоятельное направление изучение формирования и подготовки кадров для сельскохозяйственного производства [28].

Попытка представить целостную картину аграрного развития страны на протяжении 1940–1970-х гг. была предпринята авторским коллективом монографии «Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970)» [29]. Рассматривая проблему рабочих рук, В. И. Куликов признавал, что комсомольцы и молодежь были не единственным источником пополнения кадрами целинных хозяйств. В процессе формирования кадров на целине существенную роль сыграло и организованное переселение семей колхозников из южных и юго-восточных районов СССР [30].

Повышение интереса было обусловлено появлением в 1978 г. книги генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева Л. И. «Целина» [31].

С конца 80-х гг. XX в. берет начало второй период изучения истории освоения целины. В течение периода конца 80-х – нач. 90-х гг. XX в. исследователи не выделяли освоение целины в качестве особого социально-экономического явления [32]. О. М. Вербицкой было проведено обширное исследование, разносторонне характеризующее динамику переселенческой политики в СССР в 1939–1959 гг. Автором обозначены механизмы проводившегося переселения, осуществлявшегося Главным переселенческим управлением Совета Министров РСФСР, посредством общественных призывов, организованного набора и т. п. [33]

Отдельные аспекты освоения целины получили освещение в работах по истории аграрной политики в СССР, опубликованных в течение второй пол. 1990-х – нач. 2000-х гг. [34] Празднование 50-летия начала целинной кампании в 2004 г. вновь вызвало повышение интереса к теме. Среди юбилейных изданий стоит отметить «Мир и хлеб: к 50-летию освоения целины» [35]. Также необходимо назвать ряд современных исследователей, затрагивающих вопросы использования труда рабочих на целине (М. В. Алейников, Е. В. Пахомова и др.) [36]. В целом значение сельскохозяйственного переселения и оргнабора для осуществления целинной кампании остается мало изученным.

Еще в середине 1990-х гг. в монографии Л. В. Зандановой была проанализирована советская переселенческая политика конца 1940 – сер. 1960-х гг. В ней дается всесторонняя оценка переселенческой политики (причины, контингент, этапы переселения, территориальность, социальная политика и помощь в переселении, вопросы приживаемости на местах) [37]. Во второй пол. 1990-х гг. В. В. Щегловым публикуется ряд научных работ, посвященных миграционным процессам населения Сахалинской области [38].

Повышение интереса к историко-демографическим исследованиям в 1990-е гг. привело к появлению целого ряда статей и обобщающих научных трудов (Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харьковская, В. Б. Жиромская и др.) [39].

Еще в конце 1990-е гг. О. В. Горбачевым была издана монография «Экономические факторы миграции сельского населения Центрального Нечерноземья (1946–1970 гг.)» [40]. Работа ученого была продолжена и в 2000-е гг. [41]. Олег Витальевич справедливо отмечал, что в изучении организованных миграций существуют следующие проблемы: «1) отсутствует общее понимание эволюции системы организованного перераспределения рабочей силы в послевоенное время; 2) нуждаются в уточнении соотношения между стихийными и организованными миграциями; 3) при том, что процесс миграции с точки зрения принимающей стороны освещен (в монографии Л. В. Зандановой), ситуация в местах выхода переселенцев, их отбор и другие аспекты не раскрыты; 4) до сих пор почти не уделялось внимания региональной специфике организованных перемещений» [42]. О. В. Горбачевым публикуются значимые научные работы и сейчас [43].

В начале 2000-х гг. вышли в свет обобщающие труды и статьи по проблемам миграции как в России в целом, так и в её отдельных регионах в течение XX в. [44] Известный исследователь миграции Ж. А. Зайончковская определяют пространственный характер урбанизации и дает анализ миграционных процессов в СССР, отмечая: «В 60–80-е гг. ареал интенсивного оттока сельского населения охватил всю главную полосу расселения СССР, включая южные районы Сибири. Село России в это время оставалось самым мощным донором урбанизации, отдав в города 23 млн чел., в 2,4 раза больше, чем был его естественный прирост» [45].

История эмиграции и репатриации в Россию в начале XX в. подробно изучена В. О. Ионцевым, Н. М. Лебедевой, М. В. Назаровым, А. М. Окорочковым. Авторы решают весьма важные научные задачи: происхождение России, ее населения и влияние миграционных течений на эти события; анализ волн российской эмиграции; мотивы эмиграции, социально-психологические проблемы аккультурации мигрантов в иной культурной и природной среде; духовный опыт русской эмиграции; влияние миграций на экономическое и демографическое развитие России [46].

В коллективной работе «Россия в XX веке: территория – расселение – миграции» рассматриваются вопросы изменения границ и территорий России, урбанизации, принудительных миграций [47].

Фундаментальным по своему значению стало издание в 2000 и 2002 гг. двухтомника «Население России в XX веке» под редакцией Ю. А. Полякова [48]. Роль миграций и переселения в формировании населения союзных республик изучается современными исследователями в странах СНГ (Н. В. Барабаш, Л. Н. Игнатъева и др.) [49]. Отдельно необходимо отметить работы зарубежных авторов [50]. Р. Стюарт и П. Грегори рассматривают вопросы урбанизации населения в СССР. В книге американских сибиреведов Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди «Сибирское время. Прочеты советского планирования и будущее России», переведенной на русский язык, отечественный опыт освоения Сибири в XX в. оценен как негативный, а движение россиян на восток признано крайне не рациональным как в экономическом, так и социальном смысле.

В последнее десятилетие все больше появляется работ, затрагивающих не только вопросы переселения и использования труда мигрантов в местах вселения, но и выхода.

Проблемам реализации государственной политики, обустройства переселенцев на Дальнем Востоке посвящены работы С. А. Пискунова, Л. А. Куршановой [51]. Сергей Александрович Пискунов детально проанализировал историографию данной проблемы, организационно-правовые вопросы, а также выделил и на основании широкого круга источников подробно описал основные этапы государственной политики переселения в земледельческие районы на Дальний Восток (планирование переселенческих мероприятий, отбор и перевозка переселенцев, устройство и приживаемость) [52].

Л. А. Куршанова стремится ответить на ряд важнейших вопросов: каким образом Советское государство влияло на рост численности населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке? Достигало ли баланса интересов между «пришлым» и постоянно проживающим населением в пионерных и слабо освоенных регионах? Соблюдали ли интересы государственной безопасности в приграничных областях? [53]

Е. П. Смирновой рассмотрены проблемы заселения новых районов Карело-Финской ССР [54]. Исследования Г. И. Большаковой посвящены миграциям и освоению Карельского перешейка [55]. Исследователь выделяет несколько этапов реализации переселенческой политики Советского государства на Карельском перешейке, подчеркивает значение переселения для решения демографической проблемы [56]. Рассматривая вопрос о последствиях переселения (психологических, экономических, демографических, этнокультурных), Г. И. Большакова отмечает значимость их изучения как для районов вселения, так и выхода [57].

Вопросы переселения на Карельский перешеек изучаются и в работах Л. В. Геращенко, которая акцент делает на работе органов переселения и самой переселенческой политике государства в 1940–1953 гг. [58] Историк отмечает, что «в новые районы прибывали граждане из Калининской, Кировской, Орловской, Вологодской, Смоленской, Ярославской, Ленинградской, Пензенской, Горьковской, Рязанской областей» [59].

В последние годы все больше появляется исследований, посвященных проблемам миграций населения в советский период. В 2012 г. вышла монография И. С. Метелева «Миграционные процессы и экономическое освоение Азиатской России. Прошлое, настоящее, будущее». Автором определены основные тенденции внутренних миграций России в XVIII–XXI вв.; систематизированы формы и методы обеспечения Азиатской России постоянным населением и трудовыми ресурсами; дается оценка государственных форм регулирования переселенческих процессов [60].

Организация сельскохозяйственного переселения рассматривается в исследованиях А. А. Мальцева, Л. Н. Мазур, Л. Н. Славиной, В. П. Мотревич [61]. А. А. Мальцев определяет географию миграций сельского населения Среднего Поволжья, отмечая сельхозпереселение и оргнабор как плановые процессы, но противоположные [62]. Авторы выделяют демографические последствия переселенческих процессов для изучаемых территорий.

В последние годы было опубликовано несколько работ по истории трудовых миграций в изучаемый период и проблемам освоения новых территорий (А. С. Мухортов, Э. И. Сеитова, А. И. Тимошенко и пр.) [63].

Трудовые мобилизации населения Кировской области в 1941–1945 гг. изучались Н. В. Чернышевой. В ее исследованиях отмечалось, что миграционная подвижность стала определяющим

фактором изменения численности и состава населения Кировской области в 1941–1945 гг. [64] В работе «Население Кировской области в годы Великой Отечественной войны» исследователь касается не только статистической оценки миграции и ее форм, но и вопросов социальной поддержки семьей переселенцев (определяя систему льгот) [65]. Н. В. Чернышева (Русских) справедливо отмечает, что «мобилизация трудовых ресурсов и их использование в условиях войны – одна из сложных политических и социально-экономических проблем, ряд аспектов которой до сих пор остаются не изученными» [66].

В 2013 г. А. В. Бровцин в журнале «Отечественные архивы» опубликовал научную статью, посвященную проблеме источников по изучению трудовых миграций в послевоенное время [67]. Александр Викторович отмечает, что «основными формами трудовой миграции, т. е. миграции рабочей силы, в советский период были сельскохозяйственное переселение колхозников, организованный набор (оргнабор) рабочих для промышленности, набор (мобилизация) в учебные заведения системы профтехобразования. Структура государственных органов и организаций, управлявших этими процессами, изменялась в соответствии с текущими политическими и экономическими задачами» [68].

В 2014 г. А. В. Бровцин и Н. В. Чернышева подготовили и издали научную статью «Государственные органы управления трудовой миграцией Кировской области в 1956–1967 гг.», в которой дается анализ и рассматривается структура органов, осуществляющих набор и переселение жителей региона [69].

Итак, проведенный историографический обзор исследований позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, освоение Россией новых территорий в XIX–XX вв. сопровождалось научным изучением данных процессов. Во-вторых, необходимо отметить разноаспектный характер исследований в отдельные периоды (экономико-географические, демографические, социологические, исторические). На современном этапе работы все больше приобретают междисциплинарный характер. В-третьих, демографические последствия трудовых миграций рассматриваются учеными в основном однобоко, определяя их значение для районов вселения. В-четвертых, имеющиеся на данный момент региональные исследования трудовых миграций в основном носят поверхностный характер (в силу иных исследовательских задач), несмотря на всю важность данной проблематики. В целом проблемы использования труда мигрантов в современной России весьма актуальны, а их изучение невозможно без обращения к историческому опыту.

Примечания

1. *Иоффе Е.* Организованный набор рабочей силы – важнейший фактор развития промышленности СССР. Киев: Наук. думка, 1954. 30 с.
2. *Сонин М. Я.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М.: Госпланиздат, 1959. 368 с.
3. *Вылцан М. А.* Численность и состав сельского населения СССР за 50 лет // История СССР. 1967. № 6. С. 43–58; *Максимов Г. М.* Движение и состав населения СССР // История СССР. 1961. № 1. С. 28–48; *Урланис Б. Ц.* История одного поколения: (социально-демографический очерк). М.: Мысль, 1968. 268 с.
4. *Зайончковская Ж. А., Переведенцев В. И.* Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск: СО АН СССР, 1964. 105 с.; *Они же.* Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1966. 191 с.
5. *Рыбаковский Л. Л.* Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока. Хабаровск: Хабаровский КНИИ СО АН СССР, 1969. 200 с.
6. *Урланис Б.* Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. 335 с.; *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976. 240 с.; *Он же.* Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М.: Фин. и стат., 1982. 287 с.; *Слесарев Г. А.* Демографические процессы и социальная структура социалистического общества. М.: Наука, 1978. 222 с.; *Переведенцев В. И.* Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1985. 232 с.
7. *Никитенко В. В., Поповкин В. А.* Комплексное исследование миграционных процессов. М.: Статистика, 1973. 153 с.; *Хомра А. У.* Миграция населения: вопросы теории и методики исследования. Киев: Наук. думка, 1979. 148 с.; *Матлин И. С.* Моделирование размещения населения. М.: Наука, 1975. 168 с.
8. *Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М.: Фин. и стат., 1982. С. 44.
9. Методологические проблемы системного изучения деревни / отв. ред. Т. И., Заславская Р. В. Рывкина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1977. 271 с.; Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ / под ред. Т. И. Заславской и И. Б. Мучника. М.: Статистика, 1980. 343 с.; Методология и методика системного изучения деревни / отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980. 344 с.
10. Методика выборочного обследования миграции сельского населения / отв. ред. Заславская Т. И., Миркин В. Д., Ершова К. Ф. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1969. 167 с.; *Заславская Т. И.* Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1969. 167 с.; Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / отв. ред. Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1974. 317 с.

11. *Хорев Б. С., Чапек В. Н.* Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978. 254 с.; *Хорев Б. С.* Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучения. М.: Мысль, 1968. 255 с.; *Хорев Б. С., Лармин О. В.* Миграционная подвижность населения СССР. М.: Статистика, 1974. 160 с.
12. *Макарова Л. В., Морозова Г. Ф., Тарасова Н. В.* Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М.: Наука, 1986. 118 с.; *Современные проблемы миграции / сост. М. А. Ускова.* М.: ИСИ АН СССР, 1985. 111 с.
13. *Народонаселение: энциклопедический словарь / ред. А. П. Горкин.* М.: Большая российская энциклопедия, 1985. 639 с.
14. *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 200 с.
15. *Там же.* С. 21–26.
16. *Земсков В. Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; *Он же.* Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17; *Полян П. М.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М.: Мемориал, 2001; *Он же.* Интернированные немцы в СССР // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 113–123.
17. *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 гг. М.: Наука, 2003. 304 с.
18. *Полян П. М.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. С. 47, 239.
19. *Чернолуцкая Е. Н.* Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока ССР в 30-е – нач. 50-х годов (о роли спецконтингентов). Владивосток: Дальнаука, 1993; *Она же.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестник ДВО РАН. 1995. № 6. С. 71–79; *Она же.* Немцы на советском Дальнем Востоке: статистико-демографический аспект // Этнос и культура в условиях общественной трансформации. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 156–176; *Она же.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2012.
20. *Бердинских В. А.* Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. Киров: [б. и.], 2003. 527 с.; *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург; Пермь: Уральский гос. ун-т, 2003; *Сарнова В. В.* Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. и др.
21. *Бердинских В. А.* Указ. соч.
22. *Голубков Л. Ф.* Всенародное дело. М., 1954. 84 с.; *Николаев А. С.* Наступление на целину. М., 1954. 41 с.; *Марченко И. В.* Целина зовет. М., 1955 и др.
23. *Шамшатов И.* Деятельность партийной организации Казахстана по освоению целинных и залежных земель в 1954–1960 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1964; *Маятников И. Ф.* КПСС в борьбе за освоение целинных и залежных земель в 1954–1956 годах (на примерах Казахстана): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1959; и др.
24. *Тяжельников Е. М.* Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор трудового подвига комсомольцев и советской молодежи в освоении целинных земель (1954–1958 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960; *Вольнец И. Ф.* Ленинский комсомол – боевой помощник партии в освоении целины (1954–1958 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965.
25. *Арутюнян Ю. В.* Возникновение и развитие массовых индустриальных кадров сельского хозяйства СССР (1929–1958 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1963.
26. *Ткаченко И. Г.* Деятельность КПСС по подбору и закреплению кадров в новых совхозах на целинных землях 1954–1959 гг. (на материалах Казахской ССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960.
27. *Тяжельников Е. М.* К вопросу о миграции населения в связи с освоением целинных земель // Ученые записки Челябинского отдела Географического общества СССР. Челябинск, 1957. Вып. 2. С. 29–44.
28. *Смыков Ф. Н.* Роль рабочего класса РСФСР в развитии социалистического сельского хозяйства (1951–1958 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1969; *Тюрина А. П.* Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства (1946–1958 гг.). М.: Наука, 1973; *Лысенко Н. А.* Подготовка кадров для социалистического сельского хозяйства (1929–1958 гг.). М.: Высш. шк., 1975; и др.
29. Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.): сб. статей / ред. кол. И. М. Волков. М.: Наука, 1972.
30. *Куликов В. И.* Массовое освоение целинных и залежных земель и его социально-экономическое значение // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970): сб. статей. М.: Наука, 1972. С. 136–156.
31. *Брежнев Л. И.* Целина. М.: Политиздат, 1978.
32. *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М.: Наука, 1992; *Москаленко С. Г.* Эволюция аграрной концепции Н. С. Хрущева (1953–1964 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1992.
33. *Вербицкая О. М.* Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946–1958 гг. // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 13–26.
34. *Никонов А. А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1995; *Кузнецов Ю. В.* Аграрная политика КПСС в 50-х – пер. пол. 60-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1995; *Денисов Ю.* Аграрная политика Н. Хрущева: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 115–122; *Шмелев Г. И.* Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.: Наука, 2000.
35. Мир и хлеб. К 50-летию освоения целины. М.: Дружба народов, 2004.
36. *Алейников М. В.* Сельское хозяйство Алтайского края в период освоения целинных и залежных земель (конец 1953–1964 гг.). Бийск: РИО БПГУ, 2005; *Пахомова Е. В.* Привлечение сезонных рабочих в районы

освоения целинных залежных земель // История Оренбургская: наследие и современность. Первые региональные историко-краевед. чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского: сб. статей: в 2 т. Т. 1. Оренбург, 2006. С. 265–275; *Она же*. Обеспечение районов освоения целинных и залежных земель трудовыми ресурсами в 1954–1956 гг. (на материалах Южного Урала): дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007; и др.

37. *Занданова Л. В.* Переселение крестьянства в азиатскую Россию (конец 40-х – сер. 60-х гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1997.

38. *Щеглов В. В.* Население Курильских островов в 1945–1996 гг. // Курильские острова: история, современность, перспективы. Южно-Сахалинск, 1997. С. 65–69; *Он же*. Эволюция государственной политики формирования населения Сахалинской области (1925–1988 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 1999; *Он же*. Переселение советских граждан на Южный Сахалин и Курильские острова в сер. 1940 – нач. 1950-х гг. XX века // Краеведческий бюллетень. № 4. Южно-Сахалинск. 2000. С. 54–68; *Он же*. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск: Изд-во ЮСИЭПИ, 2002; и др.

39. *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.* Население Советского Союза. 1922–1991 гг. М.: Наука, 1993; *Денисенко М. Б.* Демографическое развитие России и СССР в первой половине XX века: дис. ... канд. экон. наук. М., 1992; *Жиромская В. Б.* Людские потери в годы Великой Отечественной войны: точка отчета // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: сб. науч. статей: материалы конф. 14–15 марта 1995 г. СПб., 1995. С. 25–35; *Переведенцев В. И.* Послевоенная динамика населения СССР и России // Полис. 1995. № 2. С. 24–33.

40. *Горбачев О. В.* Экономические факторы миграции сельского населения Центрального Нечерноземья (1946–1970 гг.). Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та им. И. Г. Петровского, 1999.

41. *Горбачев О. В.* На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М.: Мос. гос. пед. ун-т, 2002; *Он же*. Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья, 1945–1985 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003; *Он же*. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 138–148.

42. *Горбачев О. В.* Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е гг. С. 138.

43. *Горбачев О. В.* Миграционная статистика вт. пол. XX – нач. XXI вв. как источник для изучения миграции сельского населения // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. № 1. 2012. С. 383–391; *Он же*. Российская урбанизация в XX в. как междисциплинарная проблема // Вестник Брянского гос. ун-та. № 2. 2012. С. 67–71; *Он же*. Трансформация сельской семьи в Центральном Нечерноземье в 1940–1980-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. 2013. С. 46–51.

44. *Зайончковская Ж. А.* Миграция населения СССР и России в XX в.: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 3–15; *Григоричев К. В.* Динамика населения и миграционные процессы в Алтайском крае: середина 1940-х – конец 1980-х годов: автореф. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000; *Эмиграция и репатриация в России // Ионцев В. О., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окорочков А. М.* Попечительство о нуждах российских мигрантов. М., 2001; *Россия в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер, П. М. Поляна. М.: ОГИ, 2005.*

45. *Зайончковская Ж. А.* Миграция населения СССР и России в XX в.: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 9.

46. *Эмиграция и репатриация в России // Ионцев В. О., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окорочков А. М.* Попечительство о нуждах российских мигрантов.

47. *Россия в XX веке: территория – расселение – миграции.*

48. *Население России в XX веке: в 2 т. Т. 1. 1900–1939 гг. / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000; Население России в XX веке: в 2 т. Т. 2. 1940–1959 гг. / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2002.*

49. *Барабаш Н. В.* Государственная переселенческая политика в БССР (1946–1965 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2011; *Игнатьева Л. Н.* Роль миграции в формировании населения Казахстана: 1926–1959 гг. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006; и др.

50. *Robert C. Stuart, Paul R. Gregory.* A Model of Soviet Rural-Urban Migration // Economic Development and Cultural Change. Vol. 26. № 1. (Oct. 1977). Pp. 81–92; *Хилл Ф., Гедди К.* Сибирское время. Прочеты советского планирования и будущее России / пер. с англ. М.: Научно-образоват. форум по междунар. отнош., 2007; и др.

51. *Пискунов С. А.* Политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на юге Дальнего востока СССР: сер. 40-х – сер. 60-х гг. XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005; *Он же*. Реорганизация государственной системы управления трудовыми ресурсами в РСФСР (1967–1991 гг.) // Россия и АТР. № 1 (79). 2013. С. 80–90; *Куршанова Л. А.* Государственная миграционная политика на Дальнем Востоке в 1945–1960-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007; и др.

52. *Пискунов С. А.* Политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на юге Дальнего востока СССР: сер. 40-х–сер. 60-х гг. XX века; *Он же*. Реорганизация государственной системы управления трудовыми ресурсами в РСФСР (1967–1991 гг.); *Он же*. Государственная политика переселения в земледельческие районы Дальнего Востока ССР (сер. 40 – сер. 60-х гг. XX века). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011.

53. *Куршанова Л. А.* Государственная миграционная политика на Дальнем Востоке в 1945–1960-е гг. С. 3.

54. *Смирнова Е. П.* Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006.

55. *Большакова Г. И.* Особенности государственной переселенческой политики в 1940–1960-е гг. на Карельском перешейке // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 59. 2008. С. 197–203; *Она же*. Переселенческая политика Советского государства и ее реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940–1960-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010.

56. *Большакова Г. И.* Переселенческая политика Советского государства и ее реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940–1960-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010. С. 7.
57. *Там же.* С. 38–39.
58. *Геращенко Л. В.* Переселенческая политика Советского государства на Карельском перешейке в 1940–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. н. СПб., 2009; *Она же.* Переселенческая политика Советского государства на Карельском перешейке в 1940–1950-х гг. в документах Ленинградского областного архива в г. Выборге // *Новейшая история.* 2011. № 2. С. 141–148.
59. *Геращенко Л. В.* Переселенческая политика Советского государства на Карельском перешейке в 1940–1953 гг. С. 16.
60. *Метелев И. С.* Миграционные процессы и экономическое освоение Азиатской России. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Гуманитарий, 2012.
61. *Мальцев А. А.* Особенности послевоенных миграций в сельской местности Среднего Поволжья (1946–1955 гг.) // *Вестник Самарского ун-та.* 2010. № 5. С. 84–86; *Мазур Л. Н.* Сельское расселение на Среднем Урале в XX в.: направления и варианты трансформации поселенческой сети: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2006; *Славина Л. Н.* Динамика возрастно-половой структуры сельского населения Восточной Сибири в контексте демографической модернизации деревни (1959–1989 гг.) // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2000. № 3 С. 107–111; *Мотревич В. П.* Плановое сельскохозяйственное переселение на Урал в 1920–1950-е гг. // *Аграрный вестник Урала.* 2012. № 9 (101). С. 32–33.
62. *Мальцев А. А.* Особенности послевоенных миграций в сельской местности Среднего Поволжья (1946–1955 гг.) // *Вестник Самарского ун-та.* 2010. № 5. С. 84–86.
63. *Мухортов А. С.* Историко-демографические процессы в Ставрополье во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы: 1941–1950 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010; *Сеитова Э. И.* Организация трудового переселения в Крым (1944–1976 гг.) // *Ученые записки Казанского ун-та.* Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. 2013. С. 173–183; *Тимошенко А. И.* Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового индустриального освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: проблемы изучения // *Гуманитарные науки в Сибири.* № 2. 2008. С. 110–113; и др.
64. *Чернышева Н. В.* Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012; *Она же.* Население Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012.
65. *Чернышева Н. В.* Население Кировской области в годы Великой Отечественной войны. С. 163–165.
66. *Русских Н. В.* Трудовые мобилизационные процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны // *От Великой Победы – к великой России: материалы науч.-практ. конф., г. Пенза.* 25–26 марта 2010 г. / под ред. А. Д. Гулякова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2010. С. 381.
67. *Бровцин А. В.* Документы Государственного архива Кировской области о трудовой миграции в 1945–1991 гг. // *Отечественные архивы.* 2013. № 2. С. 63–69.
68. *Там же.* С. 63.
69. *Бровцин А. В., Чернышева Н. В.* Государственные органы управления трудовой миграцией Кировской области в 1956–1967 гг. // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета.* 2014. № 6. С. 70–77.

Notes

1. Joffe E. Organizovannyj nabor rabochej sily – vazhnejshij faktor razvitiya promyshlennosti SSSR [Organized gathering of the workforce is the most important factor in the development industry of the USSR]. Kiev. Nauk. Dumka. 1954. 30 p.
2. Sonin M. J. Vosproizvodstvo rabochej sily v SSSR i balans truda. [Reproduction of labor power in the USSR and balance work]. M. Gosplanizdat. 1959. 368 p.
3. Vyltsan M. A. CHislennost' i sostav sel'skogo naseleniya SSSR za 50 let [Size and composition of the rural population of the USSR for 50 years] // *Istoriya SSSR – History of the USSR.* 1967. No. 6. P. 43–58; Maksimov G. M. Dvizhenie i sostav naseleniya SSSR [Movement and composition of the population of the USSR History of the USSR]. 1961. No. 1. Pp. 28–48; Urlanis B. C. Istoriya odnogo pokoleniya: (social'no-demograficheskij ocherk) [History of one generation: (socio-demographic profile)]. M. Mysl, 1968. 268 p.
4. Zayonchkovskaya Zh. a., V. I. Perevedentsev Sovremennaya migraciya naseleniya Krasnoyarskogo kraja [Modern migration of the population of the Krasnoyarsk territory]. Novosibirsk. SO AS SSSR. 1964. 105 p.; Also them. Migraciya naseleniya i trudovye problemy Sibiri [Migration and labour problems of Siberia]. Novosibirsk. Nauka. Sib. Dep. 1966. 191 p.
5. Rybakovsky L. L. Problemy formirovaniya narodonaseleniya Dal'nego Vostoka [Problems of formation of the population of the Far East]. Khabarovsk. Khabarovsk KSRI AS USSR. 1969. 200 p.
6. Urlanis B. Problemy dinamiki naseleniya SSSR [Problems of dynamics of population of the USSR]. M. Nauka. 1974. 335 p.; Vishnevsky A. G. Demograficheskaya revolyuciya [Demographic revolution]. M. 1976. 240 p. Vosproizvodstvo naseleniya i obshchestvo: istoriya, sovremennost', vzglyad v budushchee [The reproduction of the population and society: past, present, future sight]. M. Fin. and stat. 1982. 287 p.; G. A. Slesarev Demograficheskie processy i social'naya struktura socialisticheskogo obshchestva [Demographic processes and social structure of socialist society]. M. Nauka. 1978. 222 p.; Perevedentsev V. I. Metody izucheniya migracii naseleniya [Methods of studying migration]. M. Nauka. 1985. 232 p.
7. Nikitenko V. V., V. A. Popovkin Kompleksnoe issledovanie migracionnyh processov [Comprehensive study of migration processes]. M. Statistika. 1973. 153 p.; Homra A. W. Migraciya naseleniya: voprosy teorii i metodiki

- issledovaniya [Migration of population: theory and methodology of the study]. Kiev. Nauk. Dumka, 1979. 148 p.; Matlin I. S. Modelirovanie razmeshcheniya naseleniya [Modeling of population distribution]. M. Nauka. 1975. 168 p.
8. Vishnevsky A. G. Vosproizvodstvo naseleniya i obshchestvo: istoriya, sovremennost', vzglyad v budushchee [Reproduction of the population and society: past, present, future sight]. M. Fin. and stat. 1982. P. 44.
9. Metodologicheskie problemy sistemnogo izucheniya derevni – Methodological problems of a systemic study of a village / resp. ed. T. I. Zaslavskaya, R. V. Ryvkina. Novosibirsk. Nauka. Sib. Dep. 1977. 271 p.; Social'no-demograficheskoe razvitie sela: Regional'nyj analiz – Socio-demographic development of rural areas: Regional analysis / edited by T. I. Zaslavskaya and I. B. Muchnik. M. Statistica. 1980. 343 p.; Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya derevni – Methodology and methods a systematic study of the village / resp. ed. T. I. Zaslavskaya, R. V. Ryvkina. Novosibirsk. Nauka. 1980. 344 p.
10. Metodika vyborochnogo obsledovaniya migracii sel'skogo naseleniya – Methodology of sample survey of rural migration / resp. ed. T. I. Zaslavskaya, V.D. Mirkin, Ershova K. F. Novosibirsk. Nauka. Sib. Dep. 1969. 167 p.; Zaslavskaya T. I. Migraciya sel'skogo naseleniya: celi, zadachi i metody regulirovaniya [Migration of the rural population: goals, objectives and methods of regulation]. Novosibirsk. Nauka. Sib. Dep. 1969. 167 p.; Metodologicheskie problemy sociologicheskogo issledovaniya mobil'nosti trudovyh resursov – Methodological problems in a sociological research of mobility of labor resources / resp. ed. T. I. Zaslavskaya and R. V. Ryvkina. Novosibirsk. Nauka. Sib. Dep. 1974. 317 p.
11. Khorev B. S., Chapek V. N. Problemy izucheniya migracii naseleniya [Problems in the study of population migration]. M. Mysl. 1978. 254 p.; B. S. Khorev [Urban settlements of the USSR (the challenges of growth and learning)]. M. Mysl. 1968. 255 p.; B. S. Khorev, Larmin O. V. Migracionnaya podvizhnost' naseleniya SSSR [Migration mobility of the population of the USSR]. M. Statistika. 1974. 160 p.
12. Makarova L. V., Morozova, G. F., Tarasova N. V. Regional'nye osobennosti migracionnyh processov v SSSR [Regional features of migration processes in the USSR]. M. Nauka. 1986. 118 p.; Sovremennye problemy migracii – Contemporary issues of migration / ed. M. A. Uskova. M. RI AS USSR. 1985. 111 p.
13. Narodonaselenie: ehnciklopedicheskij slovar' – Population: encyclopedic dictionary / edited by A. P. Gor'kin. M. Big Russian encyclopedia. 1985. 639 p.
14. Rybakovsky L. L. Migraciya naseleniya: prognozy, faktory, politika [Migration of population: projections, factors, policy]. M. Nauka. 1987. 200 p.
15. Ibid. Pp. 21–26.
16. Zemskov V. N. GULAG (istoriko-sociologicheskij aspekt) [GULAG (historical-sociological aspect)] // Sociologicheskie issledovaniya – Sociological studies. 1991, No. 6, pp. 10–27. Also him. Specposelency (po dokumentam NKVD–MVD SSSR) [The special settlers (according to documents of the NKVD-MVD of the USSR)] // Sociologicheskie issledovaniya – Sociological studies. 1990, No. 11, pp. 3–17; Polyana P. M. Ne po svoej vole. Istoriya i geografiya prinuditel'nyh migracij v SSSR [Against their will. History and geography of forced migrations in the USSR]. M. Memorial. 2001; Ibid. Internirovannye nemcy v SSSR [Interned Germans in the USSR] // Voprosy istorii – Problems of history. 2001, No. 8, pp. 113–123.
17. Zemskov V. N. Specposelency v SSSR. 1930–1960 gg [The special settlers in the USSR. 1930–1960]. M. Nauka. 2003. 304 p.
18. Polyana P. M. Ne po svoej vole. Istoriya i geografiya prinuditel'nyh migracij v SSSR [Against their will. History and geography of forced migrations in the USSR]. Pp. 47, 239.
19. Chernolutskaia E. N. Osobennosti formirovaniya naseleniya i trudovyh resursov Dal'nego Vostoka SSR v 30–e – nach. 50–h godov (o roli speckontingentov). [Features of formation of the population and labour resources of the Far East SSR in the 30s – early 50-ies (on the role of special contingents)]. Vladivostok. Dalnauka. 1993; Also her. Prinuditel'nye migracii na sovetskom Dal'nem Vostoke v stalinskij period [Forced migration in the Soviet far East in the Stalinist period] // Vestnik DVO RAN – Herald of FE RAS. 1995, No. 6, pp. 71–79; Also her. Nemcy na sovetskom Dal'nem Vostoke: statistiko-demograficheskij aspekt [The Germans in the Soviet far East: statistical and demographic aspect] // Ehtnos i kul'tura v usloviyah obshchestvennoj transformacii – Ethnos and culture in the age of social transformation. Vladivostok. 2004. Pp. 156–176; Also her. Prinuditel'nye migracii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920–1950-e gg.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Forced migration in the Soviet far East in 1920–1950-s: autoref. dis. ... Dr Hist. Sciences]. Vladivostok. 2012.
20. Berdinskikh V. A. Specposelency: politicheskaya ssylka narodov Sovetskoj Rossii [Special settlers: the political link of the peoples of Soviet Russia]. Kirov. 2003. 527 p.; Suslov A. B. [The prisoners in the Perm region (1929–1953.)]. Yekaterinburg; Perm. Ural State University. 2003; Sarnova V.V. Speckontingent v Permskoj oblasti (1929–1953 gg.). [Forced migration of the population of the USSR in Western Siberia: autoref. dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Novosibirsk. 2005. etc.
21. Berdinskikh V. A. Op. cit.
22. Golubkov L. F. Vsenarodnoe delo [Nationwide cause]. M. 1954. 84 p.; Nikolaev, A. C. Nastuplenie na celinu [Attack on virgin soil]. M. 1954. 41 p.; Marchenko, V. I. Celina zovet [Virgin land calls]. M. 1955, etc.
23. Shamshatov I. Deyatel'nost' partijnoj organizacii Kazahstana po osvoeniyu celinnyh i zaleznyh zemel' v 1954–1960 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Activities of the party organization of Kazakhstan for the development of virgin and fallow lands in 1954–1960: autoref. dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Alma-ATA. 1964; I. F. Mayatnikov KPSS v bor'be za osvoenie celinnyh i zaleznyh zemel' v 1954–1956 godah (na primerah Kazahstana): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The CPSU in the struggle for the development of virgin and fallow lands in 1954–1956 (Kazakhstan): autoref. dis. ... Cand. Hist. Sciences]. M. 1959; etc.
24. Tyazhelnikov E. M. Kommunisticheskaya partiya – vdohnovitel' i organizator trudovogo podviga komso-mol'cev i sovetskoj molodezhi v osvoenii celinnyh zemel' (1954–1958 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Communist Party – inspirer and organizer of the labor feat of Komsomol and Soviet youth in the conquest of virgin lands (1954–1958 gg.): autoref. dis. ... cand. ist. nauk]

nist party – the inspirer and organizer of the labor heroism of the Komsomol and Soviet youth in the development of virgin lands (1954–1958): autoref. dis. ... Cand. Hist. Sciences]. M. 1960; Volynets I. F. Leninskij komsomol – boevoy pomoshchnik partii v osvoenii celiny (1954–1958 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Leninsky Komsomol combat assistant roles in development of virgin lands (1954–1958): author. dis. ... Cand. Hist. Sciences]. M. 1965.

25. Arutyunyan V. Yu. Vozniknovenie i razvitie massovyh industrial'nyh kadrov sel'skogo hozyajstva SSSR (1929–1958 gg.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The emergence and development of mass industrial personnel of agriculture of the USSR (1929–1958.): autoref. dis. ... Dr. Hist. Sciences]. M. 1963.

26. Tkachenko G. I. Deyatel'nost' KPSS po podboru i zakreplenyu kadrov v novyh sovhozah na celinnyh zemlyah 1954–1959 gg. (na materialah Kazahskoj SSR): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Activities of the CPSU on the selection and retention of personnel in the new state farms in the virgin lands, 1954–1959 (on materials of the Kazakh SSR): autoref. dis. ... Cand. Hist. Sciences]. M. 1960.

27. Tyazhelnikov E. M. K voprosu o migracii naseleniya v svyazi s osvoeniem celinnyh zemel' [To the issue of migration in connection with the development of virgin lands] // Uchenye zapiski Chelyabinskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR – Proceedings of the Chelyabinsk Department of the Geographical society of the USSR. Chelyabinsk. 1957. Is. 2. Pp. 29–44.

28. Smykov F. N. Rol' rabocheho klassa RSFSR v razvitiu socialisticheskogo sel'skogo hozyajstva (1951–1958 gg.): dis. ... kand. ist. nauk [The role of the working class of the RSFSR in the development of socialist agriculture (1951–1958 years): dis. ... Cand. Hist. Sciences]. M. 1969; Tyurina A. P. Formirovanie kadrov specialistov i organizatorov kolhoznogo proizvodstva (1946–1958 gg.) [Formation of personnel specialists and managers of collective production (1946–1958.)]. M. Nauka. 1973; H. A. Lysenko [Training for socialist agriculture (1929–1958.)]. M. Vyssh. Shk. 1975; and others.

29. Razvitie sel'skogo hozyajstva SSSR v poslevoennye gody (1946–1970 gg.)– The development of agriculture in the USSR in the postwar years (1946–1970.): collection of articles / ed. by I. M. Volkov. M. Nauka. 1972.

30. Kulikov V. I. Massovoe osvoenie celinnyh i zaleznyh zemel' i ego social'no-ehkonomicheskoe znachenie [Mass development of virgin and fallow lands and its socio-economic importance] // Razvitie sel'skogo hozyajstva SSSR v poslevoennye gody (1946–1970) – Development of agriculture in the USSR in the postwar years (1946–1970): collection of articles. M. Nauka. 1972. Pp. 136–156.

31. Brezhnev L. I. Celina [Virgin soil]. M. Politizdat. 1978.

32. Verbitskaya O. M. Rossijskoe krest'yanstvo: ot Stalina k Hrushchevu. Seredina 40-h – nachalo 60-h godov. [Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev. Mid 40's-early 60-ies]. M. Nauka. 1992; Moskalenko S. G. EHvolyuciya agrarnoj koncepcii N. S. Hrushcheva (1953–1964 gg.): dis. ... kand. ist. nauk [Evolution of agrarian concept of N. S. Khrushchev (1953–1964): dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Rostov-na-Donu. 1992.

33. O. M. Verbitskaya Planovoe sel'skohozyajstvennoe pereselenie v RSFSR v 1946–1958 gg [Planned agricultural resettlement in the USSR in 1946–1958] // Voprosy istorii – Questions of history. 1986, No. 12, pp. 13–26.

34. Nikonov A. A. Spiral' mnogovekovoju dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.). [Spiral centuries of drama: agricultural science and policy of Russia (XVIII–XX centuries)]. M. Nauka. 1995; Kuznetsov Yu. V. Agrarnaya politika KPSS v 50-h – per. pol. 60-h gg.: dis.... kand. ist. nauk [Agrarian policy of the CPSU in the 50's – first half of 60s: dis.... Cand. Hist. Sciences]. Orel. 1995; Y. Denisov Agrarnaya politika H. Hrushcheva: itogi i uroki [Agricultural policy of H. Khrushchev: results and lessons] // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'– Public Sciences and modernity. 1996, No. 1, pp. 115–122; Shmelev G. I. Agrarnaya politika i agrarnye otnosheniya v Rossii v XX veke [Agrarian policy and agrarian relations in Russia in the XX century]. M. Nauka. 2000.

35. Mir i hleb. K 50-letiyu osvoeniya celiny – Peace and bread. To the 50th anniversary of the virgin lands. M. Druzhba narodov. 2004.

36. M. V. Aleynikov Sel'skoe hozyajstvo Altajskogo kraja v period osvoeniya celinnyh i zaleznyh zemel' (konec 1953–1964 gg.) [Agriculture of the Altai territory in the development of virgin and fallow lands (end, 1953–1964)]. Biysk. RIO BPGO. 2005; Pakhomova E. V. Privlechenie sezonnyh rabochih v rajony osvoeniya celinnyh zaleznyh zemel' [Attracting seasonal workers in the areas of development of virgin lands] // Istoriya Orenburgskaya: nasledie i sovremennost'.– History of the Orenburg: heritage and modernity. The first regional historical and local historian readings in memory of Professor P. E. Matveevskiy: collected articles: in 2 vol. Vol. 1. Orenburg, 2006. Pp. 265–275; Also her. Obespechenie rajonov osvoeniya celinnyh i zaleznyh zemel' trudovymi resursami v 1954–1956 gg. (na materialah YUzhnogo Urala): dis. ... kand. ist. nauk [Ensuring areas of development of virgin and fallow lands of labour in 1954–1956 century (by the materials of the southern Urals): dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Orenburg. 2007; etc.

37. Zandanova L. V. Pereselenie krest'yanstva v aziatskuyu Rossiyu (konec 40-h – ser. 60-h gg. XX v.) [The resettlement of peasants in Asian Russia (late 40s-mid. 60-ies of XX century)]. Irkutsk. Publishing house of Irkutsk State Ped. University. 1997.

38. Scheglov V. V. Naselenie Kuril'skih ostrovov v 1945–1996 gg. [Population of the Kuril Islands 1945–1996] // Kuril'skie ostrova: istoriya, sovremennost', perspektivy – Kuril Islands: history, present and prospects. Yuzhno-Sakhalinsk. 1997. Pp. 65–69. Also him. EHvolyuciya gosudarstvennoj politiki formirovaniya naseleniya Sahalinskoj oblasti (1925–1988 gg.): dis. ... kand. ist. nauk [The evolution of public policy for the formation of the population of the Sakhalin region (1925–1988 years): dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Yuzhno-Sakhalinsk. 1999. Also him. Pereselenie sovetskikh grazhdan na YUzhnyj Sahalin i Kuril'skie ostrova v ser. 1940 – nach. 1950-h gg. XX veka [The resettlement of Soviet citizens to the southern Sakhalin and the Kuril Islands in the middle 1940 – early 1950-ies of XX century] // Kraevedcheskij byulleten'– Local history Bulletin. No. 4. Yuzhno-Sakhalinsk. 2000, pp. 54–68. Also him. Naselenie Sahalinskoj oblasti v XX veke [The population of the Sakhalin region in the XX century]. Yuzhno-Sakhalinsk. Publishing house of USIPI. 2002; and others.

39. Andreev E. M., Darski L. E, T. L. Kharkova Naselenie Sovetskogo Soyuz. 1922–1991 gg [The population of the Soviet Union. 1922–1991], M. Nauka. 1993; Denisenko M. B. Demograficheskoe razvitiye Rossii i SSSR v pervoy polovine XX veka: dis. ... kand. ehkon. nauk [Demographic development of Russia and the USSR in the first half of XX centuries: dis. ... Cand. Econ. Sciences]. M. 1992; Zhiromskaya V. B. Lyudskie poteri v gody Velikoy Otechestvennoy vojny: tochka otcheta [Human losses during the great Patriotic war: point of countdown] // Lyudskie poteri SSSR v period Vtoroy mirovoj vojny – Human losses of the USSR during the Second world war: collected articles: proceedings of the conference. 14–15 March 1995. St. Petersburg. 1995. Pp. 25–35; V. I. Perevedentsev Poslevoennaya dinamika naseleniya SSSR i Rossii [Postwar population of the Soviet Union and Russia] // Polis – Polis. 1995, No. 2, pp. 24–33.
40. Gorbachev O. V. EHkonomicheskie faktory migracii sel'skogo naseleniya Central'nogo Nechernozem'ya (1946–1970 gg.) [Economic factors of migration of the rural population of the Central-Chernozem region (1946–1970.)). Bryansk. Publ. of Bryansk State Ped. Univ. named after I. G. Petrovsky. 1999.
41. Gorbachev O. V. Na puti k gorodu: sel'skaya migraciya v Central'noj Rossii (1946–1985 gg.) i sovetskaya model' urbanizacii [On the way to the city: rural migration in Central Russia (1946–1985, and the Soviet model of urbanization)]. M. Mos. State Ped. Univ. 2002. Also him. Migraciya sel'skogo naseleniya Central'nogo Nechernozem'ya, 1945–1985 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk [The migration of the rural population of the Central-Chernozem region, 1945–1985.: dis. ... Dr Hist. Sciences]. M. 2003. Also him. Organizovannaya migraciya iz sela Central'nogo Nechernozem'ya vo vtoroj polovine 1940-h – 1960-e gody [Organized migration from the village of Central non-Chernozem region in the second half of the 1940s – 1960-ies] // Voprosy istorii – Questions of history. 2003, No. 4, pp. 138–148.
42. Gorbachev O. V. Organizovannaya migraciya iz sela Central'nogo Nechernozem'ya vo vtoroj polovine 1940-h – 1960-e gg [Orderly migration from rural Central non-Chernozem region in the second half of the 1940s–1960s]. P. 138.
43. Gorbachev O. V. Migracionnaya statistika vt. pol. XX – nach. XXI vv. kak istochnik dlya izucheniya migracii sel'skogo naseleniya [Migration statistics of the second half XX – early XXI centuries as a source for the study of rural migration] // Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy – Yearbook on agrarian history of Eastern Europe. No. 1, 2012, pp. 383–391. Also him. Rossijskaya urbanizaciya v XX v. kak mezhdisciplinarnaya problema [Russian urbanization in the twentieth century as an interdisciplinary problem] // Vestnik Bryanskogo gos. Un-ta – Herald of the Bryansk State University. No. 2, 2012, pp. 67–71. Also him. Transformaciya sel'skoj sem'i v Central'nom Nechernozem'e v 1940–1980-e gg [The transformation of rural families in the Central non-black earth region in 1940–1980-s] // Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia. No. 4, 2013, pp. 46–51.
44. Zayonchkovskaya Zh. A. Migraciya naseleniya SSSR i Rossii v XX v.: ehvolyuciya skvoz' kataklizmy [Migration of the population of the USSR and Russia in the XX century: evolution through cataclysms] // Problemy prognozirovaniya – Problems of forecasting. 2000, No. 4, pp. 3–15; Grigoriev K. V. Dinamika naseleniya i migracionnye processy v Altajskom krae: seredina 1940-h – konec 1980-h godov: avtoref. ... kand. ist. nauk [Population dynamics and migration processes in the Altai region: mid 1940s – late 1980-ies: autoref. ... Cand. Hist. Sciences]. Barnaul, 2000; EHmigraciya i repatriaciya v Rossii – Emigration and repatriation in Russia // Iontsev V. A., Lebedeva N. M., Nazarov M. V., Okorokov A. M. Popechitel'stvo o nuzhdah rossijskih migrantov [Fund for assistance to the Russian migrants]. M. 2001; Rossiya v XX veke: territoriya – rasselenie – migracii – Russia in the twentieth century: land – resettlement – migration / ed. by O. Glaser, P. M. meadow. Moscow: OGI, 2005.
45. Zayonchkovskaya Zh. A. Migraciya naseleniya SSSR i Rossii v XX v.: ehvolyuciya skvoz' kataklizmy [Migration of the population of the USSR and Russia in the XX century: evolution through cataclysms] // Problemy prognozirovaniya – Problems of forecasting. 2000, No. 4, p.9.
46. EHmigraciya i repatriaciya v Rossii – Emigration and repatriation in Russia // Iontsev V. A., Lebedeva N. M., Nazarov M. V., Okorokov A. M. Popechitel'stvo o nuzhdah rossijskih migrantov [Fund for assistance to the Russian migrants].
47. Rossiya v XX veke: territoriya – rasselenie – migracii – Russia in the twentieth century: land – resettlement – migration.
48. Naselenie Rossii v XX veke: v 2 t. T. 1. 1900–1939 gg. – The population of Russia in the XX century: in 2 vol. Vol. 1. 1900–1939. / resp. ed. Yu. A. Polyakov. M. ROSSPEN. 2000; Naselenie Rossii v XX veke: v 2 t. T. 2. 1940–1959 gg. – Population of Russia in the XX century: in 2 vol. Vol. 2. 1940–1959. / resp. ed. Y. A. Polyakov. M. ROSSPEN. 2002.
49. Barabash N. V. Gosudarstvennaya pereselencheskaya politika v BSSR (1946–1965 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [State immigration policy in the Byelorussian SSR (1946–1965.): autoref. dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Minsk. 2011; Ignatieva L. N. Rol' migracii v formirovanii naseleniya Kazahstana: 1926–1959 gg. dis. ... kand. ist. nauk [The role of migration in shaping the population of Kazakhstan: 1926–1959, dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Barnaul. 2006; etc.
50. Robert C. Stuart, Paul R. Gregory. A Model of Soviet Rural-Urban Migration // Economic Development and Cultural Change. Vol. 26. No. 1. (Oct. 1977). PP. 81–92; F. Geddy Sibirskoe vremya. Proschety sovetskogo planirovaniya i budushchee Rossii [Siberian times. The failures of the Soviet planning and the future of Russia] / translated from English. M. Scientific and educational forum on Intern. Relationship. 2007; etc.
51. Piskunov S. A. Politika sel'skohozyajstvennogo pereseleniya i ee realizaciya na yuge Dal'nego vostoka SSSR: ser. 40-h – ser. 60-h gg. XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Policy of agricultural resettlement and its implementation in the South Far East of the USSR: mid. 4 – mid. 60-ies of XX century: autoref. dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Khabarovsk. 2005. Also him. Reorganizaciya gosudarstvennoj sistemy upravleniya trudovymi resursami v RSFSR (1967–1991 gg.) [The reorganization of the state system of human resource management in the RSFSR (1967–1991.)] // Rossiya i ATR – Russia and the Asia-Pacific region. No. 1 (79), 2013, pp. 80–90; Kurshanova L. A. Gosudarstvennaya migracionnaya politika na Dal'nem Vostokey v 1945–1960-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk [State migration policy in the far East in 1945–1960-ies: dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Vladivostok. 2007; etc.
52. Piskunov S. A. Politika sel'skohozyajstvennogo pereseleniya i ee realizaciya na yuge Dal'nego vostoka SSSR: ser. 40-h–ser. 60-h gg. XX veka [Agricultural migration Policy and its implementation in the South Far East of

the USSR: mid. 40-x–mid. 60-ies. XX century]. Also him. Reorganizaciya gosudarstvennoj sistemy upravleniya trudovymi resursami v RSFSR (1967–1991 gg.) [The reorganization of the state system of human resource management in the RSFSR (1967–1991)]. Also him. Gosudarstvennaya politika pereseleniya v zemledel'cheskie rajony Dal'nego Vostoka SSR (ser. 40 – ser. 60-h gg. XX veka) [The state policy of resettlement in agricultural areas of the Far East USSR (mid. 40 – mid. 60-ies of XX century)]. Blagoveshchensk. Moscow State Pedagogical University, 2011.

53. Kurshanova L. A. Gosudarstvennaya migracionnaya politika na Dal'nem Vostoke v 1945–1960-e gg [State migration policy in the far East in 1945–1960-ies]. P. 3.

54. Smirnova E. P. Zaselenie i osvoenie novyh rajonov Karelo-Finskoj SSR v 1940-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk [Settlement and development of new areas of the Karelo-Finnish SSR in 1940: dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Petrozavodsk. 2006.

55. Bolshakova I. G. Osobennosti gosudarstvennoj pereselencheskoj politiki v 1940–1960-e gg. na Karel'skom pereshejke [Features of the resettlement policy of the state in the 1940–1960th on the Karelian isthmus] // Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena – Herald of RSPU named after Herzen. A. I. No. 59, 2008, pp. 197–203; Also her. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee real'noe voploshchenie na Karel'skom pereshejke v 1940–1960-e gg.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Resettlement policy of the Soviet state and its real implementation on the Karelian isthmus in 1940–1960th: autoref. dis. ... Dr Hist. Sciences]. SPb. 2010.

56. Bolshakova G. I. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee real'noe voploshchenie na Karel'skom pereshejke v 1940–1960-e gg.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Resettlement policy of the Soviet state and its real implementation on the Karelian isthmus in 1940–1960th: autoref. dis. ... Dr Hist. Sciences]. SPb. 2010. P.7.

57. Ibid. Pp. 38–39.

58. L. V. Gerashchenko Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva na Karel'skom pereshejke v 1940–1953 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. n. [Resettlement policy of the Soviet state on the Karelian isthmus in 1940–1953: autoref. dis. ... Cand. Hist. Sciences]. St. Petersburg. 2009; Also her. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva na Karel'skom pereshejke v 1940–1950-h gg. v dokumentah Leningradskogo oblastnogo arhiva v g. Vyborge [Resettlement policy of the Soviet state on the Karelian isthmus in the 1940s and 1950s in the documents of the Leningrad regional archive in Vyborg] // Novejshaya istoriya – The newest history. 2011, No. 2, pp. 141–148.

59. L. V. Gerashchenko Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva na Karel'skom pereshejke v 1940–1953 gg [Resettlement policy of the Soviet state on the Karelian isthmus in 1940–1953]. P. 16.

60. Metelev I. S. Migracionnye processy i ehkonomicheskoe osvoenie Aziatskoj Rossii. Proshloe, nastoyashchee, budushchee [Migration and economic development of the Asian Russia. Past, present, future]. M. Gumanitariy. 2012.

61. Maltsev A. A. Osobennosti poslevoennyh migracij v sel'skoj mestnosti Srednego Povolzh'ya (1946–1955 gg.) [Features of postwar migration in rural areas of the Middle Volga region (1946–1955)] // Vestnik Samarskogo un-ta – Herald of Samara State University. 2010, No. 5, pp. 84–86; Mazur L. N. Sel'skoe rasselenie na Srednem Urale v XX v.: napravleniya i varianty transformacii poselencheskoj seti: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Rural resettlement in the Middle Urals in the twentieth century: directions and options for the transformation of the settlement network: autoref. dis. ... Dr Hist. Sciences]. Ekaterinburg. 2006; Slavina L. N. Dinamika vozrastno-polovoj struktury sel'skogo naseleniya Vostochnoj Sibiri v kontekste demograficheskoj modernizacii derevni (1959–1989 gg.) [Dynamics of age–sex structure of the rural population of Eastern Siberia in the context of demographic modernization of the village (1959–1989)] // Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia. 2000, No. 3, pp. 107–111; Motrevich V. P. Planovoe sel'sko-hozyajstvennoe pereselenie na Ural v 1920–1950-e gg. [Planned agricultural resettlement to the Urals in 1920–1950-s] // Agrarnyj vestnik Urala – Agrarian Herald of the Urals. 2012, No. 9 (101), pp. 32–33.

62. Maltsev A. A. Osobennosti poslevoennyh migracij v sel'skoj mestnosti Srednego Povolzh'ya (1946–1955 gg.) [Peculiarities of post-war migration in rural areas of the Middle Volga region (1946–1955)] // Vestnik Samarskogo un-ta – Herald of Samara State University. 2010, No. 5, pp. 84–86.

63. Mukhortov A. S. Istoriko-demograficheskie processy v Stavropol'e vo vremena Velikoj Otechestvennoj vojny i v poslevoennye gody: 1941–1950 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Historical and demographic processes in the Stavropol region during the Great Patriotic war and in the postwar years: 1941–1950: autoref. dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Pyatigorsk. 2010; Seitova E. I. Organizaciya trudovogo pereseleniya v Krym (1944–1976 gg.) [Organization of labor resettlement in Crimea (1944–1976)] // Uchenye zapiski Kazanskogo un-ta – Scientific notes of Kazan University. Vol. 155. Book 3. Part 1. 2013. Pp. 173–183; A. I. Timoshenko Gosudarstvennaya politika formirovaniya i zakrepleniya naseleniya v rajonah novogo industrial'nogo osvoeniya Sibiri v 1950–1980-e gg.: problemy izucheniya [Public policy formation and consolidation of the population in the areas of new industrial development of Siberia in 1950–1980-ies: problems of study] // Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia. No. 2, 2008, pp. 110–113; and others.

64. Chernysheva N. V. Social'no-demograficheskie processy v Kirovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Socio-demographic processes in the Kirov region in the Great Patriotic war]. Kirov: Publishing house of VyatSHU. 2012; Also her. Naselenie Kirovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. [The population of the Kirov region in the Great Patriotic war]. Kirov: Publishing house of VyatSHU. 2012.

65. Chernysheva N. V. Naselenie Kirovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Population of the Kirov region in the Great Patriotic war]. Pp. 163–165.

66. Russkikh N. V. Trudovye mobilizacionnye processy v Kirovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Labor mobilization processes in the Kirov region in the Great Patriotic war] // Ot Velikoj Pobedy – k velikoj Rossii – From great Victory to the great Russia: materials of scientific-practical conf. in the city of Penza. 25–26 March 2010 / edited by A. D. Guskova. Penza. Publishing house of the PSU. 2010. P. 381.

67. Browzin A. V. Dokumenty Gosudarstvennogo arhiva Kirovskoj oblasti o trudovoj migracii v 1945–1991 gg. [Documents of the State archive of the Kirov region on labour migration in 1945–1991] // Otechestvennye arhivy – Russian archives. 2013, No. 2, pp. 63–69.

68. Ibid. P. 63.

69. Browzin A.V., Chernysheva N. V. Gosudarstvennyye organy upravleniya trudovoj migraciej Kirovskoj oblasti v 1956–1967 gg. [State bodies of management of labour migration of the Kirov region, 1956–1967] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities. 2014, No. 6, pp. 70–77.

УДК 392(470.342)

С. П. Грачев, И. Ю. Трушкова, А. Л. Флакман

Проблемы создания Банка данных этнографической коллекции традиционных культур Российского Юга на Российском Севере*

В статье рассматриваются вопросы современного сбора и анализа информации по теме взаимодействия этнических культур Российского Юга в регионах Российского Севера. Показаны основные направления создания Банка данных, отмечена необходимость учета правил фондовой работы в музеях. Комплекс информации для Банка должен включать сведения о материальной и духовной культуре, данные сайтов общественных организаций и органов власти, а также их социальных сетей. Это делает научную работу с ним эффективной, помогает использовать информацию в образовательном процессе.

The article deals with modern data collection and analysis on the interaction of ethnic cultures of the South Russian regions in the Russian North. The basic directions of creation of the Data Bank, the need to keep a stock of work rules in museums are shown. The complex Bank information shall include information about the material and spiritual sphere, information from sites of public organizations and government bodies as well as their social networks. This makes scientific work with them effectively, helping to use the information in the educational process.

Ключевые слова: традиционные культуры, Российский Юг, Российский Север, этнокультурное взаимодействие, компьютерные технологии в этнографии, База этнографических данных.

Keywords: traditional cultures, Russian South, Russian North, ethnocultural communication, computer technologies, Ethnological Information Bank.

В современном российском обществе актуализируется внимание на межкультурных взаимодействиях внутри страны, направленности их на баланс между Центром и регионами, между самими регионами с различной степенью сохранения этнических традиций, влияния индустриальной и постиндустриальной культуры на повседневную жизнь. Одной из задач сотрудничества государства и общества является инкорпорация нерусских элит в Центре и придание центру государства (от власти до СМИ) многокультурного облика, чтобы уменьшить степень отчужденности периферии от остального государства и основного населения страны [1]. Аналогичными могут быть и горизонтальные связи между российскими регионами.

В связи с этим особое внимание следует уделять перемещениям населения из условно южных регионов и пограничий современной России в условно северные ее территории. Исследования обозначенных процессов должны опираться на корректный сбор этнографических сведений и формирование соответствующего Банка данных.

Наиболее эффективными исследования этнических культур Российского Юга на Российском Севере могут быть при должном аннотировании и первичном осмыслении материалов этнографических наблюдений, опросов и архивирования информации. В связи с этим актуализируются вопросы создания Банка данных соответствующих коллекций.

Работа по его созданию выстраивается в определенный алгоритм. В его начале должно находиться изучение имеющегося на сегодняшний день опыта инвентаризации музейных предметов, анализ причин проблемных моментов, выявляющихся в процессе каталогизации артефактов и дальнейшей научной работы с ними. Первым этапом в создании структуры Базы данных является изучение особенностей описания музейных предметов и характер работы с картотеками музея. Банк данных этнографической коллекции должен учитывать существующие доныне в музейной деятельности правила описания музейных предметов. Картотеки в музее являются частью его учетной документации. Карточки научного описания музейных предметов призваны содержать наиболее полные знания о предметах. Они важны для систематизации фондов и помо-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-11-43601 «Этнокультуры Российского Юга на Российском Севере: опыт взаимодействия в кон. XX – нач. XXI в. (на примере Приуралья и Кировской области)».

гают в работе реставраторов. Поэтому особое внимание должно уделяться содержанию карточек и их использованию в исследовательской и образовательной работе.

Далее следует осмысление фондовой информации. Фондовая Информационная система фондов коллекций этнических культур Российского Юга на Российском Севере картотек должна включать в себя монографические исследования отдельных музейных предметов и их групп. Фондовая информационная система содержит сведения о движении (выдаче и поступлении) предметов из коллекций. Фондовая информационная система многогранна, ее данными могут пользоваться научные и творческие работники, работники образования, работники предприятий, изучающие историю производств. В региональном музееведении остро встал вопрос о модификации громоздких фондовых информационных систем, размещенных на «бумажных носителях» и использовании автоматизированных информационно-поисковых систем (АИС).

Картотеки музейных предметов должны включать сведения о поступлениях в музей, соотносимые с Книгой поступлений. Научная инвентаризация завершается составлением карточки научного описания. Карточка научного описания включает: полное наименование предмета, сведения об изготовителе (этнической культуре), информацию о времени и месте изготовления, информацию о времени и месте бытования, сведения о материалах и техниках изготовления, сведения о размерах и весе (например, для драгметаллов), сведения о степени сохранности, полное визуальное описание предмета, сведения о способе и источнике поступления, сведения об истории предмета, публикациях о нем, фотоизображение предмета, информацию о месте хранения и авторе составленной карточки.

Карточки научного описания в музее располагаются в тематических и предметных каталогах. Некоторые из каталогов основаны на классификации, в основу которой положен принцип «материал изготовления». Разумеется, внутри каждого раздела существуют внутренние деления. На сегодняшний день при использовании информационных технологий можно не только устранить часть проблем музейной каталогизации предметов, но и углубить возможности получения информации о предметах, связанных с особенностями технологий их изготовления и бытования. Предлагаемая База данных этнографической коллекции имеет схему данных, показанную на рисунке.

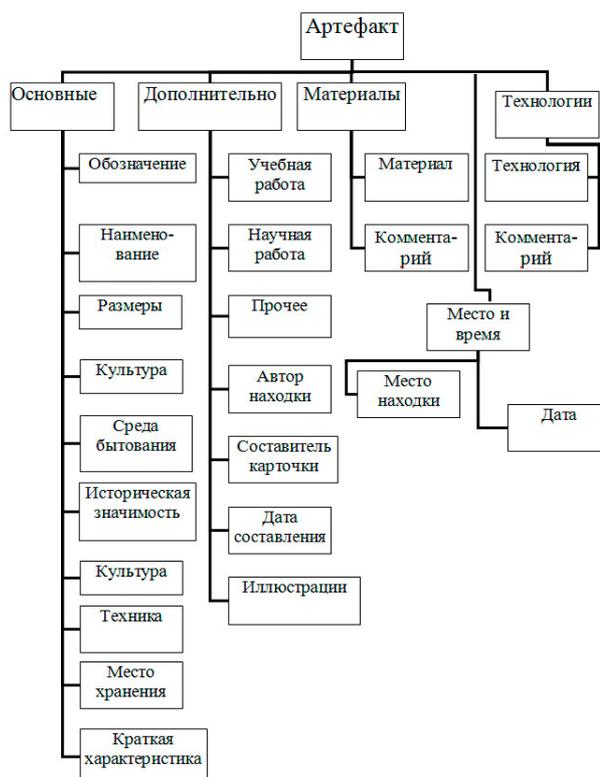

Схема Базы данных этнографической коллекции

Особенности содержания этнографических коллекций традиционных культур Российского Юга на Российском Севере определяются региональной и временной спецификой. Так, например, можно предположить, что традиционных бытовых вещей в таких коллекциях будет немного, традиционной одежды с некоторыми новациями – в среднем объеме, а фотографий, печатной продукции, записей воспоминаний – достаточно много. Этнографические обследования показывают, что

при переселении с этнической родины – Средней Азии и Кавказа – в Вятский регион людьми чаще забирались предметы, связанные с духовностью, – предметы народной праздничной одежды, украшения, музыкальные инструменты, фотографии, религиозные ценности. Позднее родственные и другие контакты поддерживались и количество обозначенных предметов росло. Жизнь и индустриальном и постиндустриальном обществах приводит к определенному варианту воспроизведения элементов традиционных обществ; именно духовные, более абстрактные ценности легче вписываются в современные реалии. Выявленные особенности и закономерности бытования этнически маркированных вещей следует учитывать при разработке электронной картотеки.

IT –сопровождение построения схемы рассматриваемых этнографических коллекций учитывает региональный опыт создания электронного Банка данных археологических коллекций [2]. Для повышения эффективности работы с тематическими этнографическими целесобразно также использовать среду, начиная с AS Access 2007 в силу наибольшей распространенности этой системы. Немало новых аспектов в жизнедеятельности традиционных культур Российского Юга на Российском Севере выявляется при использовании данной среды через быстрый ввод и редактирование информации о коллекциях. Показательно, что речь идет о возможном массовом вводе информации в Банк данных, что приводит к кластерному характеру хранения сведений по данной этнографической проблематике, по другим аспектам этнокультурной жизни Кировской области, а также по смежным наукам.

Определенные перспективы может иметь общая информационная обработка этнографического материала, в том числе и по современной Кировской области, проработка вопросов реконструкции особо значимых этнокультурных артефактов, художественные реконструкции разрушающихся материальных ценностей, проводимые по аналогии с соответствующими IT-построениями в региональной археологии. Также следует использовать наработки в изучении национальных меньшинств, фиксируемых в Вятском регионе в XIX–XX вв. [3]

Банк данных этнографических коллекций традиционных культур Российского Юга должен включать и сведения о так называемом «нематериальном культурном наследии» – песнях, музыке, а также устную речь (воспоминания, рассказы о контактах с этнической родиной и т. п.). Для этого необходимо проработать соответствующие разделы в каталоге. Важной представляется координация информации в рассматриваемом Банке данных со сведениями с сайтов различных общественных организаций и органов власти и из социальных сетей.

Широкий спектр информации в рассматриваемом Банке данных – от малых деталей до состояния значительных этнокультурных процессов в Вятском крае – делает более полным направление его использования.

Таким образом, ввод комплексной информации в Банк данных о культурных взаимодействиях этнических культур Российского Юга в регионах Российского Севера способствует максимально полному сохранению и многоплановому использованию полученного в результате экспедиционных и других работ этнографического материала, анализу его с точки зрения пограничных научных дисциплин, а также логичному введению в образовательный и воспитательный процессы.

Примечания

1. Тишков В. А. Этнология и политика. М: Наука, 2001. С. 114.
2. Микрюков П. В., Трушкова И. Ю. Создание информационного Банка данных о коллекциях Вятской археолого-этнографической экспедиции и направления его использования в образовательном процессе вуза // Всероссийская ежегодная научно-техническая конференция «Наука – Производство – Технологии – Экология»: сб. материалов. Т. 6. Киров: Изд-во ВятГУ, 2008. С. 113–114.
3. Трушкова И. Ю. Памятки и инструкции по работе в фондах музеев по теме «Национальные меньшинства на территории Приуральяского региона в XIX – начале XXI в.: вопросы истории и культурной адаптации». Киров: «Старая Вятка», 2013.

Notes

1. Tishkov V. A. Ethnologia i politika [Ethnology and politics]. M. Nauka. 2001. P. 114.
2. Mikryukov V. P., Trushkova I. Yu. Sozдание informacionnogo Banka dannyh o kollekciyah Vyatskoj arheologo-ethnograficheskoj ehkspedicii i napravleniya ego ispol'zovaniya v obrazovatel'nom processe vuza [The creation of a data bank containing information about collections of Vyatka archaeological-ethnographic expedition and its application in educational process] // Vserossijskaya ezhegodnaya nauchno-tekhnicheskaya konferenciya «Nauka – Proizvodstvo – Tekhnologii – Ehkologiya»- Annual all-Russian scientific-technical conference "Science – Production – Technology – Environment": materials. Vol. 6. Kirov. Publ. of Vyatka State University. 2008. Pp. 113–114.
3. Trushkova I. Y. Pamyatki i instrukcii po rabote v fondah muzeev po teme «Nacional'nye men'shinstva na territorii Priural'skogo regiona v XIX – nachale XXI v.: voprosy istorii i kul'turnoj adaptacii» [Manuals for work in the collections of the museums on the theme "National minorities on the territory of the near-Ural region in the XIX – beginning of XXI century: problems of history and cultural adaptation"]. Kirov. Staraya Vyatka. 2013.

Специфика слоговой и акцентной структуры слов в современном немецком языке

Статья посвящена специфике слоговой и акцентной структуры слов в современном немецком языке. В статье выявляются характерные особенности на уровне фонемной, слоговой и акцентной организации слова. Рассматривается понятие словесного ударения в двух аспектах: его фонетическая природа, его место в слове; анализируются функции, свойства ударения и акцентные типы слов. С точки зрения места ударения в слове различают языки со связанным ударением и свободным ударением. Важное место в статье занимает сравнительный анализ научной литературы по проблеме исследования, который помог выделить отличительные свойства ударения в немецком языке. Особое внимание уделяется анализу накопленного концептуального и экспериментального материала, что позволяет рассматривать формальные характеристики слов в немецком языке с точки зрения языковой системы.

The article is devoted to the specifics of syllabic and accentual structure of words in modern German. The article deals with specific features at the level of phonemic, syllabic and accentual word. The concept of word stress is considered in two aspects: it's phonetic nature and its place in the word; the features, properties, stress and the accent types of words are analyzed. There are languages with a fixed stress and free stress from the perspective of place of stress in the word. A comparative analysis of scientific literature on the research problem takes an important place in the article, it helped to identify the distinctive properties of word stress in German. Special attention is paid to the analysis of the accumulated conceptual and experimental material, that allows to consider the formal word features in German from the point of view of the language system.

Ключевые слова: современный немецкий язык, словесное ударение, слоговая структура, акцентный тип, фонетическая природа, звук.

Keywords: modern German, the word stress, syllable structure and accent type, the phonetic nature, sound.

В современной лингвистической науке существуют объективные подходы, основанные на анализе накопленного концептуального и экспериментального материала, что позволяет рассматривать формальные характеристики слов в немецком языке с точки зрения языковой системы. Анализ фактов языка позволяет выделить наиболее характерные особенности на уровне фонемной, слоговой и акцентно-ритмической организации слова.

Ударение представлено определенным образом в системе языка, которая в целом существует для обеспечения речевой коммуникации.

В области ударения в языке конца XX в. шли активные процессы, которые касались различных разрядов слов. Просматриваются тенденции изменения глагольного ударения, тенденции изменения именного ударения (ударение в словоформах имен существительных), процессы, связанные с активизацией употребления слов, а также процессы, связанные с освоением заимствований. Однако эти процессы не представляли кардинально новых явлений, способных в какой-то степени повлиять на сложившуюся акцентную систему. Наблюдаемые процессы обусловлены действием давно сложившихся и известных на протяжении достаточно длительного периода тенденций. Новым является более широкий охват этими тенденциями различных категорий и групп слов, активность этих тенденций [1].

Для интонирования речи принципиально значимо словесное ударение. Словесное ударение обладает словоразличительной и словоразделительной функцией. Словоразличительная функция заключается в возможности различать посредством ударения как разные слова, так и разные формы одного и того же слова. Особенно эта функция проявляется там, где существуют пары

лексем, в которых ударение является единственным словоразличительным признаком, например: (der) Au'gust – 'August, (der) Te'nor – (der)'Tenor. Но таких пар лексем в языках, которые имеют словесное ударение, небольшое количество. Кроме того, у большинства слов при изменении ударения происходит разрушение самого слова. В немецких словах (например, Sonne или Zimmer и т. д.) невозможен перенос ударения с первого слога на второй, поскольку в этом случае слово потеряет своё значение и будет представлять собой бессмысленные сочетания звуков.

Таким образом, словоразличительная функция проявляется в том, что ударение – это необходимый элемент для каждого слова на определенном слоге, без которого слово было бы невозможно узнать и понять его значение.

Словоразделительная функция присуща ударению обычно в тех языках, в которых оно всегда во всех словах падает на определенный слог (первый, последний, предпоследний и т. д.).

Словесное ударение в немецком языке является фонетически свободным, оно может падать на любой слог в слове, например: 'machen (на первый слог), be'stehen (на второй), unter'gehen (на третий), vergegen'wartigen (на четвертый).

Корневой слог в немецких словах часто несет ударение; имеет ударение большинство приставок, как глагольных, так и именных; имеют ударение и многие суффиксы. Словесное ударение в немецком языке никогда не падает на окончание.

В немецком языке простые слова произносятся с одним ударением: 'lesen, 'morgen. Сложные слова в немецком языке характеризуются двумя ударениями: один элемент несет главное ударение, объединяющее все сложное слово, другой элемент несет второстепенное ударение. Существует также небольшая группа слов, где обнаруживаются два ударения одинаковой силы.

Если в слове два ударения, то это дает возможность различить в сложном слове определяющий и определяемый компонент: первый несет сильное ударение, второй – слабое, например: 'Schlaf,zimmer (комната, где спят, а не столовая, и т. д.) или 'Jahr'zehnt (десятилетие, а не столетие, и т. д.).

Распределение ударений в сложном слове (сильное – слабое) отличает его от словосочетания, состоящего из двух знаменательных слов, где существует два сильных ударения, например: 'Rot,käppchen и 'Rot'Front.

В некоторых сложных словах употребление соответствующего типа ударения является единственным смысловым различительным фактором. Например, слова 'stein,reich (каменистый, богатый камнем) и 'stein'reich (несметно богатый) различаются тем, что в первом из них есть слабое и сильное ударение и компонент stein- имеет свое прямое лексическое значение. Во втором слове распределение ударений другое, приближающееся к словосочетанию. Описание слогового строения иноязычных слов в немецком языке обнаруживает прежде всего универсальность ряда параметров, характеризующих особенности количественного и качественного состава слогов. Распределение ударений в сложных словах находится в зависимости от количества основ в составе слова от их происхождения. Акцентуация сложных существительных, в основе которых два компонента, характеризуется следующим:

1. В определительных сложных существительных главное ударение падает на ударный слог первого компонента (основы), а второстепенное ударение – на ударный слог второй основы, например: Schreibtisch, Schnellzug, Körperteil.

2. В сложных существительных, таких как Jahrtausend, второстепенное ударение падает на первый компонент, а главное ударение – на ударный слог второго компонента, например: Jahrhundert.

3. В копулятивных сложных существительных обе основы несут главное ударение, например: Freundfeind, Dichterkomponist.

В сложных существительных из трех основ может происходить сдвиг ударения, обусловленный ритмическими причинами. Так, слово Althochdeutsch, составленное из Alt+Hochdeutsch, получает обычно дополнительное ударение на слове deutsch: 'Althoch,deutsch; такой же сдвиг может быть в словах 'Urgro ß,vater, 'Nachmit,tag и т. д. [2]

В вопросе о словесном ударении важны два аспекта: его фонетическая природа и его место в слове.

Вопрос о фонетической природе ударения – один из сложных для науки всех языков. Обычно считается, что понятие «ударение» относительное и что какой-то слог в слове отличается от других теми или иными присущими ему фонетическими качествами, которыми не обладают другие слоги.

Фонетические средства, которые в любом языке могут характеризовать ударение, следующие: длительность, сила, качество, высота. Факторы, определяющие длительность данного речевого сегмента, разнообразны как по природе, так и по степени влияния на данный признак. Для интонационных исследований особый интерес представляет длительность гласных. Именно увеличение (реже уменьшение) длительности гласных, особенно ударных, используется в разных языках для выражения интонационных значений.

Разные звуки требуют для образования и восприятия различного времени. Так, глухие щелевые согласные почти вдвое превышают по длительности сонанты в той же позиции. Этот факт, известный под названием собственной, или внутренней, длительности звука, для гласных играет сравнительно небольшую роль, хотя на материале разных языков отмечено, что гласные верхнего подъема при прочих равных условиях имеют меньшую длительность, чем гласные низкого подъема, причем различия эти находятся выше слухового порога различения.

Другой фактор, определяющий длительность гласных, – это их позиция в слове и слоге. Из наиболее общих, то есть наблюдаемых в большинстве языков, закономерностей следует отметить большую длительность гласного в открытом слоге, особенно в абсолютном исходе слова, и сокращение длительности гласного (по сравнению со средней) перед глухими согласными. В языках, в которых одним из фонетических средств словесного ударения является увеличение длительности гласного, позиция гласного относительно места ударения оказывается одним из наиболее мощных факторов, влияющих на длительность этого гласного. В немецком языке, где долгота гласного создает особые фонемы, противопоставляющиеся кратким, это свойство не может быть использовано как основное в ударении.

Второе отличительное свойство ударения – это сила звука, с помощью которой выделяется ударный слог. Силовое ударение является физиологически результатом усиления мускульного напряжения, что отражается акустически на большей громкости звука. В немецком языке различают по силе три степени ударения: главное (сильноударные слоги), второстепенное (слабоударные слоги) и нулевое (безударные слоги). Каждая из этих трех степеней имеет свою морфологическую обусловленность, в основе которой лежит принцип семантического веса морфемы. Главным ударением в простых и многих производных словах бывает отмечен корень слова, например: /Abend, Ge/sellschaft, /Dämmerung, /lustig, а в сложных словах, состоящих из нескольких корней, главное ударение получает корень определяющего компонента (он, как правило, первый).

Второстепенным ударением бывает отмечен прежде всего определяемый компонент сложных слов, например: /Arbeits buch, /Friedens kämpfer, а также некоторые суффиксы, например: /Freund schaft, /Sicher heit и др.

Третье относительное свойство ударения – качество гласного, которое может быть абсолютным его признаком и состоит в том, что гласный произносится ясно и четко, что придает ему акустически особый тембровый характер. Что касается контрастирования гласных ударных и безударных слогов по качеству в немецком языке, то оно отсутствует, поскольку в этом языке нет качественной редукции гласных.

Четвертый признак ударности – высота тона, выделяющая ударный слог. Такое ударение носит название музыкального.

Немецкое ударение в слове в основе своей динамическое. Однако оно отличается от русского: во-первых, оно сильнее, чем русское; во-вторых, в немецком языке увеличение длительности ударного слога не носит такого абсолютного характера, как в русском языке, поскольку длительность гласных в немецком языке служит фонематическим признаком. Вследствие этого в ударном слоге в немецком языке могут употребляться как долгие, так и краткие гласные. В безударном слоге и те и другие оказываются более краткими, чем в ударном слоге. Немецкое словесное ударение характеризуется контрастированием ударных слогов с безударными в основном по силе мускульного напряжения [3].

С точки зрения места ударения в слове различают языки со связанным ударением и свободным ударением. При связанном ударении оно всегда стоит на определенном слоге слова. В языках со свободным ударением оно может находиться на любом слоге слова, хотя каждое слово имеет свой определенный ударный слог.

Немецкий язык относят чаще всего к числу языков с морфологически связанным ударением, так как ударение связано с определенной морфемой слова (с корнем, приставкой или суффиксом). При этом различная степень силы ударения дифференцирует морфемы.

Морфологическая связанность немецкого ударения выявляется также и в том, что оно неподвижно. При изменении формы слова оно не передвигается на другой слог (/Monat – /Monate). Немецкое словесное ударение сохраняет, как правило, свое место в слове также и при образовании новых слов от корня (/Kauf-/kaufen). Вследствие своей морфологической связанности и неподвижности немецкое словесное ударение подчиняется ряду правил, в основе которых лежит морфологический принцип.

На основе изучения немецкой лексики считается, что наиболее употребительными в немецком языке являются двусложные слова. Двусложные слова преобладают среди существительных, прилагательных и наречий – около 80%, среди глаголов наиболее часто встречаются трёх- и четырёхсложные и т. д.

Среди лексических слов французского происхождения преобладают слова из двух и трех слогов: *Turnier, elegant, galant, nobel, амьсант* usw. К этой же группе относится большинство слов голландского, скандинавского и русского происхождения: *Samowar, Juwel, Steppe, Taiga, Glasnost, Sputnik, Datscha* usw. Значительная часть лексем из английского языка также имеет в своем составе два или три слога: *Export, Import, Trainer, Training, Computer, Internet, Thriller, Smoking, Handy*, однако достаточное их количество являются односложными: *Fan, Box, Trust* и т. д. При этом односложных слов французского происхождения почти в два раза меньше: *Tanz, Fond*. Слова, состоящие из четырех и более слогов, преимущественно являются заимствованиями из французского.

В целом можно отметить, что количественные характеристики иноязычных слов в отношении слоговой организации отвечают основным закономерностям литературного немецкого языка [4].

Описание качественных характеристик слоговой организации иноязычных лексем связано с выяснением фонемного состава слогов и выделением наиболее типичных сочетаний гласного с согласным в лексике.

В заимствованных словах может появляться легкий слог в любой части иноязычного слова: в абсолютном начале, в инлауте или в конце слова.

Появление легких слогов может быть вызвано различными причинами, в том числе и внешними по отношению к собственно фонетической структуре слога, например при «озвучивании» «немого» -е как носителя конченного слова (*Branche*).

Также нужно отметить, что существует значительное количество слогов с полновзвучными гласными, которые встречаются в непроезженных основах и могут располагаться как до ударного слога, так и после него: *Management* и т. д.

Акцентная характеристика иноязычных слов обуславливается количеством слогов и местом ударения. Акцентные типы иноязычных лексических единиц соответствуют основным акцентным типам немецкого языка, которые выступают в качестве особых структурных единиц фонетической системы языка.

Так как ударение в немецком языке свободно, то выявить все правила ударения не представляется возможным, но в некоторых частях речи можно указать тенденции к выделению ударением той или иной морфемы.

Ударение во многих иноязычных словах в немецком языке остается исконное. Поэтому в наиболее трудных случаях нужно обратиться к словарю происхождения. Многие иноязычные заимствования имеют ударение на суффиксе, наиболее употребительные из них приводятся в правилах.

Следующие характеристики являются значимыми при описании акцентно-ритмической организации иноязычного слова: количество, распределение главного и второстепенного ударений. Эти характеристики положены в основу выделения основных акцентных типов иноязычных слов:

Акцентный тип I [ˈ -] характеризуется одним ударением в слове, наиболее широко распространен в словах, поступивших в немецкий язык из различных языков, которые состоят из одного, двух и более слогов. Акцентный тип II [ˈ -ˈ] характеризуется двумя равнозначными ударениями, он встречается значительно реже, характерен для сложносоставных структур, в том числе оформляет сложные иноязычные слова.

Акцентный тип III [ˈ ˈ -] характеризуется первым второстепенным и вторым главным ударением, встречается в основном в сложносоставных словах французского происхождения, отличается неустойчивостью. Как правило, все лексические единицы, оформленные данным акцентным типом, имеют параллельные варианты, реализуемые на основе моделей с одним или двумя равновеликими ударениями.

Акцентный тип IV [ˈ -ˈ -] характеризуется первым главным и вторым второстепенным ударением, представлен в небольшом количестве сложносоставных слов. При сопоставлении данных акцентных типов с основными моделями немецкого словесного ударения можно выявить, что акцентная модель с одним главным ударением наиболее широко отвечает закономерностям оформления акцентно-ритмической организации лексических единиц в немецком языке.

Закрепление германского ударения на основе слова способствовало непрерывному возрастанию грамматической релевантности порядка слов. Вследствие закрепленности немецкого ударения на корневой морфеме характерным для немецкого ритмического строя является функционирование, наряду с главным, второстепенного ударения, формирующего четкую иерархию ударений в рамках многосложных структур.

В германских языках ударение есть признак единицы, которую называют ритмической группой, ударной группой, стопой, тактом и которая состоит из ударного слога плюс возможные безударные. Ритмическая группа германских языков не совпадает со словом – лексико-грамматической единицей, так как не все слова немецкого языка имеют начальное ударение. Германская

ритмическая группа может включать части слов и даже слогов, поскольку первый согласный ударного слога может переходить в ближайшую ритмическую группу.

Однако никто на этом основании не отрицает существования словесного ударения в германских языках. Учитывая, что ударение, несомненно, присуще слову германского языка в словаре, можно согласиться с реальностью словесного ударения в германских языках и одновременно признать функциональность ритмического членения – его коррелированность с установлением словесных границ, пусть и носящую вероятностный характер [5]. Специфичность германского ударения заключается в особом характере фонетического слова – ритмической группы в германских языках; эта единица может включать в свой состав части слов.

Примечания

1. Родионова О. С. Система языка – определяющий фактор просодической делимитации звучащего текста в современном немецком языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
2. Кравченко М. Г., Зыкова М. А., Светозарова Н. Д., Братусь И. В. Ударение и интонация в немецком языке: пособие для студ. пед. ин-тов. Л.: Просвещение, 1973.
3. Родионова О. С. Интонация – самостоятельный уровень языковой структуры // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 2.
4. Абрамова Н. В. О некоторых теоретических вопросах заимствования в немецком языке // Инновации в современной филологии и методике преподавания иностранных языков в высшей школе: перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф. 9 апреля 2014 г. Саратов: ИЦ «Наука», 2014. С. 52–54.
5. Родионова О. С. Универсальность и особенность компонентов интонации. Современные проблемы и тенденции развития внутренней и внешней торговли: междунар. науч. конф. 15–26 апреля. Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ, 2013.

Notes

1. Rodionova O. S. Sistema yazyka – opredelyayushchij faktor prosodicheskoy delimitacii zvuchashchego teksta v sovremennom nemeckom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk [Language System is determining factor of prosodic delimitation sounding text in the modern German language: dis. ... Dr Phil. Sciences]. M. 2001.
2. Kravchenko M. G., M. A. Zykova, Svetozarova N. D., I. V. Bratus Udarenie i intonaciya v nemeckom yazyke: posobie dlya stud. ped. in-tov [Stress and intonation in German: a Handbook for students of ped. universities]. L. Prosveshchenie. 1973.
3. Rodionova O. S. Intonaciya – samostoyatel'nyj uroven' yazykovoj struktury [Intonation is an independent level of language structure] // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki – Proceedings of higher educational institutions. Volga region. Humanities. 2007, No. 2.
4. Abramova N. V. O nekotoryh teoreticheskikh voprosah zaimstvovaniya v nemeckom yazyke [On some theoretical issues of borrowing in German] // Innovacii v sovremennoj filologii i metodike prepodavaniya inostrannyh yazykov v vysshej shkole: perspektivy razvitiya: materialy mezhdunar. nauch. prakt. konf. 9 aprelya 2014 g. – Innovations in modern Philology and methods of teaching foreign languages in higher education: prospects of development: materials of Intern. scientific-practical conf. April 9, 2014. Saratov. RI "Nauka". 2014. Pp. 52–54.
5. Rodionova O. S. Universal'nost' i osobennost' komponentov intonacii. Sovremennyye problemy i tendencii razvitiya vnutrennej i vneshnej trgovli: mezhdunar. nauch. konf. 15–26 aprelya [Universality and peculiarity of intonation components. Modern problems and tendencies of development of domestic and foreign trade]: Intern. scientific conf. 15–26 April. Saratov. Publishing house of Saratov Institute of RSTEU. 2013.

УДК 8; 81'373

Т. С. Сергеева

Аббревиатуры в современных англоязычных текстах массовой информации

Язык текстов массовой информации – некий «код», с помощью которого в индивидуальном и массовом сознании складывается картина окружающего мира. Он характеризуется оперативностью излагаемого материала, логичностью, объективностью, динамичностью, восприимчивостью к языковым инновациям, четко реагирует на изменения, вызванные различными преобразованиями социально-политического устройства, экономики. Среди пластов лексики языка массовой коммуникации наиболее активными и частотными являются общественно-политическая лексика, стандартные языковые единицы, клише, оценочная лексика, узкоспециальные слова и выражения, неологизмы и окказионализмы.

Аббревиатура является одним из самых продуктивных способов пополнения и обогащения языка массмедиа. Практически ни одна печатная или электронная статья, очерк, интервью, объявление не обходятся без различного рода сокращенных лексических номинаций. Использование аббревиатурных единиц в

медиа-текстах обеспечивает сочетание высокой информативности изложения материала, связанной с необходимостью размещения событий от международной жизни до спорта и светских новостей, и краткости, которая заключается в экономии места, материальных затрат, желании журналиста дать более полную картину событий дня. Создание аббревиатур также помогает обеспечивать высокую экспрессивность, обусловленную функцией внушения и пропагандистской направленностью, которые характерны в той или иной степени для всех средств массовой информации (СМИ).

В данной статье освещаются форма и функция аббревиатур в современной медиа-текстовой культуре (на материале английского языка).

Media language is a "code" by which the individual and mass consciousness creates the picture of the world. It is characterized by the efficiency of the material, logic, objectiveness, dynamic and receptivity to any linguistic innovations. It clearly responds to changes caused by various transformations of the socio-political structure of the economy. Among the lexicon of mass communication the most active and frequent layers are socio-political lexicon, standard language units, clichés, evaluative vocabulary, highly specialized words and phrases, neologisms and nonce words.

Abbreviation is one of the most productive ways of enriching the language of the media. No electronic or print articles, essays, interviews, ads can not do without various kinds of reduced lexical units. The abbreviated units in media texts provide a combination of high information content of presentation associated with the need to arrange the events from international life to sports and social news, with brevity, which is to save space, material costs, and with the desire of the journalist to give a more complete picture of the events of the day. Abbreviations also help provide high expressivity due to the function of suggestion and promotion which is characterized by a greater or lesser extent in all media.

This article highlights the form and function of abbreviations in modern media-text culture in the English language.

Ключевые слова: массовая коммуникация, массово-информационный дискурс, текст массовой информации, аббревиация, буквенные аббревиатуры, усеченные слова, телескопные номинации.

Keywords: mass communication, mass-information discourse, media text, abbreviation, acronyms, truncated words, telescopicisms.

Массовая коммуникация представляет собой целенаправленный процесс, заключающийся в производстве и передаче сообщения с помощью массмедиа, а также адекватном восприятии этого сообщения реципиентами. Массмедиа – средства осуществления коммуникации между различными группами и индивидуумами, являющиеся способом воздействия на обыденное сознание, его последующего формирования и установления особых эмоциональных взаимоотношений между участниками коммуникации [1]. Основными функциями массмедиа являются информационная, организационная, воздействующая, экспрессивная, воспитательная, развлекательная и просветительская.

Вторая половина XX – начало XXI в. в связи с развитием международных отношений, бизнеса, глобальных интеграционных процессов в области науки, экономики и культуры, политических и общественных организаций характеризуются стремительным ростом системы массовой коммуникации и новых информационных технологий, что позволяет распространять информацию практически на неограниченную аудиторию. Динамичное развитие традиционных средств массовой информации (СМИ) – печати, радио, телевидения, появление и распространение Всемирной паутины – Интернета, электронной почты и мобильных телефонов – приводит к образованию единого информационного пространства. Всё это не может не сказаться на процессах производства и распространения слова, на особенностях речеупотребления и характере языковых изменений. Язык массмедиа является неким «кодом», специфически прикрепленным, деформированным и видоизмененным особым принципом функционально-стилевой конструкции [2], с помощью которого в индивидуальном и массовом сознании складывается картина окружающего мира.

Разработка новых парадигм практического исследования языка СМИ предполагает детальное изучение такого лингвистического феномена, как «*массово-информационный дискурс*» (по терминологии Е. И. Куманициной [3] или «*медиадискурс*» (по терминологии Т. Г. Добросклонской [4] и Е. А. Кожемякина [5]) – тематически сфокусированной, социокультурно обусловленной речемыслительной деятельности в массмедийном пространстве. *Текст массовой информации (медиа-текст)* является основной дискретной единицей медиадискурса, рамки которого позволяют объединить такие разноплановые и многоуровневые понятия, как газетная статья, радиопередача, телевизионные новости, интернет-реклама и прочие виды продукции массмедиа. Изучение текста массовой информации как «узла в сети» массовой коммуникации позволяет понять принципы внутренней когерентности медиадискурса, условия его появления, правила образования определённых смыслов и специфику эффективности конкретных массовых сообщений.

Тексты массовой информации имеют ряд уникальных лексических характеристик. Среди пластов лексики языка медиатекстов наиболее активными и частотными являются:

- 1) общественно-политическая лексика,
- 2) стандартные языковые единицы, клише,
- 3) оценочная лексика,
- 4) обиходно-бытовая лексика,
- 5) узкоспециальные слова и выражения,
- 6) неологизмы и окказионализмы.

Аббревиация – произвольный процесс сокращения наименования какого-либо объекта, является одним из самых продуктивных способов обогащения лексической системы текстов массовой информации. Данный словообразовательный способ наилучшим образом объединяет перечисленные выше лексические особенности медиатекстов, поскольку исходным вариантом сокращенной номинации могут быть узкоспециальные или терминологические слова и словосочетания, речевые высказывания, относящиеся к сфере разговорного языка, а сами аббревиатуры на определенном этапе являются языковыми неологизмами. Использование аббревиатур в текстах массовой информации обеспечивает сочетание высокой информативности, экспрессивности и краткости изложения материала, обусловленное функцией внушения и пропагандистской направленностью, которые характерны в той или иной степени для всех СМИ.

В данной работе предпринимается попытка проанализировать три основных структурных типа аббревиатур (буквенных, усеченных и телескопных сокращенных номинаций) на материале англоязычных текстов массовой информации, в частности периодических печатных изданий. Исследуются различные классы сокращений: общеупотребительные сокращенные единицы, авторские аббревиатуры, сокращения-неологизмы. Аббревиатуры рассматриваются в следующих аспектах: с точки зрения моделей сокращения исходных слов/словосочетаний, компонентного состава, способа введения в текст и особенностей употребления в современной англоязычной медиатекстовой культуре.

Буквенные аббревиатуры, образованные от словосочетаний путем оставления начальных букв от каждого слова сокращаемого словосочетания [6], в англоязычных медиатекстах представляют собой самую многочисленную группу.

Инициализмы чаще всего вводятся в текст постпозитивно, т. е. за мотивирующим их исходным словосочетанием (прототипом). Расшифровка буквенного сокращения осуществляется путем непосредственного обращения к нему. Таким образом, установить тождество прототипа и аббревиатуры не представляет сложности. Например:

– ...Brian Moore went on holidays with officers in an informal group called the *Walthamstow Overseas Geographical Society*. The group was often referred to by its initials, *W.O.G.S.* [7]

Реже можно встретить буквенные сокращенные единицы, введенные в текст раньше мотивирующих словосочетаний, которые, следуя за ними, их поясняют:

– The *CFP-10 (10-kDa culture filtrate protein)* and *ESAT-6 (6-kDa early secretory antigen of T-cells)* are secreted in abundance by *Mycobacterium tuberculosis* and are frequently recognized by T cells from infected people [8].

Аббревиатуры, известные широкому кругу носителей языка, могут функционировать в тексте без расшифровки:

– When Silvia Petretti was diagnosed with *HIV* she thought her life had come to an end [9]. (*HIV – human immunodeficiency virus*).

По способу чтения все буквенные аббревиатуры можно разделить на две группы: алфавитизмы, образованные из начальных букв слов исходного словосочетания и читаемые по алфавитным названиям букв, и акронимы, созданные из инициальных букв слов прототипа, по своей фонетической структуре соответствующие фонетической структуре слова. В современных англоязычных медиатекстах алфавитизмы являются преобладающими. В медиадискурсе данный тип аббревиатур выполняет номинативную функцию (название и вычленение фрагментов действительности) и функцию знака-заместителя, так как данный тип сокращений чаще всего выступает в качестве удобного знака-заместителя наименования, состоящего из трех и более слов [10].

Характерной особенностью алфавитизмов, употребляющихся в текстах англоязычных СМИ, является то, что в их состав иногда включаются небуквенные символы, например: *AC-3 – Audio Compression/3*, *I4L (ISDN for Linux)*, *4WD – Four Wheel Drive* [11]. Чаще всего инициально-цифровой аббревиации подвергаются технические термины, названия групп и организаций.

В англоязычных медиатекстах нередко встречаются и инициально-словные аббревиатуры – слова, у которых первый компонент представлен начальной буквой, а второй компонент является полным словом [12]. Например, широко распространенная инициально-словная аббревиа-

тура *e-learning* употребляется в следующем газетном заголовке: *Back to Class, with Laptops in Hand Dakota Collegiate Ramps Up E-Learning* [13].

В англоязычной медиатекстовой культуре акронимы уступают по численности алфавитизмам. Данные сокращенные единицы выполняют номинативную и/или экспрессивную и стилистическую функции, т. е. дают красивые, звучные имена новым реалиям.

В связи с усиливающейся тенденцией лексикализации акронимов появляется качественно новый способ аббревиации, довольно популярный в языке СМИ, – создание омоакронимов – аббревиатур, совпадающих по своей структуре с обычными словами. Например:

– *ALICE is an online robot that can have a conversation with you in a chat format* [15].

В данном случае *ALICE* – это аббревиатура компьютерного термина *Artificial Linguistic Internet Computer Entity*, обозначаемая прописными буквами.

Сходное с омоакронимией явление называют бэкронимией. Бэкронимы образуются из уже существующего слова или сокращения, имеющего совершенно другое значение:

–*Carly Booth is not allowed to be a member of the Royal and Ancient Golf Club: 'Gentlemen Only, Ladies Forbidden' – isn't that how it goes?* [15].

Бэкроним *Golf* в данном контексте означает *Gentlemen Only, Ladies Forbidden*. Смысл его расшифровки не связан со значением слова *Golf*, закрепленного в словаре. Такая расшифровка создает комический эффект.

Среди акронимов все большее распространение приобретают и так называемые рекурсивные акронимы, при расшифровке которых используется сама аббревиатура, то есть создается рекурсия, например: *Visa – Visa International Service Association*.

В омоакронимах, бэкронимах и рекурсивных акронимах заложен принцип языковой игры – средство экспрессии, свойственное языку современной прессы.

Буквенные сокращения, довольно разнообразны по своему компонентному составу: от одного до восьми компонентов. Наличие в англоязычных текстах массовой информации небольшого количество однокомпонентных аббревиатур связано, прежде всего, со стремлением избежать омонимии – звуковое совпадение разных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом [16]. Число многокомпонентных аббревиатур (пять и более компонентов) в англоязычных медиатекстах встречается довольно редко: многокомпонентные буквенные сокращения, как правило, являются громоздкими и неудобными в употреблении. Преобладающими являются трех-, четырех-, и двухкомпонентные аббревиатуры.

Усеченные слова, образованные с помощью опущения букв или слогов основы прототипа [17], в массово-информационном дискурсе являются менее частотными по сравнению с буквенными аббревиатурами.

Усеченные сокращенные единицы, как и инициализмы, могут вводиться в текст с расшифровкой постпозитивно относительно мотивирующих слов, например:

– *Referee Andre Marriner baffled Wednesday fans as he failed to give what appeared to be a penalty in added-on time, and then refused to allow a Gary Madine 'goal' to stand as play went on. [...] "But it would be harsh if I were to lose my job because of that decision by the ref. I don't know whether it was a penalty or not but the ref says Lera pushed him"* [18].

Единичны случаи препозитивного расположения усеченных сокращенных единиц:

– *Once they are inside the post office the second man hammers at the partition with the sledge (sledgehammer)* [19].

Известные усеченные слова в текстах массовой информации могут приводиться без мотивирующего слова.

В текстах массовой информации двухслоговая апокопа (усечение финальной части слова по терминологии И. В. Арнольд [20]) является довольно продуктивной моделью усечения:

– *Reports of suicide bomb vests inside the Afghan Department of Defense were eventually dismissed as false, but they pointed to US concerns about Taliban infiltrators or rogue troops attacking US soldiers or the Afghan government* [21] (*Afghan – Afghanistan*).

Апокопированные усечения встречаются в различных областях знаний, могут носить общенародный и общепотребительный характер и использоваться как в литературном, так и в неофициальном разговорном языке.

Аферезис (усечение начальной части прототипа по терминологии И. В. Арнольд [22]) является менее распространенной моделью усечения в англоязычных медиатекстах. Аферезисные сокращенные единицы состоят в основном из двух, реже одного слогов, встречаются преимущественно в обиходной разговорной речи и могут иметь оттенок фамильярности. Например:

– *"E's got time for everyone, has 'Arry," says an adoring Big Dave. "No matter who or what"* [23]. В данном случае аферезисная аббревиатура с апострофом представляет английское имя собствен-

ное *'Arry*, образованное от *Harry*. Разговорными аферезисными усечениями являются и единицы *E* от *He* и *'s* от *has*. Однако подобные усечения нельзя считать лексическим и выделять наряду с другими словообразовательными способами, так как они являются характерной особенностью разговорной речи и могут реализоваться в письменном виде и в полной форме.

Модель усечения серединной части слова (синкопа по терминологии И. В. Арнольд [24]) в англоязычных текстах массовой информации более продуктивна по сравнению с аферезисом, но менее распространена, чем апокопа. Данный тип усеченных единиц состоит из одного, реже двух слогов. Такие усечения могут также носить эмоционально-экспрессивный заряд и/или иметь ограниченную сферу употребления в профессиональных жаргонах либо аргю. Например:

If Clinton wins *Penna* by 10 points or more, that would give Obama a jolt – but she would still face a steep climb in the remaining contests to capture the nomination [25] (*Penna* – *Pennsylvania*).

Телескопные номинации, созданные путем слияния усеченных основ двух или более лексических единиц и включающих в себя полностью или частично значения входящих в него структурных компонентов [26], в англоязычных медиатекстах менее распространены, чем буквенные аббревиатуры и усеченные слова.

В связи с тем что язык текстов массовой информации требует постоянного обновления используемых средств, многие из телескопизмов, носящих большей частью окказиональный характер, не имеют перспективы длительного существования и не регистрируются словарями.

Как и предыдущие типы аббревиатур, телескопные слова вводятся в медиадискурс с расшифровкой или без нее либо перед мотивирующим словосочетанием, либо после него в зависимости от частотности сокращенной единицы и привычности ее употребления, например:

– Wearing afro wigs, his models stood out in rich, plum, gold colors and *barococo* prints that were very feminine and exotic [27]. Телескопизм *barococo*, образованный в результате слияния основ двух слов: *baroque* + *rococo*, – в связи с общеизвестностью в данном контексте приводится без расшифровки.

Рассмотрим пример введения телескопной номинации, мотивирующее слово которой находится непосредственно перед ней:

– *American Express (Amex)* has set off its foray into the domestic credit card market with the launching of a peso-denominated credit card [28]. В телескопной аббревиатуре *Amex* происходит наложение фонем на стыке двух слов. Такая операция, по мнению Е. А. Дюжиковой, способствует «созданию словоподобной аббревиатуры, что и маркирует определенный “сдвиг” в аббревиатуре по сравнению с ее прототипом» [29].

В связи с этим следует отметить, что если усеченные слова могут прочитываться с помощью их отсылки к корреляту (прототипу), то телескопные номинации делятся на аббревиатуры, в которых сохраняются только релевантные части слов, которые если и не угадываются сразу, все же вполне определенно указывают на мотивирующее словосочетание, и полностью мотивированные слова, чья семантика прозрачно просматривается в мотивирующем словосочетании. Таким образом, телескопизмы можно рассматривать в качестве реально мотивированных единиц, для которых определенный отрезок контекста создает основу мотивации.

По своему компонентному составу телескопизмы могут состоять как из двух, так и из трех и более элементов:

– Boomers who once debated the merits of day care for their children now debate the prospect of *eldercare* for themselves [30]. Телескопизм *eldercare*, манифестирующий синтез значений двух слов *elderly* и *care*, является двухкомпонентным по своему составу.

Реже в медиадискурсе можно встретить многокомпонентные телескопные образования:

– Bemer [...] was also responsible for the name of the new programming system, *Cobol (Common Business-Oriented Language)* [31]. *Cobol* – телескопизм, состоящий из компонентов трех слов. Части исходных слов, входящих в качестве компонентов в возникшую телескопную единицу, количественно незначительны (один-два звука).

Среди английских телескопных слов наиболее продуктивна модель так называемых «частичных» телескопизмов (по терминологии Ю. А. Жлуктенко и В. А. Березинского [32]). В данную модель входят три подтипа: телескопизмы с финальным усечением только первого компонента исходного словосочетания, телескопные слова с инициальным усечением только второго элемента прототипа и телескопные номинации финального усечения только второго компонента:

– The bloody episode, in which 85 Russian *paratroopers* from the same town were massacred on a fog-shrouded Chechen hill in 2000, is known to fascinate President Vladimir Putin [33]. Данный пример интересен тем, тем что единица *paratroopers* является производной, образованной суффиксальным способом от телескопизма *paratroop*, созданного в результате финального усечения первого компонента исходного словосочетания *parachute troops*. Второй элемент телескопизма – *troop* –

выступает в роли корневой основы, что опровергает утверждение И.М. Бермана: «Второй элемент телескопного слова никогда не бывает корневой основой» [34]. Телескопизм *paratroop* является моделированным по своей структуре. Начальный компонент *para* встречается и в других телескопизмах, ср.: *paraglider*, *parafoil* и т. п.

В связи этим следует отметить, что телескопные слова, в особенности «частичные» телескопизмы, могут выполнять как экспрессивную, так и номинативную (репрезентативную) функцию, «отражая след времени и временную коннотацию новизны» [35]. Такая функция прослеживается у телескопных сокращений, выступающих в роли названия различных изобретений, новых товаров и т. п. Например:

– There are many restaurants, *cashomats*, chemist, foodstuff shop, bakery and patisserie up to 100 metres from the hostel [36]. *Cashomat* представляет собой телескопную единицу с инициальным усечением второго элемента исходного словосочетания *cash + automat*. Данный телескопизм носит не уникальный, а моделированный характер. Телескопизмы, моделированные по второму элементу, более употребительны, чем телескопные единицы с общим начальным компонентом: *cashomat*, *laundromat*, *Lawn-a-mat*, *Akustomat* и т. п. Моделированные телескопные образования, в отличие от уникальных, обладают большей способностью к закреплению, отражением которого является их фиксация в словарях.

Единичны примеры финального усечения только второго компонента:

– Designed by London-based architects *Spacelab*, it cost in the region of E3million [37] (*spacelab + space + laboratory*).

В последнее десятилетие сократилось образование полных телескопных слов (по терминологии Ю. А. Жлуктенко и В. А. Березинского [38]), в которых усечению подвергаются оба элемента.

Среди них встречаются единицы с финальным усечением первого компонента и инициальным усечением второго:

– But not everyone thinks Tyler's solid European fanbase will mean *Eurovision* success [39].

В медиатекстах среди полных телескопных единиц преобладают телескопизмы с финальным усечением всех компонентов. В современном английском языке такие слова встречаются в различных семантических областях. Так, подобные телескопные номинации могут создаваться для обозначения нового гибрида:

– The 13 acre site's wildlife park gave us a look at a watusi, a *zedonk* (which is what happens when a zebra and a donkey love each other very much) and plenty of huge gators [40].

В настоящее время в англоязычном медиадискурсе усиливается тенденция к образованию гаплогических телескопизмов (по терминологии В. И. Заботкиной [41]), в которых происходит наложение фонем на стыке двух слов. Например:

– In the world of celebrity where everything is fair game, power couple *Brad Pitt* and *Angelina Jolie* has once again been thrown front and center of a tabloid feeding frenzy, with reports brewing for days that they are *Brangelina* no more [42]. В силу свежести и неожиданности формы приведенная сокращенная единица привлекает внимание и оказывает определенный прагматический эффект на реципиента.

С нашей точки зрения, гаплогические телескопные аббревиатуры ближе всех соответствуют наименованию «телескопических», так как при их возникновении одно исходное слово действительно как бы целиком вдвигается в другое и стык между ними трудноопределим.

Вследствие интенсивных языковых контактов телескопия, чисто английский способ словообразования, отражается и в словообразовательных системах других языков. Так, в русском языке появились единицы типа рейганомика, евродоллары, Евросима и т. п., которые воспринимаются не просто как транслитерации соответствующих английских телескопизмов, а как единицы, находящие ассоциативную опору в уже существующих в русском обиходе единицах (Евросима – «Европа как будущая Хиросима», евродоллары – «общеевропейские доллары» и т. д.).

В заключение стоит отметить, что сложная функциональная нагрузка и структурно-смысловая организация текста массовой информации – максимум информации и воздействующей силы при использовании минимума лингвистических средств – вызывает потребность в языковых единицах, которые привлекли бы внимание читателя, легко ими декодировались, при этом сочетая одновременно повышенную информативность (за счет увеличения смыслового объема) и воздействующую силу (за счет эмоциональной оценочности). Аббревиация, в свою очередь, позволяет не только дать компрессивную форму новым лексическим единицам, относящимся к различным отраслям общественно-политической жизни, науки, техники и представляющим собой громоздкие и неудобные в употреблении словосочетания, но и обеспечить их высокую экспрессивность. Таким образом, наличие множества сокращенных единиц можно отнести к одной из основных лексических характеристик текстов массовой информации на современном этапе развития языка.

Примечания

1. Ярмашевич М. А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. С. 282.
2. Костомаров В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. С. 23.
3. Куманицина Е. И. Лингвокреативный аспект англоязычной массовой коммуникации: языковая игра в британских и североамериканских массмедиа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. С. 15.
4. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС Эдиториал, 2005. С. 43.
5. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости БелГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2010. № 12. Вып. 6. С. 16.
6. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986. С. 134–135; Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высш. шк., 1989. С. 63.
7. The Mail on Sunday (Glasgow, Scotland), June 3, 2012. URL: <http://www.questia.com/library/p4520/sunday-mail-glasgow-scotland/i2662838/june-3-2012> (дата обращения: 09.01.2014).
8. Infection and Immunity, May, 2008. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/issues/165046/> (дата обращения: 12.12.2013).
9. The Independent (London, England), August 21, 2010. URL: <http://www.independent.co.uk/voices/archive/?year=2010&month=8&day=21> (дата обращения: 19.12.2013).
10. Дюжикова Е. А. Аббревиация сравнительно со словосложением: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. С. 219–220.
11. Черепанов А. Т. Англо-русский словарь сокращений по компьютерным технологиям, информатике, электронике и связи. СПб.: БВХ-Петербург, 2012. С. 11.
12. Арбекова Т. И. Лексикология английского языка. М.: Высш. шк., 1977. С. 47.
13. Winnipeg Free Press, August 16, 2012. URL: <http://www.winnipegfreepress.com/arts-and-life/events/event-search/?eventYear=2012&eventYear=2012&eventDay=16&eventDay=16&eventMonth=8&eventMonth=8> (дата обращения: 11.12.2013).
14. International Journal of Computer Applications in Technology, Vol. 43, No. 2, 2012. URL: <http://www.inderscience.com/info/inarticle.php?jcode=ijcat&year=2012&vol=43&issue=2> (дата обращения: 16.12.2013).
15. Daily Mail (London), December 3, 2012. URL: http://www.dailymail.co.uk/home/sitemaparchive/day_20121203.html (дата обращения: 15.12.2013).
16. Косарева О. Г. Аббревиация в языке современной прессы (на материале французского, английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. С. 82.
17. Арнольд И. В. Указ. соч.; Заботкина В. И. Указ. соч.
18. Sunday Mirror (London, England), December 9, 2012. URL: <http://www.mirror.co.uk/by-date/09-12-2012> (дата обращения: 10.12.2013).
19. The Mirror, November 22, 2011. URL: <http://www.mirror.co.uk/by-date/22-11-2011> (дата обращения: 09.01.2014).
20. Арнольд И. В. Указ. соч.
21. The Christian Science Monitor, March 27, 2012. URL: <http://www.csmonitor.com/content/search?SearchText=2012> (дата обращения: 08.01.2014).
22. Арнольд И. В. Указ. соч.
23. Sunday Mirror (London, England), August 2, 1998. URL: <http://www.mirror.co.uk/by-date/02-08-1998> (дата обращения: 17.12.2013).
24. Арнольд И. В. Указ. соч.
25. The Christian Science Monitor, April 22, 2008. URL: <http://www.csmonitor.com/content/search?SearchText=2008> (дата обращения: 08.01.2014).
26. Заботкина В. И. Указ. соч.
27. Manila Bulletin, September 2, 2007. URL: <http://waranddissent.wordpress.com/2010/03/23/manila-bulletin-article-september-02-2017/> (дата обращения: 26.12.2013).
28. Sunday Mirror (London, England), December 9, 2012. URL: <http://www.mirror.co.uk/by-date/09-12-2012> (дата обращения: 10.12.2013).
29. Дюжикова Е. А. Указ. соч.
30. Manila Bulletin, September 2, 2007. URL: <http://waranddissent.wordpress.com/2010/03/23/manila-bulletin-article-september-02-2017/> (дата обращения: 26.12.2013).
31. The Independent (London, England), July 1, 2004. URL: <http://www.independent.co.uk/voices/archive/?year=2004&month=7&day=01> (дата обращения: 28.12.2013).
32. Жлуктенко Ю. А., Березинский В. А. Английские неологизмы. Киев: Наук. думка, 1983. С. 123–124.
33. The Independent (London, England), May 15, 2006. URL: <http://www.independent.co.uk/voices/archive/?year=2006&month=5&day=15> (дата обращения: 29.12.2013).
34. Берман И. М. О «вставочном» типе словообразования // Вопросы языкознания. №2. 1959. С. 105–106.
35. Заботкина В. И. Указ. соч.
36. Manila Bulletin, September 2, 2007. URL: <http://waranddissent.wordpress.com/2010/03/23/manila-bulletin-article-september-02-2017/> (дата обращения: 26.12.2013).

37. Daily Mail (London), September 4, 2008. URL: http://www.dailymail.co.uk/home/sitemaparchive/day_20080904.html (дата обращения: 22.12.2013).
38. Жлуктенко Ю. А., Березинский В. А. Указ. соч.
39. Western Mail (Cardiff, Wales), March 8, 2013. URL: <http://www.questia.com/library/1G1-321633160/western-mail-cardiff-wales-let-s-go-out-and-stamp-our-mark-in-history-ryan-tells> (дата обращения: 10.01.2014).
40. The Mirror (London, England), December 15, 2012. URL: <http://www.mirror.co.uk/by-date/15-12-2012> (дата обращения: 10.01.2014).
41. Заботкина В. И. Указ. соч.
42. Manila Bulletin, January 28, 2010. URL: <http://waranddissent.wordpress.com/2010/03/23/manila-bulletin-article-january-28-2010/> (дата обращения: 25.12.2013).

Notes

1. Yarmashevich M. A. *Abbreviaciya v sovremennyh evropejskih yazykah: strukturnyj, semanticheskij i funkcional'nyj aspekty: dis. ... d-ra filol. nauk [Abbreviation in modern European languages: structural, semantic and functional aspects: dis. ... Dr Phil. Sciences]*. Saratov. 2004. P. 282.
2. Kostomarov V. G. *Nash yazyk v dejstvii. Oчерki sovremennoj russkoj stilistiki [Our language in action. Essays on modern Russian stylistics]*. Moscow. Gardariki. 2005. P. 23.
3. Kumanitsyna E. I. *Lingvokreativnyj aspekt angloyazychnoj massovoj kommunikacii: yazykovaya igra v britanskix i severoamerikanskix massmedia: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Linguo-creative aspect of English-speaking mass communication: a language game in British and North American media: author. dis. ... Cand. Philology]*. Volgograd. 2006. P. 15.
4. Dobrosklonskaya T. G. *Voprosy izucheniya mediatekstov: Opyt issledovaniya sovremennoj anglijskoj mediarechi [Problems of study of media texts: a study of modern English mediaspeech]*. M. URSS Editorial. 2005. P. 43.
5. Kozhemyakin E. A. *Massovaya kommunikaciya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya [Mass communication and media discourse: towards a research methodology] // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. «Gumanitarnye nauki»- Scientific Bulletin of BSU. Ser. "Humanities". 2010, No. 12, Vol. 6, p. 16.*
6. Arnold I. V. *Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka [Lexicology of modern English]*. M. Vysshaya Shkola. 1986. Pp. 134–135; Zabotkina V. I. *Novaya leksika sovremennogo anglijskogo yazyka [New vocabulary of modern English]*. M. Vysshaya Shkola. 1989. P. 63.
7. The Mail on Sunday (Glasgow, Scotland), June 3, 2012. Available at: <http://www.questia.com/library/p4520/sunday-mail-glasgow-scotland/i2662838/june-3-2012> (access date: 09.01.2014).
8. *Infection and Immunity*, May, 2008. Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/issues/165046/> (accessed 12.12.2013).
9. The Independent (London, England), August 21, 2010. Available at: <http://www.independent.co.uk/voices/archive/?year=2010&month=8&day=21> (access date: 19.12.2013).
10. Djuzhikova E. A. *Abbreviaciya sravnitel'no so slovoslozheniem: dis. ... d-ra filol. nauk [Abbreviation comparatively with the composition: dis. ... Dr Philology]*. M. 1997. Pp. 219–220.
11. Cherepanov A. T. *Anglo-russkij slovar' sokrashchenij po komp'yuternym tekhnologiyam, informatike, ehlektronike i svyazi [English-Russian dictionary of abbreviations in computer technology, computer science, electronics and communication]*. SPb. BVH-Petersburg. 2012. P. 11.
12. Arbekova T. I. *Leksikologiya anglijskogo yazyka [Lexicology of the English language]*. M. Vysshaya Shkola. 1977. P. 47.
13. Winnipeg Free Press, August 16, 2012. Available at: <http://www.winnipegfreepress.com/arts-and-life/events/eventsearch/?eventYear=2012&eventYear=2012&eventDay=16&eventDay=16&eventMonth=8&eventMonth=8> (accessed: 11.12.2013).
14. *International Journal of Computer Applications in Technology*, Vol. 43, No. 2, 2012. Available at: <http://www.inderscience.com/info/inarticletoc.php?jcode=ijcat&year=2012&vol=43&issue=2> (accessed: 16.12.2013).
15. Daily Mail (London), December 3, 2012. Available at: http://www.dailymail.co.uk/home/sitemaparchive/day_20121203.html (accessed on 15.12.2013).
16. Kosareva O. G. *Abbreviaciya v yazyke sovremennoj pressy (na materiale francuzskogo, anglijskogo i russkogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. [Abbreviation in the language of the modern press (on the material of French, English and Russian languages): dis. ... Cand. Philology]*. Tver. 2003. P. 82.
17. Arnold I. V. Op. cit.; Zabotkin V. I. Op. cit.
18. Sunday Mirror (London, England), December 9, 2012. Available at: <http://www.mirror.co.uk/by-date/09-12-2012> (date accessed: 10.12.2013).
19. The Mirror, November 22, 2011. Available at: <http://www.mirror.co.uk/by-date/22-11-2011> (reference date: 09.01.2014).
20. Arnold I. V. Op. cit.
21. The Christian Science Monitor, March 27, 2012. Available at: <http://www.csmonitor.com/content/search?SearchText=2012> (accessed: 08.01.2014).
22. Arnold I. V. Op. cit.
23. Sunday Mirror (London, England), August 2, 1998. Available at: <http://www.mirror.co.uk/by-date/02-08-1998> (date of access: 17.12.2013).
24. Arnold I. V. Op. cit.
25. The Christian Science Monitor, April 22, 2008. Available at: <http://www.csmonitor.com/content/search?SearchText=2008> (accessed: 08.01.2014).

26. Zobotkin V. I. Op. cit.
27. Manila Bulletin, September 2, 2007. Available at: <http://waranddissent.wordpress.com/2010/03/23/manila-bulletin-article-september-02-2017/> (accessed: 26.12.2013).
28. Sunday Mirror (London, England), December 9, 2012. Available at: <http://www.mirror.co.uk/by-date/09-12-2012> (date accessed: 10.12.2013).
29. Djuzhikov E. A. Op. cit.
30. Manila Bulletin, September 2, 2007. Available at: <http://waranddissent.wordpress.com/2010/03/23/manila-bulletin-article-september-02-2017/> (accessed: 26.12.2013).
31. The Independent (London, England), July 1, 2004. Available at: <http://www.independent.co.uk/voices/archive/?year=2004&month=7&day=01> (reference date: 28.12.2013).
32. Jluktenko U. A., Berezhinsky A.V. [English neologisms]. Kiev. Nauk. Dumka. 1983. Pp. 123-124.
33. The Independent (London, England), May 15, 2006. Available at: <http://www.independent.co.uk/voices/archive/?year=2006&month=5&day=15> (reference date: 29.12.2013).
34. Berman I. M. О «vstavochnom» tipe slovoobrazovaniya [About "inset" type of word formation] // Voprosy yazykoznavaniya – Problems of linguistics. No. 2, 1959, pp. 105–106.
35. Zobotkin V. I. Op. cit.
36. Manila Bulletin, September 2, 2007. Available at: <http://waranddissent.wordpress.com/2010/03/23/manila-bulletin-article-september-02-2017/> (accessed: 26.12.2013).
37. Daily Mail (London), September 4, 2008. Available at: http://www.dailymail.co.uk/home/sitemaparchive/day_20080904.html (reference date: 22.12.2013).
38. Jluktenko U. A., Berezhinsky V. A. Op. cit.
39. Western Mail (Cardiff, Wales), March 8, 2013. Available at: <http://www.questia.com/library/1G1321633160/western-mail-cardiff-wales-let-s-go-out-and-stamp-our-mark-in-history-ryan-tells> (accessed: 10.01.2014).
40. The Mirror (London, England), December 15, 2012. Available at: <http://www.mirror.co.uk/by-date/15-12-2012> (date accessed: 10.01.2014).
41. Zobotkin V. I. Op. cit.
42. Manila Bulletin, January 28, 2010. Available at: <http://waranddissent.wordpress.com/2010/03/23/manila-bulletin-article-january-28-2010/> (accessed: 25.12.2013).

УДК 80

Е. В. Старкова

Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях

В статье предпринята попытка охарактеризовать различные подходы к пониманию феномена идиостиля в аналитическом плане. Говоря о формировании понятия *идиостиль* в лингвистике, автор перечисляет три основные точки зрения на идиостиль по соотношению его экстралингвистических и лингвистических составляющих. Затем описываются более подробно пять основных подходов, представленных в лингвистике: семантико-стилистический, лингвопоэтический, системно-структурный, коммуникативно-деятельностный и когнитивный. Автор уделяет особое внимание определениям идиостиля, предложенным учеными в рамках вышеперечисленных направлений, потому что основная цель статьи – выявить основные черты рассматриваемого понятия и сформулировать общее понятие идиостиля. Определение идиостиля, данное автором, приводится в заключительной части статьи. В нем прослеживаются существенные характеристики, выявленные учеными – представителями коммуникативно-деятельностного и когнитивного подходов.

The article deals with the attempt to characterize different approaches to idiostyle phenomenon in the analytical point. The author touches upon the formation of the notion *idiostyle* in linguistics and enumerates three main interpretations of this notion according to the correlation of linguistic and extralinguistic components. Then five basic viewpoints represented in linguistics are analyzed in detail: there are semantic-stylistic, linguo-poetic, system-structural, communicative-active and cognitive viewpoints. The author concentrates on the definitions given by representatives in the frames of these approaches because the aim of this article is to reveal essential features of the notion under consideration and formulate integrated definition of idiostyle. The definition submitted by the author is given in the conclusive part of the article. The most important characteristics ascertained by the scholars who are representatives of communicative-active and cognitive approaches are traced in this definition.

Ключевые слова: текст, идиостиль, идиолект, язык, художественная система, подход.

Keywords: text, idiostyle, idiolect, language, artistic system, approach.

Анализ языка писателя, исследование его художественных произведений непременно должны начинаться с обращения к понятию *идиостиль*. Однако в современной лингвистике существует проблема, связанная с пониманием самого феномена идиостиля. Она заключается в отсутствии единой общепринятой точки зрения на содержание этого понятия.

Формирование понятия *идиостиль* начинается в работах А. И. Ефимова, который определяет его как «индивидуальную систему построения речевых средств, которая вырабатывается и применяется писателем при создании художественных произведений», а также как «характерную для писателя манеру выбора и употребления слов», отражающую мировоззрение автора [1]. Сам термин *идиостиль* ввел в широкое употребление В. П. Григорьев [2].

По соотношению лингвистической и экстралингвистической составляющих ученые выделяют три основных подхода к идиостилю. Согласно **узколингвистической точке зрения** идиостиль – это «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя» [3]. **С точки зрения коммуникативной стилистики**, идиостиль рассматривается в качестве экстралингвистического понятия «творческая индивидуальность автора, но при этом его изучение происходит на основе конкретного языкового материала, главным образом, лексической структуры текста». И, наконец, третья, так называемая **широкая, точка зрения** представлена пониманием идиостиля как совокупности лингвистического и экстралингвистического аспектов, который может быть определен как «творческая индивидуальность автора плюс языковые средства ее выражения» [4].

Действительно, основываясь на современных исследованиях стилистического своеобразия художественного текста, можно говорить о его внутренней и внешней составляющих.

С точки зрения Н. Н. Грибовой, идиостиль – это «система языковых средств, подчиненных эстетическим и коммуникативным задачам художественного произведения, посредством которых создается индивидуально-авторская картина мира» [5]. Согласно концепции А. И. Грищенко, идиостиль – «неотъемлемая составляющая художественного мира писателя: это система индивидуальных особенностей автора как художника слова в их языковом выражении; это способ отражения и преломления в художественной речи фактов внутреннего мира конкретного писателя – носителя языка в конкретный исторический период» [6]. М. Р. Напцок определяет идиостиль следующим образом: «...идиостиль – это системно организованная совокупность индивидуальных языковых средств (компонентов), определяющих специфику художественной системы писателя» [7].

О. В. Шаркунова предложила уточненную дефиницию идиостиля, основанную на комплексном характере феномена: «Идиостиль художественного текста – актуализация писательской языковой личности в собственном стиле изложения, представленном индивидуальным сочетанием текстовых экстра- и интралингвистических (внешних и внутренних) параметров, каждый из которых основан на соответствующем типе референтных отношений, представляющих мотивационный базис создания художественного текста и репрезентативный базис актуализации в нем авторского замысла» [8].

Ученые выделяют следующие подходы к анализу идиостиля: семантико-стилистический (В. В. Виноградов, Л. С. Захидова, Л. И. Донецких, Г. А. Лилич, Д. М. Поцепня и др.), лингво-поэтический (В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева, Л. Л. Шестакова, Л. И. Колодяжная и др.), системно-структурный (Ю. М. Лотман, О. И. Северская и др.), коммуникативно-деятельностный (Ю. Н. Караулов, Н. С. Болотнова, А. Н. Васильева, Л. Г. Бабенко, В. А. Салимовский и др.) и когнитивный (В. А. Пищальникова, И. А. Тарасова, Е. Г. Фоменко и др.). Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Представители **семантико-стилистического подхода** рассматривают идиостиль как систему «индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения», а также систему «эстетически-творческого подбора, осмысления и расположения различных речевых элементов» [9]. При таком понимании идиостиля основная задача исследователя языка художественных произведений писателя – семантико-стилистический анализ системы словесных форм в их эстетической организации.

В настоящее время в рамках данного подхода широкое распространение получила авторская лексикография и создание словарей языка писателей. Результатом такой работы явилось, например, создание Словаря языка Ф. М. Достоевского под редакцией Ю. Н. Караулова.

Лингвопоэтический подход, ориентированный на формально-стилистические параметры идиостиля, характеризуется, по словам Н. С. Болотновой, «анализом различных структурных и смысловых форм организации языкового материала (прежде всего лексического) в замкнутом целом с попыткой выявить характер их соотносительности на уровне стилистического узуса или идиостиля» [10]. Например, Е. А. Некрасова трактует идиостиль как «сложную систему взаимообусловленных языковых приемов, участвующих в построении художественного мира поэта» [11]. Будучи направленным на лексикоцентризм, лингвопоэтический подход к идиостилю имеет целью выявление общих закономерностей в словоупотреблении писателей.

Н. А. Фатеева рассматривает идиостиль как систему «метатропов». Это понятие нуждается в разъяснении. Исследуя творчество определенного автора, можно выделить тексты, связанные между собой отношениями «семантической эквивалентности» по следующим текстовым параметрам: структуре ситуации, единству композиционных принципов, подобию звуковой организации и т. п. [12] По аналогии с интертекстуальными отношениями между текстами разных авторов, данный тип отношений может быть назван автоинтертекстуальным. При этом среди различных взаимосвязанных текстов одного автора выделяется текст, выступающий в роли метатекста (сопрягающего, разъясняющего текста), или автоинтертекста по отношению к остальным. Иногда эти тексты «составляют текстово-метатекстовую цепочку, взаимно интегрируя смыслы друг друга и проясняя поверхностные семантические преобразования каждого из них» [13]. В основе такого интертекстуального / автоинтертекстуального взаимодействия лежит метатропное отношение, когда происходит заимствование всего «кода иносказания». «Этот “код иносказания” включает в себя семантические комплексы, которые обладают неоднородной структурой (буквально “пучки смыслов, которые торчат во все стороны”, если перефразировать О. Мандельштама) и непосредственно коррелируют с эпизодической, семантической и вербальной памятью творческого индивида» [14]. Данные семантические комплексы и являются метатропами, или метатекстовыми тропами. Метатропы – это «стоящие за конкретными языковыми образованиями (на всех уровнях текста) глубинные функциональные зависимости, структурирующие модель мира определенного автора» [15]. Н. А. Фатеева выделяет ситуативные, концептуальные, композиционные и собственно операциональные метатропы, которые образуют иерархически упорядоченную замкнутую систему и представляют собой основу идиостиля.

Системно-структурный подход обосновывается в работах О. Г. Ревзиной, С. Т. Золяна, О. И. Северской, С. Ю. Преображенского и других и трактует идиостиль как «особый модус лингвистического конструирования миров, некоторую функцию, которая соотносит принимающие различные состояния языка с соответствующим определенному состоянию языка возможным миром» [16].

В рамках данного подхода противопоставление идиолект/идиостиль рассматривается в аспекте «система – структура/система – текст», а также исходя из противопоставления «язык/стиль». Например, О. И. Северская и С. Ю. Преображенский понимают под идиолектом «одно из возможных состояний системы поэтического языка, складывающееся в результате усвоения ее структуры... Идиостиль же является одновременно и стилем языка, и стилем речи, дифференцируемым на основе структурных или конструктивных противопоставлений и соотношений между частными системами выражения» [17].

По определению С. Т. Золяна, идиостиль выступает «как структура зависимостей, в своем развитии обнаруживающая индивидуальный “код иносказания” творческой личности, который во многом задан генетически и зависит от способа мышления данной личности. “Код иносказания” включает в себя набор ситуаций, связанных с эпизодической и семантической памятью индивида, но подвергшихся “личной мифологизации”. При этом все типы метатропов взаимосвязаны, поэтому в случае влияния одной творческой системы на другую следует говорить о заимствовании сразу нескольких идиостилевых характеристик» [18]. Это предполагает потенциальную множественность идиостилей, соотносимых с идиолектом в ходе эволюции индивидуальной художественной системы. Представители системно-структурного подхода связывают эволюцию индивидуально-художественной системы, идущую в направлении от поэтического языка к идиолекту и далее к идиостилю, с понятием доминанты как конструктивного принципа, в соответствии с которым изменяются обычные системные отношения элементов поэтического языка. «Можно предположить, что в системе отношений, связывающих доминанты и доминантные сферы, и проявляется грамматика, структурный тип идиолекта – идиостиль» [19].

Коммуникативно-деятельностный подход приравнивает термин идиостиль к «экстралингвистическому понятию “творческая индивидуальность автора”. В рамках этого направления идиостиль исследуется с точки зрения того, как конкретная языковая личность автора организует диалог с читателем, направляя его речемыслительную деятельность по определенному пути в соответствии с коммуникативной стратегией текста и интенцией создателя» [20]. Такой подход к идиостилю основывается на концепции языковой личности Ю. Н. Караулова, под которой понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определённой целевой направленностью» [21]. По Ю. Н. Караулову, один из трех способов представления языковой личности, на которую ориентированы лингводидактические описания языка, исходит из трехуровневой организации, состоящей из «вербально-семантического, или структурно-системного, лингвокогнитивного, или тезаурусного, и мотивационного уровней языковой лично-

сти» [22]. Для коммуникативной стилистики текста исходным является положение о том, что «всякий анализируемый текст воплощает: а) фрагмент языковой картины мира автора (его лексикон, семантикон, грамматикон, посредством которых моделируется художественный мир произведения, отражающий авторское видение окружающей действительности); б) информационный тезаурус создателя текста, отраженный в эстетической форме; в) цели и мотивы творца, побудившие его к созданию произведения и нашедшие отражение в идейно-художественных особенностях текста» [23]. И языковая личность автора привлекает внимание коммуникативной стилистики в аспекте идиостиля, проявляющегося в текстовой деятельности, в структуре, семантике и прагматике текста. «Каждая грань художественного текста... в любом ракурсе рассмотрения его в качестве объекта лингвистического исследования, высвечивает роль автора – языковой личности, творческой личности – создателя, преобразователя, эстетически трансформирующего и варьирующего средства языка, пользующегося им как тончайшим инструментом в выражении своих взглядов и оценок», – справедливо замечает В. В. Леденева [24].

Коммуникативно-деятельностный подход к изучению идиостиля опирается на рассмотрение текста как продукта первичной коммуникативной деятельности автора и объекта вторичной коммуникативной деятельности адресата. Е. В. Сидоров определяет текст «как коммуникативную систему речевых знаков и знаковых последовательностей, воплощающую сопряженную модель деятельности адресата и отправителя сообщения» [25]. При этом учитывается, что «творческая индивидуальность автора проявляется не только в отборе материала, выборе тематики и проблематики, в предпочтении одних элементов поэтики другим, но и в выборе и организации многообразных средств, регулирующих творческий диалог с читателем, стимулирующих ассоциативную деятельность адресата в определенном направлении, по-разному моделирующих смысловое развертывание текста в сознании читателя» [26]. Коммуникативно-деятельностный подход к идиостилю основан, таким образом, на теории речевой деятельности, включая учение о целях и мотивах.

Идиостиль автора проявляется в характере заключенной в тексте информации и в формах ее языковой репрезентации (на уровне семантики текста), равно как и в специфике приобщения адресата к текстовым авторским смыслам. Это обуславливает особую значимость понятий смысловое развертывание и смысловая структура текста. «Под смысловым развертыванием текста... понимается динамика представления в нем лингвистически репрезентированного фрагмента концептуальной картины мира автора, отражающаяся в сознании адресата и формирующая его представление о содержательном плане текста». Смысловое развертывание текста определяется его смысловой структурой, под которой представители коммуникативно-деятельностного подхода понимают «структуру лингвистически репрезентированных смысловых признаков различных реалий разного ранга и масштаба, воплощенных в тексте и коррелирующих с миром действительности» [27].

Когнитивный подход к идиостилю формируется в русле когнитивной лингвистики и на основе моделирования «возможных миров» разных авторов. Для этого направления характерна разветвленность, обусловленная различиями в терминологии.

В. А. Пищальникова рассматривает идиостиль с психолингвистических позиций. С одной стороны, она понимает под идиостилем модель речевой деятельности писателя, а с другой – реализацию концептуального содержания языковыми средствами. В связи с этим идиостиль определяется как «система способов языковой репрезентации доминантных личностных смыслов в эстетической речевой деятельности автора» и как «система логико-семантических способов репрезентации концептуальной системы автора поэтического текста, объективированная в эстетической речевой деятельности» [28].

Для исследователей когнитивного направления актуальным представляется коммуникативно-деятельностный подход к идиостилю с точки зрения соотнесенности идиостиля с моделью языковой личности Ю. Н. Караулова и описания идиостиля через ассоциативно-смысловые поля, отраженные в смысловой и ассоциативной структуре текста. И. А. Тарасова соотносит ассоциативно-смысловое поле с понятием индивидуального концепта. «Ассоциативно-смысловые поля художественного текста, материализованные лексически, являются не только единицами его анализа, но и регулятивными структурами, коррелирующими с квантами знания – концептами в сознании воспринимающего текст субъекта <...> В аспекте первичной коммуникативной деятельности в процессе текстового развертывания исходным элементом является концепт, который активизирует определенную зону внутреннего лексикона автора в соответствии с ассоциативностью речемыслительной деятельности и различными лингвистическими и экстралингвистическими факторами текстообразования» [29]. В этом контексте когнитивное направление интересуется порождающая функция ментальных образований. И. А. Тарасова говорит о том, что

исследование этого феномена должно идти в направлении от когнитивных феноменов к их языковой реализации, и сам идиостиль понимает как единство «ментального и языкового – концептов и когнитивных структур и их языкового воплощения». Так, в рамках когнитивного подхода идиостиль рассматривается как система средств выражения, «которая соотносит внутренний мир поэта (поэтическое мировидение, ментальный мир) с художественной действительностью, художественным миром текста, творимым поэтическим языком» [30]. Ментальный мир при этом трактуется как индивидуальная поэтическая концептосфера, а ключевым является понятие индивидуально-авторского концепта.

Таким образом, в рамках когнитивного подхода исследование идиостиля идет с опорой на первичную коммуникативную деятельность автора. При этом изучаются отдельные концепты и анализируются формы их репрезентации, исследуются системы концептов-доминант и семантические и ассоциативные поля, выявляются «доминантные личностные смыслы».

Отдавая предпочтение принципам коммуникативно-деятельностного и когнитивного направлений, мы полагаем, что все же каждый из рассмотренных выше подходов учитывает те или иные существенные характеристики при изучении идиостиля. Многообразие дефиниций и различные точки зрения на феномен идиостиля нуждаются, на наш взгляд, в обобщении. Этим обусловлено определение, которое мы предлагаем и приводим в данной статье. Мы понимаем под идиостилем **систему принципов моделирования индивидуально авторской картины мира посредством формирования содержания художественного текста, отбора языковых единиц и образных средств для его выражения, основанного на особенностях сознания языковой личности и ее представлениях о действительности.**

Примечания

1. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. С. 166.
2. См.: Григорьев В. П. Грамматика идиостиля. М.: Наука, 1983.
3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; члены редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 95.
4. Сивкова А. В. Идиостиль Н. В. Гоголя в аспекте лингвокогнитивной поэтики (на материале произведений «Ночь перед Рождеством» и «Мертвые души»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007. С. 9.
5. Грибова Н. Н. Реализация концепта «искусство» как проявление идиостиля писателя (на материале произведений Э. Т. А. Гофмана и М. А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. С. 7.
6. Грищенко А. И. Идиостиль Николая Моршена: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 4.
7. Напцок М. Р. Идиостиль, идиолект, словотворчество: к вопросу о соотношении понятий // Наука. Образование. Молодежь: материалы II науч. конф. молодых ученых АГУ (10–11 февраля 2005 г.). Майкоп, 2005. С. 331.
8. Шаркунова О. В. Идиостиль художественного текста как индивидуальное сочетание экстра- и интралингвистических параметров, основанных на референтных отношениях // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии». URL: [http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/205-2011-07-01-11-09-48].
9. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961. С. 85.
10. Болотнова Н. С. Изучение идиостиля в современной коммуникативной стилистике художественного текста // Тезисы II Международного конгресса русистов-исследователей. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Филологический факультет, 2004. 37 с. URL: [http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=24087].
11. Некрасова Е. А. А. Фет, И. Анненский. Типологический аспект описания. М.: Наука, 1991. С. 123.
12. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007. С. 54.
13. Там же. С. 55.
14. Там же. С. 53–54.
15. Там же. С. 54.
16. Золян С. Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля // Язык русской поэзии XX века: сб. науч. тр. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1989. С. 238–259.
17. Северская О. И. Язык поэтической школы: идиолект, идиостиль, социолект. М.: Словари.ру, 2007. С. 17.
18. Золян С. Т. Указ. соч. С. 252.
19. Северская О. И. Указ. соч. С. 149.
20. Болотнова Н. С. Указ. соч. С. 7.
21. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. С. 3.
22. Там же. С. 51.
23. Болотнова Н. С. Указ. соч. С. 7.
24. Леденёва В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. 2001. № 5. С. 38–39.
25. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. С. 5.
26. Болотнова Н. С. Указ. соч. С. 8.
27. Болотнова Н. С. Основные понятия и категории коммуникативной стилистики текста Текст // Речевое общение: Специализированный вестник. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2002. Вып. 4(12). С. 49–59.

28. Пищальникова В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул: Алтай. гос. ун-т, 1992. С. 49.
29. Тарасова И. А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // Вестник Сам ГУ. Языкознание. 2004. URL: [<http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/2004web1/yaz/200411601.html>].
30. Там же.

Notes

1. Efimov A. I. *Stilistika hudozhestvennoj rechi* [Stylistics of artistic speech]. M. Publ. of Mosc. University. 1957. P. 166.
2. See: Grigoriev V. P. *Grammatika idiosilya* [Grammar style]. M. Nauka. 1983.
3. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language / ed. by M. N. Kozhina; members of the editorial board: E. A. Bazhenova, M. P. Kocurova, A. P. Skovorodnikov. 2 issue, rev. and add. M. Flinta: Nauka. 2006. P. 95.
4. A. V. Sivkova *Idiostil' N. V. Gogolya v aspekte lingvokognitivnoj poehtiki (na materiale proizvedenij «Noch' pered Rozhdestvom» i «Mertvye dushi»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Idiostyle of N. V. Gogol in the aspect of cognitive poetics (based on the works of "the Night before Christmas" and "Dead souls"): autoref. dis. ... Cand. Philology]. Kaliningrad. 2007. P. 9.
5. Gribova N. N. *Realizaciya koncepta «iskusstvo» kak proyavlenie idiosilya pisatelya (na materiale proizvedenij EH. T. A. Gofmana i M. A. Bulgakova)* [Implementation of the concept "art" as a manifestation of the writer's style (based on the works of E. T. A. Hoffmann and M. A. Bulgakov): autoref. dis. ... Cand. Philology]. Saratov. 2010. P. 7.
6. Grishchenko A. I. *Idiostil' Nikolaya Morshena: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Idiostyle of Nicholas Marchena: autoref. dis. ... Cand. of Philology]. M. 2008. P. 4.
7. Napzok M. R. *Idiostil', idiolekt, slovtvorchestvo: k voprosu o sootnoshenii ponyatij* [Idiostyle, idiolect, word: to the question of the relation between concepts] // *Nauka. Obrazovanie. Molodezh': materialy II nauch. konf. molodyh uchenyh AGU (10–11 fevralya 2005 g.) – Science. Education. Youth: materials of the II scientific. conf. of young scientists ASU (February 10–11, 2005)*. Maykop. 2005. P. 331.
8. Sharkunova O. V. *Idiostil' hudozhestvennogo teksta kak individual'noe sochetanie ehkstra i intralingvisticheskikh parametrov, osnovannykh na referentnykh otnosheniyah* [Idiostyle of a literary text as an individual combination of extra and interlinguistics parameters based on the reference relations] // *Materialy mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno prakticheskoj konferencii «Aktual'nye voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii» - Materials of the international correspondence scientific and practical conference "Topical issues of Philology, art history and cultural studies. Available at: [http://sibac.info/index.php/2009_07_01_10_21_16/205_2011_07_01_11_09_48]*.
9. Vinogradov V. V. *Problema avtorstva i teoriya stilej* [Problem of authorship theory and styles]. M. Politizdat. 1961. P. 85.
10. Bolotnova N. S. *Izuchenie idiosilya v sovremennoj kommunikativnoj stilistike hudozhestvennogo teksta* [Study of style in modern communicative stylistics of literary text] // *Tezisy II Mezhdunarodnogo kongressa russia issledovatelej - Thesis of the II International Congress of Russian language researchers. M. Moscow State University named after M. V. Lomonosov Moscow state University, Philological faculty, 2004. 37 p. Available at: [<http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/EN/participants/psearch.php?pid=24087>]*.
11. Nekrasova E. A. Fet, I. Annenskij. *Tipologicheskij aspekt opisaniya* [A. Fet, I. Annenskij. Typological aspect of the description]. M. Nauka. 1991. P. 123.
12. Fateeva N. A. *Intertekst v mire tekstov. Kontrapunkt intertekstual'nosti* [Intertext in the world of texts. Counterpoint intertextuality]. 3 ed., stereotype. M. KomKniga. 2007. P. 54.
13. Ibid. P. 55.
14. Ibid. Pp. 53–54.
15. Ibid. P. 54.
16. Zolyan S. T. *Ot opisaniya idiolekta – k grammatike idiosilya* [From the description of idiolect – to grammar style] // *Yazyk russkoj poezii XX veka: sb. nauch. Tr. – Language of Russian poetry of the twentieth century: collection of scientific papers. M. Institute of Russian language of AS USSR. 1989. Pp. 238–259.*
17. Severskaya O. I. *Yazyk poehticheskoj shkoly: idiolekt, idiostil', sociolekt* [Language of poetic school: idiolect, idiostyle, sociolect]. M. Slovare.ru. 2007. P. 17.
18. Zolyan S. T. Op. cit. P. 252.
19. Severskaya O. I. Op. cit. P. 149.
20. Bolotnova N. S. Op. cit. P. 7.
21. Karaulov Yu. N. *Yazyk poehticheskoj shkoly: idiolekt, idiostil', sociolekt* [Russian language and linguistic personality]. M. LKI Publ. 2010. P. 3.
22. Ibid. P. 51.
23. Bolotnova N. S. Op. cit. P. 7.
24. V. V. Ledeneva *Idiostil' (k utocnieniu ponyatiya)* [Idiostyle (to clarify concepts)] // *Filologicheskie nauki – Philological Sciences. 2001, No. 5, pp. 38–39.*
25. Sidorov E. V. [Problems of speech system]. M. Nauka. 1987. P. 5.
26. Bolotnova N. S. Op. cit. P. 8.
27. Bolotnova N. S. *Osnovnye ponyatiya i kategorii kommunikativnoj stilistiki teksta* [Basic concepts and categories of communicative stylistics of the text] // *Rechevoe obshchenie: Specializirovannyj vestnik - Speech communication: Specialized journal. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk State University. 2002. Is. 4(12). Pp. 49–59.*
28. Pishchalnikova V. A. *Problema idiosilya. Psiholingvisticheskij aspekt* [Problem of idiostyle. Psycholinguistic aspect]. Barnaul. Altai State University. 1992. P. 49.

29. Tarasova I. A. Kategorii kognitivnoj lingvistiki v issledovanii idiostilya [Categories of cognitive linguistics in the study of idiostyle] // Vestnik Sam GU – Herald of SamSU. Linguistics. 2004. Available at: [http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/2004web1/yaz/200411601.html].

30. Ibid.

УДК 81'33

О. В. Бакина

Субъективная позиция автора письма как компонент публицистического текста

В статье на примере текстов современной русской публицистики рассматривается категория автора письма, выступающая в дихотомии «автор – человек социальный», «автор – человек частный». Аксиологическими мотивами данного деления выступают сформированные в разные исторические периоды мироощущения авторов. Позиция «человека социального» не предполагает личного откровения, исповедования, покаяния. Позиционирование «человека частного» исповедально строится только на событиях собственной жизни и личных переживаниях. Топос культуры и интенция автора как выразителя этой культуры отражается в социально детерминированной категории автора конца прошлого века. В современной публицистике находит свое место саморефлексия, «человек частный» становится и автором, и предметом отображения. Субъективные переживания личности, являясь компонентом публицистического текста, позволяют говорить об авторской позиции в широком контексте национальной покаянной самоидентичности, историософского смысла «внутреннего человека», требующего жить по совести.

In the article on the example texts of contemporary Russian publicism is regarded category the author of the letter, serving dichotomy “the author is a social person, author – person private”. Axiological motive of this division is formed in different historical periods, the attitude of the authors. The position of “social” does not imply personal revelation, religion, repentance. Positioning a person's private confessional is based only on the events of his own life and personal experiences. The topos of culture and the author's intention, as the representative of this culture is reflected in socially determined category of the author of the end of the last century. In modern publicism finds its place self-reflection, “private person” becomes the author and the subject of the display. Subjective experiences of the individual, as a component of the media text, allow to speak about the author's position in the broader context of national repentance of self-identity, historical and philosophic sense of the “inner man” that needs to live according to conscience.

Ключевые слова: текст, авторская позиция, письмо, публицистика.

Keywords: the text, author's position, letter, publicism.

Традиционно письмо относят к эпистолярной журналистике, а в зависимости от жанрообразующих факторов (предмета и методов отображения) – к группе аналитических или художественно-публицистических жанров. По справедливому замечанию составителя «Энциклопедического словаря СМИ» А. А. Князева, данные тексты «следует отличать от публикаций самых разных жанров (начиная с заметки и кончая полноценным очерком), которые помещаются под рубрикой “Письма наших читателей” во многих газетах и журналах. В данном случае рубрика означает лишь то, что материал поступил в редакцию по почте и что его автор не является штатным работником редакции. На жанр публикации такая рубрика не влияет, и ее нельзя считать жанрообразующим фактором (хотя, разумеется, под этой рубрикой может быть опубликован текст, который действительно представляет собой произведение эпистолярной публицистики)» [1]. При применении же подходов не функциональной, а коммуникативной стилистики, где «на первый план выдвигается “я” говорящего и свой замысел автор реализует не в тесных традициях жанра, а в коммуникативном пространстве речи» [2], видится справедливым во всех видах письма рассматривать авторскую позицию с точки зрения публицистичности, как это делает Л. Г. Кайда: «Автор-публицист в каждом своем выступлении предстает как личность с определенными морально-нравственными принципами, и поэтому его позиция неизбежно становится стилиобразующим компонентом содержательной структуры всего текста» [3]. Этот тезис более всего актуален при рассмотрении письма как текста публицистического стиля и как текста особого историософского свойства, отражающего экзистенциальную саморефлексию автора.

Концептуально важной видится роль письма при создании современной публицистической картины мира в контексте развития информационного общества, главной приметой которого становится универсализация нравственных ценностей и, как следствие, обезличенность информационных потоков, исключающих индивидуальное осмысление происходящих актуальных событий. Ситуация, когда субъективное переживание автора выступает событием текста, является отличительной публицистической чертой единичных журналистских текстов, прежде всего письма. При этом данная черта публицистичности свойственна и текстам, где автор – человек социальный, и текстам, где автор – человек частный [4]. Будь это открытое письмо режиссёра Александра Сокурова президенту Владимиру Путину по поводу отключения сетевыми операторами телеканала «Дождь», отражающее взгляды определенной части русской интеллигенции, или была Анна Леонтьева «Церковный плен: пути преодоления», широко распространенная печатными и электронными православными изданиями и ставшая символичной для поколения людей, «пришедших к храму» в зрелом возрасте, суть одна: искренность (откровенность) душевных переживаний авторов текстов вызывает сопереживание их адресатов. Безусловно, необходимым условием возникшей симфонии явилась созвучность жизненных позиций участников коммуникации.

Однако позиционирование «автор – человек социальный» и «автор – человек частный» имеет, на наш взгляд, сущностные отличия по интенции. Первая позиция не предполагает личного откровения, исповедования, покаяния, тогда как вторая исповедально строится только на событиях жизни и личных переживаниях автора. Думается, исходным мотивом является аксиологическое мироощущение авторов. Автор социальный выражает взгляды, мнения определенной части социальной группы, автор частный – частное мнение, приобретающее актуальность для респондентов, его разделяющих.

К примеру, в тексте выступления В. Г. Распутина на VII съезде Союза писателей России (которое, будучи опубликованным, приобрело все признаки письма-обращения к соотечественникам) читаем: «Помните у А. Твардовского:

Так-то, Теркин, так примерно...
Не поймешь, где фронт, где тыл,
В отступленья в 41-м
Хоть какой, но выход был...

Всякое случалось в российской действительности, но выход был в 41-м, был он и пять лет назад, в дни предыдущего съезда писателей России, когда неспроста в голос заговорили мы об опасности физического разорения России от государственного попустительства и ведомственного разбоя. Выход просматривался еще и вчера, когда десятки миллионов наших соотечественников, оставив работу, бросились на площади требовать правды, справедливости и благополучия, выкрикивая “Долой!” вслед за теми же самими агитаторами, которые еще совсем недавно были дирижерами “Да здравствует!”.

Всегда и во всех обстоятельствах оставался прежде запас – запас земли, терпения, мужества, здравомыслия и народного духа, которые в совокупности можно назвать запасом отечественной прочности. В самые тяжкие и трагические моменты истории было куда отступать и чем усилиться. Но сегодня... – разве нет ощущения, что все запасы кончились и рассчитывать не на что. Разве к чувству бессилия не начинает примешиваться никогда раньше не испытываемое нами чувство бездомности и сиротства, будто сама Россия уходит у нас из-под ног в неведомое и чужое пространство, расположенное поверх или пониз ее собственного культурного и национального тысячелетнего бытия, поверх или пониз всего, что связано с именем России. Разве нет у нас трагического ощущения, что сегодня мы уже опаздываем, если не опоздали, остановить ее отбуксировку с родного материка, что слишком долго мы бездействовали, когда требовалось наше вмешательство, считали достаточным говорить об укоренении и держаться за исторические, религиозные и национальные начала, даже не проверив их крепость, в то время как другие, более ловкие и смелые, чем мы, отстегивали один за другим теперешние концы и сталкивали огромную махину в воду. Мы рассчитывали на здравый смысл, на нравственное здоровье народа, а они оказались подорванными больше, чем мы подозревали. Впрочем, неизвестно, на что мы рассчитывали, может быть, больше всего на наше родное “авось”, на то, что само как-нибудь устроится» [5].

Автор использует местоимение «мы», как бы говоря не от себя лично, а от имени всех присутствующих, от имени народа, придавая словам весомый смысл манифеста. Называя причины национальной беды, болея душой за все происходящее, В. Г. Распутин предстает автором общественной публицистики, призванной будить общественную мысль, побуждать к действию. И в других своих обращениях он ратует за возрождение России, за сохранение Байкала, скорбит об ухо-

дящей русской деревне, выражая не только свое мироощущение, но – целого поколения. Даже в монологичном произведении «Откуда есть – пошли мои книги» повествует об Ангаре, рассказывает о людях своего родного села, вспоминает мать и родственников, но ни слова не говорит о себе самом. Думается, эта авторская позиция свидетельствует о знаковом мышлении послевоенного поколения В. Г. Распутина, общепринятой ценностью которого является превалирование общего над личным, переживание бед страны как бед собственных. «Я» не является здесь самоценностью, «мы» является априори данным нравственным правилом. Не важно, что ты пережил лично сам, важно, что переживает отечество. Это как раз те «родовые, типичные черты автора, создаваемые временем. Для каждой эпохи характерен свой тип автора...» [6].

Подтверждением тому служит и публицистика С. А. Алексиевич, ярко представленная книгой «Время секонд хэнд». Вместо предисловия автор дает главку «Записки соучастника» от «я», где пишет: «Советских людей я бы разделила на четыре поколения: сталинское, хрущевское, брежневское и горбачевское. Я – из последнего. Нам было легче принять крах коммунистической идеи, так как мы не жили в то время, когда идея была молодая, сильная, с нерастроченной магией гибельного романтизма и утопических надежд. Мы выросли при кремлевских старцах. В постные вегетарианские времена. Большая кровь коммунизма уже была забыта. Пафос свирепствовал, но сохранилось знание, что утопию нельзя превращать в жизнь» [7]. По сути, это одно из немногих напрямую высказанных «я». Содержание книги составляют монологи людей о жизни, описание последовательности их поступков, размышления автора о ценностных сдвигах, незаметно для нас ставших обыденными [8]. Авторская позиция социально выражена через «мы» поколения людей восьмидесятых годов прошлого столетия.

Надо заметить, что проведенный даже в малом объеме сравнительный анализ текстов второй половины двадцатого века и начала нынешнего столетия показывает, что топос культуры и интенция автора как выразителя этой культуры отражается в социально детерминированной категории автора века прошлого и его современного пристального обращения к внутреннему миру. Саморефлексия находит ныне свое место в публицистике, «человек частный» становится и автором, и предметом ее отображения.

Письмо Анны Леонтьевой «Церковный плен: пути преодоления» предваряет редакционный лид, определяющий ее повествование как откровенную исповедь человека, который на собственном опыте, путем проб и ошибок понял одну очень важную вещь... Она же начинает сразу с вывода, постепенно раскрывая его и приводя своего читателя к обещанной редакции «важной вещи»: «Моя воцерковленная жизнь началась с тотальной несвободы по всем направлениям. На половине оборвав карьеру в крупной компании по религиозным соображениям (в моем тогдашнем представлении, жена и мать – это такая женщина с тарелкой горячего супа, молитвой на устах и непременно младенцем на руках, а что сверх того – то от лукавого), я очутилась в непривычной среде. Друзья отпадали от меня один за другим по мере возрастания моей потребности донести до них свет нового евангельского знания, которое распирало меня изнутри. На светской вечеринке я могла с бокалом шампанского в руке, окружив себя кучей иронически любопытствующих, на полном серьезе просвещать незнакомых мне ближних на предмет поведения в храме. Подружка по Переделкину до сих пор мстительно напоминает мне, как я изучала у нее в гостях печенье, принесенное к чаю, на предмет непостных в нем элементов. На мои призывы, обращенные к подрастающему (беденький мой) сыну: “А ну смирись!” – друзья сочувственно советовали мальчику: “А ну-ка возлюби!” Ну и в конце концов, я непрерывно пребывала то в беременном, то в кормящем состоянии – в течение семи с небольшим лет. Меня утешает сегодня не только то, что ряды друзей и соратников расширились и окрепли, но и то, что многие люди моего круга прошли через все эти экстремизмы и, оглянувшись назад, говорят: “Вера – это мир опыта”» [9].

К слову, не только ныне, но и два десятилетия назад приходили к этому выводу авторы писем – слушатели радиопередачи «Вятка православная» [10]. В архиве ведущей радиопередачи, автора данной статьи, сохранилось письмо, где есть следующие строки: «Таким, как я, атеистам, получившим безбожное воспитание, очень трудно сейчас разбираться в особенностях нашего православия. Знакомиться с этой темой я начала с 1991 г. с журнала “Наука и религия”, затем прочитала Библию (на нее ушло два года), потом изучала иконы, очень хорошо писал о них и давал прекрасные фотографии журнал “Очаг”. А с 1995 г. я стала посещать храм, который у нас только что открыли. В настоящее время постоянно читаю Псалтирь, Евангелие и выписываю газету “Вера”. По всероссийскому радио слушаю передачи на религиозные темы. Вроде, все правильно говорят, но в душе почему-то кажется, что они – не наши, особенно, одна – “Голос надежды”, хоть и называется христианской. Очень нравилась ежедневная передача “Небесный свет”, и вдруг в ее время стала выходить передача “Вечные истины”, потом они стали чередоваться. Я думаю, если у них одна просветительская цель, то зачем тогда нужно менять названия? Материал

дают хороший, знакомый, много цитируют из Евангелия, приглашают обращаться за литературой. Один раз я воспользовалась их приглашением и обратилась. Мне прислали вроде бы хорошую книгу “Ключевые понятия Библии”, но насторожили ее авторы – профессора Кембриджского университета. Я хотела бы доверять только нашим, русским авторам. Опыт кой-какой появился. В 1993 г. я записалась на заочные библейские курсы “Новая жизнь” из 34 уроков. Выполнила девять уроков, обратно мои ответы возвращались с довольно высокими оценками. Но когда пришел тестовый листок к урокам 10, 11, 12 – поняла, что это не то, что мне нужно, что эти уроки заведут меня не туда, а еще то, что христианская радиостанция “Голос надежды” и заочные занятия “Новая жизнь” – одно и то же, никакого отношения к нашему православию они не имеют. Таких, как я – большинство. Мечемся, хотим понять, усвоить, стремимся, чтоб желание понять Бога перешло в необходимость, почитаемость.

Чтоб не было мое письмо безымянным, коротенько о себе. Зовут меня Тамара Александровна Коротаева, 1937 г. рождения, бывший член КПСС, работник общественного питания, мать троих детей, бабушка четверых внуков. Дети имеют высшее образование, приняли крещение. Внуки тоже крещены. Мне в жизни очень помогает Пресвятая Божия Матерь. Случаев ее помощи много. Извините за сумбурность письма, за неумелое изложение мысли, но пишу, не переписывая, за один раз, набело».

Думается, и без этого краткого резюме, заканчивающего письмо в редакцию, а только по изложению, стилю процитированных писем уже можно делать «цензовые» выводы о социальном положении, образовании авторов, но не в этом суть. Безусловным видится родство содержания: оба автора, каждый по-своему, опытным путем пройдя тропами неопитства, признаются в собственном несовершенстве, сетуют на свою «неграмотность», никого при этом не обвиняя, более того – принимая на себя некую вину, кроющуюся в традиции национальной покаянной самоидентичности. Анна Леонтьева с несомненной самоиронией признается, что «как и многие мои друзья-неофиты, я тоже надевала юбки до полу, осваивала православный “жаргон”, кушала постом каши без масла, строила детей на молитвы в раннюю рань, паломничала бездумно, но с удовольствием по монастырям. Была удивлена, например, когда в Питере услышала проповедь известного батюшки о том, что миряне должны работать, радоваться жизни и воспитывать детишек, а не бегать от одного святого места к другому». Она заканчивает повествование той прописной истиной, которая становится таковой только в результате собственных испытаний: «Православие ведь имеет мистическую, таинственную сторону, противоположную колдовству. И многие люди закликаются на этом. Начинают воспринимать не в целом живые, доверительные, трезвые отношения с Богом, окружающим социумом, не здоровые человеческие отношения (а сказано, что узнавать христиан в миру будут именно по тому, как они будут относиться друг к другу) – а уходят от реальности, спасаются от мира, потому что каждый шаг влечет за собой какие-то последствия... Но часто после периода погружения в себя начинается “всплытие” – возвращение к жизни, Господь лечит душу от последствий наших перегибов, подсказывает. Если изначально человек пытался действительно “бросить все”, в том числе и свою профессию, призвание, то есть именно то, для чего Бог и дал ему талант, и пристроиться поближе к храму, – то в какой-то момент он прислушивается к мнению образованных, внимательных священников: “Товарищи, на просфорне и так хватает рабочих рук, православных людей не хватает в бизнесе, политике, в искусстве, литературе – в общем, во всех областях”. Конечно, многие избежали таких трудностей, спокойно делают свое дело. И ходят в храм».

Многие и откликнулись на это письмо. Но не интерес к частной жизни вызвал широкий читательский отклик, а узнавание в частной истории своего опыта. Следует подчеркнуть, что эссеистский тип этого письма достигается за счет «максимальной прозрачности в отношении к самому себе» [11] – именно того признака принятой, прочувствованной «православности», к которой так изначально стремился автор, внутреннего душевного строя, который отличает подобную церковную публицистику от светской. К тому же «характерная для русской языковой картины мира аксиологическая поляризация «внутреннего» (грех) и «внешнего» (вина)» [12] подчеркивает субъективные переживания личности, которые, в свою очередь, являясь компонентом публицистического текста, позволяют говорить об авторской позиции в широком контексте национальной покаянной самоидентичности, историософского смысла «внутреннего человека», требующего жить по совести.

Примечания

1. Князев А. А. Энциклопедический словарь СМИ. URL: <http://www.library.cjes.ru/> (08.05.2013).
2. Клушина Н. И. Публицистический текст в новой системе стилистических координат // Русская речь. 2008. № 5. С. 46.

3. Кайда Л. Г. Позиция автора в публицистике – стилистическая концепция // Язык современной публицистики / сост. Г. Я. Солганик. М.: Флинта, Наука, 2005. С. 58.
4. Данная дихотомия «автор – человек социальный и автор – человек частный» представлена Г. Я. Солганик как определяющее значение отношения к действительности при создании публицистического текста. См.: Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики / сост. Г. Я. Солганик. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 14–29.
5. Распутин В. Г. Россия уходит у нас из-под ног. Выступление на VII съезде писателей России // В поисках берега. Иркутск, 2007. С. 217–218.
6. Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики / сост. Г. Я. Солганик. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 15.
7. Алексеевич С. А. Время секунд хэнд. М., 2013. С. 10.
8. См., к примеру: «Вот она – свобода! Таковую ли мы ее ждали? Мы были готовы умереть за свои идеалы. Драться в бою. А началась “чеховская” жизнь. Без истории. Рухнули все ценности, кроме ценности жизни. Жизни вообще. Новые мечты: построить дом, купить хорошую машину, посадить крыжовник... Свобода оказалась реабилитацией мещанства, обычно замордованного в русской жизни. Свободой Его Величества Потребления. Величия тьмы. Тьмы желаний, инстинктов – потаенной человеческой жизни, о которой мы имели приблизительное представление. Всю историю выживали, а не жили. А теперь военный опыт уже не нужен, его надо было забыть. Тысячи новых эмоций, состояний, реакций... Как-то вдруг все вокруг стало другим: вывески, вещи, деньги, флаг... И сам человек. Он стал более цветным, отдельным, монолит взорвали, и жизнь рассыпалась на островки, атомы, ячейки. Как у Даля: свобода – воля... волюшка-раздолушка... простор. Великое зло превратилось в далекое сказание, в политический детектив. Никто уже не говорил об идее, говорили о кредитах, процентах, векселях, деньги не зарабатывали, а “делали”, “выигрывали”. Надолго ли это? “Неправда денег в русской душе невытравима”, – писала Цветаева. Но будто ожили и разгуливают по нашим улицам герои Островского и Салтыкова-Щедрина» (Там же. С. 12).
9. Леонтьева А. Церковный плен: пути преодоления // Вечный зов. 2013. № 9–11 (179–181). С. 28–29.
10. Радиопередача «Вятка православная» выходила в эфир областного радио (КГТРК «Вятка») в 1995–2006 гг. периодичностью дважды в месяц.
11. Дмитриевский А. Л. Эссе как жанр публицистики: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. С. 68.
12. Артамонова Е. В. Жанры русской речи: исповедь, просьба о прощении, принесение извинения: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. С. 11.

Notes

1. Knyazev A. A. Eñnciklopedicheskiy slovar' SMI [Encyclopedic dictionary of media]. Available at: <http://www.library.cjes.ru/> (08.05.2013).
2. Klushina N. I. Publicisticheskij tekst v novoj sisteme stilisticheskikh koordinat [Journalistic texts in the new system of stylistic coordinates] // Russkaya rech'- Russian speech. 2008, No. 5, p. 46.
3. Kayda L. G. Pozitsiya avtora v publicistike – stilisticheskaya koncepciya [Author's position in journalism – stylistic concept] // YAzyk sovremennoj publicistiki - Language of modern journalism / comp. G. Y. Solganik. Moscow. Flinta, Nauka. 2005. P. 58.
4. This dichotomy of "author – social person, and the author –private person" is presented by G. Y. Solganick as specifying the value true when creating a journalistic text. See: Solganik G. Y. O strukture i vazhnejshih parametroh publicisticheskoy rechi (yazyka SMI) [On the structure and critical parameters of journalistic language (language of mass media)] // YAzyk sovremennoj publicistiki - Language of modern journalism / comp. G. I Solganik. Moscow. Flinta: Nauka. 2005. Pp. 14–29.
5. V. G. Rasputin Rossiya uhodit u nas iz pod nog. Vystuplenie na VII s"ezde pisatelej Rossii [Russia goes our feet]. Presentation at the VII Congress of writers of Russia // V poiskah berega – In search of the shore. Irkutsk. 2007. Pp. 217–218.
6. Solganik G. Y. O strukture i vazhnejshih parametroh publicisticheskoy rechi (yazyka SMI) [On the structure and critical parameters of journalistic language (language of mass media)] // YAzyk sovremennoj publicistiki – Language of modern journalism / comp. G. I. Solganik. Moscow. Flinta: Nauka. 2005. P. 15.
7. Aleksievich S. A. Vremya sekund hehnd [Second hand time]. M. 2013. P. 10.
8. See, for example: "Here it is – freedom! Is this that we waited for? We were ready to die for our ideals. To fight in battle. But “Chekhov's” life began. Without history. All values collapsed, except the value of life. Life in General. New dream: to build a house, buy a nice car, plant a gooseberry... Freedom was the rehabilitation of the bourgeoisie, usually tortured to death in Russian life. The Freedom Of His Majesty Consumption. The greatness of the darkness. The darkness of desires and instincts – the secret of human life, about which we had a rough idea. History survived and lived. Now military experience is not needed, it was necessary to forget. Thousands of new emotions, States, reactions... Like suddenly everything was different: signs, things, money, flag... And the man himself. He became more colour, separate, monolith blew up, and life was scattered on the Islands, atoms, cells. Like Dahl: freedom is the will... volushka-razdolushka... space. A great evil has become a distant legend, a political thriller. No one talked about the idea, talked about loans, interest, promissory notes, money did not earn, and “did”, “I win”. Will it last? “Untruth of money is not to be removed from Russian soul,” wrote Tsvetaeva. But it seems that heroes of Ostrovsky and Saltykov-Shchedrin returned to life and walk along our streets.” (ibid. P. 12).
9. Leontieva A. Cerkovnyj plen: puti preodoleniya [Captivity of the Church: ways of overcoming] // Vechnyj zov – Eternal call. 2013, No. 9–11 (179–181), pp. 28–29.

10. Radio program "Orthodox Vyatka" was broadcast on regional radio (chtrc "Vyatka") in 1995–2006 twice a month.

11. Dmitrovskiy L. A. *EHsse kak zhanr publicistiki: dis. ... kand. filol. nauk* [The essay as a genre of journalism: dis. ... Cand. of Philology]. SPb. 2002. P. 68.

12. Artamonova E. V. *Zhanry russkoj rechi: ispoved', pros'ba o proshchenii, prinesenie izviniya: dis. ... kand. filol. nauk* [Genres of Russian speech: confession, apology, apology: dis. ... Cand. of Philology]. Kazan. 2008. P. 11.

УДК 81-112 Филологические науки

С. С. Горыкина

Номинативная репрезентация концепта *Nature* в древнеанглийской загадке

Статья раскрывает специфику наивной картины мира англоязычного этноса на материале древнеанглийской загадки. Концептосфера загадки представляет собой совокупность концептов, связанных с повседневной жизнью человека (природа, быт, военное дело, духовная жизнь) и отражающих сложные взаимоотношения между человеком, социумом и окружающим миром. Понятийный аспект концепта *Nature* представлен номинациями разной частеречевой принадлежности в их прямом и переносном значении, эксплицирующими особенности средневековых этнических представлений об окружающем мире. Показано, что лексемы, номинирующие денотаты в языковой картине мира англосаксов и репрезентирующие отношения между природой и человеком, коннотируют идею о враждебности природных сил и беспомощности средневекового человека перед ними, что выражается с помощью сложных метафорических образов, персонифицирующих природные стихии.

The article describes the peculiarities of the so called naive picture of the world of the Anglo-Saxon people as it is represented in the Old English riddle. The conceptual sphere of the riddle contains a number of concepts related to the daily life (nature, household cares, warfare, and spiritual life) and reflects the sophisticated relations between man and society, on the one hand, and the surrounding world, on the other. The lexemic level of the concept 'Nature' includes different parts of speech in their direct and indirect meanings conveying the idea of the hostility of nature towards the medieval man.

Ключевые слова: древнеанглийская загадка; языковая картина мира; концепт; предметные и признаковые имена.

Keywords: Old English riddle; the language picture of the world; concept; object and quality names.

Изучение языковой картины мира предполагает, в первую очередь, исследование связи языка и мышления вообще и этнокультурной специфики этой связи в частности. Языковая картина мира содержит информацию о мире, закрепленную и выраженную средствами языковой номинации в национальных языках. Как поясняет В. Н. Телия, языковая картина мира – это неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мысли о мире в актах коммуникации. Она выполняет две основные задачи: означивание основных элементов концептуальной картины мира и экспликация ее средствами языка [1]. Таким образом, базисом для возникновения языковой картины мира является триединство «мышление – действительность – язык». Окружающая действительность отражается сознанием, видоизменяется посредством мышления и репрезентируется в языке. А. Р. Лурия писал, что для объяснения сложнейших форм сознательной жизни человека необходимо выйти за пределы организма, искать источники этой сознательной деятельности и «категориального» поведения не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни, и в первую очередь во внешних условиях общественной жизни, в социально-исторических формах существования человека [2].

Языковая картина мира в загадках – это зафиксированная в языке и специфическая для данного этноса схема наивного восприятия действительности. Загадки представляют собой двухчастную структуру: кодирующая часть и отгадка. Вслед за В. Г. Сибирцевой мы считаем, что эта двухчастная структура отражает соотнесенность двух картин мира – концептуальной и языковой. Тексты загадок группируются по тематическим (концептуальным) полям, описывающим устройство окружающего мира. Кодирующая, образная часть является воплощением картины мира средствами языка; отгадки – это тематическая проекция концептосферы, включающая культурно-этническую информацию о трех основных формах бытия человека: природа – общество – сам человек [3]. При этом отгадка (означаемое) является значением по отношению к описательной части загадки, а со-

держание текста представляет собой определенное обобщение свойств именуемого концепта. Номинацию денотатов в языковой картине мира древнеанглийской загадки можно рассматривать как вторичную, поскольку она основана на образной (художественной) составляющей моделирования мира при описании содержательных характеристик загаданного денотата.

Ученые отмечают, что концептосфера загадок не отражает результат познания священного бытия и концентрирует свое внимание на человеке, частях его тела, его жилище со всем убранством, рабочем инвентаре, ремеслах, торговле, общественных отношениях, верованиях, явлениях природы, флоре и фауне, небу и земле и т. д. – на всем, с чем сталкивается человек в повседневной жизни и в своих размышлениях о ней [4]. Так, концептосфера древнеанглийской загадки представляет собой систему концептов, связанных с повседневной жизнью англосаксонского социума. Принимая во внимание как кодирующие тексты, так и отгадки, мы выделяем четыре концепта: 1) природные явления и стихии, влияющие на жизнь человека; 2) повседневная жизнь и быт, организованный в ходе хозяйственной деятельности; 3) военное дело как важный фрагмент отношений с миром («свои – чужие»); 4) духовная жизнь, отразившая период перехода от язычества к христианству. Понятийный аспект этих концептов представлен семантическими группами лексем – предметных и признаковых имен, которые, по словам А. А. Уфимцевой, обслуживают познавательную-классификационную и качественно-оценочную сферы деятельности человека [5].

Понятийный аспект концепта *Nature* представлен номинациями а) природных явлений и стихий (загадки *Storm at Sea, Storm on Land, Thunderstorm, Earthquake, the Sun, the Moon and Sun, Moon and Day, Iceberg, Fire, Water*); б) природных ресурсов, эксплуатируемых англосаксами с целью выживания (загадки *Metal, Ore, Soil, Wood*); в) представителей животного мира (загадки *Swan, Jackdaw, Cuckoo, Barnacle Goose, Ten Chickens, Badger, Bull Calf, Cock and Hen, Swallow, Oyster, Young Ox, Hen, Fish and River, Jay or Magpie*).

Рассмотрим номинативное наполнение группы «Природные явления и стихии» на примере репрезентации бури (*storm*) на суше и на море. В англоязычных словарях лексема *storm* дефинируется следующим образом:

1) violent weather – an extreme weather condition with very strong wind, heavy rain, and often thunder and lightning:

A lot of trees were blown down in the recent storms.

2) emotional reaction – a very angry reaction from a lot of people:

There was a storm of protest when the new tax was announced [6].

В данной дефиниции присутствуют два значения. В прямом значении лексема *storm* обозначает экстремальные погодные условия с помощью сем *wind, rain, thunder, lightning*, номинирующих природные явления, сем *strong, heavy*, квалифицирующих их качества, и интенсификаторов *very, often*. В переносном значении лексема *storm* обозначает отрицательную эмоциональную реакцию людей на явление или событие с помощью семы *angry* и интенсификатора *very*.

Синонимы к лексеме *storm* в ее прямом значении могут быть разделены на три группы. Первую группу составляют лексемы, обозначающие природные силы, создающие явление бури, – тучи, дождь, молния, волны, вихри ветра и др. (*air, clouds, crests, depths, drops, ferment, fire, flames, flood, froth, lightning, powers, rain, rollers, salt spray, smoke, tide, water, waves, whirlwind*), природный ландшафт, образующий место и время действия бури, – скалы, берег, земля, лес, море и др. (*cave, cliff, coast, dunes, earth, echoes, forest, land, night, ocean, precipice, sand, sea, shore, stones, timber, trees*), растения и животные – участники бури (*sea-horses, seaweed, whale-mere*). Эта группа лексем выражает идею вездесущности сил природы и беспомощности человека перед ними, так как все стихии – воздух, вода, земля, огонь – ведут себя враждебно по отношению к человеку:

...The waters ferment, sea-horses foaming.

The whale-mere roars, fiercely rages, waves beat upon the shore; stones and sand, seaweed and salt spray, are flung against the dunes when, wrestling far beneath the waves, I disturb the earth, the vast depths of the sea... [7]

Вторая группа лексем обозначает субъекты (*body, hearts, man, sailors, soul*, включая лексему *life*) и объекты (*hall, homes, houses, palaces, roofs, walls*) или их части, на которые воздействуют природные стихии, чем подчеркивается мысль о том, что никто и нигде не найдет спасения от бури.

В третью группу входят лексемы со значением результата действия стихий, всегда с отрицательной коннотацией борьбы (*arrow, avenger, battle, strength, strife, strongholds, struggle, troop, weapons*), разрушения (*breakers, crash, destruction, havoc, smash*), смерти (*deaths, death-spears*). Мощь стихий сравнивается с сокрушительным действием оружия, нападением врага, падением крепостей, ведущим к смерти их обитателей.

Синонимический ряд к лексеме *storm* в ее переносном значении объединен интегральными семами 'terror', 'fear'; к дифференциальным семам могут быть отнесены способы выражения этих

чувств – во внутренних переживаниях – злость, страх, ярость, ужас и др. (*anger, dread, fear-tide, frenzy, fury, rampage, terror, trouble*), звуковом восприятии – шум, рычание, вопли (*din, growl, noise, yells*), ощущениях – темнота, злые духи, склеп (*darkness, dungeon, evil spirits*).

Как указывает А. А. Уфимцева, помимо номинативной значимости предметные знаки имеют синтагматическую значимость, предопределяющую лексическую валентность, т. е. их сочетаемость в линейном ряду. В силу этого смысл высказывания формируется не только лексической семантикой составляющих его слов, но и их взаимоотношениями, которые обеспечивают построение определенных смысловых моделей в языковом сознании пользующихся языком [8]. Глагольные лексемы в эту ряд приобретают особую значимость – как признаковые имена, характеризующие, по словам А. А. Уфимцевой, не только внешний мир, но и внутренний мир человека, его отношение к окружающему миру, при этом манифестируя в языке сложные взаимодействия действующих субъектов [9].

Так, природные силы, создавая бурю, заставляют объекты двигаться, перемещаться в пространстве – нестись, гнаться, падать, погружаться в глубину и т. д. (*break out, cast, drive, fall, float, hasten, plunge, race, rush, scud, sink, spurt, submerge, swoop*), увеличиваться в размерах (о морской пене, волне) (*churn, ferment, foam, grow, loom, stir up*), трястись и дрожать (о земле) (*quake, shake, totter, tremble*), бить и хлестать (о море, ветре) (*beat, clash, collide, lash*), затруднять движение других объектов (*condemn, cover, cramp, overhang, shackle*). Объекты борются со стихией (*buffet, combat, face, fight, fling, wrestle*), разрушаются (*burn, burst out, crash, fell, ransack*) и умирают (*bury, die*). Лексемы, передающие оптические (*flash*) и акустические ощущения (*bluster, growl, roar, rustle, shoot, whistle*), подчеркивают устрашающие действия стихий – молнии и грома:

*At times I rush through the dark clouds that ride me,
churn the sea into a frenzy, then afterwards let the waters subside.
When one cloud collides with another, edge against sharp edge,
the din of destruction, a mighty noise, echoes above the dwellings of men;
dark bodies, hastening, breathe fire overhead, flashing lightning;
thunderous crashes shake the sky, then growl darkly.
The clouds do combat, dark drops fall, rustling rain from their wombs [10].*

Таким образом, доминантными семами в прямых значениях глагольных лексем являются 'move', 'grow', 'shake', 'beat', 'shackle', 'fight', 'damage', 'die'. В переносных значениях в данном контексте употребляются глаголы с негативной коннотацией, выражающие чувства беспокойства, ярости, угнетенности и др. (*disturb, frustrate, rage, rampage, rouse, succumb, whip up*).

В семантическом поле, образованном качественными прилагательными, ключевыми являются понятия больших пространств (*deep, far, great, vast, wide*), темных цветов (*ashen, dark, grey*), громких звуков (*loud, noisy, thunderous*), силы (*mighty*), внезапности (*sudden, swift*), чувства страха перед суровой природой (*angry, awesome, bitter, fierce, ghastly, rocky, savage, sharp, sheer, somber*). Лексемы, обозначающие перцептивные характеристики (цвет, звук), получают эмоциональную окраску и эксплицируют чувство подавленности человека перед силами природы.

Наш анализ фактического материала показал, что концепт *Nature* репрезентирован достаточно большим количеством лексем (530 единиц). Дж. Невилл подчеркивает, что репрезентация какого-либо денотата является актом ассимиляции и интерпретации: представить объект значит разместить его в ментальной схеме, в которой он получает смысл и ценность [11]. Ценностную ориентированность загадки подчеркивает и М. О. Абдрашитова в своем исследовании миромоделирующих возможностей современной русской загадки [12]. Высокая номинативная плотность концепта свидетельствует о том, что англосаксы воспринимали себя как неотъемлемую часть окружающего мира, который, однако, не был благоприятным по отношению к ним. Словарь древнеанглийского языка не дает слова, обозначающего мир природы в его современном понимании; в древнеанглийских текстах естественные и сверхъестественные существа населяли один и тот же мир и взаимодействовали друг с другом. Такое взаимопроникновение характеристик реальных и выдуманных существ отражалось на выборе языковых средств: существительные, номинирующие концепт *Nature*, комбинируются с глаголами, которые в основном имплицитно признают признаки, свойства и состояния одушевленных объектов. Приписывание неодушевленным предметам человеческих свойств (боль, удивление, страх и т. д.) считается типичным качеством словесных знаков в текстах загадки [13]. Нехарактерные сочетания предметных и признаковых лексем создают сложные метафорические образы, персонифицирующие природные явления, и составляют основу наивной языковой картины мира в древнеанглийской загадке.

Примечания

1. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 179.

2. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 23.

3. Сибирцева В. Г. Языковая картина мира в русской загадке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003. С. 7.
4. Барабанова Н. В., Пермяков Г. Л. О логической структуре некоторых русских загадок: К вопросу об основной функции народных загадок и их научной классификации // Паремнологические исследования: сб. ст. М.: Наука, 1984. С. 96.
5. Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М.: Едиториал УРСС, 2002.
6. Cambridge Dictionary Online. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/storm_1 (дата обращения: 26.07.14)
7. Translated Exeter Riddles. URL: <http://www.technozen.com/exeter/1-10.htm> (дата обращения: 2.07.14).
8. Уфимцева А. А. Указ. соч. С. 102–103.
9. Там же. С. 134.
10. Translated Exeter Riddles...
11. Neville J. Representations of the Natural World in Old English Poetry. Cambridge: CUP, 1999. P. 10.
12. Абдраштова М. О. Трансформация миромоделирующих возможностей современного жанра загадки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32). Ч. 1. С. 13.
13. Янушкевич И. Ф. Лингвосомиотика англосаксонской культуры. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2009. С. 63.

Notes

1. Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdaniy yazykovoy kartiny mira [The metaphorization and its role in the creation of a language picture of the world] // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: YAzyk i kartina mira - Role of human factor in language: Language and world view. M. Nauka. 1988. P. 179.
2. Luria A. R. YAzyk i soznanie [Language and mind]. M. Publ. of Mosc. University. 1998. P. 23.
3. Sibirtseva V. G. YAzykovaya kartina mira v russkoj zagadke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Language picture of the world in the Russian riddle: autoref. dis. ... Cand. of Philology]. N. Novgorod. 2003. P. 7.
4. Barabanova N. V., G. L. Permyakov O logicheskoj strukture nekotoryh russkih zagadok: K voprosu ob osnovnoj funkcii narodnyh zagadok i ih nauchnoj klassifikacii [About the logical structure of certain Russian riddles: the basic function of folk riddles and their scientific classification] // Paremiologicheskie issledovaniya: sb. st. - Paremiological studies: collected articles. M. Nauka. 1984. P. 96.
5. A. A. Ufimtseva Leksicheskoe znachenie: Princip semiologicheskogo opisaniya leksiki [Lexical meaning: the principle of semiological description of the vocabulary]. M. Editorial URSS. 2002.
6. Cambridge Dictionary Online. Available at: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/storm_1 (reference date: 26.07.14)
7. Translated Exeter Riddles. Available at: http://www.technozen.com/exeter/1_10.htm (accessed: 2.07.14).
8. A. A. Ufimtseva Op. cit. Pp. 102–103.
9. Ibid. P. 134.
10. Translated Exeter Riddles...
11. Neville J. Representations of the Natural World in Old English Poetry. Cambridge: CUP, 1999. R. 10.
12. Abdrashitova M. O. Transformatsiya miromodeliruyushchih vozmozhnostej sovremennogo zhanra zagadki [Transformation of world modeling capabilities of the modern genre of mystery] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki - Philological Sciences. Issues of theory and practice. 2014, No. 2 (32), part 1, p.13.
13. Yanushkevich I. F. Lingvosemiotika anglosaksonskoj kul'tury [Lingvosemiotics of Anglo-Saxon culture]. Volgograd. Volg. Scientific. Publ. 2009. P. 63.

УДК 81'42

Л. Е. Адясова

Концепт СССР: специфика функционирования морбиальной метафоры в современном российском медиадискурсе

В статье рассматривается метафорическое представление концепта СССР в современном российском медийном дискурсе. На материале данных газетного корпуса Национального корпуса русского языка (период 2000–2010 гг.) и сети Интернет анализируются особенности функционирования и персуазивные возможности метафоры болезни в концептуальном представлении советского государства в средствах массовой информации. В работе рассматриваются основные фреймы и слоты изучаемой метафоры. В число слотов, наиболее активно вербализуемых в медийном дискурсе, входят следующие: «психические болезни», «тяжелое состояние больного», «реанимация», «смерть пациента». Результаты исследования показывают, прежде всего, исключительную значимость изучаемой метафоры для медиадискурса, ее адаптацию к современным социально-политическим условиям, а также существенный манипулятивный потенциал, к которому периодически апеллируют современные СМИ в процессе информирования населения.

The article discusses the metaphorical representation of the concept of the Soviet Union in the modern Russian media discourse. The research focuses on the main features of functioning and persuasive opportunities of the disease metaphor in the conceptual representation of the USSR in the media by analysing the material of the media Russian National Corpus (2000–2010) and data from the Internet. The paper examines the main frames and slots of the studied metaphor. The most actively represented in the media discourse slots of the metaphor are: “mental illness”, “serious health condition of the patient”, “resuscitation”, “death of the patient”. The results show, first of all, the exceptional importance of the studying of the disease metaphor for the media discourse, its adaptation to modern social and political conditions, as well as significant manipulative potential, which periodically appeal modern media in the process of informing the public.

Ключевые слова: концепт СССР, медиадискурс, метафоры, морбиальная метафора, концептуализация, языковое сознание.

Keywords: concept of the USSR, media discourse, metaphors, disease metaphor, conceptualisation, language consciousness.

Морбиальная метафора, или, другими словами, метафора с понятийной сферой «болезнь, больной организм», является одной из древнейших метафорических моделей в представлении государственной жизни. Как отмечают Е. И. Шейгал и А. П. Чудинов, она широко реализуется в основном в периоды исторических потрясений и неустроенности [1], [2]. Так, в начале XX в. вышел целый ряд сочинений под названием «Больная Россия» Д. Мережковского, Н. Бердяева, П. Сорокина. На рубеже XX и XXI столетий новый кризисный момент – распад СССР, и, соответственно, пресса откликается на него активным использованием морбиальной метафорической модели при описании политической действительности: *СССР в коме, агония Советского Союза, шоковая терапия*. Спустя более 20 лет с момента распада СССР средства массовой информации продолжают возвращаться к советскому времени (для анализа, сравнения, оценки) и при этом активно используют морбиальную метафорическую модель.

Предметом нашего исследования, соответственно, является анализ особенностей метафорического представления СССР в современной российской прессе 2000-х гг., а именно, специфика использования морбиальной метафорической модели, т. е. модели, в которой СССР и постсоветская Россия представлены как больной организм.

Материалом для нашего исследования послужили тексты СМИ 2000-х гг., вошедших в Национальный корпус русского языка, – как печатных газет («Известия», «Советский спорт», «Труд», «Комсомольская правда»), так и электронных агентств (РИА «Новости», РБК, «Новый регион»), т. е. ведущих изданий, рассчитанных на массовую аудиторию и отражающих современное языковое сознание.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью изучения концептуализации исторических событий в современном медийном дискурсе для характеристики национальной языковой картины мира, при этом стоит отметить, что использование тех или иных лексем, клише или метафорических моделей выступает в качестве индикатора ситуации в обществе и фиксатора влияния СМИ на когнитивную сферу нации.

При рассмотрении морбиальной метафорической модели в современном российском медиадискурсе нами были выделены следующие фреймы и слоты:

1. Фрейм «Пациенты и медицинский персонал»

Слот 1.1. Пациенты

В медийном дискурсе Советский Союз достаточно часто метафорически обозначается как *больной, полумертвый организм, раненый пёс*. В некоторых контекстах он изначально нежизнеспособен, в других – его здоровье подорвали накопившиеся проблемы и ситуация конкурентной борьбы с США, также его конец нередко представляется метафорически как результат скоротечного инфекционного заболевания, неожиданно подкосившего вполне здоровое существо. Ср.: *Никаких перспектив в возвращении к Советскому Союзу и ко всем этим вещам не может быть, ведь то государство развалилось из-за того, что было нежизнеспособно* [3]. *При Брежневе появился советский средний класс, для которого официальные речи и церемонии тоже были лишь ритуалом. Вот это в первую очередь и подкосило Советский Союз* [4].

Но не только «болезнь» делает СССР уязвимым, очевидность развязки также подчеркивается метафорическим переносом несколько иного плана – беременность общества революцией, его изначальная готовность к рождению нового строя. При этом беременность в рамках данной метафорической модели воспринимается как особое состояние организма, требующее внимания медиков. Ср.: *Как царская Россия, так и Советский Союз были беременны революцией, то есть нация ощущала родовые толчки нового строя* (из статьи под названием «Октябрь: катастрофа нации или повивальная бабка истории?»)[5].

Слот 1.2. Медицинский персонал

Для контроля за ходом болезни, оказания необходимой помощи, для приема родов и других процедур необходимы медицинские работники. Как уже было сказано ранее, акушерами, т. е. повивальными бабками истории, называют революции: Октябрьская революция – для царской России и августовский путч 1991-го года – для советского государства. Если акушер выступает как прототипический протагонист, то фигура политического реаниматолога более неоднозначна, и, как можно судить по контексту из КП, она не вызывает особого одобрения. *И хотя жизнь в этом иллюзорном «СССР поддерживалась московскими “реаниматологами”, бесталанно тратившими миллиарды долларов на искусственное жизнеобеспечение своих бывших провинций (льготы, уступки, преференции), кто-то из них еще верил, что больной скорее жив, чем мертв. <...> Врачи в этом печальном случае обычно поступают жестко – и под рыдания родственников отключают тело от аппаратов. Думаю, Россия решила поступить так же и тихо похоронила Союз»* [6].

Стоит заметить, что несколько отдельно стоит образ донора. В метафорическом плане донорство характеризует безвозмездную финансовую помощь политическим партнерам. При этом оно воспринимается с когнитивной точки зрения двойственно: это этически позитивно трактуемое проявление активной жизненной позиции, морального долга, но также и добровольная сдача крови, т. е. определенный риск здоровьем организма. В медиадискурсе делается акцент на том, что чрезмерное увлечение финансовым донорством может ослабить экономику самого донора и фактически выступает угрозой благополучия не только для непосредственного «дарителя», но и его наследников. Так, например, *СССР был почетным донором африканских стран* [7], затем он эту почетную обязанность передал по наследству России, вместе с долгами. *«Шаги России по списанию долгов африканских стран бывшему СССР очень важны и свидетельствуют о роли России в качестве нового донора», – сказал президент Всемирного банка Пол Вулфовиц* [8].

В целом слот «медицинский персонал» используется в медиа для характеристики причастности некоторых политических сил к развитию и лечению болезни, а также к осуществлению реанимации умирающего больного. Действия таких врачей не оцениваются высоко, скорее наоборот.

2. Фрейм «Диагноз»

Слот 2.1. Физические болезни

Советский Союз прекратил свое существование в 1991 году. Для многих это событие стало неожиданностью, именно поэтому данная ситуация регулярно концептуализируется как некая скоротечная болезнь, инфекция, вирус (ср. фрейм «Пациенты»). При этом болезнь сопровождалась рядом симптомов, и в первую очередь лихорадкой, которая передалась также наследнице СССР – России. *Авианпром после распада СССР и экономических реформ лихорадило* [9].

Интересен тот факт, что в медиадискурсе одни из самых острых проблем современной России – бюрократия и коррупция – экстраполируются и на СССР. В результате такого переноса возник, например, яркий метафорический образ чиновного зуда. *Советский Союз хронически болел чиновным зудом и рухнул у нас на глазах не под ударами извне, обрушился под собственной критической массой* [10].

В целом, несмотря на частотность обращения к морбиальной метафорике и конкретно к слоту «физическая болезнь» при вербализации идеи распада СССР в СМИ, недуг, ставший причиной гибели Союза, представляется недостаточно определенно.

Слот 2.2. Психические болезни

Несмотря на то что прототипическим заболеванием, подкосившим СССР, была некая физическая болезнь, Союз страдал также и психическими недугами. Психическое нездоровье советского строя отразилось и на самочувствии постсоветского общества, так как заболевания перешли по наследству. Кроме того, сам распад СССР стал значительным потрясением, после которого оправились не все. Шок, депрессия, паранойя и множество социальных болезней – вот неполный перечень итогов развала Союза для духовного здоровья жителей постсоветского пространства. *Распад СССР и серия болезненных, а порой и весьма сомнительных реформ, что бы там ни говорили, нанесли тяжёлую психологическую травму российскому обществу* [11].

Заметим, что в медиадискурсе нередко встречается термин «синдром» в отношении некоторых исторических событий, связанных с советским периодом. Термин «синдром» в медицинской практике означает определенное сочетание признаков болезни, не равнозначное самой болезни [12], в то время как в медийной дискурсивной практике этот термин воспринимается как синоним заболевания, причем патогенез такой болезни связан с определенными болевыми точками – историческими событиями (Беловежские соглашения, Афганская война, Чернобыльская авария). *Ослабший же Советский Союз был вынужден покинуть Афганистан; более того, афганский синдром стал одной из причин крушения СССР* [13].

Показательно также, что с советским прошлым связан целый список комплексов, которые остались в наследство российскому обществу. *СССР развалился, а комплексы в правящих кругах остались* [14]. Это и недоверие к полиции, и благоговение перед иностранцами, но в то же время и комплекс европейского изгоя, а также комплекс неполноценности и комплекс поражения и унижения. *Ужас и отвращение перед прошлым, который культивировали реформаторы первой волны, сформировал и целый комплекс неполноценности у людей среднего и старшего поколения. А развал СССР, коренная ломка всего прежнего уклада жизни дополнили его комплексом поражения и унижения* [15]. Это комплекс еще со времен Советского Союза, когда мы благоговели перед иностранцами [16].

Страх перед СССР – психическое заболевание. Знаете, как у людей бывает: руку, допустим, ампутировали, а она все равно болит. Это так называемая фантомная боль. Вот у стран Восточной Европы фантомный страх. СССР давно нет, а они его все равно боятся [17].

К разряду психических заболеваний можно отнести также такие социальные недуги, как пьянство и наркомания. Примечательно, что в современном медиадискурсе в терминах наркозависимости обычно представляется зависимость экономики России от сырья, а именно – от нефтяных продуктов, но образ нефтяной иглы сейчас начинают связывать и с Советским Союзом, представляя его как первопроходца в этой сфере, и, таким образом, причиной нефтяной зависимости российской экономики. *Советский Союз разучился выращивать хлеб, ради его закупок подсел на нефтяную иглу, а слезть уже не смог* [18]. *Советский Союз распался не только потому, что злоупотреблял механизмами жесткой силы, влез в непомерную войну в Афганистане, а, прежде всего, из-за того, что «подсел» на нефтяную иглу* [19].

Вопрос о сырьевом характере экономики РФ – один из самых болезненных вопросов современности. Неудивительно, что он становится актуальным и в обзоре исторической перспективы – советских времен. По точному замечанию О. С. Иссерс, в каждой культуре есть символы добра и зла, при этом в русской лингвокультуре наркотическая зависимость коннотируется исключительно негативно [20]. Данная метафора обладает мощным дискредитирующим импульсом. Навешивание ярлыка «наркоман» через метафорический перенос по силе своей равно полному уничтожению образа, при этом оно не является явным обвинением. По образному выражению Н. Д. Арутюновой, метафора (в отличие от прямого наименования и даже сравнения) – «это приговор суда без разбирательства» [21], приговор, который не нуждается в доказательствах и который невозможно обжаловать. Так происходит и с соответствующей метафорой: слабовольные Россия и Советский Союз «сидят на игле».

3. Фрейм «Причины болезни»

Слот 3.1. Инфекции и паразиты

Так как распад СССР был достаточно скоротечным и непредсказуемым, то он концептуализируется как инфекционное заболевание. Бациллы революции (другими словами, «духа свободы») были занесены в Союз с Запада, при этом их действие и в настоящее время на территории бывшего СССР не ослабло. Таким образом, как бы указывается на «внешние» источники политических катаклизмов. Ср.: *Немецкий политолог уверен, что «цветастые» революции в странах СНГ продолжатся, так как жители бывших республик СССР сейчас заражены «духом свободы»* [22]. *Обличая тоталитарное прошлое СССР, в чем я согласен, он забывает, что революционную заразу мы подхватили от европейских бациллоносителей, начиная с Робеспьера и Дантона и кончая свечочами большевизма Марксом и Энгельсом* [23].

Возможной причиной летального исхода могли также стать паразиты, съевшие государственный организм изнутри, при этом паразиты – это системная коррупция: *Системная коррупция съела Советский Союз. Наши либеральные реформаторы сделали ее тотальной* [24].

Слот 3.2. Физическое воздействие

Окончательный диагноз СССР поставить невозможно, поскольку причин для «летального исхода» было достаточно. Это и бациллы свободы, и коррупция, и давление Запада, и собственные проблемы, в которых он захлебнулся. Тем не менее выделим несколько наиболее интересных:

А) результат физического насилия – ломка всей государственной системы:

Нельзя ломать страну через колено, – Михаил Горбачев, президент бывшего Советского Союза: – Большинство тех, кто встречал XX век, предрекали ему счастливую судьбу [25].

Б) утопление – национальные и территориальные проблемы:

Грузия – точно такая же империя, как и Советский Союз перед самым его распадом – голодная, перессорившаяся с соседями, захлебнувшаяся в национальных и территориальных проблемах, слепо доверившаяся западным политологам и жадно глотающая кредиты [26].

В) потеря крови – донорство (см. слот «медицинский персонал»).

4. Фрейм «Симптомы болезни»

При описании признаков болезни чаще всего метафорически используются слова *бред, конвульсии, судороги, лихорадка, паралич, повальная тоска* и др. Ср.: *А еще это были конвульсии СССР – в Беловежской пуще крах лишь закрепили формально* [27]. *Это поколение выросло в эпоху заметных внешнеполитических и научно-технических успехов СССР, а в зрелые годы стало свидетелем прогрессирующего паралича и распада советской системы* [28].

К симптомам болезни мы также относим ностальгию как чувство психологического дискомфорта, неудовлетворенности в обществе. *Гораздо тревожнее, когда все общество впадает в ностальгию. Это значит, что людям некомфортно, нехорошо в том времени, в котором они сейчас живут», – говорит челябинский психотерапевт Марина Патова. По словам Патовой, причин повальной тоски по СССР может быть несколько. Главная – всеобщее разъединение в обществе* [29].

Интересно также, что СССР сам может выступать как часть другого организма, как сердце, чувство или как опухоль, что это конкретно – трудно диагностировать. Так, в «Новом регионе» читаем: *«Вы можете забрать Крым из Советского Союза; однако вырвать Советский Союз из Крыма – это нечто другое»* [30].

5. Фрейм «Способы лечения, лекарства»

Слот 5.1. Способы лечения

Болезнь СССР, как и болезни современной России, сложно определить однозначно, так как это целый комплекс недугов, но при этом лечение проводилось или проводится. В число наиболее частотных методов вошли шоковая терапия, реанимация и ломка системы. *Тогда две страны должны были ломать хребет своей экономики – СССР и Китай: в результате СССР распался, и в экономике все процессы происходили очень болезненно* [31]. **Шок** – это по-нашему! **Шок** придумали в СССР! [32]

Слот 5.2. Лекарства

Несмотря на оказание некоторой медицинской помощи больному, слот «лекарства» в медиа представлен недостаточно репрезентативно. Ср.: *Он [СНГ] скорее исполнял роль валериановых капель для тех, кто верил, что Союз не умер, и осуществлял бракоразводные функции* [33].

6. Фрейм «Состояние пациента»

Слот 6.1. Тяжелое состояние больного

В средствах СМИ ситуация прекращения существования Советского Союза представлена исключительно экспрессивно. Так, последние годы, месяцы и дни перед распадом СССР в СМИ получили название *агонии эпохи*. Книга Юрия Лужкова о путче 91-го года так и была названа – «72 часа агонии». Терминальное состояние государства сопровождалось *конвульсиями, бредом, параличом*. Ср.: *Агония эпохи отмечена в памяти россиян двумя другими датами: 8 декабря 1991 года... и 31 декабря 1999 года* [34].

Не менее экспрессивен и образ коматозного состояния СССР. *Советский Союз был в коме. Страна начала разваливаться* [35]. *В итоге произошло то, что должно было произойти. Союз из комы не вышел. Они не мог выйти по законам природы. Вместо эффективного Союза Москва получила беспомощную «растительную жизнь»* [36]. Так, в 91-м году действия «реаниматологов» ни к чему не приводят, и они сами отключают больного от аппаратов – Россия хоронит СССР. Несмотря на амбивалентное отношение к советскому прошлому в настоящее время, в современных медиа вопрос о реанимации Союза периодически поднимается в связи с разными политическими событиями.

Слот 6.2. Реанимация больного

Одной из ипостасей реанимированного, возрожденного СССР средства массовой информации называют Таможенный союз Белоруссии, России и Казахстана. *Вчера лидеры Киргизии и Таджикистана заявили о готовности вступить в Таможенный союз. Бывшие советские республики все сильнее тянутся друг к другу, и создание экономического аналога СССР становится все реальнее* (из статьи «До **возрождения СССР** в экономических параметрах не хватает решения Киева») [37]. При этом заметим, что именно из-за связи с образом СССР к Таможенному союзу испытывают, как правило, недоверие или тот фантомный страх, о котором говорилось ранее.

Кроме того, на постсоветском пространстве периодически проводятся опросы, как жители бывшего Советского Союза относятся к реанимации СССР. Ср.: *35% респондентов высказались категорически: реанимация СССР – это вредная идея* [38]. Или, напротив: *Ничего нет страшного, если реанимировать «союз серпа и молота» не в прежней, конечно, уравнительно-распределительной форме, а в полнокровно рыночном варианте* [39].

Слот 6.3. Смерть пациента

Несмотря на все попытки лечения, выведения из комы, СССР закончил свое существование. Заметим, что в целом слот смерти пациента в медийном дискурсе исключительно регулярен и экспрессивен по своему выражению: *СССР не вышел из комы, кончился, почил в бозе, скончался, по-*

гиб и др. Советский Союз **почил в бозе**. А молодых людей все также оболванивают — по комсомольско-партийным методикам [40]. Первая ее версия **умерла** вместе с Советским Союзом [41]. Частотность обращения медиадискурса к ситуации конца Союза можно объяснить тем, что развал СССР — это одно из важнейших событий недавнего прошлого, которое стало мощнейшим эмоциональным фактором для людей всего мира и особенно жителей постсоветского пространства.

Морбиальная метафора — это метафора глубоких проблем в обществе, и к ней обращаются, когда хотят указать на серьезный характер ситуации, который грозит потерей трудоспособности или летальным исходом для объекта переноса, при этом истинные причины прекращения существования не называются, вместо этого речь идет о последствиях неких заболеваний (так называемый прием ретуширования, или переакцентуация) [42].

СССР уже отошел в историю, но тот факт, что СМИ продолжают периодически возвращаться к советскому прошлому, говорит об актуальности определенных сторон его жизни и в наше время. Современная Россия, как правопреемница Союза, неизбежно с ним сравнивается, а ее проблемы объясняются зачастую советским прошлым, причем обычно в терминах психологических болезней и зависимостей. Так, негативные факты истории называются синдромами, которые актуальны до сих пор и грозят рецидивом (афганский, беловежский, чернобыльский).

Советский Союз стал причиной психической нестабильности современного общества, так как он оставил в наследство жителям России целый набор комплексов: комплекс неполноценности — у людей среднего и старшего возраста, комплекс поражения и унижения, комплекс европейского изгоя и пунктик на личных отношениях. Болезненные и сомнительные реформы 90-х нанесли серьезную психологическую травму обществу.

Более того, развал СССР также четко ощущается на физиологическом уровне, как болезненный процесс. Для современного общества это *саднящая боль* (по словам Д. Медведева). При этом любые попытки по воссозданию даже слабого подобия советской государственности принимаются с настороженностью и неодобрением, например, такова ситуация с Таможенным союзом и событиями на сопредельных территориях.

При этом активное использование морбиальной метафоры при представлении СССР средствами медиа несет не только экспрессивную функцию, но и функцию суггестивную. Посредством метафорической экспансии БОЛЕЗНЬ концепт СССР может быть дискредитирован по разным направлениям с использованием таких манипулятивных приемов, как прием разрушения образа (слот «смерть пациента», фрейм «диагноз» и др.), навешивания ярлыков (слот «психические заболевания» и др.), переакцентуации (фрейм «диагноз»), стилистического контраста (слот «смерть пациента») и др. [43]. Как показало исследование, персуазивный потенциал изучаемой метафоры достаточно существен, что активно используется в СМИ.

Таким образом, можно сказать, что концепт СССР спустя более двадцати лет после распада системы продолжает влиять на сознание носителей русского языка, а также на внутреннюю и внешнюю политику России и сопредельных стран, и этому во многом способствуют средства массовой информации, которые формируют в сознании нации необходимый им образ Союза.

Примечания

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. С. 77.
2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
3. Рябов М. Посол Украины в Минске: СССР не возродится, все меньше белорусов хотят жить в союзном государстве с Россией // Новый регион. 2010. 25 авг.
4. Корсаков Д. Леонид Парфенов: Брежнев был нормальным обывателем. И людям позволил стать такими // Комсомольская правда. 2006. 11 дек.
5. Октябрь: катастрофа нации или повивальная бабка истории? // РИА Новости. 2007. 25 окт.
6. Ворсобин В. Кажется, Союз кончился // Комсомольская правда. 2007. 12 янв.
7. Россия на пути в финансовый клуб «Восьмерки» // РИА Новости. 2006. 05 июля.
8. Там же.
9. Трегубов И. Российский авиапром расстанется с амбициями // РБК Daily. 2004. 13 авг.
10. Смирнов В. Список Покровского-2 // Труд-7. 2006. 14 июня.
11. Захаров П. Россия изживает «комплекс поражения» // РБК Daily. 2008. Август.
12. Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. В. И. Покровский. М.: Медицина, 2001. С. 765.
13. Запад ведет глобальную войну против ислама // Новый регион 2. 2007. 24 мая.
14. Могилевский Р. СССР развалился, а комплексы остались // Известия. 2005. 10 ноября.
15. Чем гордится новая Россия // РИА Новости. 2005. 16 июня.
16. Егоров С., Локалов А. Главный тренер «Динамо» (Киев) Валерий Газзаев: Я — за единый чемпионат России и Украины! // Советский спорт. 2010. 21 мая.

17. Антонов К., Аниськин А. Бывшие «братья по соцлагерю» учат Старый Свет ненавидеть Россию // Комсомольская правда. 2007. 20 янв.
18. Не надо быть нефтяным Гондурасом // РИА Новости. 2006. 14 сент.
19. Там же.
20. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 111.
21. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 355.
22. Итоговый выпуск (вечерний) – 2006. 25 марта. 18:00. Екатеринбург // Новый регион 2. 2005. 26 марта.
23. Чем Вас обрадовал и чем огорчил телеэкран на минувшей неделе? // Труд-7. 2005. 05 мая.
24. Ворсобин В. Какую Россию строит Путин // Комсомольская правда. 2004. 15 дек.
25. Мы горем и счастьем наполнили век // Труд-7. 2000. 28 дек.
26. Сапожникова Г. Почему Грузия разлюбила Россию? // Комсомольская правда. 2006. 17 февр.
27. ГКЧП: все-таки что это было? // Комсомольская правда. 2002. 20 авг.
28. Акимов А. Двойной портрет // Труд-7. 2001. 24 ноября.
29. Александрова А. Психологи: ностальгия по СССР – симптом системного кризиса // Новый регион 2. 2010. 11 янв.
30. Андреев Е. National Geographic: Севастополь все еще живет в Советском Союзе // Новый регион 2. 2011. 29 марта.
31. Голованов В. ПРОРВЕМСЯ? // Труд-7. 2006. 02 авг.
32. Бильжо А. Проверка на порочность // Известия. 2006. 23 авг.
33. Что нам делать с СНГ? // Комсомольская правда. 2001. 01 дек.
34. Обзор зарубежных СМИ. 4 мая 2010 года // РИА Новости. 2010. 04 мая.
35. Строганов Ю. Борис Немцов: Ничто так не объединяет, как общий враг // Труд-7. 2001. 16 окт.
36. Ворсобин В. Кажется, Союз кончился // Комсомольская правда. 2007. 12 янв.
37. Петрушов И., Красильникова Т. До возрождения СССР в экономических параметрах не хватает решения Киева // Труд-7. 2010. 06 июля.
38. Итоговый выпуск (вечерний). 2005. 30 авг. 20:05. Екатеринбург // Новый регион 2. 2005. 31 авг.
39. Варфоломеев П. С шапкой по кругу // Труд-7. 2001. 08 мая.
40. Жуковская Ю. Владимир Конкин: Высоцкий считал меня комсомольским холуем // Комсомольская правда. 2006. 19 авг.
41. Литвинова А. Ученые не нашли катализатора для инновационной экономики // РБК Daily. 2010. 07 февр.
42. Дейк Ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 125.
43. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. М.: Флинта, 2008.

Notes

1. Sheigal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. M: Publ.house "Gnosis". 2004. P. 77.
2. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg. 2001.
3. Ryabov M. Posol Ukrainy v Minske: SSSR ne vozrodit'sya, vse men'she belorusov hotyat zhit' v soyuznom gosudarstve s Rossiej [Ambassador of Ukraine in Minsk: the USSR will not be reborn, fewer Belarusians want to live in a Union state with Russia] // Novyj region - New region. 2010, 25 Aug.
4. Korsakov D. Leonid Parfenov: Brezhnev byl normal'nym obyvatelem. I lyudyam pozvolil stat' takimi [Leonid Parfenov: Brezhnev was a normal layman. And he allowed people to become such] // Komsomol'skaya pravda – Komsomolskaya Pravda. 2006, 11 Dec.
5. October: the catastrophe of the nation or the midwife of history? // RIA Novosti. 2007, 25 Oct. (in Russ.)
6. Vorsobin V. Kazhetsya, Soyuz konchilsya [It seems the Union is over] // Komsomol'skaya pravda – Komsomolskaya Pravda. 2007, 12 Jan.
7. Russia is on the path to financial club "G" // RIA Novosti. 2006, 05 July. (in Russ.)
8. Ibid.
9. I. Tregubov Rossijskij aviaprom rasstanetsya s ambiciyami [Russian aviation industry will break up with ambitions] // RBK Daily – RBC Daily. 2004, 13 Aug.
10. Smirnov V. Spisok Pokrovskogo 2 [List of Pokrovsky-2] // Trud 7 – Trud-7. 2006, 14 June.
11. Zakharov P. Rossiya izzhivaet «kompleks porazheniya» [Russia is becoming obsolete with "complex of lesions"] // RBK Daily – BC Daily. 2008, August.
12. Encyclopedic dictionary of medical terms / chief editor V. I. Pokrovsky. M. Medicina. 2001. P. 765.
13. The West is waging a global war against Islam // New region 2. 2007, May 24 (in Russ.).
14. Mogilevsky R. SSSR razvalilsya, a komplekсы ostalis' [USSR collapsed, and the complexes remained] // Izvestiya – News. 2005, 10 November.
15. What does new Russia proud of // RIA Novosti. 2005, 16 June.
16. Egorov S., A. Lokalov Glavnyj trener «Dinamo» (Kiev) Valerij Gazzaev: YA – za edinyj chempionat Rossii i Ukrainy! [Head coach of "Dynamo" (Kiev, Ukraine) Valeriy Gazzaev: I am for the unified championship of Russia and Ukraine!] // Sovetskij sport – Soviet sport. 2010, May 21.

17. Antonov K., A. Aniskin Byvshie «brat'ya po soclageryu» uchat Staryj Svet nenavidet' Rossiyu [Former "brothers in the socialist camp" teach the Old World to hate Russia] // Komsomol'skaya pravda - Komsomolskaya Pravda. 2007, 20 Jan.
18. Don't need to be an oil Honduras // RIA Novosti. 2006, 14 Sept. (in Russ.)
19. Ibid.
20. Issers O. S. Rechevoe vozdejstvie: uchebnoe posobie [Speech influence: a training manual]. M. Flinta: Nauka. 2011. P. 111.
21. Arutyunova N. D. YAzyk i mir cheloveka [Language and the human world]. M. 1999. P. 355.
22. The final issue (evening) – 2006. March 25. 18:00. Ekaterinburg // New region 2. 2005, 26 March.
23. With what has TV screen made You happy and upset last week? // Trud 7- Trud-7. 2005, 05 may. (in Russ.)
24. Vorsobin V. Kakuyu Rossiyu stroit Putin [What kind of Russia does Putin build] // Komsomol'skaya Pravda – Komsomolskaya Pravda. 2004, 15 Dec.
25. We have filled the cenruty with sadness and happiness // Trud-7. 2000, 28 Dec.
26. Sapozhnikova G. Pochemu Gruziya razlyubila Rossiyu? [Why did Georgia fall out of love with Russia?] // Komsomol'skaya pravda – Komsomolskaya Pravda. 2006, 17 Febr.
27. SKES: still what it was? // Komsomol'skaya pravda - Komsomolskaya Pravda. 2002, 20 Aug. (in Russ.)
28. Akimov A. Dvojnij portret [Double portrait] // Trud-7. 2001, 24 November.
29. Aleksandrova A. Psihologi: nostalg'giya po SSSR – simptom sistemnogo krizisa [Psychologists: nostalgia for the USSR is a symptom of a systemic crisis] // Novyj region 2 – New region 2. 2010, 11 Jan.
30. Andreev E. National Geographic: Sevastopol' vse eshche zhivet v Sovetskom Soyuze [National Geographic: Sevastopol still lives in the Soviet Union] // Novyj region 2 – New region 2. 2011, March 29.
31. Golovanov V. PRORVEMSYA? [We'll BREAK through?] // Trud 7 – Trud-7. 2006, 02 Aug.
32. Bilzho A. Proverka na porochnost' [Check for corruption] // Izvestiya – News. 2006, 23 Aug.
33. What shall do we do with the CIS? // Komsomolskaya Pravda. 2001, 01 Dec. (in Russ.)
34. Review of foreign media. 4 may 2010 // RIA Novosti. 2010, 04 may. (in Russ.)
35. Stroganov Yu Boris Nemcov: Nichto tak ne ob"edinyayet, kak obshchij vrag [Boris Nemtsov: Nothing unites like a common enemy] // Trud 7 – Trud-7. 2001, 16 Oct.
36. Vorsobin V. Kazhetsya, Soyuz konchilsya [It Seems the Union is over] // Komsomolskaya Pravda. 2007, 12 Jan.
37. Petrushov I., Krasilnikova T. Do vozrozhdeniya SSSR v ehkonomicheskikh parametrah ne hvataet resheniya Kieva [Until the rebirth of the USSR in the economic parameters is not enough of a decision of Kiev] // Trud 7 – Trud-7. 2010, 06 July.
38. The final issue (evening). 2005. 30 Aug. 20:05. Ekaterinburg // Novyj region 2 – New region 2. 2005, 31 Aug. (in Russ.)
39. Varfolomeev P. S shapkoj po krugu [With a hat in a circle] // Trud 7 – Trud-7. 2001, 08 may.
40. Zhukovskaya Y. Vladimir Konkin: Vysockij schital menya komsomol'skim holuem [Vladimir Konkin: Vyotsky thought I was a Komsomol Kholui] // Komsomol'skaya pravda - Komsomolskaya Pravda. 2006, 19 Aug.
41. Litvinova A. Uchenye ne nashli katalizatora dlya innovacionnoj ehkonomiki [Scientists have found a catalyst for the innovation economy] // RBK Daily – RBC Daily. 2010, 07 Febr.
42. Dijk Van T. A. YAzyk. Poznanie. Kommunikaciya [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk. BMC named after I. A. Baudouin de Courtenay. 2000. P. 125.
43. Koptina G. A. Rechevoe manipulirovanie: ucheb. posobie [Speech manipulation: manual]. M. Flinta. 2008.

УДК 821.511

Ю. Г. Антонов, С. В. Шеянова

Концепт «дом» как способ нравственно-философского осмысления мира и человека в литературном дискурсе Мордовии

Скрупулезное изучение различных индивидуально-авторских концептов позволяет выявить мировоззренческие основы писателя, обогащает представление о концептосфере определенной культуры. Цель данной статьи – раскрыть специфику реализации концепта «дом» в литературных опытах мордовских писателей, обосновать его проявление в осмыслении нравственно-этических, социальных, этнофилософских проблем, оценить роль в обогащении поэтики художественного пространства, усилении эмоционального фона текста. Материалом исследования явились произведения А. Пудина, В. Мишаниной, Г. Пинясова, Е. Четвергова.

Careful study of the various individual copyright concepts reveals the ideological foundations of the writer, enriches the understanding of the conceptual sphere of a certain culture. The purpose of this article – to reveal the specifics of the implementation of the concept of “home” in the literary experiments Mordovian writers, justify its manifestation in thinking about moral and ethical, social, ethnophilosophical problems, to evaluate the role in nurtur-

ing the artistic poetics of space, strengthening the emotional background of the text. Material research were the works of E. Chetvergov, A. Pudín, V. Mishanina, G. Pinyasov.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, дом, образ, символ, мир, архетип, культура.

Keywords: concept, conceptual, home, image, symbol, world, people, archetype, culture.

Дом – один из основополагающих архетипов мировой культуры, он воспринимается как уменьшенная модель мироздания, центр человеческого бытия, «микромир» человека, символ порядка, постоянства, безопасности, продолжения рода и традиций. В литературе правомерно интерпретировать дом как метафорический образ, синтезирующий социально-культурное, характерное той или иной ментальности, и философское, устоявшееся в общественном сознании, представление о взаимосвязи мира и человека, духовном единстве близких людей.

В мордовской литературе, используя выражение Ю. М. Лотмана, «язык пространственных отношений (включающий образ дома. – Ю. А., С. Ш.) оказывается одним из основных средств осмысления действительности» [1], а развитие данного концепта во многом обусловлено этническим мировосприятием. «Каждый художник смотрит на мир глазами своего народа», поэтому справедлива мысль о том, что «литературное творчество как часть национальной культуры естественным образом впитывает национальное мироощущение, традиционные эстетические, нравственно-этические нормы» [2]. Согласно мифологическим воззрениям мордвы, «дом – модель, позволяющая воспроизвести макрокосм: его четыре угла обращены к четырем сторонам света, крыша, сруб, подпол ассоциируются с тремя уровнями вселенной (небо, земля, преисподняя). Дом – жилище семьи, поэтому соединение или противопоставление мужского и женского начал составляет основу бытовой символики... Сакральными элементами в доме являются печь, красный угол, стол, порог» [3].

В художественных опытах современных мордовских писателей реалистическая интерпретация дома как необходимой части материально-бытового окружения человека часто трансформируется в представление о нем как «микромире» индивидуума, неком пространстве, отражающем духовный потенциал персонажей. Таким образом формируется идея единства дома и внутренней сущности человека.

Тесная взаимосвязь между персонажами и образом дома прослеживается в драме А. Пудина «В пустом доме люди» [4]. В название произведения лексема «дом» вынесена с определением «пустой». В истории русской литературы прослеживаются две противоположные интерпретации реализующегося в тексте бытового пространственного образа дома, наделяемого оппозиционными признаками: с одной стороны, «родной», «теплый», «безопасный», с другой – «чужое», «враждебное», «холодное». Выстраиваемая А. Пудиным пространственная модель определяется, безусловно, второй художественной традицией.

Знакомство с семьей Кураевых происходит, казалось бы, в радостный для них день – новоселье. В самом начале пьесы в своеобразном прологе представлено описание домашней обстановки: «Большая комната в деревенском доме. Два окна, забранные цветастыми занавесками, люстра “каскад” под потолок. Над входной дверью – мощная люминесцентная лампа. Впрочем, сейчас в комнате полутемно. Пустовато. В углу слабо мерцает божница» [5]. На мгновение читателю может показаться, что дом пустой из-за того, что хозяева не успели обставить новое жилище мебелью. Однако первые сцены взаимоотношений членов семьи раскрывают истинный смысл названия – в доме Кураевых отсутствуют любовь, доброта, взаимопонимание, нравственные принципы. Из трех поколений семьи – Андрей и его жена Лиза, их сын Дмитрий, мать Андрея Полечка, мать Лизы Акся – нет ни одного, кто бы жил по законам совести и этическим заветам предков. «Новые стены не спасают их обитателей от взаимной неприязни, порой переходящей в ненависть. Вместе с жильцами в новый дом переселяются и скудный духовный багаж семьи, и острые конфликтные ситуации» [6]. В данном случае целесообразно вспомнить высказывание Ю. М. Лотмана о том, что дом, обстановка, вещи «становятся как бы сгустками отношений между людьми и в этой своей функции способны приобретать символический характер» [7]. «Пустой» дом передает характер взаимоотношений в семье Кураевых, нравственную опустошенность, бездуховность ее членов и эксплицирует архетипический образ дома как «мертвого».

Создавая целостное представление о доме как смысле жизни человека, А. Пудин вкладывает в повествование идею продолжения рода. Успев оценить духовную сущность представителей старшего и среднего поколений Кураевых, читатель связывает надежды на «возрождение» семьи с вернувшимся из армии Дмитрием, осознающим всю пагубность сложившихся между близкими людьми взаимоотношений. Он способен найти в себе моральные силы и разорвать порочный круг бездухов-

ности. Однако потребительские жизненные принципы, низменные нравственные начала, впитанные юношей из домашней атмосферы, одерживают верх над его слабыми импульсами к моральному выздоровлению. Нравственный беспредел, царящий в доме, приводит к краху семейных отношений и «умерщвлению» нового дома – в финале измученные друг другом люди уходят из жизни.

В другой пьесе А. Пудина [8] концепт «очаг», относящийся к символической группе центра, сформировавшийся, очевидно, в глубинах первобытного мифосознания, претворившийся в последующих культурах как символ «очеловеченного» пространства, вынесен в название произведения, что, безусловно, свидетельствует о его концептуальной роли в структуре художественного целого. В произведении драматург представляет концепцию дома (центром которого является осмысливаемый сакральным местом очаг) как стержня семьи, что во многом созвучно со средневековой моделью мира в «Домострое». Памятник древнерусской литературы представляет понимание дома не только как локального пространства, оберегающего человека от воздействия внешней среды, но и мира, в котором закладываются глубинные нравственные основы, прежде всего для воспитания детей. Во многом благоприятные условия для этого создаются хозяйкой, женой, матерью, ибо она генетически связана с такими понятиями, как семья, любовь, преданность, верность.

В пьесе А. Пудина «хранительница очага» Нюра Пакарева погрязла в житейской суете, иждивенчество становится для нее нормой поведения. Отказ от праведных жизненных устремлений, нравственной ответственности лишает жизнь Нюры настоящего смысла. Внутренне опустошенная, равнодушная к близким, она растрчивает душевную энергию в поисках виноватых в ее неудавшейся судьбе. Предпосылки такого поведения следует искать в детских годах Нюры. С малых лет она не видела со стороны родителей ни ласки, ни тепла, ни доброго слова. Они не сформировали в ней идею и понимание семьи как ценности. Женщина природой призвана организовывать внутреннюю, духовную составляющую жизни, основанную на добродетели, уважении между родителями и детьми, сохранении национальных и семейных традиций, желании жить в соответствии с морально-этическими нормами. Однако безнравственность Нюры, беспринципность ее мужа приводят к тому, что их семейный очаг не излучает тепла и света, рушатся домашний уклад, родственное и духовное единение, преемственность поколений, человеческое достоинство. Отсюда концептуальная авторская идея об очаге – семье – как сакральном, которое необходимо почитать и оберегать.

Очаг в концептосфере А. Пудина – семья, которая не только формирует внутренний мир, нравственный стержень и мировоззрение человека, но и помогает ему обрести индивидуальное «я», самореализоваться, достичь гармонии с миром и окружающими. В условиях отторженности от семьи, потери связей с родителями лишаются полноценного бытия сыновья Пакаревых, они словно несут крест ответственности за бездуховность родителей. Младший сын Петя предстает слабохарактерным и безвольным человеком, не способным найти душевный стержень – смысл жизни. У старшего сына Семена наблюдается более глубокое осознание жизненных процессов. Он трепетно относится к отчужденности от дома, малой родине, ощущает связь с землей предков, однако и ему не удается восстановить взаимопонимание в семье. Художественный прием отказа автора от положительных героев призван не только выявить социальные истоки семейных коллизий, типичных для современного общества, но и высветить концептуальную идею драматурга о необходимости восстановления утраченной преемственности поколений и традиций семейного бытия, иначе разорванность связей приведет к разрушению не только личностного, но и родового начала.

Образ дома является одним из структурообразующих элементов художественного мира А. Пудина. Он способствует актуализации онтологической проблематики и аксиологической концепции драматурга.

Символ дома без окон в одноименной пьесе В. Мишаниной [9] раскрывает сущность персонажей – духовная черствость и нравственная пустота. Концепт «дом» вынесен в название произведения, хотя пространственный континуум произведения не охватывает определенного дома как жилища. События в пьесе происходят в купе поезда. Разные по интересам, возрасту, социальному положению, мировоззрению персонажи пьесы – депутат, домохозяйка, девушка легкого поведения, торговка, бежавший из тюрьмы преступник – оказываются в ограниченном пространстве, лишены возможности совершать действия, однако это обстоятельство, как ни парадоксально, позволяет ярко и четко осветить интенции и нравственные постулаты, на которых основан и держится их внутренний мир, – эгоизм, честолюбие, тщеславие, аморальность, скрытность, корыстолюбие, беспринципность.

Творческая оригинальность драматурга сказалась в том, что она синтезирует два семантически близких концепта: дом – символ нравственной сущности персонажей – и окно, символизирующее связь человека с внешним миром. Внутренний мир героев закрыт от света и солнца, в которых нуждается плоть и душа человека. Каждый из персонажей живет в своем камерном ми-

ре, не осознавая безнравственности своего поведения и существования в целом. Концепт «дом» раскрывает нравственно-этические принципы, мировосприятие и критерии самоанализа персонажей пьесы, углубляет философичность повествования, рождает интересные ассоциации, что неоспоримо свидетельствует о его концептуальной роли в поэтической структуре произведения.

В литературных опытах национальных писателей фундаментальным выступает представление о доме как мифическом начале, транслирующем накопленные народом этнокультурные традиции. Исследовательский интерес в данном аспекте представляет роман Е. Четвергова «Ваннине» («Ванечка») [10].

Дом, в котором живет главная героиня Куля, может рассматриваться как метафорическое выражение ее характера: дом – продолжение человека. Писатель неоднократно обращается к описанию домашней обстановки, проецирующей чистоту души, доброжелательность, внутреннюю открытость героини. «После обеда Куля до желтизны отмыла неокрашенный из широких досок пол, на окна повесила не новые, но отдающие синевой занавески. В сумерках декабрьского дня комната стала казаться не только больше, но и светлее. Дом светлый, чистый, пахнет сваренными в печке наваристыми щами. Хорошо!» (Перевод подстрочный наш. – Ю. А., С. III.) [11]. Внешние изменения в облике дома после смерти Кули становятся выразителем внутренней пустоты, утраты ценностных ориентиров, бесцельности жизни Ванечки: «...проснулся Ванечка от холода. Словно из норы высунул голову из-под толстого теплого одеяла. Посмотрел в потолок, моргая глазами, окинул взглядом комнату – посредине нее стоял со вчерашнего дня не убранный стол. От холода изо рта шел пар. Может, погода изменилась – похолодало? Или другое что? Сразу и не вспомнил: ту, которая топила дом, хранительницу очага, вчера проводили туда, где не знают ни тепла, ни холода...» [12] Возникает своеобразная оппозиция: теплый, уютный, чистый дом при жизни Кули и холодный, опустевший, темный, неприветливый – после ее смерти. Описания холодного, «мертвого» дома сопоставимы с мифопоэтическими картинами загробной жизни. Символ безопасности, надежности, защищенности, дом становится вестником смерти, боли, чужеродного, неестественного. В другой интерпретации «мертвый» дом символизирует гибель в душе Ванечки едва заметных проявлений человеческой нравственности и невозможность их воскрешения. В структуре произведения образ дома становится важным художественным средством психологизации, раскрывает специфику национального менталитета, позволяет определить авторскую концепцию мира и человека.

Кроме того, роман Е. Четвергова «Ванечка» становится примером символической концептуализации дома как персонифицированного мифического существа. Словно чувствуя позор и унижение от причиненного разрушения и разорения, не в силах перенести одиночество, осознавая и переживая факт человеческого падения, «живой» дом находит спасение лишь в огне пожара. Уничтоживший его огонь, обладающий, по мифологическим воззрениям мордвы, очистительными свойствами и выступающий сугубо священной стихией, можно интерпретировать как воплощение высшей духовной справедливости.

Образ дома находит самобытную реализацию в повести Г. Пинясова «Последний из Каргужей» [13], в которой «прослеживаются связь времен и поколений, проблемы исторической памяти» [14]. Его нельзя назвать структурообразующим философским ядром повести, правомерно говорить лишь о символической организации пространства произведения. Своеобразным проводником памяти о Великой Отечественной войне и ее жертвах становятся настенные часы в доме фронтовика Алексея Шурова и его жены Кати. Когда герои повести задаются вопросом, кого винить в их трагической судьбе, бедах и потерях, «раскачивающийся маятник больших часов ронял в тишину свой тяжелый голос: Вой-ну! Вой-ну! Вой-ну!» [15]. Вместе с тем часы становятся признаком демонического, вызывающего тоску, боль, горечь, их звон не позволяет героям освободиться из плена тяжелых воспоминаний. Таким образом, в художественном мире повести «Последний из Каргужей» символ дома (его обстановки) получает как мифологическую трактовку, так и современную интерпретацию как символа стяжания времен и исторической памяти.

Концепт «дом», оригинально реализующийся в современной мордовской литературе, имеет сложную структуру («живой» / «мертвый»), включает следующие смысловые параллели: дом – отражение микроклимата семьи, дом – духовная сущность отдельных индивидуумов, дом – персонифицированное мифическое существо, дом – символ связи времен, исторической памяти. Образ дома наделен гуманистическим смыслом, он воспринимается как сакральное место, где человек приобретает знание жизненных основ и принципов, нравственно-этических норм, где проходят его первые опыты миронаблюдения и осознания себя частью мироздания.

Примечания

1. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 2005. С. 212.

2. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: национальная идентичность и пути ее реализации // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2014. № 3. Вып. 87. С. 131.
3. Девяткина Т. П. Мифология мордвы. Саранск, 1998. С. 129–130.
4. Пудин А. В пустом доме люди // Пудин А. Пьесы: в 3 кн. Кн. 1. Саранск, 2007. С. 13–59.
5. Пудин А. Указ. соч. С. 13.
6. Антонов Ю. Г. Проблема героя в драме А. Пудина «В пустом доме люди» // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2012. № 20. Вып. 67. С. 19.
7. Лотман Ю. М. Беседы о русской литературе: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1999. С. 11.
8. Пудин А. Очаг // Пудин А. Пьесы: в 3 кн. Кн. 1. Саранск, 2007. С. 104–150.
9. Мишанина В. Вальмафтома куд (Дом без окон) // Мишанина В. Вальмафтома куд: повесть, рассказы, пьесы. Саранск, 2002. С. 133–211.
10. Четвергов Е. Ванине: роман на морд.-эрзя яз. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011.
11. Там же. С. 55.
12. Там же. С. 182.
13. Пинясов Г. Последний из Каргужей // Пинясов Г. Старые раны. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. С. 95–158.
14. Левина Н. Н. Современная мордовская повесть. Саранск, 2003. С. 67.
15. Пинясов Г. Указ. соч. С. 158.

Notes

1. Lotman Y. M. Structure of a literary text // Lotman Y. M. About art. SPb.: The Art of St. Petersburg, 2005. P. 212.
2. Sheyanova S. V. Modern Mordovia novel: national identity and way of its realization // Vestnik of the Chelyabinsk State University. Series: Philology. Arts. 2014. № 3. Vol. 87. P. 131.
3. Devyatkina T. P. Mythology Mordovians. Saransk, 1998. PP. 129–130.
4. Pudina A. In an empty house people // Pudina A. Plays: 3 Vol. Vol. 1. Saransk, 2007. PP. 13–59.
5. Pudina A. Op. cit. P. 13.
6. Antonov Y. G. The problem of the hero in the drama A. Pudina "In an empty house people" // Vestnik of the Chelyabinsk State University. Series: Philology. Arts. 2012. № 20. Vol. 67. P. 19.
7. Lotman Y. M. Conversations about Russian literature: the life and traditions of the Russian nobility (XVIII – beginning of the XIX century). SPb.: Art, 1999. P. 11.
8. Pudina A. Hearth // Pudina A. Plays: 3 Vol. Vol. 1. Saransk, 2007. PP. 104–150.
9. Mishanina V. Valmaftoma Kood (House without windows) // Mishanina V. Valmaftoma Kood: novel, short stories, plays. Saransk, 2002. PP. 133–211.
10. Chetvergova E. Vanine: affair mord.-erzya lang. Saransk: Morden. Vol. Publishing House, 2011.
11. Chetvergova E. Op. cit. P. 55.
12. Ibid. P. 182.
13. Pinyasov G. Last of Karguzhey // Pinyasov G. Stara wounds. Saransk: Morden. Vol. Publishing House, 1995. PP. 95–158.
14. Levina N. Modern Mordovia story. Saransk, 2003. P. 67.
15. Pinyasov G. Op. cit. P. 158.

УДК 811.512.1

У. Г. Гусейнова

Концепт «смерть» в древнетюркской языковой картине мира

В статье на материале текстов древнетюркских письменных памятников рассматривается репрезентация концепта «смерть». Отмечается, что одной из ключевых лексем древнетюркской языковой картины мира, в точности репрезентующих представление о смерти, является глагол *изтад*, отражающий архаичное языковое сознание предков древних тюрков. На основе конкретных примеров показывается, что исследование концепта «смерть» тесно связано с концептом «душа». В древнетюркской языковой картине концепт «душа» был представлен лексемами *тын*, *кут* и *сюр*, которые обозначали три состояния души человека. Показывается, что лингвистический анализ древнетюркских текстов, с одной стороны, выстраивает номинативное поле концепта «смерть», с другой – реконструирует модель смерти, переплетающуюся с космогоническими представлениями о загробном мире, где смерть представлена как физиологический и духовный переход души из микрокосмоса в макрокосмос.

In article on a material of texts the ancient Turkic monuments it is considered representation concept "death". It is noticed that one of key lexemes the ancient Turkic language picture of the world, in accuracy representation about death, is a verb *ucmaq*, reflecting archaic language consciousness of ancestors of ancient Turkic. On the basis of concrete examples it is shown that research concept "death" is closely connected with concept "soul". In ancient Turkic language concept "soul" has been presented a language picture by following lexemes – *tən*, *kut* and *sır* which designated three state of mind of the person. It is shown that linguistic analysis ancient Turkic texts, on the one hand, builds a nominative field concept "death", on the other hand, reconstructs the model of death intertwining with cosmogonic representations about a next world where the death is presented as physiological and spiritual transition of soul from a microcosm to a macrocosmos.

Ключевые слова: концепт, древнетюркские памятники, языковая картина мира, душа, дух.

Keywords: concept, the ancient Turkic monuments, a language picture of the world, a shower, spirit.

Язык на протяжении веков накапливает информацию, которая является национальным достоянием этноса. Этнос формирует языковую картину мира, создающую особую систему видения мира, характерную только для данного народа. На начальной стадии этнос создает «наивную картину мира», в которой абстрактные понятия опредмечиваются, окрашиваются национальными традициями и взглядами. В. Н. Телия отмечает, что «язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета. Он придает ей и собственно человеческую – антропоцентрическую – интерпретацию, в которой существенную роль играет и антропометричность, т. е. соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно определенных стереотипов» [1]. К таким стереотипным моделям, являющимся одними из основных единиц мышления, возникших в результате опыта и знания, накопленного тюркскими и славянскими народами, относится концептуальная модель – «жизнь – смерть». Концепты «жизнь» и «смерть», составляющие данную концептуальную модель языковой картины мира, – это ключевые ментальные единицы, обнаруживающиеся в области как абстрактных представлений, так и опыта, возникшего и обобщенного мышлением этноса на протяжении исторических периодов развития. Данные концепты – продукты коллективного сознания, с одной стороны, универсальны, с другой – глубоко национальны и имеют специфическое языковое выражение. Они связаны с памятью человека, его мышлением, мировоззрением, эмоциями, взглядом на жизнь. Концепты «жизнь» и «смерть» ярко представлены во всех уровнях языка – лексемах, фразеологизмах, паремии, которые в совокупности отражают знания, выработанные человеком на протяжении многих веков. Эти знания, с одной стороны, примитивны, связаны с первичными представлениями о жизни и смерти, с другой – они отражают религиозное мировоззрение. Если люди физически живут и умирают в реальном времени, то их взгляды, мышление, мировоззрение хранится в ментальном времени. В тюркской и славянской языковых картинах мира эти взгляды, знания, накопленный опыт, хранящийся в концептах, носят как общий, так и отличный характер. Р. Келлер верно отмечал, что «наша система концептов – это не зеркало мира, а зеркало того, как мы с ним взаимодействуем» [2].

Настоящая статья посвящена рассмотрению концепта «смерть» в древнетюркском языковом сознании и его лингвистическому описанию, позволяющему выявить специфику древнетюркской языковой картины мира. В древнетюркском языке, т. е. языке древнетюркских памятников, относящихся к V–VIII вв., концепт «смерть» представлен рядом лексем, репрезентующих данное значение. Следует отметить, что язык этих надгробий, выражаясь словами выдающегося тюрколога С. Е. Малова, – «кладбищенская поэзия века V нашей эры! Разница между нашим временем и тем очень большая, и много не знаем и в языке и в тех обычаях» [3].

В древнетюркском языковом сознании концепт «смерть» представлен в следующих лексемах: *öl-*, *uç-*, *azı-*, *adrıl-*, *bökmä-*, *artat-*, *kergäk bol-* и др. В данной статье рассмотрим следующие лексемы *öl-* и *uç-*

Öl-. Это слово в разных фонетических вариантах в данном значении, присутствующее во всех современных тюркских языках, в древнетюркских памятниках, репрезентуется как «быть убитым, быть перебитым, пасть жертвой, погибнуть за кого-то или за что-то». Данная лексема встречается нечасто, так как в памятниках, в основном, смерть представлена как отделение земной жизни и ненасыщение земными благами. Например, *buñ baña bat ärmis öldim yita sizimä uolucaın*. (Памятник с Элегеша, 11) – Печаль быстро мне явилась: я ослаб (пал жертвой за вас моих)! Горюя, мне хотелось бы встретиться с вами (или да буду я вашей жертвой). Представление о смерти в указанном значении в тюркском языковом сознании выявляется и в эпических текстах: *Oğul, onun üçün yağı derlär ki, biz onlara yetsävüz öldüräriz, onlar bizä yetsä öldürär*. – Сынок, на то и

называют их врагами, что мы, настигнув их, убиваем, они же, если настигнут, убивают нас [4]. Семантика глагола **öl-** частично изменилась, и во всех современных тюркских языках глагол **ölmək** сохранился в значении «умереть, скончаться», тогда как глагол **öldürmək** употребляется «убивать, быть убитым». В современном азербайджанском языке также есть глаголы **ölüekəmək**, **ölüksünmək** в значении «завянуть, пожелтеть».

Uç – исчезать, испаряться, умирать. Одной из ключевых лексем тюркской языковой картины мира, в точности репрезентующих древнетюркское видение смерти, является глагол **uçmaq**, отражающий архаичное языковое сознание предков древних тюрков. Почему мы данное слово называем ключевым? Так как именно оно в целой веренице понятий, передающих древнее представление тюрков о смерти, является ключом к пониманию национально-культурной специфики культуры. Древние тюрки верили, что со смертью человек переходит из одного состояния в другое, из микрокосмоса – в макрокосмос. И жизнь, и смерть – это то, что даровано человеку свыше. Отсюда и глагол **uç-** в значении «улетел, отлетел». Известный казахский исследователь Н. Г. Шаймердинова отмечает, что в глаголах «улетел», «отлетел» «содержится глубинный смысл»: видимо, для древних тюрков смерть имела другую интерпретацию, смерти как таковой не было, смерть – это бессмертие или продолжение жизни в макрокосмосе. Человек из мира людей переходил (улетал) в мир космоса, в единый пространственно-временной континуум Вселенной» [5].

В «Древнетюркском словаре» глагол **uç-** определяется в следующих значениях: 1. летать, парить (о птице); 2. исчезать, уходить (о счастье, о жизни); 3. умирать; 4. падать [6]. Данный глагол во всех указанных значениях употребляется в современных тюркских языках, но значение «умирать» сохранилось частично. В азербайджанских средневековых письменных памятниках **uçmaq** фиксируется в значении «рай». Понятие рай связано с концептом «смерть», так как в рай праведные души попадают только после смерти. В киргизском же языке, если речь идет о смерти ребенка, говорят **uçup ketti**. Возможно, это связано с тем, что ребенок, еще незапятнанный человеческими грехами, после смерти может как ангел улететь в рай. Это доказывает, что форма употребления может частично измениться, но в тюркских языках общая семантика сохраняется. Помимо смерти ребенка киргизы об иссохшей траве говорят «**çöp uçup ketti**» и о застреленном человеке **okko uç-** «быть застреленным, погибнуть от стрелы, пули» [7]. В диалекте современного азербайджанского языка есть глагол **uçunmaq**, восходящий к **uçmaq**, который, сохранив первичное значение, обозначает «в один миг, в одно мгновение отторжение души из тела человека»: **Elə bil birdən uçundum**.

Значение «отлетел (умер)», употребляющееся в древнетюркских текстах по отношению к смерти правителя, характерно и для монгольских летописей, построенных на принципах синтаксического параллелизма:

Обернувшись крылом парящего ястреба, ты **отлетел**,
государь мой!
Неужели ты стал грузом грохочущей повозки,
государь мой!
Обернувшись крылом хватающего добычу ястреба, ты **отлетел**,
государь мой!
Неужели ты стал грузом повозки с вертящейся осью,
государь мой! [8].

В данном отрывке горечь утраты правителя сопоставляется с ястребом – душой, парящей в небе. Такие элементы встречаются в тюркских и монгольских причитаниях по умершему – кошоках, жоктау, где обычно идеализируется образ умершего и завершается жалобой на судьбу.

Орхоно-енисейские памятники сохранили данную языковую концептуализацию: **Kül tiqin kon yiti yäqirmikä uçdı** – Кюль-Тегин улетел (т. е. умер) в год овцы, в семнадцатый день.

В древнетюркских текстах употребляется также выражение **uça barmış** в значении «улетел»: **Каңım кағанınçä iliq tögüq kazğanıp, uça barmış** [9] – Мой отец-каган... власть свою приобретает, улетел (т. е. умер). Мелиоранский считал, что данное выражение созвучно с выражением «стал соколом», встречающимся в джагатайских сочинениях [10]. Это выражение носит метафорический характер, основывается на подобии души умершего и сокола. Душа человека как сокол улетает на небо, она уподобляется птице, что возможно связано с древними мифическими представлениями тюрков.

В древнетюркском языковом сознании мир состоял из трех частей: верхнего, божеством которого был **Kök Täңгі** (голубое небо), срединного – с божеством Умай и нижнего – с божеством **Asra yağız yer** (темная земля). Благодаря реконструкции древнетюркской модели мира на основе

орхоно-енисейских памятников воссоздаются образы *Kök Täjri* и *Asra yagız yer*. Первая строка в «Памятнике в честь Кюль-тегина» гласит: «Ücä kök täjri asra yagız yer kılıntukda, äkin ara kisi oylü kılınmış» – Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв. бурая) земля, между ними (обоими) были сотворены (или: возникли) сыны человеческие (т. е. люди). Здесь *Kök Täjri* представлен как создающий, которому противопоставляется *Asra yagız yer* – как уничтожающий все сущее. Все молитвы направлены к *Kök Täjri*. *Kök Täjri* и *Asra yagız yer* представляют собой природный тандем: небо – каган-мужчина, земля – хатун-женщина. В тюркской картине мира *anam yer* – *atam göy*, т. е. мать – земля, отец – небо. Древнетюркская репрезентация этого понятия в азербайджанском языковом сознании встречается в выражении *apa toğraq*. Для древних тюрков верхний и нижний мир вечен, тогда как средний временен и неизбежен. У них существовало поверье, что если человек прожил, соблюдая все правила, то его душа улетала к Тенгри, т. е. в верхний мир, если человек грешил, то его душа, превратившись в червя, попадала в нижний мир. Так, Вселенная состоит из небесной, земной и подземной жизни; человек состоит из мяса, костей и души; душа, в свою очередь, состоит из тына, кута и сюра. Здесь следует особо остановиться на рассмотрении концепта «душа», который тесно связан с концептом «смерть». Тюрки, говоря о человеке, что улетел, отлетел (умер), имели в виду то, что у него отлетела, улетела именно душа. При рождении человек получал три состояния души, запечатленные в языке как тын, кут и сюр, при смерти все эти состояния души одновременно выходили из физического тела, превращаясь в духа – арбака. Языковое сознание тюрков сохранило во фразеологии и паремии данные понятия.

Tın – дыхание, дух. В тюркском мировоззрении человек при рождении получал дыхание, признак рождения человека. Выражения **tın uç-**, **tın uçıq-**, **tın uçur-** обозначают «прекратить дышать, испустить дух, выпустить дух», т. е. умереть. Например, в «Диване» Махмуда Кашгарского: *Eg tınpı uıdıp*. – Мужчина, испустил дух, т. е. умер. В древнетюркской языковой картине мира душа обычно представлялась в виде мухи. Киргизы, казахи ее называли *çımpı*, туркмены – *çıbpı*. Считалось, что душа в виде мухи находится в теле человека. «Полагали, что то, что видит душа, – снится человеку. Поэтому во время сна человека не будили резко, внезапно, опасаясь, что улетевшая душа не успеет войти в тело человека, и он умрет» [11]. В киргизском языке слово *çımpı* имеет следующее переносное значение: «шаманские способности, шаманский дар». В языковом сознании сохранились выражения *çımpı bar* в значении «обладать шаманскими способностями», *çımpıdardı çakır* – «вызывать духа». В последнем выражении слово *çımpı* репрезентуется именно в значении «дух». Известно, что основным отличием шаманов от обычных людей была способность вызывать духов умерших.

О неизбежности и философском отношении к смерти говорит следующая древнетюркская народная мудрость, из «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунского: *Tözü tın toqırqa ölüm bir qaruy / kigür bu qaruyqa joqıplı qaruy*. – Для всех живущих, смерть – это ворота; все кто живет, входят в эти ворота [12].

В современных сибирских языках слово **tın** употребляется, хотя носители тюркских языков, принявшие ислам, заменили данное слово на арабское **can** // **jan**. Антропонимия же как сокровищница языка хранит имена с компонентом **tın**, например, Тыныбай, Тыныбек, Тынаалы и др. В киргизском эпосе «Эр Тештук» параллельно употребляются тын и жан:

Каныңа каным кошсом – дейт,

Жаныңа жаным кошсом – дейт,

Тыныңа тыным кошсом – дейт [13].

В киргизском языке и сейчас есть пословица: Буту менен басып, мурду менен **тынган**. В татарском языке есть выражение «**тыңга йөрү**». Оно объясняется следующим образом: во время гадания на судьбу человека «подслушивали у окна, первые услышанные слова являлись, будто, предопределением судьбы человека, на которого гадали» [14]. В башкирском и других тюркских языках выражения **тын бетү**, **тын киселү** репрезентует значение «прекращение жизни, смерть», в татарском языке **жаны тыну** – «уйти в потусторонний мир». В азербайджанском языке элемент **tın** сохранился в глаголе **tıncıxmaq**, встречающемся в просторечии в значении «тяжело дышать, задыхаться», и наречии **tın-tın** «говорить в нос, употреблять носовые звуки».

В тюркском мировоззрении тын был представлен как нематериальная сторона души, а кут – как материальная сторона души.

Kut – душа, жизненная сила, дух. В «Ирг-битиг» неоднократно употребляется слово **kut** в значении «счастье, дарованное богом»: *Ala atlıq yol täjri män. Yarıñ-kıçä äşür män. Utru äki aylıq kişi oğlıñ soquşmış. Kişi qoqrqmış. Qoqrqma – timiş, kut birgäy män, – timie. Ança bilij: ädgü ol!* (Ирг-битик 2, 3) – Я – бог судеб на пегом коне. Утром и вечером я езжу. Он встретил двухмесячного сына человеческого. Человек испугался. Он сказал: «Не бойся! Я дам счастье», – он сказал. Знайте так: это хорошо.

В тюркской, в частности киргизской, мифологии **kut** был представлен как «жизненный эмбрион», кусочек студенистого вещества темно-красного цвета, якобы падающий через тундук – верхний деревянный круг в юрте, олицетворяющий женские органы рождения, в коломто – очаг и приносящий счастье тому, кто сможет его взять. В древнетюркских памятниках каганы, в эпосе «Манас» одноименный герой, в сказаниях о Чингисхане великий правитель – все эти выдающиеся личности рождаются со сгустками крови в руке, символизирующими душу-счастье, дарованные небом. В каждой юрте принято было хранить идола, представляющего собой фигурку из свинца или олова и являющегося оберегом членов семьи и скота: **Кутун** салын койнуна, мылтыгын салып мойнуна. – Положив божка своего себе за пазуху, повесив ружье свое себе на шею. **Kut** как святыню хранила женщина. Это поверье сохранилось не только у киргизов, но и у других тюркских народов, в частности узбеков, алтайцев, тувинцев, азербайджанцев и т. д. В диалектах азербайджанского языка встречается выражение **qut olmaq**, т. е. «дать силу, поддержку». В современных тюркских языках слово **kut** утратило прежнее значение «душа» и большей частью репрезентуется в значении «счастье».

Sür – душа, дух, который вместе с тыном и кутом получал человек при рождении. Как было сказано выше, тын – нематериальная оболочка, а кут – материальная оболочка души, сюр же – часть души, связанная с психологической стороной жизни человека. В тюркских языках есть выражение *həyat sürmək*. Возможно, глагол *sürmək* восходит именно к корню **sür**, т. е. человек, при рождении получив душу, живет. В киргизском языке **sür** употребляется в первичном значении: **sürü kaçtı** или **sürü ketti** «душа ушла в пятки, испугался». Алтайцы, тувинцы и другие народы Сибири считали, что «со смертью человека тын, находящийся в носоглотке, в легких и в сердце, отходит в верхний мир вместе с последним дыханием умирающего человека. Сюр, который оберегает прах умершего, остается в могиле мертвеца до тех пор, пока полностью не истлеет человек и если кто-либо из жадности потревожит покой умершего, то сюр будет мстить тому человеку, тревожит, приходит во сне и наяву до тех пор, пока не заберет его кут. Сюр и кут, покинув тело умершего, еще не могут понять о смерти физического тела человека. Поэтому присутствующие люди в жилище об умершем говорили только хорошее, так как кут находился вблизи и все слышал» [15].

После принятия ислама большая часть тюркоязычных народов стала употреблять вместо слов **tin, kut, sür** арабское по происхождению слово **can // jan**.

В тюркских языках встречается целый ряд выражений со словом **can**, репрезентующих значение «умереть»: азерб. **can almaq, canını almaq, candan elətmək, canı çıxmaq, canını bağışlamaq, canını tapşırmaq, canbəsər olmaq** «быть при смерти»; кирг. **jan talae-** «бороться со смертью», **jan berdi** «испустить последний вздох», **janı çıxmaq, jan alqıç** «ангел смерти», **janı kolunun ucunda** «еле жив»; татар. **жан бирү** «отдать богу душу», **жаны элгеп** «дышит на ладан»; тур. **canı çekmek** «быть в агонии», **can vermek, canına kıymak, canı çıkmak, can evi** «сердце», **can pazarı** «вопрос жизни и смерти»; турк. **candan doymak, can almak, canı çıkmak** и т. д. Приведенные примеры показывают, насколько широкий спектр употребления слова **can / jan** «душа», репрезентующего значение «умереть».

Таким образом, исследование древнетюркских текстов, с одной стороны, выстраивает номинативное поле концепта «смерть», с другой – реконструирует модель смерти, переплетающуюся с космогоническими представлениями о загробном мире. Исследование данной модели выявляет мировоззрение тюрков о смерти как о физиологическом, так и духовном переходе из микрокосмоса в макрокосмос.

Примечания

1. Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И., Телия В. Н., Уфимцева А. А. Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988. С. 77.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 18.
3. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 8.
4. Велиев К. Н. Лингвистическая поэтика. Баку: Гянджлик, 1993. С. 72.
5. Шаймердинова Н. Г. Когнитивная семантика древнетюркских Орхонских текстов. Астана, 2007. С. 26.
6. Татарско-русский словарь. М.: СЭ, 1966. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. С. 603.
7. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1965. С. 312.
8. Кыдырбаева Р. З. Генезис эпоса «Манас». Фрунзе: Илим, 1980. С. 83.
9. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
10. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1899. С. 121.
11. Баялиева Т. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Л., 1972. С. 62.
12. Татарско-русский словарь... С. 567.
13. Сейдакматов К. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү. Фрунзе: Илим, 1988. С. 232.

14. Татарско-русский словарь. М.: СЭ, 1966. С. 939.
15. Безертинов Р. Обряд захоронения у древних тюрков // Тенгрианство – религия тюрков и монголов. URL: www.tatveteran.ru

Notes

1. Serebrennikov B. A., Kubryakova E. S., Postovalova V. I., Teliya V. N., A. A. Ufimtseva Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke [Role of human factor in language]. M. Nauka. 1988. P. 77.
2. Kubryakova E. S. YAzyk i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazyke: CHasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in cognition of the world]. M. Languages of Slavic culture. 2004. P. 18.
3. Malov S.E. Enisejskaya pis'mennost' tyurkov [Yenisey script of Turks]. M., Leningrad. Publ. of AS USSR. 1952. P. 8.
4. Veliyev K. N. Lingvisticheskaya poehtika [Linguistic poetics]. Baku. Ganjlik. 1993. P. 72.
5. Shaimerdinova N. G. Kognitivnaya semantika drevnetyurkskih Orhonskih tekstov [Cognitive semantics of old Turkic Orkhon texts]. Astana. 2007. P. 26.
6. Tatar Russian dictionary. M: SE. 1966. Ancient Turkic dictionary. Leningrad. Nauka. 1969. P. 603. (in Russ.)
7. Udakhin K. K. Kirgizsko russkij slovar' [Kyrgyz Russian dictionary]. M. State. publishing house of foreign and national dictionaries. 1965. P. 312.
8. Kydyrbaeva R. Z. Genezis ehposa «Manas» [Genesis of the epic "Manas"]. Frunze. Ilim. 1980. P. 83.
9. Malov S.E. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti [Monuments of ancient Turkic writing]. M.; Leningrad. Publ. AS USSR. 1951.
10. Melioransky P. M. Pamyatnik v chest' Kyul' Tegin [Monument in honor of Kul Tegin]. SPb. Typ. of The Emperor Academy of Sciences. 1899. P. 121.
11. Bayalieva T. Doislamskie verovaniya i ih perezhitki u kirgizov [Pre-Islamic beliefs and their remnants among the Kyrgyz]. L. 1972. P. 62.
12. Tatar Russian dictionary... P. 567. (in Russ.)
13. Seydakmatov K. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү. Frunze. Ilim. 1988. P. 232.
14. Tatar Russian dictionary. M: SE. 1966. P. 939. (in Russ.)
15. Bezertinov R. Obryad zahoroneniya u drevnih tyurkov [Burial rites of the ancient Turks] // Tengriantstvo – religiya tyurkov i mongolov - Tengriism is the religion of Turks and Mongols. Available at: www.tatveteran.ru

УДК 82-31

Н. Н. Левина

Жанровая специфика мордовской лирической повести (на примере творчества Ю. Кузнецова)

В статье затрагиваются вопросы художественной специфики лирической прозы как стилиевой окраски различных видов прозаического повествования – ослабление сюжетного или фабульного начала, усиление внесюжетных элементов в композиционной структуре (лирико-философских отступлений, авторских размышлений), эмоциональность стиля, открытость, психологический самоанализ, усиленная исповедальность, обязательное вторжение в мир чувств, что является результатом сплава черт эпического и лирического изображения жизни. На примере творчества современного мордовского писателя Ю. Кузнецова анализируются основополагающие жанрово-стилистические элементы лирической повести, способы организации художественного материала: особенности сюжетно-композиционного построения, синтетическая структура, значимость внесюжетных элементов, роль автора-героя в повествовании, потребность в читательском сопереживании, специфика изображения персонажной сферы, художественные приемы воспроизведения мировоззрения автора.

The article addresses the issues and artistic features lyrical prose as the stylistic colouring of various types of prose narrative – the weakening of the plot or story beginning, the strengthening of out of the plot elements in the compositional structure (lyrical and philosophical digressions, the author's thinking), the style emotionality, the openness, the psychological introspection, the enhanced confession, mandatory intrusion into the world of the senses, which is the result of alloy of features of epic and lyrical images of life. The fundamental genre and stylistic elements of lyrical story, the ways of organization of artistic material: features of plot and composition construction, the synthetic structure, the significance of out of the plot elements, the role of the author-hero in the narrative, the need in the reader's empathy, the specificity of image of the character's sphere, the artistic techniques of reproduction of the author's world view are analyzed using the example of the creation of contemporary Mordovian writer Yu. Kuznetsov.

Ключевые слова: лирическая проза, лирическая повесть, жанровая специфика, лиризм, образ, автор, герой, персонаж, внутренний мир, конфликт, структура.

Keywords: lyrical prose, lyrical story, genre specificity, lyricism, image, author, hero, character, the inner world, conflict, structure.

Со второй половины прошлого века в отечественной литературе наметилась тенденция развития лирической прозы, мотивы и условия возникновения которой Э. Бальбуров определяет требованиями времени и потребностями общества в лирическом, искреннем повествовании: «Само время искало форму, которая отвечала бы его требованиям. Она должна была быть внешне простой и безыскусной, чтобы оттенить и усилить эстетическую значимость материала, и в то же время обладать внушающей силой художественного слова. Нужен был прямой и искренний разговор» [1]. Само понятие лирической прозы довольно размыто в отечественном литературоведении. Сложность определения связана с противоречивостью суждений о ее специфике. Разделяя мнение ученых об исследуемой проблеме [2] и обобщая ее многочисленные характеристики, необходимо подчеркнуть, что лирическая проза представляет собой не самостоятельный жанр, а стиливую окраску различных видов художественной прозы, сочетающих в себе черты и лирического, и эпического изображения жизни. От эпоса основополагающим фактором является показ человеческого характера сквозь призму происходящих событий, совершаемых им действий и поступков. От лирики – способ изображения личности посредством раскрытия глубинных интенций. Сплав родовых признаков эпоса и лирики приводит к поиску новых способов организации художественного материала. Правомерно говорить о таких художественных особенностях лирической прозы, как ослабление сюжетного или фабульного начала, усиление внесюжетных элементов в композиционной структуре (лирико-философских отступлений, психологических характеристик, авторских размышлений), эмоциональность стиля, открытость, исповедальность.

Одним из наиболее важных критериев, определяющих сущность лирической прозы, является открытость авторского лирического «я», его эмоциональность, взволнованность, непосредственность переживаний, острая потребность в читательском сопереживании. В произведениях такого типа художник с особой наглядностью стремится выразить личностное отношение к изображенным героям и картинам мира. Поэтому в лирической прозе так велика роль автора, который анализирует, оценивает, размышляет. Однако анализируемый в данном случае сплав эпоса и лирики, по мнению Ф. Хуако, «не дает никаких оснований автору и герою состязаться в значимости, а просто порождает (в том-то и состоит художественная неповторимость лирической прозы) некую неуловимую субстанцию, объединяющую в себе роль и автора, и рассказчика, и героя. И порой даже не требуется проводить каких-либо разграничений между ними – настолько органично эти составляющие объединены в форме подобной активно действующей субстанции» [3].

Вышеназванные характеристики лирической прозы в полной мере отражаются в мордовской повести, в развитии которой в 60–70-е гг. прошлого столетия наметилась тенденция углубленного изображения внутреннего мира человека, субъективированного осмысления действительности. Новый подход к характеру личности стимулировал расширение жанровых возможностей и границ мордовской повести, обогатил арсенал изобразительных средств. Приоритетное положение стала занимать лирическая повесть, отличительной особенностью которой, по утверждению А. Брыжинского, является «обязательное вторжение в мир чувств, переживаний, эмоций, размышлений персонажей, втянутых в действие. При этом, как правило, проводится сочетание лиризма с конкретностью изложения факта» [4].

К жанру лирической повести в своем творчестве нередко обращались Н. Эркай, В. Радин, И. Кишняков, А. Кадоркин, М. Брыжинский, А. Петайкин и др. В современный период традиции исследуемого жанра обогатились в творчестве Ф. Пьянзина «Сязьф арьсемат» («Прерванные раздумья»), В. Радина «Стирень мора» («Девичья песня»), Н. Эркая «Митя атянь арьсеманза» («Митяевы мечтания»), Г. Пинясова «Ветецесь» («Пятый сын»), И. Кудашкина «Ломанти эряви кельгома» («Человеку нужна любовь») и др. При этом каждый из авторов, следуя общелитературным традициям, в то же время стремится к неповторимости, оригинальным формам подачи материала.

Необходимо заметить, что мордовская лирическая повесть эволюционирует в общем русле традиций, сложившихся в отечественной литературе. Однако кроме общих типологических черт, таких как всепроникающая лиричность, психологический самоанализ, усиленное исповедальное начало, сформировавшихся как основополагающие жанрово-стилистические элементы, исследуемый жанр в мордовской литературе имеет свою специфику. Он сохраняет в себе национальную самобытность, основывающуюся на мировоззрении, менталитете, философских взглядах мордовского народа. История и современность, общее и частное, природа и человек в творчестве

мордовских писателей приобретают национальное толкование, что более всего проявляется в описаниях уклада жизни, обычаев и традиций, быта, этнографических особенностей. В духовном развитии героев также прослеживаются глубокие национальные корни.

Своеобразным мастером лирической прозы в мордовской литературе выступил Ю. Кузнецов. Лирическая исповедальная нота характерна повестям «Коряй пайгонял» («Колокольчики мои»), «Ожудова, вишке коволхт» («Подождите ж, быстрые облака...»), «Сембось ушеткшни киста» («Все начинается с дороги») и большинству рассказов писателя.

Ярким примером лирической прозы является повесть писателя «Колокольчики мои», составленная из цикла поэтических рассказов, объединенных общностью тематики, широтой охвата художественного видения окружающей природы. Каждый из рассказов представляет собой отдельную историю с законченным сюжетом из жизни самого автора. Основные эпизоды сюжета невелики по объему вследствие сосредоточенной эмоциональности содержания и лирического тона изложения материала. К тому же они просты и сдержанны по композиционным принципам повествования. Писатель не прибегает к внешней затрудненности и запутанности фабулы, не усложняет художественный нарратив никакими перестановками эпизодов.

Рассказы и события, переданные в повести, являются, по мнению автора, определяющими в формировании характера и нравственного облика сельского мальчика. Через мир детства в форме лирических воспоминаний художник живо рисует свой родной край, людей мордовской деревни, вместе с которыми он провел самую беззаботную пору своей жизни. В повести, как отмечает В. Соколова, «...биографический материал переплавляется в творческом воображении писателя, а затем преобразуется в художественное полотно. Кажется, в этой повести нет ни одного факта, который не был бы описан ранее. И все же, когда о себе берется рассказать сам автор, то с детства знакомые события приобретают новую окраску» [5].

Образ автора формируется на глазах читателя. Это личность, в сознании которой возникают представления о доброте, честности. Автор-герой вникает в смысл происходящего, начинает верно разбираться в жизненных событиях, самостоятельно оценивает поступки людей. У него вырабатываются нравственно-эстетические нормы, сообразно которым формируется его характер.

В структуру повести удачно вписываются трогательно переданные воспоминания автора о друзьях детства. Это ловкий Ванчерай, всегда выигрывающий в орлянку и умеющий легко обставлять ребятню, хитрый Колька Захаров, обменявший перегоревшую лампочку на кулек конфет, изобретательный Вова Алянкин, с которым автор «зайцем» хотел посмотреть кино, Кужул Степка, поделившийся своими денежными сбережениями, чтобы купить щенка на двоих. Это реальные люди из жизни писателя. Их духовный мир раскрывается сообразно с нравственно-эстетическими нормами, установившимися у мордовского народа. Каждого из персонажей художник испытывает в различных ситуациях, в которых выявляется их душевная доброта, искренность, преданность дружбе.

В пейзажной живописи произведения мордовского автора отчетливо прослеживается одна из особенностей прозы русских писателей И. Бунина, К. Паустовского, О. Берггольц – тонкое чувство и глубокие знания родной природы. Здесь лирическое мирозерцание Ю. Кузнецова проявляется наиболее ярко. Через пейзаж автор выражает себя, представляет психологический и философский анализ мироздания. Изображая природу, он проявляет себя как художник, психолог и философ. В данном случае, по справедливому утверждению Т. Зайцевой, правомерно говорить о синтетической структуре лирической повести, которая «соединяет в себе лирическую и философскую составляющие» [6].

Глава повести «Тихая охота» по глубине постижения мира природы тесно перекликается с произведением «Третья охота» В. Солоухина. Подобно русскому мастеру-пейзажисту мордовский автор дает точное описание «грибной болезни», которая знакома каждому любителю собирания грибов: «Как зарождается любовь к собиранию грибов? Или грибы сами по себе волнуют своей красотой, или, бродя по лесу, ты вновь и вновь открываешь для себя первозданную красоту природы: здесь бросишь в рот две-три кислые ягоды костяники, которые огненно-красными бусинками горят над осенней травой, там найдешь на земле переспелый орех, разгрызешь его, и белое-пребелое ядро сразу раздвоится, попробуешь на зуб – оно твердое и покажется вкуснее грецких и иных прочих орехов. Там, глядишь, стоит лесная яблонька, летом ее плоды кислые, разжуешь – и не сможешь проглотить, настолько вяжущ их вкус, а поздней осенью, если они сохранились, наливаются желтизной, все как на подбор, свежие, не попорченные червем и кажутся вкуснее садовых. А вот на краю овражка, среди лопухов и крапивы растет малина; ягоды созрели настолько, что покрылись даже сизоватым налетом, будто росой обрызганы. Да мало ли что можно найти в лесу? А воздух! Настроенный на запах грибов и увядших листьев, бересты и прелой земли, он сначала даже слегка опьянит тебя, а потом будешь дышать легко и свободно, и все никак не можешь надыхаться» [7].

Поэтическим картинам художника слова характерна фиксация многообразия цветовой гаммы: огненно-красными бусинками, белое-пребелое ядро, сизоватым налетом, буроватыми

шляпкам и др. «Целебный воздух», «деревянные дома», «высокие тополя», «бродящие облака», «полевой ветерок», «зеленая трава» и др. – это те поэтические фигуры, посредством которых писатель создает удивительные мелодии, воспевающие красоту мордовского края. Богатство изобразительных средств, художественное слово автора подчеркивают нераздельную связь человека и природы. Привлекает в повести подробность и правдивость описаний, художественная деталь, которая у Ю. Кузнецова емка и убедительна.

Свой взгляд на жизнь, личную причастность и прочувствованность изображаемого воплотил Ю. Кузнецов в повести «Подождите ж, быстрые облака...». Авторское внимание сосредоточено на динамичном образе субъективного переживания, включающем в себя единство движения и мысли лирического героя и картин внешней жизни. Поток переживаний как следствие столкновений с людьми, событиями, участником которых был герой произведения, представляет собой основное сюжетобразующее звено.

Мастерская рука художника весь поэтический спектр направляет на выявление духовного содержания, широты кругозора героя. Раскрытие образа центрального персонажа одновременно является формой выражения мировоззрения автора. Писатель воплотил в герое свои эстетические взгляды, выразил моральные требования к человеку, высказал мнение о современности, дал понятие о добре и зле.

Герой-рассказчик уже в начальной части произведения сообщает финал всех происходивших событий – это известие о гибели центрального персонажа Михаила Славина, молодого талантливого писателя. С целью углубления лиризма, мотивировки психологизма изображения автор нередко прибегает к повествованию и от лица главного героя, широко используя форму воспоминаний. Герой-рассказчик при этом занимает позицию наблюдателя.

В основе сюжета повести лежит семейная драма, возникшая в результате столкновения двух нравственно и эстетически противоположных сторон и ставшая причиной трагической развязки. Здесь уместно процитировать работу В. Головки относительно того, что в повести «изображаются преимущественно взаимоотношения человека и действительности при раскрытии конфликта на персонажном уровне, поэтому ее образная система содержит в себе тенденцию к дифференциации. В ней функциональны герои разных жизненных позиций, отличающихся друг от друга по типу сознания» [8].

Выявление мотивов семейных коллизий позволяет Ю. Кузнецову представить своих героев читателю наиболее эксплицитно. Автор избирает индивидуальный подход в раскрытии характеров супругов Славиных.

Михаил Славин – это одаренный и щедрой души человек. Истоки его духовных качеств имеют глубокие национальные корни. Чистота души, светлый ум, талант позволяют судить о нем как о человеке порядочном и высоконравственном. Автор не развивает образ героя во времени, а раскрывает, разворачивает его перед читателем в различных гранях через целый поток переживаний, складывающихся из целой цепи размышлений, чувств, ассоциаций, воспоминаний. Ему противопоставлена супруга Рита, в которой обывательско-мещанская психология убивает все чистое и здоровое, все то, чем должна обладать не только женщина, но и любой человек. Супружеская измена, жажда денег, ложь и многое другое, чего не мог вынести Михаил, становятся причиной глубокого семейно-бытового конфликта. Но Михаилу не хватило силы воли, твердости духа, чтобы противостоять этому злу. Поступки Славина не всегда соответствуют его собственным идеалам и требованиям. Нравственная несостоятельность супруги, отсутствие тепла в семейных отношениях приводят его к самоубийству.

Раскрывая образ своей героини, Ю. Кузнецов нарушает традицию наиболее полного и яркого изображения особенностей характера женщины-мордовки: ее мудрости, ответственности, трудолюбия и умения любить по-настоящему. Рита Славина является полной противоположностью тем героиням мордовской литературы, которые были образцом супружеской верности, доброты и честности, таким, например, как Настя из «Совести» С. Ларионова, Аксинья Филипповна из «Пятого сына» Г. Пинясова, Алду из «Супругов» А. Тяпаева. Поэтому этот персонаж стоит особняком в мордовской литературе.

Таким образом, Ю. Кузнецов создает для своих героев такие эмоционально-психологические условия, которые подводят их в ситуацию неизбежной гибели: Михаила – физической, Риты – нравственной.

В нарративную структуру повести Ю. Кузнецов вводит разного рода внесюжетные элементы, приоритетное положение среди которых занимают лирические отступления, описания окружающей природы. Встречаются они, разумеется, и в традиционных эпических произведениях. Однако там у них иная функция: они строго подчинены общему замыслу и сюжетному единству. В лирической повести мордовского автора у них большая свобода и иная цель: внесюжетные

элементы «цементируют» сюжет, превращают конгломерат разрозненных эпизодов в цельное художественное произведение. Природа в повести «выступает персонифицированно, лично, а не просто как природно-ландшафтный фон или среда действия. Она является полноправным художественным компонентом, более того, своеобразным лирическим соавтором» [9].

Повесть «Подождите ж, быстрые облака...» как яркий пример лирической прозы имеет ряд других особенностей. Лиризм в ней сочетается с публицистикой и художественной эпикой. Вместе с тем, в этом произведении имеются признаки жанра бытописательной повести. Повесть Ю. Кузнецова рождена идейно-эстетическими требованиями современной мордовской литературы, где философское и художественно-аналитическое начало занимает ведущее место.

Повести Ю. Кузнецова свидетельствуют о том, что мастер слова хорошо знает жизнь мордовского народа, его быт и нравы, прошлое и настоящее, талантливо создает типичные национальные характеры, правдиво передает социально-психологическую атмосферу современного общества. Национальная специфика его произведений отображается не только в содержательном аспекте, но и в речевой ткани текстов. Богатство и своеобразие языковой палитры придают стилю изложения мордовского писателя неповторимо красочный оттенок.

Таким образом, в творчестве Ю. Кузнецова заметно проявились тенденции, наиболее характерные для мордовской лирической прозы. Его повести входят в ряд лучших произведений национальной литературы. Каждое из творений художника своеобразно и неповторимо. У писателя свое видение мира, своя поэтическая мысль. Существование и взаимодействие в поэтике его повестей свойств лирики и эпоса обусловили набор ключевых стилистических признаков: здесь на первом плане не действие, не последовательная хронологическая цепь событий, а сосредоточенность на внутренней жизни лирического героя, воплощенная в цепи душевных переживаний и мыслей.

Примечания

1. Бальбуров Э. А. Поэтика лирической прозы (1960–1970-е гг.). Новосибирск, 1985. С. 21.
2. Эльшевич А. П. Горизонталы и вертикали: Современная проза – от семидесятых к восьмидесятым. Л., 1982; Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика, Стилистика. Избр. тр. Л., 1977; Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992.
3. Хуако Ф. Н. Эволюция и жанровая специфика лирической повести // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 47.
4. Брызгинский А. И. Современная мордовская проза : (Движение жанра). Саранск, 1995. С. 114.
5. Соколова В. Е. Мордовская проза 1972–1973 годов // Очерки жанров мордовской литературы. Саранск, 1978. С. 17.
6. Зайцева Т. И. Лирическая проза в творчестве писателей Урало-Поволжья (1960–1970-е годы) // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 1. С. 64.
7. Кузнецов Ю. Ф. Чистые ключи: Повесть, новеллы, рассказы. Саранск, 1983. С. 59–60.
8. Головкин В. М. Историческая поэтика русской классической повести. М.; Ставрополь, 2001. С. 76–77.
9. Левина Н. Н. Мордовская повесть 70–90-х гг. XX в.: к вопросу о поэтике жанра // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. Т. 30. № 2. С. 180.

Notes

1. Balburov E. A. Poetika liricheskoj prozy (1960–1970 e gg.) [Lyrical poetics of prose (1960-1970 ies)]. Novosibirsk. 1985. P. 21.
2. Elyashevich A. P. Gorizontali i vertikali: Sovremennaya proza – ot semidesyatyh k vos'midesyatym [Horizontal and vertical: Modern prose – from the seventies to the eighties]. L. 1982; V. M. Zhirmunsky [Theory of literature. Poetics, Stylistics]. Sel. works. L. 1977; Korman B. O. [Selected papers on the theory and history of literature]. Izhevsk. 1992.
3. Khuako F. N. Evolyuciya i zhanrovaya specifika liricheskoj povesti [Evolution and genre specificity of lyrical story] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta - Herald of Adyghe State University. Ser. 2. Philology and art study. 2012, No. 2, p. 47.
4. Bryzinski A. I. Sovremennaya mordovskaya proza : (Dvizhenie zhanra) [Modern Mordovian prose: (genre movement)]. Saransk. 1995. P. 114.
5. Sokolova V. E. Mordovskaya proza 1972–1973 godov [Mordovian prose of 1972–1973] // Essays on genres of Mordovian literature. Saransk. 1978. P. 17.
6. Zaytseva T. I. [The lyrical prose in the works of writers of the Urals and the Volga region (1960–1970's)] // Ocherki zhanrov mordovskoj literature- Humanities and education. 2012, No. 1, p. 64.
7. Kuznetsov Y. F. Chistye klyuchi: Povest', novelly, rassказы [Clean springs: a Novella, short stories, novels]. Saransk. 1983. Pp. 59–60.
8. Golovko V. M. Istoricheskaya poehtika russkoj klassicheskoj povesti [Historical poetics of Russian classical novel]. M.; Stavropol. 2001. Pp. 76–77.
9. Levina N. N. Mordovskaya povest' 70–90 h gg. XX v.: k voprosu o poehtike zhanra [Mordovian story of 70-90 ies of XX century: on the question of poetics of genre] // Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya - Herald of the Research Scientific Institute of the Humanities at the Government of the Republic of Mordovia. 2014. Vol. 30, No. 2, p. 180.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.91-051"406"

Н. С. Артемьев, А. Н. Бурчихин

Причины и условия рецидивной преступности и основные меры её предупреждения

Статья посвящена проблемам изучения причин и условий совершения рецидивистами преступлений и основным мерам по предупреждению рецидивной преступности. Авторским коллективом подчеркивается, что существование рецидивной преступности обусловлено причинами и условиями, характерными для преступности в целом. Основные причины первичных преступлений действуют и при повторных преступлениях. Более того, повторные преступления усиливают стойкость антиобщественных взглядов, способствуют повышению уровня криминального профессионализма рецидивистов.

Всю совокупность причин и условий рецидивной преступности можно подразделить на уголовно-политические, социально-экономические, правовые, организационно-управленческие, нравственно-психологические, медицинские и иные социальные факторы состояния и развития рецидивной преступности.

Совершению повторных преступлений лицами, преступления которых остались нераскрытыми, невыявленными, в первую очередь способствует состояние безнаказанности за преступление и сознание реальной возможности остаться безнаказанным, и также недостатки в процессе исполнения наказаний или мер, их заменяющих.

Для того чтобы более эффективно предупреждать преступления, совершаемые рецидивистами, необходимо знать причины рецидивной преступности и условия, ей способствующие.

Предупреждение рецидивной преступности складывается из реализации комплекса мер общесоциального и специально-криминологического характера.

Article is devoted to problems of studying of the reasons and conditions of commission by recidivists of crimes and the main measures for the prevention of recurrent crime. With a group of authors it is emphasized that existence of recurrent crime is caused by the reasons and conditions, characteristic for crime in general. The main reasons for primary crimes and for repeated crimes are similar. Moreover, repeated crimes increase firmness of antisocial views, promote increase of level of criminal professionalism of recidivists.

The set of the reasons and conditions of recurrent crime can be subdivided into criminal and political, social and economic, legal, organizational and administrative, moral and psychological, medical and other social factors of a state and development of recurrent crime.

Commission of repeated crimes by the persons which crimes remained unsolved, undetected, first of all is promoted by a condition of impunity for a crime and consciousness of real opportunity to remain unpunished, and also shortcomings of process of execution of punishments or measures that replacing it.

For more effective prevention the crimes, that committed by recidivists it is necessary to know the reasons of recurrent crime and a condition.

The prevention of recurrent crime consists of realization of a package of measures of all-social and specially-criminological character.

Ключевые слова: рецидивная преступность, причины её совершения и условия, способствующие ей.

Keywords: recidivism, the reasons for its issuance and the conditions that facilitate it.

В последние годы отмечаются тенденции к росту рецидивной преступности, удельный вес которой в общей структуре преступности превышает 40% в целом по стране. Общественная опасность рецидивной преступности заключается в том, что рецидивисты стремятся продолжать свою преступную деятельность и оказывают крайне негативное влияние на неустойчивых лиц, особенно несовершеннолетних и молодежь, вовлекая их в преступную деятельность. Поэтому не случайно проблема предупреждения рецидивной преступности обсуждалась на заседании Совета безопасности и в марте 2011 г. был принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», который с 5 апреля 2011 г. был утвержден президентом Российской Федерации [1].

Для того чтобы более эффективно предупреждать преступления, совершаемые рецидивистами, необходимо знать причины рецидивной преступности и условия, ей способствующие.

Существование рецидивной преступности обусловлено причинами и условиями, характерными для преступности в целом. Основные причины первичных преступлений действуют и при повторных преступлениях. Более того, повторные преступления усиливают стойкость антиобщественных взглядов, способствуют повышению уровня криминального профессионализма рецидивистов.

Рецидивная преступность отражает существующие в обществе недостатки в борьбе с правонарушениями, которые, оставаясь не устраненными, воспроизводят рецидив, выступающий в свою очередь в качестве фактора воспроизводства всей преступности.

К причинам и условиям рецидивной преступности относятся две группы криминогенных факторов:

- объективные, охватывающие разнообразный круг обстоятельств организационного, правового, воспитательного характера;

- субъективные, относящиеся к характеристике личности рецидивиста.

При этом для этой преступности основными, преобладающими являются субъективные условия, так как преступник-рецидивист совершает преступления не только под воздействием объективных условий, но и в силу антиобщественной направленности личности. Зачастую они сами создают объективные предпосылки для совершения преступлений.

К объективным условиям рецидивной преступности в первую очередь относятся особенности социальной среды, приведшие к совершению первого преступления будущим рецидивистом. Как правило, первое преступление накладывается на второе именно благодаря тому, что рецидивисты воспитываются в таком социальном окружении, которое практически не дает им никакого шанса вырваться из порочного круга криминального окружения.

Развитие и закрепление отрицательных индивидуальных черт личности рецидивиста в значительной степени обусловлено такими внешними факторами, как влияние прежних обстоятельств (или непосредственно из них вытекающих); влияние обстоятельств, созданных преступной деятельностью рецидивиста или ранее назначенным ему наказанием.

Первая группа этих обстоятельств выражается в сохранении или восстановлении связей ранее судимого лица с прежним неблагоприятным бытовым окружением, с прежними преступными группировками; в сохранении и обострении конфликтных ситуаций; в использовании одних и тех же способствующих преступлениям обстоятельств (оставшихся не устраненными).

Вторая группа обстоятельств связана, во-первых, с изменениями в структуре малых социальных групп, членом которых состоял рецидивист (утрата или ослабление социально полезных связей, семейные разрывы и конфликты, прекращение прежних трудовых отношений как следствие преступного поведения виновного и отбывания им наказания), во-вторых, с изменениями правового и нравственного статуса личности ранее судимого лица (ограничение в выборе места жительства, недоверие и настороженность окружающих и т. д.) [2].

Немаловажную роль среди внешних криминогенных факторов, влияющих на рецидивную преступность, играют и недостатки в деятельности правоохранительных органов при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел, назначении и исполнении наказания. Давно известно, что практически ни на одном из указанных направлений поставленные перед правоохранительными органами задачи в полной мере не решаются. Насколько малоэффективна уголовно-исполнительная система, также хорошо известно, однако в системе наказаний приоритет имеет именно лишение свободы. Негативные последствия создает и изоляция осужденного от общества, что, в свою очередь, означает выключение его из условий обычной жизни, ослабление и даже разрушение социально полезных связей, привыкание к режиму и обстановке в местах лишения свободы и связанные с этим трудности социальной адаптации после освобождения, трудового, жилищного и бытового устройства.

К сожалению, малоэффективен и социальный контроль за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы. При этом недостаточно используются возможности административного надзора, который введен в действие с 1 июля 2011 г.

В то же время на преступное поведение рецидивистов оказывают влияние и другие криминогенные факторы:

- противоречия в распределительных отношениях, особенно наглядно проявившиеся в условиях рыночной экономики. В современной России расслоение на богатых и бедных приобрело гипертрофированные размеры. При фактическом отсутствии среднего класса существует значительная часть очень богатых и огромная масса людей, находящихся либо на грани черты бедности, либо за этой гранью;

- ослабление нравственных и социальных институтов общества, падение значимости социальной роли семьи, снижение культуры, изменение взглядов на ценности морального характера, проповедь культа силы и денег;

– недооценка общественной опасности рецидивной преступности, приведшая к отставанию форм и методов работы правоохранительных органов от качественных изменений этой преступности. Особенно тяжело отражается на борьбе с ней нарушение преемственности поколений сотрудников правоохранительных органов. Вместе с опытными сотрудниками уходило в прошлое знание уголовной среды, многие апробированные формы и методы борьбы с преступностью. В стране не создано качественной информационно-аналитической базы, позволяющей классифицировать и учитывать рецидивистов, оценивать соответствующую криминогенную обстановку;

– существование «воровских» традиций и обычаев. В настоящее время общепризнанно, что рецидивная, профессиональная преступность сформировала собственную субкультуру, которая рецидивистами и криминальными профессионалами усиленно насаждается среди молодых людей в качестве примера для подражания. Между тем проведенными исследованиями доказано, что негативные традиции обладают чрезвычайной живучестью, возникнув, они имеют стойкую тенденцию к сохранению и самовоспроизводству [3].

Предупреждение рецидивной преступности складывается из реализации комплекса мер общесоциального и специально-криминологического характера.

Первое из этих направлений предполагает:

– изменение уголовной политики в сторону защиты в первую очередь прав потерпевших и связанное с ним дальнейшее совершенствование действующего законодательства, его ужесточение, усиление уголовной ответственности рецидивистов и преступников, доказавших многолетним криминальным стажем свое крайне негативное отношение к имеющимся в обществе правилам поведения;

– совершенствование экономической, идеологической, организационно-управленческой сфер жизнедеятельности общества. Очевидно, что во всех этих сферах представители криминального мира зачастую действуют эффективнее, чем государственные органы. Особенно наглядно данное утверждение можно проиллюстрировать на примере идеологической сферы. Так, в настоящее время явно не без помощи криминала на страницах газет, на телевидении и на радио практически в неограниченном объеме пропагандируется образ жизни рецидивистов и профессиональных преступников. Все это начинается с трансляций исполнения, казалось бы, безобидных так называемых блатных песен, а заканчивается показом культовых фильмов о якобы «благородных» киллерах и о не менее благородных мошенниках, ловко обманывающих людей, которые в свою очередь уже до этого кого-то тоже обманули;

– разработку и внедрение комплексных программ, направленных на борьбу с рецидивной и профессиональной преступностью, на создание в этих целях принципиально новых организационных структур правоохранительных органов, на недопущение дублирования одних и тех же функций и мер их реализации, применяемых различными ведомствами в качестве профилактических, позволяющих накапливать и систематизировать опыт работы в указанном направлении всех государственных и общественных служб и институтов [4].

Что касается второго направления, то здесь речь прежде всего должна идти о более эффективной работе правоохранительных органов по предупреждению, выявлению, расследованию преступлений, совершаемых рецидивистами и профессиональными преступниками.

Предупредительные меры специального характера осуществляются в процессе оперативно-розыскной деятельности, предварительного расследования и судебного разбирательства, исполнения наказаний, последующей работы с рецидивоопасным контингентом.

При этом основной груз ответственности за эту работу несут органы внутренних дел, которые в целях предупреждения рецидивной преступности решают следующие основные задачи:

– выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений лицами, ранее судимыми; реагирование частными постановлениями и определениями;

– обеспечение фактической неотвратимости наказания для преступников, стимулирование формирования у граждан представления о «невыгодности» совершения преступлений;

– выявление и постановка на учет лиц, освобожденных из мест лишения свободы и снятых с учета уголовно-исполнительных инспекций, совершивших ранее особо опасные преступления, а также осужденных за умышленные преступления к мерам наказания, не связанным с лишением свободы;

– осуществление контроля за своевременным прибытием, документированием и регистрацией лиц, освобождаемых из мест лишения свободы;

– оказание содействия в трудовом и бытовом устройстве лицам, отбывшим наказание;

– своевременное установление и осуществление профилактического контроля за гражданами, подпадающими по признакам судимостей под действие Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»;

– создание и использование банка данных о профессиональных преступниках и преступниках-рецидивистах [5].

Особое значение в предупреждении рецидивной преступности имеет применение органами уголовно-исполнительной системы и внутренних дел к лицам, совершающим рецидив преступления, мер индивидуальной профилактики: профилактических бесед, постановки на профилактический учет; установления наблюдения и контроля за их социальной реабилитацией; оказания им социальной помощи и т. д.

В системе специальных мер борьбы с рецидивной преступностью существенное место занимает социальная адаптация лиц, отбывших наказание. Проблемы профилактики рецидивов преступлений должны рассматриваться с учётом внутренней противоречивости наказания. Выполняя полезную социальную роль средства социальной защиты общества от преступных посягательств, оно таит в себе издержки. Уголовная ответственность и наказание так или иначе изменяют социальное содержание личности виновного, изменяют набор тех социальных статусов, которыми он обладал до осуждения. Реализация уголовной ответственности обедняет личность виновного. Особенно это характерно для лишения свободы: осужденный изолируется от общества, увольняется с работы, теряет связь с семьей и т. д. В результате осуждения значительно упрощается фактическая возможность социальной активности личности.

Поэтому необходимо всемерно экономить уголовно-правовое принуждение, осуществлять систему мер, обеспечивающих социальную адаптацию лиц, отбывших наказание.

Задача экономии уголовно-правового принуждения, бережного отношения к личности осужденного с тем чтобы облегчить его будущую социальную адаптацию, должна предопределять наше отношение к содержанию института судимости. В интересах обеспечения условий для социальной адаптации лиц, отбывших наказание, необходимо, чтобы закон, практика и теория не расширяли содержания института судимости до пределов, затрудняющих такую адаптацию. С этой точки зрения вызывает раздражение трактовка судимости, сохраняющейся после отбытия наказания в течение установленного законом времени как составной части уголовной ответственности.

Судимость – специальное последствие назначенного или отбытого наказания, единственное уголовно-правовое назначение которого – служить основанием усиления уголовной ответственности лица в случае совершения им нового, рецидивного преступления. В связи с этим вызывает возражение сохранение за лицами, отбывшими наказание, «клейма» рецидивиста, которое ставит их в положение отверженных, что не может не затруднить их социальной адаптации и предупреждения с их стороны новых преступлений. Действующее уголовное законодательство в этой части нуждается, по нашему мнению, в изменении [6].

Социальная адаптация лиц, отбывших наказание, по ряду причин невозможна без оказания им соответствующей помощи со стороны государственных и общественных организаций. Социальная адаптация лиц, отбывших наказание, заключается прежде всего в наделении их такими социальными статусами, которые обеспечивали бы им нормальный, с точки зрения общества, образ жизни.

Лица, отбывшие наказание, возвращаются в общество с разными жизненными планами. Одни порывают с преступным прошлым, другие не намерены этого делать. Для предупреждения преступлений со стороны ранее судимых лиц необходимы контроль за ними, выявление не исправившихся и приспособление их к нормальному образу жизни. Таким образом, система мер социальной адаптации лиц, отбывших наказание, должна включать в себя:

- контроль за судимыми лицами с целью выявления тех из них, которые нуждаются в помощи в процессе приспособления и нормальным условиям жизни, а также в целях выявления не исправившихся лиц;

- оказание помощи судимым лицам в их социальной адаптации (трудоустройство, бытовое устройство, материальная помощь и т. п.);

- применение воспитательных и принудительных мер в отношении не исправившихся, способных совершить новые преступления.

Для обеспечения социальной адаптации лиц, отбывших наказание, действующее законодательство налагает соответствующие функции на различные государственные и общественные учреждения и организации.

Деление рассмотренных мер борьбы с рецидивной преступностью на подсистемы общепрофилактических и специальных мер соответствует делению причин и условий рецидивной преступности на общие и дополнительные. Общепрофилактические меры призваны блокировать общие причины и условия рецидивной преступности, специальные меры, имеющие целью блокировать действие дополнительных причин и условий рецидивной преступности. Несомненно, что при делении причин и условий рецидивной преступности на общие и дополнительные упрощается действительная картина, поскольку остаются без учета взаимодействия и взаимопроникновения общих и дополнительных причин и условий рецидивной преступности. Однако такое деление полезно для целей эмпирической оценки эффективности подсистемы специальных мер борьбы с ре-

цидивной преступностью. Об эффективности указанных мер можно судить по соотношению динамики рецидивной преступности с динамикой первичной, нероцидивной преступности. Если подсистема специальных мер борьбы с рецидивной преступностью эффективна, то дополнительные причины и условия рецидивной преступности блокируются, и рецидивная преступность будет питаться в основном за счет общих причин преступности. Об этом будет свидетельствовать динамика рецидивной и первичной преступности. Если же динамика рецидивной преступности будет неблагоприятной (или более неблагоприятной) по сравнению с динамикой первичной преступности, то причиной этого будет недостаточная (или низкая) эффективность подсистемы специальных мер борьбы с рецидивной преступностью. И задача будет заключаться в том, чтобы установить, какие недостатки снижают эффективность борьбы с рецидивной преступностью. Без этого невозможно планировать меры, способные повысить эффективность борьбы с ней.

Таким образом, предупреждение рецидивной преступности должно осуществляться комплексно. Искусственное преувеличение важности одного направления перед другими неизбежно приведет к обратному от ожидаемого результату.

Примечания

1. Бурсаков В. Н., Крокачев Н. М. Криминология: учебник для вузов. СПб., 2004. С. 274–275.
2. Антонян Ю. М. Криминология: избр. лекции. М., 2004. С. 207–208.
3. Артемьев Н. С., Понкратов В. А., Родионов А. И. Предупреждение рецидивной и наркопреступности. Киров: ИПК ФСИН РФ, 2014. С. 69–87.
4. Артемьев Н. С., Красновский Я. Э. Предупреждение рецидивной преступности в сельской местности. Рязань: Академия права и управления ФСИН РФ, 2011. С. 51–72.
5. Артемьев Н. С., Карпушина М. В., Понкратов В. А. Рецидивная преступность женщин, освободившихся из мест лишения свободы, и ее предупреждение. Киров: ИПК ФСИН РФ, 2014. С. 89–111.
6. Артемьев Н. С., Понкратов В. А. Осуществление предупредительной функции административного надзора: сб. выступлений участников междунар. науч.-практ. конф. Рязань: Акад. права и управления ФСИН РФ. С. 200–205.

Notes

1. Bursakov V. N., Krokachev N. M. Criminology. Textbook for High Schools. St. Petersburg. 2004, P. 274–275.
2. Antonyan Yu. M. Criminology. Chosen lectures. M., 2004. P. 207–208.
3. Artemyev N. S., Ponkratov V. A., Rodionov A. I. Prevention recurrent and drug-related crime. Monograph. Kirov, Institute for Advanced Studies of FPS of Russian Federation, 2014. P. 69–87.
4. Artemyev N. S., Krasnovsky Ya. E. The prevention of recurrent crime in rural areas. Monograph. Ryazan, Academy of the law and management of FPS of Russian Federation, 2011. P. 51–72.
5. Artemyev N. S., Karpushina M. V., Ponkratov V. A. Recurrent crime of the women released from imprisonment places and its prevention. Monograph. Kirov, Institute for Advanced Studies of FPS of Russian Federation, 2014. P. 89–111.
6. Artemyev N. S., Ponkratov V. A. Implementation of precautionary function of administrative supervision. Collection of performances of participants of the international scientific and practical conference. Ryazan, Academy of the law and management of FPS of Russian Federation. P. 200–205.

УДК 343.9.01:16

П. Н. Фещенко

К вопросу об исследовании мотивационной сферы лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в аспекте изучения состояния и перспектив изменения социальной напряженности

В статье рассмотрены проблемы изучения мотивационной сферы лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы как составной части деятельности по оценке социальной напряженности и прогнозирования ее изменений. Изучение в рассматриваемом аспекте данной категории граждан рассматривается как составная часть деятельности по оценке состояния «категории риска», могущей принять участие в массовых акциях протеста и выбрать насильственные формы его выражения. Приводятся данные проведенных автором опросов осужденных, дается их интерпретация, делается ссылка на связь проводимой работы с

задачами по реализации Концепции общественной безопасности в Российской Федерации. Делается вывод о наличии в числе опрашиваемых определенной части осужденных, допускающих после освобождения применение противоправных действий для защиты своих прав и свобод, что требует принятия дополнительных мер профилактического характера.

The article deals with the problem of studying the motivational sphere of persons serving a sentence of imprisonment, as an integral part of the evaluation of social tension and forecasting its changes. The study in this aspect of this category of citizens is seen as part of the evaluation of the condition of the "risk category" admitted to participate in mass protests and choose violent forms of expression. Data held by the author surveys of prisoners, given their interpretation, reference is made to link the work with the task to implement the Concept of social security in the Russian Federation. The conclusion about the presence among the respondents of a certain part of the convicts, after allowing for the liberation of the use of illegal actions to protect their rights and freedoms, which requires additional measures of preventive character.

Ключевые слова: механизм преступного поведения, насильственная преступность, социальная напряженность, экстремизм, профилактика преступности.

Keywords: the mechanism of criminal behavior, violent crime, social tension, corruption, crime prevention.

Выступая на «Валдайском форуме» 24 октября 2014 г., президент России В. В. Путин в числе других проблем выделил необходимость эффективно противостоять попыткам западных организаторов «цветных революций» применить свой опыт на российской территории, формировать выгодный им «однополярный мир», продолжая политику разрушения традиционных для России нравственных, культурных и исторических ценностей. «Очевидная угроза – это дальнейшее разрастание конфликтов на этнической, религиозной, социальной почве. Такие конфликты опасны не только сами по себе, они формируют вокруг себя зоны безвластия, беззакония и хаоса, где уютно чувствуют себя и террористы, и просто рядовые преступники, процветает пиратство, торговля людьми, наркобизнес... Я не жёстко отношусь к массовым выступлениям, я жёстко отношусь и негативно отношусь к нарушению закона. Массовые мероприятия, демонстрации – это вполне легитимный способ выражения своего мнения и борьбы за свои интересы, но всё нужно делать в рамках закона. Революция – плохо. Мы наелись этих революций в XX веке по горло. Эволюция – вот что нам нужно. Уверен, что мы сможем двигаться именно по такому пути», – подчеркнул президент [1].

Данная задача, как представляется, в более развернутом виде была сформулирована президентом в утверждённой им за год до этого «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации», где были поставлены, в числе других, задачи реализации мер по предупреждению, выявлению и пресечению террористической и экстремистской деятельности, профилактике социальных и межнациональных конфликтов.

В числе потенциальных источников угроз указано, что «количество преступников увеличивается за счёт беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, граждан без определённого места жительства, лиц, освобождённых из мест лишения свободы...».

Отмечается, что «растёт социальная напряжённость в обществе, способствующая возникновению ксенофобии, национальной, расовой и религиозной розни, а также увеличивается количество этнических организованных преступных групп».

Ставится задача «формирования государственной системы мониторинга состояния общественной безопасности, предусматривающей установление критериев оценки угроз общественной безопасности, показателей и индикаторов её состояния...» [2].

В рассматриваемом аспекте в данной статье речь пойдет о проведенном автором в 2014 г. исследовании вероятности участия осужденных в массовых протестных акциях и перехода к насильственным способам разрешения волнующих их проблем.

Само по себе массовое недовольство граждан действиями властей и его причины, на наш взгляд, это не основной предмет для исследования криминологов. Люди, которые недовольны проводимой в стране политикой, в своей массе дожидаются очередных выборов и законным, мирным способом меняют власть.

Как в данном аспекте справедливо отмечал А. С. Ахиезер, «социальная напряженность является необходимым, хотя и не постоянным элементом существования любого общества... Она может мобилизовать массы, усилить позитивные процессы (например, экологическое движение)...» [3].

Анализируя измерение уровня социальной напряженности как научную и прикладную проблему, Е. С. Абрамович, в частности, отмечает, что «основными задачами наблюдения являются:

- измерение социальной напряженности;
- идентификация опасных (дестабилизирующих) ситуаций и социальных групп, особенно маргинальных, опасной дифференциации в распределении благ;

– выявление реакций потенциально дестабилизирующих обстановку на изменение экономической ситуации...» [4].

Для криминологов же, по нашему мнению, интерес, прежде всего, представляет поиск ответа на вопросы о том, влияет ли социальная напряженность (недовольство деятельностью властей) на формирование криминогенных качеств личности и имеется ли влияние данного явления на развитие механизма преступного поведения. В положительном случае возникает комплекс традиционных задач профилактического воздействия на очередное негативное криминогенное явление общества.

С учетом изложенного, в целях изучения мотивационной сферы преступников, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях на территории Кировской области, в 2014 г. была проведена серия социологических опросов по специально разработанной авторской анкете.

В процессе исследования основной целью было выявление среди осужденных категории лиц, связывающих причины своих преступлений с проводимой властями политикой, а также выявление возможной ориентации опрашиваемых на протестные, в том числе противоправные, акции индивидуального или группового (массового) характера в случае трудностей в решении насущных проблем после освобождения.

В ходе анкетирования ставилась задача выявить оценку опрашиваемыми причин совершенного преступления, для чего предлагалась группа вопросов, в числе которых один из вариантов предлагал ответ «Это власти меня довели...».

Задавался вопрос о перспективах жизни после освобождения, где предлагались варианты ответов от полного благополучия до нового совершения преступлений.

В качестве вариантов постпенитенциарного поведения при наличии серьезных проблем предлагались варианты пассивного поведения («ничего предпринимать не буду, так как власти сделают, как захотят», «Ничего предпринимать не буду, так как есть структуры, которые будут профессионально решать проблемы»...), активного поведения («Уеду из страны», «От безысходности начну пить...»), активного протестного поведения («Буду участвовать в акциях протеста»...), в том числе противоправного – «Буду участвовать в незаконных протестных мероприятиях».

Также опрашиваемым предлагалось оценить предпринимаемые в последнее время шаги по устранению проблем («Повышение материнского капитала», «Активизация борьбы с коррупцией»...), а также высказать свои предложения в данном аспекте.

Проведенным анонимным анкетированием были охвачены:

- 25 женщин, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима в Котельничском районе за совершение двух и более преступлений;
- 25 мужчин, отбывающих наказания за преступления небольшой и средней тяжести в колонии-поселении в Кирово-Чепецком районе;
- 25 мужчин, находящихся в СИЗО-1 УФСИН РФ по Кировской области (половина – за первое преступление, оставленные за хорошее поведение на хозяйственных работах, и половина – за два и более преступления, находящиеся на пересылке).

В качестве контрольных групп были опрошены:

- 25 несовершеннолетних правонарушителей, состоящих на учете в УМВД РФ по Кировской области;
- 105 государственных и муниципальных служащих Кировской области, проходивших обучение на курсах повышения квалификации.

В общем виде итоги проделанной работы позволяют сделать следующие выводы:

По первому вопросу: Кто, на ваш взгляд, прежде всего, виноват в том, что вы совершили преступление?

- А. Вы сами, так как пили, гуляли, плохо учились, не думали о последствиях и т. д.
- Б. Власти, так как довели вас до нищеты, безысходности и т. д.
- В. Друзья, соседи, случайные обстоятельства.

Практически все не указали ответ «Б», взяв ответственность на себя, обвинив друзей или потерпевших. Обвинили власти только 16% мужчин из группы «рецидивистов». Показательно, что таких ответов не было ни у одной женщины, отбывающей наказание за два, три и более преступлений, что можно расценивать как результат эффективной воспитательной работы.

При посещении автором вместе со студентами данного учреждения обратила на себя внимание чистота, уют, обеспеченность учебной и производственной базы современным оборудованием, разнообразие и доступность досуговых мероприятий и т. д.

По второму вопросу: Как вы оцениваете перспективы своей жизни после отбытия наказания?

- А. Всё будет хорошо, мне помогут власти, друзья, семья, знакомые.
- Б. Будут проблемы, но я смогу с ними справиться.

В. Мне вряд ли кто поможет. Я, скорее всего, снова совершу преступление.

Практически все выбрали варианты «а» и «б», примерно в соотношении 3:2, и никто не выбрал вариант безысходности и повторного совершения преступлений.

Это также можно расценить как результат позитивных изменений в стране, деятельности пенитенциарных учреждений, в т. ч. реализации на практике принятых:

– Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р);

– Закона Кировской области от 01.12.2011 № 98-30 «О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы»;

– распоряжения Правительства Кировской области от 25.05.2012 № 155 «Об утверждении карты социального сопровождения лица, освобожденного из учреждения уголовно-исполнительной системы».

По третьему вопросу: Если вы будете разочарованы и огорчены деятельностью властей по улучшению жизни, что вы, скорее всего, будете делать в будущем для улучшения ситуации?

А. Ничего, есть структуры, которые всё разрешат. Власти обещали жизнь существенно улучшить к 2020 году.

Б. Ничего, всё равно ничего не изменить, власти сделают, как захотят.

В. При возможности уеду в другое место, возможно, за границу.

Г. От безысходности начну пить, гулять и как-нибудь отвлекаться от проблем.

Д. Буду жаловаться во все возможные инстанции.

Е. Буду ждать выборов и выберу другую власть.

Ж. Вступлю в оппозиционную партию и буду участвовать в ее деятельности.

З. Если пригласят, буду участвовать в массовых акциях протеста.

И. Инициативно организую акции протеста и буду агитировать единомышленников.

К. Могу перейти или участвовать в неконституционных (противоправных) акциях протеста, чтобы добиться восстановления социальной справедливости и защиты своих прав.

В каждой из групп «рецидивистов», и мужчин, и женщин, из 25 опрашиваемых было по одному, кто выбрал ответ «К» (4%). В контрольной группе несовершеннолетних правонарушителей этот процент оказался таким же, среди почти ста муниципальных и государственных служащих и отбывающих наказание в колонии-поселении таких ответов не было.

Как показывает практика прошедших в разных странах и регионах массовых протестных выступлений, среди многих тысяч мирно выступающих граждан всё чаще находятся психически неуравновешенные лица или провокаторы, наемники, представители организованных преступных структур, возбуждающие толпу и организующие противоправные акции.

Если в каждой сотне митингующих найдется по 4% таких участников, перспективы будут вполне предсказуемыми.

Остальные ответы осужденных в основном сформировались вокруг первой части вариантов, отражающих пассивную позицию на возникающие проблемы.

При этом, как и предполагалось, среди ответов несовершеннолетних, в отличие от взрослых, появились варианты активного протеста – «Ж» (4%) и «З» (4%), что можно объяснить подростковым максимализмом и недостаточностью жизненного опыта по преодолению проблем своими силами. Это, как показывает практика, объясняет преимущественное участие в массовых насильственных действиях именно представителей данной категории населения и делает профилактику среди молодежи особенно актуальной проблемой.

Социальный портрет опрошенных преступников традиционен для последних лет и свидетельствует о наличии проблем (причин совершения преступлений) для недостаточно социально защищенных категорий граждан: большинство со средним образованием, «простые граждане», больше половины до 30 лет, половина живет в гражданском браке, из оставшейся части – половина не состоит в браке, треть испытывала временные трудности, половина «рецидивистов» совершила насильственные преступления, в то время как в целом по массиву преступников по стране эта цифра в два-три раза ниже, что делает эту категорию с намерениями прибегнуть к противоправным методам разрешения проблем еще более социально опасными [5].

При этом относительно лиц, находящихся в местах лишения свободы, следует иметь в виду большую сложность по изменению из мотивационной сферы, прежде всего, изменения насильственной ориентации личности. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что в последнее время насильствие всё более стало основным способом разрешения проблем. А во-вторых, находящиеся в местах лишения свободы насильственные преступники имеют крайне негативные личностные характеристики.

Как указывает А. В. Вожжов, «насилие становится самым распространенным способом совершения преступлений, а также традиционным методом разрешения всех межличностных, межнациональных, межрелигиозных, политических, экономических и социальных конфликтов» [6].

Говоря о характеристиках таких лиц, автор отмечает, что по итогам 2010 г. среди насильственных преступников «более 80% – лица без определенных занятий, 78% не состояли в браке, 73,5% ранее судимы, следуют “тюремной морали”, эгоистичны, возбудимы, негативно относятся к обществу, не способны предвидеть последствия своих поступков ...» [7].

В то же время в данной деятельности на сегодняшний день накоплен большой опыт, как российский, так и зарубежный, по повышению эффективности работы по исправлению осужденных, что дает надежду на достижение в итоге положительных результатов [8].

Важность проблемы, на наш взгляд, отражает и включенный в План мероприятий по реализации Государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» пункт, ставящий на 2013–2020 гг. задачу «осуществить... контроль за поведением не менее 600 тыс. освобожденных из мест лишения свободы...» [9].

Для выявления изменений отмеченных показателей и их направления указанные исследования автором будут продолжены.

Примечания

1. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/46860>
2. Концепции общественной безопасности в Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>
3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 3. С. 145–146.
4. Абрамович Е. С. Методы статистического измерения социальной напряженности // Управление экономическими системами. 2013. № 1. URL: <http://www.uecs.ru/marketing/item/1932-2013-01-15-05-27-26>
5. Фещенко П. Н. Отчет о работе по НИР «Защита прав и интересов организаций и граждан: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминологический аспект: состояние, проблемы, пути совершенствования. Общее состояние и региональная специфика», проект № 2.2.1.3. Киров: Волго-Вят. ин-т У-та им. О. Е. Кутафина, 2014.
6. Вожжов А. В. Особенности личности рецидивистов, совершивших насильственные преступления // Российский следователь. 2012. № 18. С. 32–33.
7. Там же.
8. Абатуров А. И. Европейская пенитенциарная политика в области мер, не связанных с тюремным заключением // Российская юстиция. 2014. № 1. С. 18–21 и др.
9. Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности»: [утв. Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 345]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Notes

1. Meeting of the International discussion club "Valdai". Available at: <http://news.kremlin.ru/transcripts/46860> (in Russ.)
2. The concept of public safety in the Russian Federation. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/19653> (in Russ.)
3. Akhiezer A. S. [Russia: a critique of historical experience]. M. 1991. Vol. 3. Pp. 145-146.
4. Abramovich E. S. Metody statisticheskogo izmereniya social'noj napryazhennosti [Methods of measurement of social tension] // Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami - Management of economic systems. 2013, No. 1. Available at: <http://www.uecs.ru/marketing/item/1932-2013-01-15-05-26-27>
5. Feshchenko P. N. Otchet o rabote po NIR «Zashchita prav i interesov organizacij i grazhdan: ugolovno pravovoj, ugolovno processual'nyj i kriminologicheskij aspekt: sostoyanie, problemy, puti sovershenstvovaniya. Obshchee sostoyanie i regional'naya specifika», proekt № 2.2.1. [Report on the work on the project "Protection of rights and interests of organizations and citizens: criminal law, criminal procedure and criminological aspects: state, problems, ways of improving. The overall condition and regional specificity", project No. 2.2.1.3]. Kirov. Volga-Vyat. Institute of University named after O. E. Kutafin. 2014.
6. A. V. Vozhzhov Osobennosti lichnosti recidivistov, sovershivshih nasil'stvennye prestupleniya [Personality characteristics of recidivists who commit violent crimes] // Russian investigator. 2012, No. 18, pp. 32–33.
7. Ibid.
8. Abaturov A. I. [European prison policy measures not involving imprisonment] // Rossijskij sledovatel'-Russian justice. 2014, No. 1, pp. 18–21.
9. State program of the Russian Federation "Ensuring public order and combating crime" (approved by The resolution of the Government of the Russian Federation dated 15.04.2014 No. 345). Access from Ref. the legal system ConsultantPlus. (in Rus.)

Актуальные аспекты нормативно-правового регулирования адвокатской деятельности в РФ

При всем многообразии видов юридических услуг все их можно разделить на два основных блока или вида помощи – юридический консалтинг во всех его проявлениях и представительство, включая судебное представительство. Практически во всех странах с развитой правовой системой деятельность по оказанию юридических услуг (российским адвокатам больше нравится называть эту деятельность юридической помощью) на профессиональной основе осуществляет особый отряд юристов, которые в большинстве стран называются адвокатами. В статье анализируются актуальные аспекты нормативно-правового регулирования адвокатской деятельности в РФ в настоящий период.

With all the variety of types of legal services they can be divided into two main groups or types of assistance – legal consulting in all its manifestations and representation, including court representation. Almost all countries with a developed legal system, provision of legal services (Russian lawyers like to call this activity legal aid) on a professional basis carries out a particular group of lawyers, who in most countries are called advocates. The article examines the relevant aspects of the legal regulation of advocacy in the Russian Federation in the present period.

Ключевые слова: адвокатская деятельность, адвокатура, адвокатский статус, юридическая помощь.

Keywords: advocacy, legal profession, legal status, legal assistance.

Как и во всех развитых странах, в России тоже есть такая категория юристов, к которым применимы все требования, перечисленные выше, и называют их, как и в большинстве стран, адвокатами.

Для того чтобы быть допущенными к этой деятельности, претенденты должны получить высшее юридическое образование, пройти стажировку, сдать экзамен на допуск к профессии, принять присягу, соблюдать кодекс профессиональной этики и стандарты профессии, стать членами соответствующей профессиональной ассоциации и исполнять решения ее органов самоуправления. Перечень требований свидетельствует о серьезном отношении к отбору юристов, желающих посвятить себя частной юридической практике и контролю за их деятельностью.

Россия строит правовое государство и поэтому даже в Конституции (ст. 48) закрепила норму, согласно которой каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи [1].

В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

И, в общем-то, все неплохо, но есть одно обстоятельство, которое вызывает возмущение российских адвокатов, удивление и непонимание зарубежных адвокатов. В России параллельно с адвокатурой на уровне юриспруденции существует и хорошо себя чувствует второй отряд лиц, которые занимаются частной юридической практикой вне адвокатуры, как правило, в качестве предпринимателей или коммерческих предприятий. Сосчитать их достаточно сложно, на них не распространяется законодательство об адвокатуре, как и все вышеперечисленные требования для претендентов в адвокаты. Больше того, они могут не иметь юридического образования, быть судимыми за умышленные преступления и т. д. Они не несут адвокатских обременений (в частности, не участвуют в судопроизводстве по назначению уполномоченных государственных органов, в оказании бесплатной юридической помощи малоимущим), но при этом законодательство предоставляет им возможность существенно более льготного налогообложения. Данную ситуацию необходимо срочно исправлять.

Такое положение начало складываться около 25 лет назад, в конце 80-х гг. прошлого века, и тогда это была целенаправленная политика государства: считалось, что на рынке юридических услуг должна быть конкуренция, что будет залогом свободы выбора, свободный рынок, который сам все урегулирует.

В 2002 г. в спорах был принят действующий Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) [2]. В тот период главной проблемой был разлад в самой адвокатуре – множество адвокатских объединений в одном регионе, которые имели право присваивать претендентам адвокатский статус. Этот закон

решил эту проблему, укрепил статус адвоката и даже предусматривал, что судебное представительство должны осуществлять только адвокаты. Существующее положение в сфере оказания юридической помощи в РФ негативно и для тех, кто в такой помощи нуждается, и для российской адвокатуры.

Двойные стандарты в сфере юридической помощи не позволяют достичь высокого качества юридической помощи, делают невозможным поддержание высоких этических правил профессии, являются питательной средой для коррупции и взяточничества.

Определенные параметры будущей реформы профессии содержатся в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2012 г. В качестве основной проблемы отечественной правовой системы президент РФ назвал проблему бегства от юрисдикции и поставил задачу по деофшоризации российской экономики. Одна из целей и одновременно инструмент деофшоризации – развитие отечественного рынка правовых услуг. Оно предполагает расширение и укрепление российских юридических компаний и адвокатских образований, способных оказывать качественные услуги крупным индустриальным клиентам [3].

По данным вице-президента Федеральной палаты адвокатов РФ К. Шарова, в России сейчас примерно 70 тысяч российских адвокатов, и около 500 из них ежегодно лишаются адвокатского статуса. Трудно представить более активную борьбу за чистоту адвокатских рядов и качество выполнения адвокатами профессиональных обязанностей.

Но, несмотря на старания адвокатского сообщества, многие адвокаты, лишённые адвокатского статуса, продолжают заниматься частной юридической практикой вне системы адвокатуры, не обременяя себя требованиями законодательства об адвокатуре, решений органов адвокатского самоуправления, адвокатской этики и профессиональных стандартов. И даже получают возможность пользоваться более льготным налогообложением.

Такое положение подрывает престиж профессии и статус адвоката. Адвокатское сообщество уже давно требует наведения порядка в сфере оказания юридической помощи. На что лица, ответственные за государственную политику в сфере юстиции, говорили, что адвокаты якобы хотят руками государства устранить своих конкурентов [4].

Но правовой нигилизм постепенно излечивается. Четыре года назад новое руководство Минюста признало, что такая проблема существует, необходимо ее урегулировать, и даже в ряде интервью высказалось, что юридическую помощь должны оказывать только адвокаты, и надо создать условия, чтобы частнопрактикующие юристы, не имеющие статуса адвоката, хотели его получить.

Предлагаем несколько поправок, которые, по нашему мнению, необходимо внести в Закон об адвокатуре:

Первой правовой проблемой считаем то положение, что крупный юридический бизнес не может существовать в традиционных формах адвокатских образований, рассчитанных на индивидуальную деятельность адвокатов по обслуживанию потребностей физических лиц, прежде всего в уголовно-правовой сфере.

Решение проблемы: в Законе об адвокатуре необходимо ввести статью, регулируемую возможность формирования адвокатских образований на принципах хозяйственных обществ и товариществ. Дополнить Закон об адвокатуре новыми формами адвокатских образований, например, «адвокатская компания или фирма», которых можно определить как юридическое лицо, основанное на долевом участии адвокатов, и «партнерство с ограниченной ответственностью» с основой взаимоотношений адвокатов в виде партнерского договора.

Второй правовой проблемой считаем возможность предоставить право помощникам адвокатов получать статус адвоката на основании определенного стажа работы (пять-семь лет) в адвокатском образовании, а не сдавать квалификационный экзамен, сделать его необходимым только для досрочного получения статуса (до достижения указанного стажа).

Третьей правовой проблемой считаем отсутствие в Законе об адвокатуре положения, отделяющие профессию адвоката от смежных занятий и охраняющих ее от размывания и подрыва ее конкурентоспособности на консультационном рынке.

Таким образом, целью существования адвокатуры является предоставление именно квалифицированной юридической помощи, что в принципе должно исключать нарушение прав и интересов лиц, которым она оказывается. Лица, получающие такую помощь, должны быть абсолютно уверены в безопасности обращения к адвокату, в неприкосновенности их интересов и прав. Поэтому понятие «квалифицированная юридическая помощь» предполагает наличие у адвоката правового статуса, позволяющего получателю помощи безопасно, эффективно и в полной мере воспользоваться возможностями государственно-правовой системы для защиты своих прав и законных интересов.

Мы затронули лишь толику проблем адвокатуры, однако существуют и другие проблемы, требующие скорейшего разрешения.

Примечания

1. Муранов А. Проблемы регулирования юридического рынка в России: тезисы выступления на ежегодной междунар. конф. «Самидентификация адвокатуры» (Санкт-Петербург, 14 мая 2013 г.), С. 136. URL: <http://www.apspb.ru/news.php>

2. Российская Федерация. Законы. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: [Федер. закон: принят Гос. Думой от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.07.2013)]. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».

3. Адвокат: навыки профессионального мастерства / под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. URL: [Internet/http://yandex.ru/yandsearch/text/](http://yandex.ru/yandsearch/text/) эл.библиотека Консультант Плюс, 2008.

4. Кучерена А. Г. Адвокатура в условиях судебной реформы в России. URL: [Internet/http://yandex.ru/yandsearch/text/](http://yandex.ru/yandsearch/text/) эл.библиотека Консультант Плюс, 2009.

Notes

1. Muranov A. Problemy regulirovaniya yuridicheskogo rynka v Rossii: tezisy vystupleniya na ezhegodnoj mezhdunar. konf. «Samoidentifikaciya advokatury» [Problems of regulation of the legal market in Russia: theses of the report at the annual Intern. Conf. "The self-identification of the legal profession"] (St. Petersburg, May 14, 2013). P. 136. Available: <http://www.apspb.ru/news.php>

2. Russian Federation. Laws. On advocate activity and advocacy in the Russian Federation: [Feder. law adopted by the State Duma dated 31.05.2002 № 63-FZ (as amended on 02.07.2013)]. Access from the Ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)

3. Attorney: skills professional mastery / ed. by L. A. Voskoboeva, I. N. Lukyanova, L. P. Mikhailova. Available at: [Internet/http://yandex.ru/yandsearch/text/](http://yandex.ru/yandsearch/text/) El.libraryConsultant Plus. 2008.

4. Kucherenina A. G. Advokatura v usloviyah sudebno pravovoj reformy v Rossii [Advocacy in terms of judicial legal reform in Russia]. Available at: [Internet/http://yandex.ru/yandsearch/text/](http://yandex.ru/yandsearch/text/) El.libraryConsultant Plus. 2009

УДК 159.922.73+37.016:811

С. С. Куклина, Е. С. Шардина

Развитие коммуникативных способностей учащихся начальной школы в ходе обучения элементарному иноязычному общению

В статье доказывается целесообразность развития коммуникативных способностей учащихся начальной школы при обучении элементарному устному иноязычному общению. В ней дается характеристика общения и его особенностей у младших школьников на родном и иностранном языках; выявляются структура и содержание коммуникативных способностей, необходимых для успешного приобретения умений иноязычного общения. Результатом становится выделение условий, которые требуется создать при обучении учащихся устному иноязычному общению, чтобы обеспечить одновременное развитие их коммуникативных способностей, и обосновывается, что оптимальной организационной формой учебного процесса в этом случае является парная, где сотрудничают все его участники. Реализация выделенных условий на уроках английского языка в лингвистической гимназии представлена с учетом этапов обучения иноязычному общению, на каждом из которых младшие школьники вступают в парное взаимодействие. В завершение приводятся данные, подтверждающие эффективность такой организации учебного процесса.

The article proves expediency of developing communicative abilities in elementary school students while teaching them foreign language communication on an elementary level. It describes communication and its peculiarities in elementary students speaking native and foreign languages; structure and content of communicative abilities that are necessary for gaining foreign language communication skills. As a result, the conditions that are important for developing communicative abilities in the process of teaching elementary students foreign language communication are stated and an optimal organizational teaching-learning form is presented. The latter is pair work, in which all members of the process collaborate. The use of pair work on each stage of foreign language communication formation in an EFL classroom of a linguistic school demonstrates its effect.

Ключевые слова: иностранный язык в начальной школе; элементарное иноязычное общение; интерактивная, коммуникативная и перцептивная стороны общения; коммуникативные способности; интерактивные, речевые и перцептивные способности; речевые механизмы родного языка, игровая и учебная деятельность; парная организационная форма обучения.

Keywords: foreign language in an elementary school; foreign language communication on an elementary level; interactive, communicative and perceptive sides of communication; communicative abilities; interactive, speech and perceptive abilities; speech mechanisms of a native language; play and learning activities; peer organizational teaching form.

В связи с введением предмета «Иностранный язык» как обязательной дисциплины в учебный план начальной школы перед методистами и учителями иностранных языков встала задача создать условия для приобщения младших школьников к иноязычной культуре и приобретения ими навыков и умений общения на иностранном языке. Сложность названной задачи может быть объяснена тем, что учащиеся начальных классов только входят в учебно-познавательный процесс, и многие из качеств, необходимых для успешной учебной деятельности по овладению иноязычным общением, находятся в стадии становления.

Одним из таких качеств является наличие у школьников коммуникативных способностей как обязательного условия успешного формирования «умения общаться на иностранном языке на элементарном уровне» при учёте речевых возможностей и потребностей учащихся данной возрастной группы [1]. В связи с этим процесс обучения иностранным языкам в начальной школе должен быть построен таким образом, чтобы внести максимальный вклад в развитие способностей школьников вступать в диалог культур и участвовать в обсуждении вопросов на иностранном языке с первого года обучения.

Для того чтобы создать эффективные условия для развития коммуникативных способностей младших школьников, необходимо ответить на следующие вопросы: 1) что собой представляет элементарное иноязычное общение, в ходе обучения которому предполагается развивать коммуникативные способности учащихся, и 2) какие способности входят в группу коммуникативных, т. е. обеспечивающих успех участия школьников в устном «элементарном» иноязычном общении.

Отвечая на первый вопрос, будем исходить из того, что общение – это «взаимодействие двух (или более) людей, направленное на согласование и объединение их усилий с целью налаживания отношений и достижения общего результата» [2]. Г. М. Андреева выделяет в нем три стороны: интерактивную, коммуникативную и перцептивную [3]. *Интерактивная сторона* представляет собой обмен действиями, приёмами их выполнения и полученными результатами. В ней принимают участие равноправные «инициативно-самодействующие» субъекты практического взаимодействия, активность которых направлена как на совместно обрабатываемый предмет, так и друг на друга с целью получения определенного результата.

По ходу таких взаимодействий участникам общения чрезвычайно важно обмениваться информацией, т. е. идеями, мыслями, точками зрения, которые помогают им спланировать общую деятельность, организовать «обмен действиями» и получить ожидаемый результат. За налаживание этой деятельности отвечает *коммуникативная сторона*. Ее отличительной чертой является то, что партнёры общения вербально воздействуют друг на друга, стараясь побудить выполнить то или иное действие для достижения запланированного результата.

Для нас исключительно важен тот факт, что коммуникативное воздействие как результат обмена информацией возможно только тогда, когда коммуникатор и реципиент обладают единой или сходной системой кодификации и декодификации, т. е. в одинаковой степени владеют языком и речью как его проявлением, являющимися средствами осуществления коммуникативной стороны общения.

Перцептивная сторона общения понимается как обмен образами, представлениями, чувствами и т. п., для того чтобы общающиеся, воспринимая друг друга, могли понять, оценить и интерпретировать поступки с целью налаживания взаимоотношений, обеспечивающих результативность совместной деятельности. Эта информация поступает к участникам общения или в речевой форме, или в виде физических движений, или в виде переплетения речи и физических движений, выступающих в качестве средств данной стороны общения.

Как видим, все стороны общения, с одной стороны, действуют совместно, взаимно дополняя друг друга, для достижения его результата, а с другой – успех интерактивной стороны в значительной степени зависит от того, как функционируют коммуникативная и перцептивная стороны общения. Если эти стороны обслуживаются языковыми средствами иностранного языка, то речь идет об иноязычном общении.

Поскольку в центре нашего внимания находится процесс обучения учащихся начальных классов устному иноязычному общению на элементарном, т. е. начальном, уровне, являющемся основой для приобретения более высокого уровня в последующих классах, то далее мы будем говорить об элементарном устном иноязычном общении, обычно протекающем на уроках иностранного языка в диалогической форме.

Обращение к Примерным программам по иностранному языку для начальной школы показало, что школьники должны уметь вести этикетные диалоги, а также диалоги-расспросы и диалоги-побуждения к действию объемом две-четыре реплики. Для этого требуются умения задавать вопросы и отвечать на них; расспрашивать о чем-либо, высказывать просьбу и реагировать на просьбу собеседника; начать, поддержать и завершить разговор [4]. Это и будет тот элементарный уровень, который должны приобрести учащиеся начальных классов в процессе обучения иноязычному общению.

Успех формирования перечисленных навыков и умений в значительной степени зависит от коммуникативного развития младшего школьника на родном языке. Для его характеристики воспользуемся работами И. А. Зимней. Сравнивая с речью дошкольника, исследователь обращает внимание не только на прогрессивные изменения в умении ученика начальных классов строить более полные, связные и содержательные высказывания благодаря увеличению словарного запаса и овладению грамматикой, но и на более высокую степень развития речевых механизмов, необходимых для их конструирования [5].

В то же время она показывает, что младшие школьники еще недостаточно глубоко раскрывают внутренние связи между явлениями, отдают предпочтения конкретным суждениям, чаще всего не выражают личностного отношения к высказываемой мысли, не следят за логикой изложения, затрудняются в выборе правильных лексико-грамматических форм. Все это свидетельствует о пока недостаточной сформированности речевого механизма осмысления, не полной отработанности языковых средств и о невысоком уровне развития способов формирования и формулирования мысли.

В пользу сделанного вывода говорят результаты констатирующего эксперимента по выявлению уровня коммуникативного развития второклассников Лингвистической гимназии г. Кирова, проведённого одним из авторов статьи. Полученные в нем высказывания состояли, в основном, из простых предложений, между ними отсутствовали слова-связки, что часто приводит к нарушению логики изложения. Кроме того, имело место малое разнообразие лексических единиц, нечастое использование синонимов и антонимов, большое количество пауз хезитации и слов-заменителей.

Аналогичная картина наблюдалась и в высказываниях второклассников на английском языке. В них не только присутствовали все вышеназванные явления, но и имело место увеличение пауз хезитации, сокращение объёма высказываний, наблюдались случаи замены английских слов русскими, трудности при выборе слов и построении предложений. Приведенные примеры, с одной стороны, подтверждают факт недостаточной сформированности у младших школьников речевых механизмов на родном языке, а с другой – показывают трудности, с которыми они сталкиваются при овладении иноязычным общением.

Чтобы облегчить и ускорить продвижение учащихся начальной школы к более высокому уровню владения иноязычным общением, по нашему мнению, целесообразно объединить обучение иноязычному общению с целенаправленным развитием коммуникативных способностей школьников.

Коммуникативные способности представляют собой индивидуально-психологические особенности личности, обеспечивающие эффективное взаимодействие и адекватное взаимопонимание между людьми в процессе общения или выполнения совместной деятельности [6]. Эти способности социально обусловлены, так как без владения речью как средством общения, без умения адаптироваться в ситуации невозможно правильно оценивать поступки людей и налаживать с ними отношения. От них зависят качественные и количественные характеристики обмена информацией, восприятия и понимания другого человека, выработка стратегий взаимодействия.

При определении структуры коммуникативных способностей мы из многообразия существующих вариантов (А. В. Батаршев, Н. В. Воробьева, А. Э. Голубева, А. А. Медникова, М. И. Скрыпко и др.) выбрали тот, который наиболее близок к компонентному составу общения, описанному выше. Поэтому далее, вслед за А. В. Батаршевым, мы будем вести речь о совокупности интерактивных, речевых (во избежание тавтологии мы заменили этим термином слово «коммуникативный») и перцептивных коммуникативных способностей [7].

Интерактивные способности представляют собой способности согласовывать и координировать свои действия с действиями партнера на всех фазах совместной деятельности, помогать и поддерживать его в ходе ее выполнения, сопереживать и сочувствовать в случае неудачи. Именно на этой основе строятся эффективные взаимодействия общающихся. *Перцептивные способности* отвечают за точность и полноту восприятия, понимания и оценивания сложившейся ситуации; субъектов, участвующих в ней; полученной в ходе их взаимодействия информации и за установление деловых и личностных взаимоотношений, требующихся для результативной совместной деятельности.

Что касается *речевых способностей*, то они включают способности к четкому выражению своих мыслей и чувств при построении высказываний с помощью таких вербальных и невербальных средств передачи информации, как устная и письменная речь, мимика, жесты и т. п. для налаживания совместной деятельности и достижения ее результата. Так же как и стороны общения, названные способности находятся в тесной связи друг с другом, и недостаточное развитие даже одной из групп оказывает отрицательное влияние на функционирование общения в целом.

Покажем, какая совокупность коммуникативных способностей необходима в отдельном акте устного иноязычного общения младших школьников, которое, как мы указали выше, протекает в диалогической форме, где ученики должны расспросить друг друга о каком-либо предмете (явлении, человеке и т. п.) или побудить выполнить какое-либо действие. Итак, на уроке иностранного языка перед учащимся ставится речевая задача узнать у одноклассников что-то новое, интересное по обсуждаемому вопросу, а также поделиться своими сведениями, чтобы затем обобщить эту информацию всему классу.

Для решения такой задачи первый участник диалога должен а) понять и оценить ситуацию, предложенную учителем, а также возможности своего собеседника (перцептивные способности); б) построить вопрос по аналогии с образцом или самостоятельно (речевые); в) привлечь внимание второго участника и вежливо предъявить ему вопрос (интерактивные и речевые). Тот, в свою очередь, должен а) понять вопрос, запомнить его структуру и полученную информацию (перцептивные); б) построить ответ, дополнив его требующимися сведениями (речевые); в) вежливо попросить о помощи в случае затруднений (речевые и интерактивные).

Дальнейшее решение задачи требует от первого собеседника а) выслушать и понять ответ одноклассника, помочь ему и эмоционально поддержать в случае затруднений (перцептивные и интерактивные); б) выбрать новую информацию, объединить со своей, предъявить и предложить второму собеседнику ее запомнить (перцептивные, речевые и интерактивные). Последний должен а) понять, согласиться или отвергнуть полученные сведения, дополнить общий ответ при необходимости, а затем представить его классу (перцептивные, интерактивные и речевые способности). Как видим, функционирование даже такого небольшого диалога-расспроса зависит от того, насколько его участники владеют необходимыми для этого речевыми умениями, успех которых, в свою очередь, обеспечивается развитием описанной совокупности коммуникативных способностей.

Изложенное, во-первых, подтвердило высказанную нами мысль о том, что целесообразно объединить обучение иноязычному общению с целенаправленным развитием коммуникативных способностей младших школьников. Во-вторых, оно позволило нам выявить условия, которые необходимо создавать при обучении учеников начальной школы устному иноязычному общению, чтобы обеспечить одновременное развитие их коммуникативных способностей.

В качестве первого условия выступает такая организация учебного процесса, которая бы наиболее полно и точно моделировала общение и его стороны, описанные выше. А это значит, что процесс обучения должен представлять собой совокупность интерактивных, коммуникативных и перцептивных взаимодействий учителя с учащимися, а также школьников между собой для обмена действиями, информацией, образами и чувствами с целью достижения запланированного результата, а именно, овладения учащимися элементарным устным иноязычным общением и развития их коммуникативных способностей.

Взаимодействия с учителем как опытным взрослым, владеющим предметной деятельностью (иноязычной речевой деятельностью), которую он должен передать ученикам, включают последних в различные формы учебной деятельности, находящейся в процессе формирования в этом возрасте. Взаимодействия же с одноклассниками могут выступать в двух формах. Одной из них является игра, наиболее привычная в дошкольном возрасте, которая долгое время была «предлогом для активного общения» [8] и в начальной школе пока еще остается таковым. В качестве другой формы выступают учебные взаимодействия одинаково неумелых, «равно несовершенных партнеров» [9], требующие новых действий и дополнительных усилий по причине их недостаточной сформированности.

Чтобы школьники могли включаться в названные виды взаимодействий, предполагается, что учитель постепенно передает им действия, присущие учебной деятельности и лежащие в основе этих взаимодействий. Процесс передачи начинается с учебных действий исполнения, затем текущего и итогового контроля и завершается действиями планирования. За ним следует интенсивная отработка «переданных» учебных действий с помощью упражнений в диадах, иногда в триадах, часто организуемых в форме различных игр, в сопровождении раздаточного материала, содержащего правила взаимодействия или их условные обозначения. И если в самых первых упражнениях одним из партнеров иноязычного общения является учитель, то по мере овладения перечисленными действиями его участниками становятся сами школьники.

Еще одним условием успешности названного процесса является учет речевых возможностей и потребностей младших школьников, характеристику которых мы дали выше. Значимость данного условия убедительно доказана в работах З. Н. Никитенко, одного из ведущих специалистов в области иноязычного образования в начальной школе. В них исследователь пишет, что при организации обучения иностранным языкам в младших классах необходимо опираться «на речевой опыт в родном языке и опыт овладения этим языком» [10].

Это условие мы имеем в виду, когда говорим, что процесс обучения иноязычному общению должен базироваться на механизмах, участвующих в общении на родном языке, качество работы которых будет улучшаться при условии целенаправленного развития коммуникативных способностей школьников и их включения в те виды деятельности, которые наиболее характерны для этого возраста. Таковыми, как мы отметили выше, являются игровая и учебная деятельность.

Все изложенное позволяет нам утверждать, что оптимальной организационной формой учебного процесса, направленного на развитие коммуникативных способностей младших школьников в ходе обучения иноязычному общению, является парная, в которой сотрудничают все его участники. Парная форма моделирует диалогическое общение и поэтому обеспечивает включение коммуникативных и перцептивных взаимодействий учащихся, необходимых для участия в игровых и учебных интерактивных взаимодействиях с целью согласования, объединения и координации усилий на достижении результата. Она также позволяет учителю взять на себя часть учебных и речевых действий, которыми младшие школьники еще не владеют.

Эта идея была реализована на уроках английского языка во 2–3-м классах Лингвистической гимназии, где включение учащихся в парное общение имело место на всех этапах обучения

устному иноязычному общению в течение четверти. Так, на этапе формирования навыков велась работа над диалогическими единствами, т. е. минимальными единицами диалогического общения, одним из участников которых был учитель. Структура и содержание диалогических единств определялись с учетом недостаточной сформированности речевых механизмов на родном языке. Это нашло воплощение в двухчленных единствах, представленных словосочетаниями или короткими простыми предложениями, наполненными хорошо усвоенными лексическими единицами. Исходя из потребностей младших школьников, для которых игра остается предложением для общения, их парное общение проходило в игровой ситуации.

На этапе совершенствования навыков иноязычного общения учащиеся работали с диалогами-моделями, состоящими из двух-трех реплик, некоторые из которых предполагали игровую деятельность. В ходе парного общения школьники участвовали в интерактивных, коммуникативных и перцептивных взаимодействиях, спланированных и контролируемых учителем, постепенно осваивая исполнительские речевые и учебные действия, лежащие в их основе. И, наконец, на этапе развития умений учащиеся самостоятельно включались в парное общение, используя все то, чему они научились на предыдущих этапах.

Уровень развития коммуникативных способностей школьников был выявлен с помощью тестов-игр («Сиамские близнецы», «Ау» и «Клубочек» [11]), результаты которых показали положительную динамику развития всех их компонентов. Таким образом, проведенное опытное обучение говорит об эффективности использования парной формы организации учебного процесса для развития коммуникативных способностей младших школьников в ходе обучения элементарному устному иноязычному общению. Оно также подтверждает мысль З. Н. Никитенко о том, что на уроках иностранного языка необходимо взаимосвязанное и одновременное развитие иноязычной речи, учебной деятельности и комплекса способностей, их реализующих [12].

Примечания

1. Примерная программа по иностранному языку для начальной школы // Иностранные языки в школе. 2010. № 9. С. 2–7.
2. Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986. С. 7.
3. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2000.
4. Примерная программа. Указ. соч.
5. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. С. 130–135.
6. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. М.: Изд-во Когито-Центр, 2011.
7. Батаршев А. В. Диагностика способности к общению. СПб.: Питер, 2006.
8. Возрастная и педагогическая психология / под ред. А. В. Петровского. М.: Просвещение, 1989. С. 54.
9. Цукерман Г. А. Виды общения в обучении. Томск: Пеленг, 1993. С. 43.
10. Никитенко З. Н. Развивающее иноязычное образование в начальной школе. М.: ГЛОССА-ПРЕСС, 2010. С. 90.
11. Игры на развитие коммуникативных способностей детей дошкольного возраста. URL: <http://detskiysad195.ru/?p=135>
12. Никитенко З. Н. Указ. соч. С. 127.

Notes

1. Approximate program in foreign language for elementary school // Inostrannyye yazyki v shkole - Foreign languages at school. 2010, No. 9, pp.2-7. (in Russ.)
2. Lisina M. I. Problemy ontogeneza obshcheniya [Problems of the ontogenesis of communication]. M. Longman. 1986. P.7.
3. Andreeva G. M. Social'naya psihologiya [Social psychology]. M. Aspect Press. 2000.
4. Approximate program. Op. cit.
5. Zimnyaya I. A. Psihologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole [Psychology of teaching foreign languages in school]. M. Prosveshchenie. 1991. Pp. 130-135.
6. Psihologiya obshcheniya. EEnciklopedicheskij slovar' - Communication psychology. Encyclopedic dictionary / ed. by A. A. Volumes. M. Publ. Cogito Centre. 2011.
7. Batashev A.V. Diagnostika sposobnosti k obshcheniyu [Diagnostics of communication ability]. SPb. Piter. 2006.
8. Vozrastnaya i pedagogicheskaya psihologiya - Age and pedagogical psychology / under the editorship of V. A. Petrovsky. M. Prosveshchenie. 1989. P. 54.
9. Zuckerman G. A. Vidy obshcheniya v obuchenii [Types of communication in education]. Tomsk. Peleng. 1993. P. 43.
10. Nikitenko Z. N. Razvivayushchee inoyazychnoe obrazovanie v nachal'noj shkole [Developing of foreign language education in elementary school]. M. GLOSSA-PRESS. 2010. P. 90.
11. Games for the development of communicative abilities of children of preschool age. Available at: <http://detskiysad195/EN/?p=135> (in Russ.)
12. Nikitenko Z. N. Op. cit. P. 127.

Формирование межкультурной коммуникативной компетенции специалиста в процессе профессиональной социализации в рамках курса «Межкультурное корпоративное общение»

Статья посвящена поиску новых педагогических технологий, активизирующих потенциал высшей школы в сфере профессионально-личностного самоопределения будущего специалиста. На примере формирования межкультурной коммуникативной компетенции студентов-бакалавров в ходе изучения курса «Межкультурное корпоративное общение» показаны основные педагогические подходы и средства, позволяющие проектировать содержание образования как педагогически организованную профессиональную социализацию личности. Теоретически обоснованные и практически апробированные компоненты курса раскрывают механизм овладения студентами субъективным и объективным компонентами культуры как характеристиками новой социальной роли. Предложено понимание комплексного социально-психологического и лингводидактического тренинга, интенсифицирующего одновременное развитие личностных качеств и формирование ключевых компетенций студентов на основе обучающих моделей профессиональной коммуникации в контексте межкультурного взаимодействия.

The article is focused on working out new high school technologies contributing to vocational and personality self-determination of the future specialist. The article covers basic theories and concepts related to projecting learning as pedagogically set up vocational socialization drawing on the example of intercultural communicative competency development during the course on "Intercultural Corporate Communication". The course structure provides a balance between theory and practice, which presents the tool allowing students to acquire subjective and objective cultural necessities as the essential features of a new social role. The article defines training students in vocational communication models in terms of multifunctional social, psychological and methodological practice providing individual coaching as well as key educational competencies tutoring in the intercultural communicative context.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, профессиональная социализация, педагогическое проектирование, учебный курс, модели профессиональной коммуникации, иноязычное деловое общение, тренинг.

Keywords: intercultural communication, vocational socialization, pedagogical projecting, training course, vocational communication models, business English communication, training.

Инновационное развитие общества, трансформирующее «обучение *на всю жизнь*» в «образование *через всю жизнь*», акцентирует личностно-развивающую цель высшей школы, состоящую в том, что «социальная эффективность образования и личная культура человека должны выступать синонимами» [1]. Качественное изменение требований информационного общества ставит вопрос о способности современных специалистов как субъектов культуры вести диалог с окружающим социумом в условиях трансформации ценностей. Сегодня на мировом рынке труда востребованы мобильные, коммуникабельные профессионалы, готовые к проектной деятельности в поликультурной команде. Коммуникативная компетентность, владение психологической компетенцией, нормами межкультурной коммуникации и деловой культуры, образуя основу межкультурной компетенции, определяют конкурентоспособность специалиста в условиях интернационализации общества.

Философия концепции "life-long learning", актуализируя понимание образования как самосовершенствование личности, трактует вопросы профессиональной подготовки специалиста в контексте взаимодействия индивида и культуры. В свете формирующейся методологии парадигмы непрерывного образования «существенным становится не только чему учить, но и как учить, чем учить, и кто учит» [2]. Этот тезис определил цель данной статьи, заключающуюся в том, чтобы на примере курса «Межкультурное корпоративное общение» проанализировать педагогические подходы и средства, позволяющие проектировать взаимодействие преподавателя и студентов как «процесс вхождения в человеческую культуру» будущих специалистов (Л. С. Выготский).

Эффективность международных контактов определяется культурой поведения и мышления, способностью специалистов сотрудничать с партнерами различных национальностей. Интерпретация с позиции антропологического подхода мысли С. Тер-Минасовой о том, что «обучать иностранному языку – значит обучать культуре» послужила концептуальным основанием учеб-

но-методического комплекса «Межкультурное корпоративное общение», разработанного для студентов факультета иностранных языков Новосибирского государственного университета, обучающихся по специальности 45.03.02 «Лингвистика» (бакалавриат).

Время студенчества или ступень «исследования» в общей системе профессионального становления специалиста, запускающая двойственный механизм социализации в процессе образования: социогенез личности и ее культурную трансформацию, – характеризуется одновременным протеканием психофизиологического и социального взросления молодых людей. Самоопределяясь как субъект социальных отношений, развивающаяся личность претерпевает социокультурные и психологические изменения идентичности как на профессиональном, так и на межнациональном уровнях. Находясь на стадии «психосоциального моратория» (Э. Эриксон), студенты интериоризируют новые социально-профессиональные роли и нормы, расширяя на когнитивном, мотивационном, эмоционально-волевом и поведенческом уровнях собственные ценности и представления, образующие основу «Я-концепции». Экстраполируя основные положения теории социализации американского психолога Д. Мацумото как комплексного процесса и механизма познания личностью социальных и культурных норм [3], можно рассматривать сущность профессиональной социализации в присвоении системы ролей и моделей поведения, релевантных для соответствующей социальной группы или общности. В рамках этой концепции обучение деловому общению в контексте межкультурного взаимодействия выступает средством языковой социализации, предполагающей «овладение языком как коммуникативным средством, обуславливающим социальное взаимодействие в обществе; приобретение языковой и коммуникативной компетенций; усвоение языка, используемого в данном обществе, и правил его применения в соответствии с исполнением тех или иных социальных ролей» [4].

В соответствии с личностно-ориентированной парадигмой объектом педагогического проектирования выступает учебный курс «Межкультурное корпоративное общение», «целью которого (на всех этапах обучения) является не только накопление знаний, умений, а постоянное обогащение опыта творчества, формирование механизма самоорганизации и самореализации личности каждого обучающегося» [5]. Для решения этой задачи были выделены следующие блоки содержания учебно-методического комплекса, определяющие формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов в процессе обучения:

- информационно-когнитивный блок;
- практический компетентностный блок;
- личностный социально-ценностный блок;
- методико-технологический блок.

Осмысление содержания образования как фактора профессиональной социализации определило подход к разработке содержания курса как образовательного пространства для овладения личностью «универсалиями культуры», которые, выполняя функцию «категориальной упаковки», обеспечивают своеобразную «сортировку многообразного, исторически изменчивого социального опыта» и образуют в сознании личности индивидуальную картину мира [6].

Для реализации *информационно-когнитивного блока* содержания было разработано и апробировано учебно-методическое пособие “Cultural Differences and Business Communication” [7]. Анализ зарубежных теоретических исследований в области лингвистики и межкультурной коммуникации на основе принципов контекстного обучения и тезисов философии прагматизма Д. Дьюи, трактующих профессию как «ось, вокруг которой сосредоточивается огромное разнообразие деталей» [8], выявил механизмы использования учебного материала для развития профессионально-личностных интересов обучаемых. Проектирование пособия с учётом таких ведущих тенденций профессионального образования, как гуманизация и интеллектуализация труда, обеспечение индивидуальной образовательной стратегии, расширение социально-экономических требований рынка труда, придает этому компоненту практико-ориентированный характер.

Междисциплинарный характер пособия, отражающий основные положения в области психологии делового общения, деловой этики, международного менеджмента и межкультурной коммуникации, позволяет устранить разрыв между теоретическими знаниями о культуре, как – «что» и перейти на практический уровень – «как». Представленная в пособии система обучающих моделей профессиональной коммуникации направлена на присвоение студентами объектного и субъективного аспектов культуры через овладение «сюжетной канвой» усваиваемой деятельности.

На начальном этапе обучения модель «деловой социализации» задается субъективными аспектами культуры или «совокупностью норм деловой этики, правил поведения, принятых в деловых кругах, и являющейся нормой и образцом в формальной обстановке» [9]. Выполняя личностно и практико-ориентированные задания, например, организация приема зарубежного гостя, проведение деловой беседы, подготовка деловой самопрезентации, студенты интериоризируют нормы

межкультурного делового общения как специального вида социальной коммуникации. Студенты изучают основы делового этикета, правила поведения в ресторане, принятые в разных странах. В ходе коммуникативных и культурных тренингов студенты осваивают особенности невербальной культуры различных стран, стратегии и тактики коммуникативного поведения в разнообразных ситуациях межкультурного делового взаимодействия. Использование проблемных ситуаций, сюжетно-ролевых игр развивает студента как субъекта межкультурного общения.

На продвинутом этапе студенты изучают объективный аспект культуры, представленный следующими компонентами: личная культура – деловая культура – корпоративная культура. Совершенствуя знания в области международного менеджмента, студенты анализируют специфику западной и восточной моделей управления компанией. «Проигрывая» интерактивную модель профессиональной коммуникации в ходе изучения правил подготовки и проведения деловых собраний, специфики межличностных контактов и функций менеджера в международной компании, студенты знакомятся с практическим функционированием национальных моделей бизнеса. Сочетание индивидуальных, коллективных и групповых форм обучения дает студентам опыт взаимодействия с партнерами различных психологических типов, раскрывает их деловые и личностные качества.

На завершающем этапе студенты усваивают социальные нормы межкультурного взаимодействия. Овладение студентами социально-культурной моделью профессиональной коммуникации, реализующей субъективные элементы культуры, происходит в контексте спроектированных преподавателем фрагментов будущей деятельности, например подготовки и проведения международных переговоров. Развивая коммуникативную компетенцию, студенты сопоставляют существующие в современном международном бизнесе основные национальные стили, тактики и этапы проведения переговоров. Интерпретируя в логике антропоцентрического подхода понимание межкультурной коммуникативной компетенции как процесса установления личностью субъективных отношений с социумом, имеющим в соответствии с коммуникативными намерениями конкретные вербальные, паравербальные и невербальные модификации, мы рассматриваем профессиональную интеграцию и культурную самотрансформацию личности в качестве основной цели курса «Межкультурное корпоративное общение».

Согласно положениям Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, дидактическая цель практического блока содержания курса отражает формирование умений и навыков, необходимых для осуществления будущей консультативно-коммуникативной профессиональной деятельности:

- участие в деловых переговорах, конференциях, симпозиумах, семинарах с использованием нескольких рабочих языков;
- применение тактик разрешения конфликтных ситуаций в сфере межкультурной коммуникации;
- проведение информационно-поисковой деятельности, направленной на совершенствование профессиональных умений в области межкультурной коммуникации;
- составление словников, методических рекомендаций в профессионально ориентированных областях межкультурной коммуникации.

Студенты учатся вести межкультурное профессиональное общение в соответствии с законами современной деловой риторики и социально-психологическими принципами сотрудничества. Использование компетентностного подхода для анализа структурных компонентов коммуникативной компетентности, общекультурных, профессиональных компетенций, представленных в Федеральном государственном образовательном стандарте для данной специальности, позволило спроектировать «профессионально-коммуникативный портрет профессионала», отражающий связь между свойствами специалиста, владеющего межкультурной коммуникативной компетенцией как личностным, формируемым качеством и структурой его будущей социально-профессиональной деятельности. В результате активного овладения содержанием образования в виде профессиональных знаний, социального опыта и норм культуры посредством взаимосвязанных и взаимодополняющих процессов социализации и индивидуализации у будущих специалистов формируются ключевые учебно-профессиональные умения и компетенции:

- *информационно-профессиональные* умения и навыки межличностного общения, обеспечивающие результативное выполнение профессиональных задач (Acting Skills);
- *когнитивные умения*, обеспечивающие основные мыслительные операции, способность ориентации в ситуации (Thinking Skills);
- *социальные* или личностно-эмоциональные умения, необходимые специалисту для эффективного взаимодействия с другими людьми, группой, способность к эмпатии и самооценке (Valuing Skills);

– личностные коммуникативные умения, диалогичность, креативность и автономность в общении, представленная системой ценностных установок в сфере общения (Social Skills).

Личностный социально-ценностный блок содержания курса, определяющий развитие межкультурной коммуникативной компетенции будущих специалистов, имеет своей целью формирование у студентов опыта осуществления эмоционально-ценностных отношений и ориентаций в контексте культурных различий. В условиях интенсивного осуществления межкультурной профессиональной коммуникации на первый план выходят навыки владения интерактивной стороной общения, предполагающей информационно-психологическое воздействие и взаимодействие партнеров, направленное на как достижение конкретных результатов, так и на создание гармоничных отношений между участниками.

Философская концепция О. Розеншток-Хюсси, согласно которой в процессе социализации личность последовательно овладевает четырьмя речевыми формами «Ты – Я», «Я – Мы», «Я – Он, Она», «Я – Они», необходимыми для включения в четыре типа отношений: к миру и с миром, к себе и с самим собой, составила основу *социально-ценностного блока*. В контексте данной теории деловое иноязычное общение выступает механизмом трансляции базовых ценностей и отношений различных деловых культур, позволяющим будущему специалисту «осознать свое место в истории (позади), мире (вовне), обществе (внутри) и судьбе (вперед)» [10].

Спроектированное с позиций культурологического подхода, обучение межкультурному деловому общению «как процессу, посредством которого люди научаются жить совместно и эффективно взаимодействовать друг с другом» [11] расширяет границы образовательного процесса, перенося его в плоскость освоения культуры человеческих отношений в межкультурной профессиональной среде. Формируя межкультурную коммуникативную компетенцию, студенты совершенствуют навыки межличностного и межкультурного взаимодействия, развивая социально-профессиональную компетентность и метапрофессиональные качества.

Тезис Л. С. Выготского о том, что «перед педагогикой стоит цель выработки не определенного количества умений, а известных творческих способностей к быстрой и умелой социальной ориентировке» [12], отражает задачу *методико-технологического блока* курса в раскрытии механизма «самости» личности. Включение в образовательный процесс социально-психологического тренинга, представляющего собой совокупность приемов, упражнений, техник взаимодействия субъектов общения, интенсифицирует развитие индивидуальности студентов на основе метафоры «порождение собственного опыта». Выступая инструментом личностно ориентированного профессионального образования, тренинг имеет следующие характеристики:

- целевая установка на развитие личности;
- конгруэнтность содержания образования будущей профессиональной деятельности;
- опора на субъективный опыт обучаемых;
- интегративное единство форм, методов и средств обучения;
- взаимодействие обучаемых и педагогов;
- индивидуальный стиль педагогической деятельности [13].

Участие в тренингах, спроектированных на основе обучающих моделей профессиональной коммуникации, помогает студентам овладеть социально-психологическим механизмом вербального и невербального поведения, необходимым для межкультурного общения. Выполняя функции тренера, преподаватель предоставляет студентам возможность рефлексировать собственный опыт в общении и выявлять индивидуальный коммуникативный, интеллектуальный и эмоциональный потенциал, а также «вырабатывать умения и attitudes, помогающие им приспособиться и функционировать в чужой стране» [14] в специально проектируемой образовательной среде. В ходе тренинга:

- делается отчетливый акцент на освоение эмоциональных аспектов общения – воздействия;
- роль эмоций ассоциируется одновременно с целями и средствами воздействия;
- подчеркивается принципиальная важность умений тонко чувствовать эмоциональное состояние партнера по общению;
- акцентируется важность обращенности к другому как предпосылка воздействия на самого себя;
- особое значение придается эмоциональной атмосфере доверия, готовности открыть себя партнеру;
- не только мышление направляется на совершенствование эмоциональной сферы, но и сами эмоции рассматриваются как средство, меняющее мысль;
- эмоциональный климат воздействия оказывается отражением и порождением субъект-субъектного контакта [15].

Используя личностно-развивающий ресурс социально-психологического и лингводидактического тренинга, преподаватель проектирует образовательный процесс как мониторинг про-

фессионально-коммуникативного развития будущего специалиста. В этом ключе критерий социализированности личности, «состоящий в степени ее независимости, уверенности, самостоятельности, раскрепощенности, инициативности, незакомплексованности, проявляющейся в реализации социального и индивидуального» [16], выступает показателем эффективности курса.

Результаты анкетирования студентов, ежегодно проводимого после прохождения профессиональной практики, говорят о том, что навыки социального поведения и опыт работы в интерактивных группах как социальных моделях учебной профессиональной среды помогают студентам во время профессионального общения с партнерами различных деловых культур. Студенты отмечают, что обучение деловому иноязычному общению в контексте игрового учебного взаимодействия развивает необходимые личностные и профессиональные качества. Контекстный подход, по мнению студентов, позволяет им почувствовать себя членами профессиональной группы.

Овладение студентами-бакалаврами через язык будущей деятельности объективными и субъективными нормами и ценностями культуры выступает механизмом профессиональной социализации, обуславливающим профессиональное и культурное самосознание личности. Использование комплексного социально-психологического и лингводидактического тренинга как педагогически спроектированного инструмента профессиональной социализации позволяет личности освоить особенности межкультурной коммуникативной компетенции и совершенствовать ключевые профессионально-личностные умения, определяющие эффективность интеграции и самоактуализации специалиста в поликультурном социуме.

Примечания

1. Дьюи Дж. Демократия и образование. М., 2000. С. 119.
2. Новиков А. М. Постиндустриальное образование. М., 2008. С. 58.
3. Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб., 2008.
4. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М., 2013. С. 383.
5. Рубцов В. В., Столяренко А. М. Профессионально-личностные ориентации в современном высшем образовании: учеб. пособие. М., 2014. С. 129.
6. Запесоцкий А. С. Теория культуры академика В. С. Степина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае – сентябре 2010 г. СПб., 2010. С. 30.
7. Шмакова О. В. Cultural differences and business communication (Иноязычное деловое общение в межкультурной среде): учеб.-метод. пособие. Новосибирск: НГУ, 2015.
8. Дьюи Дж. Указ. соч. С. 281.
9. Головлева Е. Л. Основы межкультурной коммуникации: учеб. пособие. Ростов н/Д., 2008. С. 158.
10. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994. С. 21.
11. Рапатевич Е. С. Педагогика // Большая современная энциклопедия. М., 2005. С. 543.
12. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 2008. С. 112.
13. Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2003. С. 129.
14. Словарь терминов межкультурной коммуникации. Указ. соч. С. 422.
15. Петровская Л. А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. М., 1989. С. 66.
16. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. 2-е изд. М., 2004. С. 190.

Notes

1. Dewey J. Demokratiya i obrazovanie [Democracy and education]. M. 2000. P. 119.
2. Novikov A. M. Postindustrial'noe obrazovanie [Post-industrial education]. M. 2008. P. 58.
3. Matsumoto D. СHеловек, kul'tura, psihologiya. Udivitel'nye zagadki, issledovaniya i otkrytiya [People, culture, psychology. Amazing puzzles, exploration and discovery]. SPb. 2008.
4. Glossary of intercultural communication. M. 2013. P. 383.
5. Rubtsov V. V., A. M. Stolyarenko Professional'no lichnostnye orientacii v sovremennom vysshem obrazovanii: ucheb. posobie. [Professionally personal orientation in contemporary higher education: tutorial]. M. 2014. P. 129.
6. Zapesotskiy A. S. Teoriya kul'tury akademika V. S. Stepina: lekicii, prochitannye studentam SPbGUP v mae – sentyabre 2010 g [Theory of culture of academician V. S. Stepin: a lecture delivered to the students of social sciences in may – September 2010] St. Petersburg. 2010. P. 30.
7. Shmakova O. V. Cultural differences and business communication (Inoyazychnoe delovoe obshchenie v mezhkul'turnoj srede): ucheb.-metod. posobie [Cultural differences and business communication (Foreign language business communication in intercultural environment): tutorial]. Novosibirsk. NSU. 2015.
8. Dewey J. Op. cit. P. 281.
9. Golovlyova E. L. Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii: ucheb. posobie [Fundamentals of intercultural communication: tutorial]. Rostov-na-Donu. 2008. P. 158.
10. Rosenstock-Hussi O. Rech' i dejstvitel'nost' [Speech and reality]. M. 1994. P. 21.
11. Rapatsevich E. S. Pedagogika [Pedagogics] // Bol'shaya sovremennaya ehnciklopediya – Great modern encyclopedia. M. 2005. P. 543.

12. Vygotsky L. S. Pedagogicheskaya psihologiya [Pedagogical psychology]. М. 2008. P. 112.
13. Zeer E. F. Psihologiya professional'nogo obrazovaniya: ucheb. posobie. 2 e izd [Psychology of professional education: tutorial]. 2nd is. М. 2003. P. 129.
14. Glossary of intercultural communication. Op. cit. P. 422.
15. Petrovskaya L. A. Kompetentnost' v obshchenii: social'no psihologicheskij trening [Competence in communication: a social psychological training]. М. 1989. P. 66.
16. Feldstein D. I. Psihologiya vzrosleniya: strukturno soderzhatel'nye karakteristiki processa razvitiya lichnosti [Psychology adulthood: structural and substantial characteristics of the process of personality development]. 2nd is. М. 2004. P. 190.

УДК 378.147

А. Л. Каткова

Развитие ИКТ-компетентности преподавателей педагогического вуза

Статья освещает актуальную проблему развития ИКТ-компетентности преподавателей педагогического вуза и повышения их компьютерной грамотности. Автор затрагивает важный вопрос большинства педагогов, не владеющих знаниями в области информационных технологий. Возрастающие требования к уровню профессиональной деятельности педагога показывают неподготовленность и неспособность организации занятий с использованием информационных технологий, но в то же время стремление и желание получить знания и практические умения создания цифровых образовательных ресурсов по преподаваемым дисциплинам. В связи с возникшей проблемой была проведена серия мастер-классов в рамках научно-методической работы, которая состояла из трех этапов: подготовленного, основного и заключительного. В статье подробно описывается выполнение задач мастер-класса, его проведение и основные результаты работы.

The article deals with the actual problem of development of ICT-competence of teachers of pedagogical University and improve their computer literacy. The author addresses the important question of the majority of teachers, who does not possess knowledge in the field of information technology. Growing demands on the level of professional activity of a teacher show unpreparedness and inability of the organization exercises using information technology, but at the same time, the desire and the desire to gain knowledge and practical skills in the creation of digital educational resources on teaching disciplines. In connection with the problem, a series of workshops in the framework of the scientific-methodical works, which consisted of three phases: drafting, basic and final. The article describes in detail the tasks of the master class, its implementation and the main results.

Ключевые слова: компьютерные технологии, ИКТ-компетентность, цифровой образовательный ресурс.

Keywords: computer technology, ICT competence, digital educational resource.

Компьютерные технологии являются современным техническим средством, применяемым в процессе обучения. Студенты широко используют различные гаджеты для образовательной деятельности, такие как ноутбуки, планшетные компьютеры, сотовые телефоны, что повышает мобильность обучаемых и скорость поиска информации. В таких условиях современного мира педагогам приходится подстраиваться под ритм постоянного ускорения движения образовательного процесса.

Описывая подобную ситуацию, С. Д. Каракозов и А. Ю. Уваров подробно излагают в своей статье развитие ИКТ-насыщенной образовательной среды педагогического вуза [Каракозов С. Д., Уваров А. Ю. Развитие ИКТ-насыщенной образовательной среды педагогического вуза // Информатика и образование. 2014. № 8 (257). С. 12]. Они показывают, что такая среда вуза предоставит членам педагогического коллектива все необходимое для продуктивной работы.

Работая в педагогическом вузе и наблюдая за преподавателями, понимаешь, что педагоги, которые проводят лекции с использованием проектора, компьютера, электронной доски, наличия сети Интернет, а также применяющие мультимедиа-элементы на занятиях, обладают качественным преимуществом перед преподавателями, такими навыками не владеющими. Обсуждая данную тему с коллегами, мы пришли к выводу, что важной задачей в настоящее время становится повышение компьютерной грамотности педагогов. Преподаватель вуза, вне зависимости от преподаваемой дисциплины, должен владеть ИКТ-компетентностью. При актуальности этой **проблемы** стала очевидной необходимость работы в данном направлении.

Рассмотрение проблемы позволило выявить следующие **противоречия**:

- между стремлением педагогов и их неспособностью организации проведения занятий с использованием информационных технологий;
- между возрастающими требованиями к уровню профессиональной деятельности педагога и неподготовленностью его к созданию высококачественных методических материалов, включающих цифровые образовательные ресурсы.

Необходимость разрешения перечисленных противоречий привела к возможности решения проблемы: организовать серию мастер-классов в рамках прикладного научно-методического проекта, направленных на повышение ИКТ-компетентности преподавателей различных факультетов педагогического вуза, в том числе деканов и заведующих кафедрами.

Цель научно-методического мероприятия: совершенствование ИКТ-компетентности преподавателей педагогического вуза. Прикладной научно-методический проект направлен на подготовку профессорско-преподавательского состава вуза к созданию цифровых образовательных ресурсов по преподаваемым дисциплинам, а также подготовке методических материалов, направленных на совершенствование умений создавать собственные электронные ресурсы.

Работа по решению проблемы проводилась в основном с помощью эмпирических **методов**: наблюдение, анкетирование, индивидуальные и групповые беседы; обсуждение данной проблемы на форумах, количественная и качественная обработка результатов анкетирования, изучение результатов деятельности педагогов в образовательном процессе. Проект подразумевал **три этапа**: подготовительный, основной и заключительный.

Начиная работу по решению поставленной проблемы **на подготовительном этапе**, мы убедились, что преподаватели стремятся использовать ИКТ в своей профессиональной деятельности и хотят получить достаточно знаний и практических умений для создания электронных материалов, необходимых для преподавания дисциплин. На поставленный вопрос, для каких целей они желают применять электронные материалы (допускался выбор нескольких вариантов), 62% опрошенных ответили «в ходе проведения лекции», 41% – «при объяснении практического материала», 57% – «для самостоятельной работы студентов».

Проведенное анкетирование позволило определить интересы педагогов и помочь в подборе тем для мастер-классов. Мы выяснили, какие электронные материалы, по мнению преподавателей, применимы в профессиональной деятельности в педагогическом вузе:

- презентации (представление основных моментов теоретического материала);
- электронная таблица (построение графиков и диаграмм на основе данных);
- текстовые документы (подготовка лекционного материала);
- звуковые фрагменты (прослушивание докладов, музыкальных произведений);
- изображения (представление на занятиях схем, графиков, иллюстраций, разработка грамот, плакатов);
- видеофрагменты (создание видеороликов для занятий).

Большее количество опрошиваемых выделяли преимущество создания видеоресурса, поясняя это удобством визуального запоминания и возможностью высвобождения времени преподавателя для более подробного объяснения материала. Педагоги указывали, что занятия, содержащие мультимедиа элементы, стимулируют внимание обучаемых благодаря возможности демонстрации явлений и объектов в динамике, а также позволяют объединить информацию, представленную в различной форме (видеофильм, анимация, музыка, текст, изображения). На изучение этой темы было решено направить время, предоставленное для проведения мастер-классов.

Цель мастер-класса: совершенствование умений педагогов по вопросам создания цифровых ресурсов для образовательного процесса и подготовке соответствующих учебно-методических материалов.

Задачи мастер-класса

1. Определить уровень подготовленности участников мастер-класса к последующим заданиям.
2. Сформировать знания в ходе объяснения теоретического материала, направленные на дальнейшую практическую работу.
3. Развить практические умения создания цифрового образовательного ресурса.

Форма организации мастер-класса: практическая работа одновременно с выполнением задания преподавателем.

В проекте участвовало пять групп преподавателей по 15 человек в группе. Мастер-классы проводились в свободное от занятий время. В течение четырех часов, отведенных для проведения работы, группы изучали основы видеомонтажа собственного видео в соответствии с составленным планом работы (см. таблицу). Для создания видеоресурса организатором мастер-класса была выбрана профессиональная программа “Sony Vegas Pro” версия 11.0.

Темы занятий	Кол-во часов	Знания	Умения
1. Интерфейс программы, редактирование видеофрагментов и изображений	1	– Понятия видеодорожки, предпросмотра, панорамирования; – виды графической информации; – форматы видеофайлов	– Распределять видео и графические материалы относительно друг друга; – редактировать фрагменты (разрезать, склеивать); – панорамировать (увеличивать, уменьшать и поворачивать) фрагмент
2. Звуковой ряд видеоролика	1	– Понятия аудиодорожки, временной линии; – форматы аудиофайлов	– Распределять несколько звуковых файлов относительно друг друга; – редактировать звуковые фрагменты (разрезать, склеивать); – устанавливать смещение нарастания и затухания звука; – правильное смешение музыки и звуков видео
3. Запись авторского видео и закадрового текста	1	– Средства записи авторского видео (веб-камеры) и записи закадрового текста (микрофон)	– Работать с веб-камерой и микрофоном; – использовать подготовленные записи в сочетании с музыкальной обработкой видеоролика
4. Создание титров и видеоэффектов, сохранение проекта	1	– Виды видеоэффектов и переходов между кадрами; – форматы оптимального сохранения готового проекта	– Создавать титры (форматировать шрифты, добавлять анимацию); – вставлять эффекты в видео; – обрабатывать переходы между кадрами; – сохранять готовый проект в форматах, оптимальных для последующего показа

Перед началом мастер-классов был определен уровень подготовленности участников мастер-класса к последующим заданиям. В ходе беседы организатор выяснила, какими знаниями в области информационных технологий владеют педагоги различных факультетов. В зависимости от полученной информации произошло разделение на группы с целью приблизительно одинаковой скорости выполнения заданий без задержек и отставаний на ожидание педагогов трудно осваиваемых материал мастер-класса.

Основной этап проекта начался с изучения первой темы мастер-класса «Интерфейс программы, редактирование видеофрагментов и изображений», было рассмотрено главное окно программы: меню и панель инструментов, монтажный стол, окно предварительного просмотра, окно проекта; подобраны материалы: фильмы, видеоклипы, flash-анимация, музыка, звуки, фотографии и изображения, а также несколько футажей – видеофайлов, содержащих какое-либо анимированное или просто снятое изображение, используемое при видеомонтаже. Мастер-класс продолжился объяснением правильного расположения видеофрагментов и изображений, их редактирования: разделения и склеивания, использования инструмента панорамирование для увеличения, уменьшения или поворота фрагмента. Параллельно с практическими действиями организатор мастер-класса давал пояснения таким понятиям, как видеодорожка (видеотрек), панорамирование; рассказывал о видах графической информации и распространенных форматах видеофайлов.

Продолжился мастер-класс второй темой «Звуковой ряд видеоролика», где подробно разъяснялись понятия аудиодорожки (аудиотрека), временной линии (таймлайн), популярные форматы аудиофайлов. Педагоги учились распределять звуковые файлы на временной линии, устанавливать смещение нарастания и затухания звука.

Третья тема «Запись авторского видео и закадрового текста» вызвала особый интерес преподавателей, поскольку были изучены средства для записи собственного видео – веб-камера и микрофон. Это удобный способ создания видеолекций, пояснения теоретических знаний, объяснения сложных моментов занятия, которые можно подготовить в свободное время и предоставить студентам для повторения ранее изученного материала.

Окончание мастер-класса завершалось четвертой темой «Создание титров и видеоэффектов, сохранение проекта», которая позволяла изучить виды видеоэффектов, добавить переходы между кадрами, понять разницу в форматах видеофайлов и найти оптимальный для сохранения готового проекта.

В ходе проведения мастер-классов были выполнены поставленные задачи: определен уровень подготовленности участников мастер-класса к последующим заданиям (в связи с чем произошло разделение на отдельные группы), сформированы знания теоретического материала и развиты практические умения создания видеоматериалов, а соответственно достиг-

нута цель – совершенствование умений педагогов по вопросам создания цифровых ресурсов для образовательного процесса и подготовки соответствующих учебно-методических материалов.

Заключительный этап проекта состоял в представлении преподавателями готового видеоресурса, содержащего различные виды информации и имеющего значение для преподаваемых ими дисциплин. Педагоги обменивались мнениями и готовыми цифровыми продуктами в виде небольших видеофильмов, были высказаны предложения для будущих мастер-классов. Все обучаемые подтвердили, что изученная тема необходима в их профессиональной деятельности, и они обязательно будут применять знания и умения, полученные на мастер-классах, для создания новых цифровых ресурсов и дальнейшего их использования. Таким образом, цель научно-методического мероприятия выполнена, и качество ИКТ-компетентности преподавателей педагогического вуза повысилось.

Развитие функциональной алгебры в Вятском государственном гуманитарном университете*

В статье раскрывается понимание функциональной алгебры как самостоятельного раздела современной математики. Рассматриваются тематика и проблематика функциональной алгебры. Выделяются два направления функционально-алгебраических исследований: алгебраические системы непрерывных функций над топологическими пространствами и функциональные представления алгебры. Излагается история развития функциональной алгебры, включая проводимые в ВятГГУ исследования. Особое внимание уделено теории колец и полуколец непрерывных функций и теории пучковых представлений полуколец, развиваемых Кировскими математиками. Функциональная алгебра составляет содержательную основу непрерывной подготовки будущих математиков – преподавателей и исследователей. Ее элементы преподаются старшеклассникам на факультативных занятиях и студентам-математикам на научно-исследовательских кружках, читаются в курсах по выбору для магистрантов и аспирантов математических профилей обучения; служат темами дипломных и магистерских работ, кандидатских и докторских диссертаций по математике.

The article reveals the understanding of Functional Algebra as an independent branch of modern mathematics. It deals with topics and issues of Functional Algebra. There are two directions of functional-algebraic research, namely algebraic systems of continuous functions under topological spaces and functional representations of algebras. The authors describe the history of development of functional algebra including the history of mathematical research at Vyatka State University of Humanities. Special attention is paid to Theory of Rings and Semirings that being developed by Kirov mathematicians. Function algebra is a meaningful basis for the continuous training of future mathematicians – professors and researchers. Its elements are being taught by senior pupils in the elective classes and by students at Students' Research circles. This material may be useful also for graduate and post-graduate students of mathematical profiles. Moreover, Functional Algebra is the source for selecting themes of the diplomas, master's works, and doctoral thesis on mathematics.

Ключевые слова: математика, исследование, функциональная алгебра, пучковое представление алгебр, полукольца непрерывных функций.

Keywords: mathematics, research, functional algebra, sheaf representation of algebras, semirings of continuous functions.

1. Что такое функциональная алгебра

Функциональная алгебра – это раздел современной математики, находящийся на стыке абстрактной алгебры, общей топологии, топологической алгебры и функционального анализа. Она имеет два основополагающих направления исследований:

I. **Алгебраические системы $A(X)$ непрерывных функций**, ассоциированных с топологическими пространствами X .

II. **Функциональные представления и характеристики абстрактных алгебраических систем.**

В качестве $A(X)$ выступали:

– группа гомеоморфизмов топологического пространства X на себя – с операцией композиции отображений;

– полугруппа непрерывных отображений пространства X в себя;

– кольцо $C(X)$ непрерывных действительных функций на пространстве X – с поточечными операциями сложения и умножения функций;

– другие алгебраические системы функций (кольца операторов топологических векторных пространств с поточечным сложением и с композицией-умножением – изучаются в функцио-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Проблемы и перспективы развития непрерывного математического образования в Кировской области», № 15-16-43005.

нальном анализе, кольца числовых функций с поточечным сложением и со сверточным умножением – изучаются в гармоническом анализе, и т. д.).

Основные общие задачи направления I следующие:

- 1) описание структурных свойств данного типа алгебраических объектов $A(X)$, включая их абстрактную характеристику;
- 2) определяемость топологических пространств X и их топологических свойств в терминах алгебраических систем $A(X)$;
- 3) установление двойственностей между категориями топологических пространств X из естественных классов пространств и соответствующими категориями алгебраических систем $A(X)$. Пространства X играют роль исходных математических объектов, а системы $A(X)$ играют роль производных математических структур.

Заметим, что алгебраические системы $A(X)$ могут рассматриваться с той или иной топологией (поточечной сходимости, компактно-открытой, sup -нормой и другими), превращающей $A(X)$ в тополого-алгебраический объект.

В направлении II исследуются вопросы представления, реализации абстрактных алгебраических систем (групп, колец, дистрибутивных решеток, полуколец, решеточно упорядоченных колец и т. п.) в виде алгебраических систем непрерывных функций.

Исходными результатами являются: теорема Кэли о представлении конечных групп группами подстановок; обобщенная теорема Кэли о представлении полугрупп полугруппами преобразований (с операцией композиции); модули над кольцом как его представления (поточечное сложение и композиция-умножение); матричные представления групп (мультипликативными группами матриц); представления дистрибутивных решеток и булевых колец алгебрами $\{0, 1\}$ -значных функций (Биркгоф, Стоун) – с поточечными операциями.

В течение последних 55 лет развивается теория пучковых представлений алгебраических систем (колец, дистрибутивных решеток, универсальных алгебр, полуколец, решеточно упорядоченных колец и полуколец). Здесь алгебраическая система реализуется в виде системы непрерывных сечений различных пучков с соответствующими поточечно определенными операциями и отношениями.

2. История развития функциональной алгебры

Изучение одних математических объектов через другие математические объекты пронизывает всю историю развития математики. Такой переход воплощает фундаментальную идею **координатизации**, всеобщего измерения, восходящую к Декарту, Галилею, Лейбницу. В основном, объекты геометро-топологической природы исследуются в терминах соответствующих им объектов арифметико-алгебраического характера (известны и обратные связи, например, абстрактные группы изучаются с помощью их графов).

Геометрическим фигурам сопоставляются числа (длина, площадь, объем, величина угла, тригонометрические величины), эти соответствия устанавливают функциональную зависимость, порождают элементарные функции. В аналитической геометрии линиям 2-го порядка сопоставлены их канонические уравнения. Системы алгебраических уравнений задают алгебраические многообразия, и к их изучению привлекается аппарат алгебраической геометрии (различные эквивалентности, двойственности). Каждому математическому объекту M соответствуют: группа его автоморфизмов (изоморфизмов на себя, симметрий), полугруппа его эндоморфизмов (гомоморфизмов в себя), решетка подобъектов в M , решетка конгруэнций (факторобъектов) на M . Напомним, что гомоморфизмом однотипных математических объектов (математических структур) называется отображение одного объекта в другой, сохраняющее его структуру (операции, отношения), а **изоморфизм** определяется как взаимно однозначный гомоморфизм, обратный к которому также является гомоморфизмом. См. [1].

Работы Софуса Ли, начиная с 1872 г., по группам непрерывных преобразований (автогомоморфизмов) топологических многообразий можно считать зарождением как **топологической алгебры** (изучающей тополого-алгебраические объекты), так и функциональной алгебры. Теория групп Ли и алгебр Ли затрагивает оба направления функциональной алгебры. Работы Л. С. Понтрягина 30-х гг. XX в. посвящены топологическим телам и топологическим группам [2]. В 1934 г. он установил двойственность между категорией компактных коммутативных групп и категорией дискретных коммутативных групп, имеющую функциональный характер.

Без **абстрактной алгебры** невозможно представить успешное развитие современной математики в целом. В своем естественном развитии традиционная алгебра (решение алгебраических уравнений), арифметика (расширение понятия числа) и элементарная теория чисел (Ферма, Эйлер) с необходимостью привели к выявлению имманентно присущей им **абстрактно-алгебраической структуры**, в первую очередь групповой и кольцевой (Лагранж, Гаусс, Руффи-

ни, Абель, Галуа, Коши). В конце XVIII – первой половине XIX в. возникли понятия группы перестановок корней алгебраических уравнений, кольца классов вычетов целых чисел, конечного поля. Но аксиоматически базовые алгебраические структуры были определены, и соответствующие результаты строго доказаны только в конце XIX в. (теория Галуа, конечномерные действительные алгебры, строение конечных полей). Начало современному этапу генезиса абстрактной алгебры положили работы Гильберта, Артина, Эмми Нётер, Ван дер Вардена и других.

В 30-е гг. прошлого века Стефан Банах и его коллеги заложили основы современного **функционального анализа**, понимаемого как область математики, математического анализа, в которой изучаются топологические векторные пространства, их линейные операторы и функционалы, различные пространства непрерывных функций. Большой и важный раздел функционального анализа составляет теория банаховых алгебр и других, близких к ним нормированных, псевдонормированных и полинормированных алгебр [3].

Исходными математическими объектами направления I функциональной алгебры являются **топологические пространства** вместе с их непрерывными отображениями, изучаемые в **общей топологии** (или теоретико-множественной топологии) (см. [4]). Первой книгой в этом направлении стал труд Феликса Хаусдорфа [5] 1914 г. Само название “general topology” впервые появилось в заголовке большой статьи Маршалла Стоуна [6] 1937 г. В этой статье и работе [7] 1936 г. им была развита теория булевых алгебр и их представлений.

Стоун доказал, что всякое булево кольцо B допускает изоморфное представление как кольцо $C_{00}(X, \mathbf{Z}_2)$ всех непрерывных функций с компактными носителями на нульмерном локально компактном пространстве X со значениями в дискретном двухэлементном поле \mathbf{Z}_2 ; при этом в качестве X можно взять пространство $\text{Max}B$ максимальных идеалов кольца B с топологией Стоуна – Зариского. В дальнейшем пространство $\text{Max}B$ стали называть максимальным спектром кольца B . Фактически Стоун установил двойственность между категорией нульмерных локально компактных пространств с непрерывными отображениями в качестве морфизмов и категорией булевых колец и их ненулевых гомоморфизмов. Тем самым был сделан первый шаг к теории пучковых представлений алгебр.

В упомянутой работе Стоуна 1937 г. начали изучаться кольца $C(X)=C(X, \mathbf{R})$ непрерывных функций на компактах X со значениями в топологическом поле \mathbf{R} действительных чисел. Первой специальной работой по кольцам $C(X)$ над тихоновскими пространствами X можно считать статью И. М. Гельфанда и А. Н. Колмогорова [8] 1939 г. Авторы показали, что между максимальными идеалами кольца $C(X)$ и точками стоун-чеховской компактификации βX тихоновского пространства X существует каноническое взаимно однозначное соответствие. Эта классическая теорема Гельфанда – Колмогорова устанавливает определенный дуализм между алгеброй (кольцо $C(X)$) и топологией (компактификация βX). Подробное доказательство теоремы Гельфанда – Колмогорова дано в [9]. Более того, максимальный спектр кольца $C(X)$ гомеоморфен βX : $\text{Max}C(X) \approx \beta X$. Наиболее общий вариант теоремы Гельфанда – Колмогорова получен в [10].

Зародившаяся в этих трудах теория **колец непрерывных функций** стала быстро развиваться. В 1948 г. появилась фундаментальная статья Эдвина Хьюитта [11], в которой был введен класс Q -пространств (хьюиттовских пространств) и доказана двойственность между категориями Q -пространств X и колец $C(X)$. В 1947 г. вышла статья Ирвинга Капланского [12] по общей теории колец непрерывных функций. Базовый этап развития теории колец $C(X)$ подытожила монография Гиллмана и Джерисона [13] 1960 г. (2-е издание вышло в 1976 г.). Дальнейшее развитие теории колец непрерывных функций отражено в обзорах Гиллмана, Хенриксена и Е. М. Вечтомова [14]. В работе [15], основанной на его докторской диссертации 1994 г., Вечтомов продвинул общую теорию колец $C(X, F)$ непрерывных функций со значениями в топологических телах F , исследовав их делимость, максимальный спектр, идеалы, двойственность, пучки ростков. Им были решены известные задачи, поставленные И. Капланским, М. А. Наймарком, М. Хенриксеном, Л. А. Скорняковым, А. А. Туганбаевым.

Началом развития функциональной алгебры на Вятке можно считать сентябрь 1975 г., когда аспирант Вечтомов выбрал одну из двух предложенных научным руководителем, профессором МГУ Л. А. Скорняковым, тем исследований – «Кольца непрерывных функций» (а не «Локально компактные кольца»). Предварительно он решил задачу о плоскостности идеала $C_{00}(X)$ кольца $C(X)$, состоящего из функций с компактным носителем, и этот результат был опубликован в 1976 г. в сборнике [16]. В 1979 г. Е. М. Вечтомов защитил кандидатскую диссертацию по указанной теме [17].

В 80-е гг. XX в. Вечтомов преподавал в КГПИ им. В. И. Ленина и продолжал исследования по кольцам непрерывных функций, а также по абстрактным кольцам (евклидовым, булевым, редуцированным), публиковал статьи и выступал с докладами на всесоюзных алгебраических фору-

мах. Его заинтересовали спектры колец и пучки колец над ними, что закономерно привело к изучению пучковых представлений колец. В 1989 г. его ученик В. В. Чермных защитил дипломную работу «Функциональное представление коммутативных в нуле колец». С этого времени тематика функциональных представлений алгебр (колец, дистрибутивных решеток, полуколец, полутел) прижилась в нашем вузе [18].

После выступления с докладом [19] на Международной топологической конференции в Баку в октябре 1987 г. Е. М. Вечтомову предложили написать обзорную статью по определяемости топологических пространств различными алгебрами функций. В результате появился обзор [20]. Тема определяемости и двойственности прочно вошла в дальнейшие исследования Кировских математиков.

С конца 1970-х по начало 1990-х гг. на математическом факультете КГПИ им. В. И. Ленина работали следующие научно-образовательные кружки для студентов: по теории множеств, решеткам и булевым алгебрам, теории групп, теории колец и модулей, конечным алгебрам, кольцам непрерывных функций (доцент Е. М. Вечтомов); функциональному анализу, нестандартному анализу (доцент И. И. Подгорная); общей топологии (доцент И. С. Рубанов); математическому анализу (доцент С. И. Калинин); математической логике (ст. преподаватель В. П. Матвеев). Несколько лет проводились заседания семинара для преподавателей по функциональному анализу под руководством Е. М. Вечтомова и И. И. Подгорной. В 1986–1990 гг. на матфаке кипела научная студенческая жизнь: студенты активно участвовали в кружках, матчах и студенческих конференциях, выступали и побеждали на математических олимпиадах в Кирове, Горьком, Перми, Свердловске. В это время появилась общественная должность заместителя декана по НИРС – руководил НИРС на факультете Е. М. Вечтомов. Такая среда воспитала будущих вузовских преподавателей, кандидатов физико-математических наук В. И. Варанкину, В. М. Караулова, Е. М. Ковязину, И. А. Семенову, В. В. Чермных (с 2008 г. доктора наук) и других [21].

В 1994 г. Е. М. Вечтомов защитил в МГУ докторскую диссертацию [22] по общей теории колец непрерывных функций, а В. В. Чермных – в МПГУ кандидатскую диссертацию [23] по пучковым представлениям абстрактных полуколец. Начала свою деятельность **научная алгебраическая школа «Функциональная алгебра и теория полуколец»** [24]. В этом же году впервые появилось название научного направления «функциональная алгебра».

С сентября 1994 г. на базе КГПИ им. В. И. Ленина (позднее ВятГПУ, ВятГГУ) функционирует региональный **научный алгебраический семинар** [25]. Он проводится раз в неделю: с сентября по декабрь и с февраля по май. К лету 2015 г. состоялось около 600 заседаний семинара.

3. Пучковые представления полуколец

Об истории развития теории пучков (предпучков, расслоений) и теории пучковых представлений алгебраических систем можно узнать в [26].

Впервые пучковые представления полуколец начал изучать В. В. Чермных в 1990 г., будучи аспирантом кафедры алгебры МПГУ. Полученные им результаты изложены в его уже указанных трудах, а также в следующих работах [27]. В. В. Чермных проанализировал пучки Гротендика, Пирса, Ламбека, Симмонса, Голана и соответствующие пучковые представления колец, и на этой основе построил теорию пучковых представлений полуколец, включающую компактные и чистые представления полуколец. Пучковые представления были применены к получению изоморфных представлений полуколец из следующих классов: симметрические, строго гармонические, гельфандовы, риккартовы, бирегулярные, бэровские, абелево регулярные положительные. В терминах пучковых представлений (посредством свойств полуколец-слоев, базисного и накрывающего пространств) получены характеристики некоторых важных свойств полуколец с дополнительными условиями. Изучались также пучковые представления полумодулей над полукольцами.

Пучковым представлениям полутел посвящены работы Е. М. Вечтомова и А. В. Чераневой [28]. Они применили аналоги пучков Пирса и Ламбека к исследованию произвольных, гельфандовых, бирегулярных и булевых полутел.

4. Полукольца непрерывных функций

Теория полуколец непрерывных функций – сравнительно новая составная часть функциональной алгебры, растущая из теории колец непрерывных функций и продолжающая ее.

Если S – топологическое полукольцо, то через $C(X, S)$ обозначается полукольцо всех непрерывных S -значных функций на топологическом пространстве X с поточечно заданными операциями сложения и умножения функций.

В кольце $C(X)$ непрерывных действительных функций выделяются две структуры: полукольцо $C^+(X)$ непрерывных неотрицательных функций и полуполе $U(X)$ непрерывных положительных функций; для них $C(X)$ служит кольцом разностей. Если в этих полукольцах обычную операцию сложения функций заменить на \vee (взятие \max), то получим аддитивно идемпотентные полукольцо $C^\vee(X)$ и полуполе $U^\vee(X)$.

Теория полуколец непрерывных функций получила свое развитие именно в ВятГГУ. До этого были отдельные работы о полукольцах $C^+(X)$ функционально-топологического характера [29]. Первым серьезным исследованием стала статья В. И. Варанкиной 1995 г., развитая в ее кандидатской диссертации [30]. Систематически числовые полукольца $C^+(X)$ и полуполя $U(X)$ изучаются нами, начиная с работы [31] 1998 г. В этом направлении членами научной школы по функциональной алгебре защищены еще шесть кандидатских диссертаций [32].

Программа исследований по теории полуколец $C(X, S)$ непрерывных функций включает в себя:

- нахождение общих структурных свойств полуколец $C(X, S)$;
- изучение идеалов, конгруэнций и подалгебр различного вида (например, главных, максимальных, минимальных);
- выяснение определяемости топологических пространств X и их свойств полукольцами $C(X, S)$ и другими ассоциированными с ними алгебраическими системами (решетками идеалов, решетками конгруэнций, решетками подалгебр);
- описание структурных морфизмов и изоморфизмов для $C(X, S)$;
- установление двойственностей между категориями пространств X и полуколец $C(X, S)$;
- другие вопросы, связанные со спецификой топологизированных полуколец S .

В духе сформулированной программы написана монография «Полукольца непрерывных функций» и глава 3 книги «Элементы теории полуколец» [33], подытожившие этап формирования теории полуколец $C(X, S)$.

Материал обзорного характера по полукольцам непрерывных функций можно найти в работах [34]. Были выполнены два аналитических научных обзора, поддержанные грантами РФФИ [35].

5. Перспективы

1. Получены первые результаты исследования следующих классов полуколец непрерывных функций:

- полукольца и частичные полукольца $C(X, S)$ со значениями в числовых полукольцах S с добавленным поглощающим элементом ∞ ;
- полукольца $C(X, S)$ со значениями в конечных T_0 -полукольцах;
- полукольца непрерывных частичных функций.

Мы собираемся продолжить и углубить исследования этих классов полуколец. Естественно также начать изучение категорий полумодулей над различными полукольцами $C(X, S)$.

Следует сказать, что указанные виды полуколец функций обладают своими специфическими свойствами, существенно отличающими их друг от друга. Поэтому проблематично создание общей теории полуколец непрерывных функций, включающей все изучаемые классы полуколец $C(X, S)$. Но для конкретного числового полукольца значений S возможно построение обобщающей теории полуколец $C(X, T)$ для целого класса топологических полуколец T , близких по своим структурным свойствам к исходному полукольцу S .

2. Планируется решение некоторых старых и новых проблем, связанных со ставшими уже традиционными объектами: кольцами $C(X)$, полукольцами $C^+(X)$, полуполями $U(X)$. В частности, предполагается дальнейшее изучение решеток их подалгебр (максимальные подалгебры, структурные изоморфизмы).

3. Нахождение новых классов абстрактных полуколец, допускающих изоморфные (точные, полные) пучковые представления. Получение пучковых характеристик свойств полуколец из выделенных классов.

4. Разработка теории пучковых представлений полумодулей над полукольцом на основе понятия спектра полумодуля.

5. В ближайшие два года по результатам исследований по функциональной алгебре планируется написание и издание монографии и учебного пособия для магистрантов и аспирантов; публикация серии из 5–7 статей в ведущих российских математических журналах; выступление с 8–10 докладами на международных математических конференциях. Полученные результаты докладываются и обсуждаются на региональном научном алгебраическом семинаре (руководители Е. М. Вечтомов и В. В. Чермных). Ведется работа над кандидатскими диссертациями (Н. В. Шалагинова, Е. Л. Родыгина, О. В. Чермных, Р. В. Топоров) и докторской диссертацией (В. В. Сидоров).

Исследования проводятся в соответствии с проектной частью государственного задания Минобрнауки РФ «Функциональная алгебра и полукольца», проект № 1.1375.2014/К (руководитель Е. М. Вечтомов).

Примечания

1. *Вечтомов Е. М.* Философия математики: монография. Киров: ВятГГУ: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013; *Он же.* Основные математические структуры: учеб. пособие. Киров: ВятГГУ: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013.
2. *Понтрягин Л. С.* Непрерывные группы: монография. 4-е изд. М.: Наука, 1984.
3. *Наймарк М. А.* Нормированные кольца: монография. 2-е изд. М.: Наука, 1968; *Колмогоров А. Н., Фомин С. В.* Элементы теории функций и функционального анализа: учебник для вузов. 6-е изд., испр. М.: Наука, 1989; *Рудин У.* Функциональный анализ: учебник / пер. с англ. М.: Мир, 1975; *Хелемский А. Я.* Банаховы и полинормированные алгебры: общая теория, представления, гомология: монография. М.: Наука, 1989.
4. *Энгелькинг Р.* Общая топология: монография / пер. с англ. М.: Мир, 1986.
5. *Хаусдорф Ф.* Теория множеств: монография / пер. с нем. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006.
6. *Stone M. H.* Applications of the theory of Boolean rings to general topology // *Trans. Amer. Math. Soc.* 1937. V. 41. № 3. P. 375–481.
7. *Stone M. H.* The theory of representations for Boolean algebras // *Trans. Amer. Math. Soc.* 1936. V. 40. № 1. P. 3–111.
8. *Гельфанд И. М., Колмогоров А. Н.* О кольцах непрерывных функций на топологических пространствах // Доклады АН СССР. 1939. Т. 22. № 1. С. 11–15.
9. *Gillman L., Henriksen M., Jerison M.* On a theorem of Gelfand and Kolmogoroff concerning maximal ideals in rings of continuous functions // *Proc. Amer. Math. Soc.* 1954. V. 5. № 3. P. 447–455.
10. *Вечтомов Е. М.* К теореме Гельфанда – Колмогорова о максимальных идеалах колец непрерывных функций // *Успехи мат. наук.* 1992. Т. 47. Вып. 5. С. 171–172.
11. *Hewitt E.* Rings of real-valued continuous functions. I // *Trans. Amer. Math. Soc.* 1948. V. 64. № 1. P. 45–99.
12. *Kaplansky I.* Topological rings // *Amer. Math. J.* 1947. V. 69. № 2. P. 153–183.
13. *Gillman L., Jerison M.* Rings of continuous functions. Preston: Van Nostrand, 1960.
14. *Вечтомов Е. М.* Вопросы определяемости топологических пространств алгебраическими системами непрерывных функций // *Итоги науки и техники. Алгебра. Геометрия. Топология.* Т. 28. М.: ВИНТИ АН СССР, 1990. С. 3–46; *Он же.* Кольца непрерывных функций. Алгебраические аспекты // Там же. Т. 29. 1991. С. 19–191; *Vechtomov E. M.* Rings and sheaves // *J. Math. Sciences (USA).* 1995. V. 74, № 1. P. 749–798.
15. *Vechtomov E. M.* Rings of continuous functions with values in a topological division ring // *J. Math. Sciences (USA).* 1996. V. 78. № 6. P. 702–753.
16. *Вечтомов Е. М.* Плоскостность идеала функций с бикомпактными носителями // Тезисы сообщений III Всесоюзного симпозиума по теории колец, алгебр и модулей. Тарту: 1976. С. 22.
17. *Вечтомов Е. М.* Кольца непрерывных функций: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Кишинев: ИМ с ВЦ АН Молдавской ССР, 1978.
18. *Вечтомов Е. М.* Кольца непрерывных функций на топологических пространствах. Избранные темы: учеб. пособие для спецкурса. М.: МПГУ, 1992; *Он же.* Кольца непрерывных функций. Алгебраические аспекты // *Итоги науки и техники. Алгебра. Геометрия. Топология.* Т. 29. 1991. С. 119–191; *Он же.* Функциональные представления колец: монография. М.: МПГУ, 1993; *Vechtomov E. M.* Rings and sheaves // *J. Math. Sciences (USA).* 1995. V. 74. № 1. P. 749–798; *Вечтомов Е. М.* Дистрибутивные решетки, функционально представимые цепями // *Фундаментальная и прикладная математика.* 1996. Т. 2. № 1. С. 93–102; *Он же.* Функциональная характеристика стоуновых решеток // *Вестник Вятского гос. пед. ун-та.* 1999. № 2. С. 9–11.
19. *Вечтомов Е. М.* T_0 -пространства и топологические полугруппы непрерывных характеристических функций // Тезисы докладов Международной топологической конференции. Ч. 2. Баку: Ин-т матем., 1987. С. 71.
20. *Вечтомов Е. М.* Вопросы определяемости топологических пространств алгебраическими системами непрерывных функций // *Итоги науки и техники. Алгебра. Геометрия. Топология.* Т. 28. М.: ВИНТИ АН СССР, 1990. С. 3–46.
21. *Вечтомов Е. М.* О системе работы по математике со способными студентами // Развитие творческой деятельности студентов в процессе обучения: сб. Ч. 1. Киров: ВятГПУ, 1996. С. 13–17.
22. *Вечтомов Е. М.* Кольца непрерывных функций со значениями в топологическом теле: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. М.: МГУ, 1994.
23. *Чермных В. В.* Пучковые представления полуколец: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. М.: МПГУ, 1993.
24. *Вечтомов Е. М.* Функциональная алгебра: полукольца непрерывных функций // Проблемы современного математического образования в педвузах и школах России: тез. докл. межрегион. науч. конф. Киров: ВятГПУ, 1998. С. 173–175; *Он же.* Алгебра в Вятском госпедуниверситете // Вятская земля в прошлом и настоящем : материалы V регион. науч.-практ. конф. Киров: ВятГПУ, 2001. С. 91–93; *Он же.* О научном направлении «Функциональная алгебра и теория полуколец» // Проблемы современного математического образования в вузах и школах России: материалы IV Всерос. науч.-метод. конф. Киров: ВятГГУ, 2009. С. 56–59; *Варанкина В. И., Вечтомов Е. М.* Научная алгебраическая школа // Герценка: Вятские записки. 2009. Вып. 15. С. 199–207.
25. *Вечтомов Е. М.* Научный алгебраический семинар // Вестник Вятского педагогического университета. Серия естественных наук. Вып. 1. Матем., инф., физ. 1996. С. 27–29.
26. *Вечтомов Е. М.* Функциональные представления колец: монография. М.: МПГУ, 1993; *Vechtomov E. M.* Rings and sheaves // *J. Math. Sciences (USA).* 1995. V. 74. № 1. P. 749–798; *Чермных В. В.* Функциональные представления полуколец: монография. Киров: ВятГГУ, 2010; *Он же.* Функциональные представления полуколец // *Фундаментальная и прикладная математика.* 2012. Т. 17. № 3. С. 111–227.

27. Чермных В. В. Полукольца: учеб. пособие. Киров: ВятГПУ, 1997. 132 с.; *Он же*. Функциональные представления полуколец и полумодулей: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Екатеринбург: ИММ УрО РАН, 2007; *Chermnykh V. V.* Functional representations of semirings // *J. Math. Sciences (USA)*. 2012. V. 187. № 2. P. 187–267.
28. Вечтомов Е. М., Черанева А. В. Полутела и их свойства // *Фундаментальная и прикладная математика*. 2008. Т. 14. № 5. С. 3–54; *Черанева А. В.* Ядра и пучки полутел: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Казань: КГУ, 2008; *Вечтомов Е. М., Черанева А. В.* Функциональные представления полутел // *Чермных В. В.* Функциональные представления полуколец: монография. Киров: ВятГГУ, 2010. С. 164–219.
29. *Slowikowski W., Zawadowski A.* A generalization of maximal ideals method of Stone and Gelfand // *Fund. Math.* 1955. V. 42. № 2. P. 215–231; *Acharyya S. K., Chattopadhyay K. S., Ray G. G.* Hemirings, congruences and the Stone – Cech compactification // *Simon Stevin*. 1993. V. 67. P. 21–35; *Они же*. Hemirings, congruences and the Hewitt realcompactification // *Bull. Belg. Math. Soc.* 1995. V. 2. № 1. P. 47–58.
30. *Варанкина В. И.* Максимальные идеалы в полукольцах непрерывных функций // *Фундаментальная и прикладная математика*. 1995. Т. 1. № 4. С. 923–937; *Она же*. Максимальные идеалы и делимость в полукольцах непрерывных функций: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. М.: МПГУ, 1996.
31. *Варанкина В. И., Вечтомов Е. М., Семенова И. А.* Полукольца непрерывных неотрицательных функций: делимость, идеалы, конгруэнции // *Фундаментальная и прикладная математика*. 1998. Т. 4. № 2. С. 493–510.
32. *Семенова И. А.* Конгруэнции на полукольцах непрерывных функций: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. М.: МПГУ, 1998; *Подлевских М. Н.* Полукольца непрерывных функций с топологией поточечной сходимости: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. М.: МПГУ, 1999; *Широков Д. В.* Идеалы в полукольцах непрерывных функций: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. М.: МПГУ, 2005; *Чупраков Д. В.* Конгруэнции на полукольцах и полуполях непрерывных числовых функций: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Казань: КГУ, 2010; *Сидоров В. В.* Изоморфизмы решеток подалгебр полуколец непрерывных неотрицательных функций: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Казань: КФУ, 2011; *Лубягина Е. Н.* Полукольца непрерывных $[0, 1]$ -значных функций: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Екатеринбург: ИММ УрО РАН, 2012.
33. *Вечтомов Е. М., Сидоров В. В., Чупраков Д. В.* Полукольца непрерывных функций. Киров: ВятГГУ, 2011; *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н., Чермных В. В.* Элементы теории полуколец. Киров: ВятГГУ: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2012.
34. *Artamonova I. I., Chermnykh V. V., Mikhalev A. V., Varankina V. I., Vechtomov E. M.* Semirings: sheaves and continuous functions // *Semigroups with applications, including simigroup rings*. Sankt-Peterburg, 1999. P. 23–58; *Вечтомов Е. М.* Введение в полукольца. Киров: ВятГПУ, 2000; *Он же*. Полукольца непрерывных отображений // *Вестник ВятГГУ*. 2004. № 10. С. 56–63; *Он же*. К теории полуколец непрерывных функций // *Математика. Образование: материалы XXI Междунар. конф.* Чебоксары: ЧГУ, 2013. С. 19–34; *Он же*. Полукольца и пучки. Обзор результатов исследований за 2008–2012 годы // *Вестник ВятГГУ*. 2013. № 1(1). С. 185–193.
35. *Вечтомов Е. М., Чермных В. В.* Полукольца отображений: анализ. науч. обзор. М.: РФФИ, 2003. 2 п. л. [Грант 03-01-07005-ано]; *Вечтомов Е. М.* Строение полутел: анализ. науч. обзор. М.: РФФИ, 2008. 2 п. л. [Грант 08-01-11000-ано].

Notes

1. Vechtomov E. M. *Filosofiya matematiki: monografiya* [Philosophy of mathematics: a monograph]. Киров. VyatSHU: Publishing house LTD Raduga-PRESS. 2013. Also him. *Basic mathematical structures: tutorial*. Киров. VyatSHU: Publishing house LTD Raduga-PRESS. 2013.
2. Pontryagin H.P. *Nepreryvnye gruppy: monografiya* [Continuous group: monograph]. 4nd is. M. Nauka. 1984.
3. Naimark M. A. *Normirovannye kol'ca: monografiya* [Normed rings: monograph]. 2nd issue. M. Nauka. 1968; Kolmogorov A. N., Fomin S. V. *EHlementy teorii funkciy i funkcional'nogo analiza: uchebnik dlya vuzov* [Elements of the theory of functions and functional analysis: a textbook for high schools]. 6 ed., rev. M. Nauka. 1989; Rudin U. *Funkcional'nyj analiz: uchebnik* [Functional analysis: a textbook] / transl. from Eng. M. Mir. 1975; A. Y. Helemskii *Banahovy i polinormirovannye algebrы: obshchaya teoriya, predstavleniya, gomologiya: monografiya* [Banach and polynorbornene algebras: General theory, representations, homology: a monograph]. M. Nauka. 1989.
4. Engelking R. *Obshchaya topologiya: monografiya* [General topology: monograph] / transl. from Eng. M. Mir. 1986.
5. Hausdorf F. *Teoriya mnozhestv: monografiya* [Set theory: a monograph]. 3rd issue, stereotype. M. Kom-Kniga. 2006.
6. Stone M. H. Applications of the theory of Boolean rings to general topology // *Trans. Amer. Math. Soc.* 1937. V. 41. No. 3. Pp. 375–481.
7. Stone M. H. The theory of representations for Boolean algebras // *Trans. Amer. Math. Soc.* 1936. V. 40. No. 1. Pp. 3–111.
8. Gelfand I. M., Kolmogorov A. N. O kol'cah nepreryvnyh funkciy na topologicheskikh prostranstvakh [About rings of continuous functions on topological spaces] // *Doklady AN SSSR - Reports of AS USSR*. 1939. Vol. 22. No. 1, pp. 11–15.
9. Gillman L., Henriksen M., Jerison M. On a theorem of Gelfand and Kolmogoroff concerning maximal ideals in rings of continuous functions // *Proc. Amer. Math. Soc.* 1954. V. 5. No. 3. Pp. 447–455.
10. Vechtomov E. M. K teoreme Gel'fanda – Kolmogorova o maksimal'nyh idealah kolec nepreryvnyh funkciy [To the theorem of Gelfand – Kolmogorov maximal ideals of rings of continuous functions] // *Uspekhi mat. nauk - Success of Mat. Sciences*. 1992. Vol. 47. Issue 5. Pp. 171–172.
11. Hewitt E. Rings of real-valued continuous functions. I // *Trans. Amer. Math. Soc.* 1948. V. 64. No. 1. Pp. 45–99.

12. Kaplansky I. Topological rings // Amer. Math. J. 1947. V. 69. No. 2. Pp. 153–183.
13. Gillman L., Jerison M. Rings of continuous functions. Preston: Van Nostrand, 1960.
14. Vechtomov E. M. Voprosy opredelyaemosti topologicheskikh prostranstv algebraicheskimi sistemami nepreryvnykh funktsiy [Issues of definitivity of topological spaces by algebraic systems of continuous functions] // Itogi nauki i tekhniki. Algebra. Geometriya. Topologiya - Results of science and technology. Algebra. Geometry. Topology. Vol. 28. M. VINITI AS USSR. 1990. Pp. 3-46. Also him. Kol'ca nepreryvnykh funktsiy. Algebraicheskie aspekty [Rings of continuous functions. Algebraic approach] // Ibid. Vol. 29. 1991. Pp. 19-191; E. M. Vechtomov Rings and sheaves // J. Math. Sciences (USA). 1995. V. 74, No. 1. Pp. 749–798.
15. E. M. Vechtomov Rings of continuous functions with values in a topological division ring // J. Math. Sciences (USA). 1996. V. 78. No. 6. Pp. 702–753.
16. Vechtomov E. M. Ploskostnost' ideala funktsiy s bikompaktnymi nositelyami [Flatness of the ideal of functions with bicomact carriers] // Tezisy soobshcheniy III Vsesoyuznogo simpoziuma po teorii kolec, algebr i modulej – Abstracts of reports of the III all-Union Symposium on the theory of rings, algebras and modules. Tartu. 1976. P. 22.
17. Vechtomov E. M. Kol'ca nepreryvnykh funktsiy: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk [Rings of continuous functions: autoref. dis. ... Cand. Phys.-Mat. Sciences]. Chisinau. Computing centre of the Academy of Sciences of the Moldavian SSR. 1978.
18. Vechtomov E. M. Kol'ca nepreryvnykh funktsiy na topologicheskikh prostranstvakh. Izbrannye temy: ucheb. posobie dlya spekkursa [Rings of continuous functions on topological spaces. Selected topics: studies. tutorial for the special course]. M. Moscow State Pedagogical University. 1992. Also him. Kol'ca nepreryvnykh funktsiy. Algebraicheskie aspekty [Rings of continuous functions. Algebraic aspects of the // Itogi nauki i tekhniki. Algebra. Geometriya. Topologiya - Results of science and technology. Algebra. Geometry. Topology]. Vol. 29. 1991. Pp. 119-191. Also him. Funktsional'nye predstavleniya kolec: monografiya [Functional view of the rings: the monograph]. M. Moscow State Pedagogical University. 1993; E. M. Vechtomov Rings and sheaves // J. Math. Sciences (USA). 1995. V. 74. No. 1. P. 749–798; Vechtomov E. M. Distributivnye reshetki, funktsional'no predstavimye tsepyami [Distributive lattice, functionally representable chains] // Fundamental'naya i prikladnaya matematika - Fundamental and applied mathematics. 1996. Vol. 2. No. 1. Pp. 93–102. Also him. Funktsional'naya karakterizatsiya stounovykh reshetok [Functional characterization of Stone's lattices] // Vestnik Vyatskogo gos. ped. un-ta – Herald of Vyatka State Pedagogical University. 1999, No. 2, pp. 9–11.
19. E. M. Vechtomov T₀-prostranstva i topologicheskie polugruppy nepreryvnykh harakteristicheskikh funktsiy [T₀-spaces and topological semigroups of continuous characteristic functions] // Itogi nauki i tekhniki. Algebra. Geometriya. Topologiya - Abstracts of the International topological conference. Part 2. Baku: Institute of mathematics. 1987. P. 71.
20. Vechtomov E. M. O sisteme raboty po matematike so sposobnymi studentami [Issues of definitivity of topological spaces by algebraic systems of continuous functions] // Itogi nauki i tekhniki. Algebra. Geometriya. Topologiya - Results of science and technology. Algebra. Geometry. Topology. Vol. 28. M. VINITI AS USSR. 1990. Pp. 3–46.
21. Vechtomov E. M. O sisteme raboty po matematike so sposobnymi studentami [On the system of work with a capable mathematics students of the development of creative activity of students in the learning process]: collection part 1. Kirov. VyatSPU. 1996. Pp. 13–17.
22. Vechtomov E. M. Kol'ca nepreryvnykh funktsiy so znacheniyami v topologicheskome tele: avtoref. dis. ... d-ra fiz.-mat. nauk [Rings of continuous functions with values in topological body: autoref. dis. ... Dr. Phys.-math. Sciences]. M. Moscow State University. 1994.
23. Chermnykh V. V. Puchkovye predstavleniya polukolec: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk [Beam representation of semirings: autoref. dis. ... Cand. Phys.-Mat. Sciences]. M. Moscow State Pedagogical University. 1993.
24. Vechtomov E. M. Funktsional'naya algebra: polukol'ca nepreryvnykh funktsiy [Functional algebra: rings of continuous functions] // Problemy sovremennoogo matematicheskogo obrazovaniya v pedvuzakh i shkolah Rossii: tez. dokl. mezhtsemyon. nauch. konf. - Problems of modern mathematics education in the teacher training institutions and schools of Russia: report of Interregional scientific. conf. Kirov. VyatSPU. 1998. Pp. 173–175. Also him. Algebra v Vyatskom gospeduniversitete [Algebra in Vyatka State Ped. University] // Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem: materialy V region. nauch.-prakt. konf. - Vyatka land in the past and present: proceedings of the V region. scient.-practical conf. Kirov. VyatSPU. 2001. Pp. 91–93. Also him. O nauchnom napravlenii «Funktsional'naya algebra i teoriya polukolec» [On the scientific direction of "Functional algebra and the theory of semirings"] // Problemy sovremennoogo matematicheskogo obrazovaniya v vuzakh i shkolah Rossii: materialy IV Vseros. nauch.-metod. konf. - Problems of modern mathematical education in universities and higher schools of Russia: materials of the IV all-Russian. scient.-method. conf. Kirov. VyatSHU. 2009. Pp. 56-59; Varankina V. I., E. M. Vechtomov Nauchnaya algebraicheskaya shkola [Algebraic scientific school] // Gercenka: Vyatskie zapiski - Gertsenka: Vyatka note. 2009. Vol. 15. Pp. 199–207.
25. Vechtomov E. M. Nauchnyj algebraicheskij seminar [Algebraic scientific seminar] // Vestnik Vyatskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya estestvennykh nauk - Herald of Vyatka State Pedagogical University. Series of natural Sciences. Issue 1. Mat., Inf., Phys. 1996. Pp. 27–29.
26. Vechtomov E. M. Funktsional'nye predstavleniya kolec: monografiya [Functional representation of the rings: the monograph]. M. Moscow State Pedagogical University. 1993; E. M. Vechtomov Rings and sheaves // J. Math. Sciences (USA). 1995. V. 74. No. 1. Pp. 749-798; Chermnykh V. V. Funktsional'nye predstavleniya polukolec: monografiya [Functional representation of semirings: monograph]. Kirov. VyatSHU. 2010. Also him. Funktsional'nye predstavleniya polukolec [Functional representations of semirings] // Fundamental'naya i prikladnaya matematika Fundamental and applied mathematics. 2012. Vol. 17, No. 3, pp. 111–227.

27. Chermnykh V. V. Polukol'ca: ucheb. posobie [Halfrings: tutorial]. Kirov. VyatSPU. 1997; Also him. Funkcional'nye predstavleniya polukolec i polumodulej: avtoref. dis. ... d-ra fiz.-mat. nauk [Functional representations of semirings and half-modules: autoref. dis. ... Dr. Phys.-math. Sciences]. Ekaterinburg. IMM UrS RAS. 2007; Chermnykh V. V. Functional representations of semirings // J. Math. Sciences (USA). 2012. V. 187. No. 2. Pp. 187-267.
28. Vechtomov E. M., Cheraneva A. V. Polutela i ih svoystva [Half-bodies and their properties] // Fundamental'naya i prikladnaya matematika - Fundamental and applied mathematics. 2008. Vol. 14, No. 5, pp. 3-54; Cheraneva V. A. YAdra i puchki polutel: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk [Cores and beams of half-bodies: autoref. dis. ... Cand. Phys.-Mat. Sciences]. Kazan. KSU. 2008; Vechtomov E. M., Cheraneva A.V. Funkcional'nye predstavleniya polutel [Functional representation of half-bodies] // Chermnykh V. V. Funkcional'nye predstavleniya polukolec: monografiya - Functional representation of semirings: monograph. Kirov. VyatSHU. 2010. Pp. 164-219.
29. Slowikowski W., Zawadowski A. A generalization of maximal ideals method of Stone and Gelfand // Fund. Math. 1955. V. 42. No. 2. P. 215-231; Acharyya S. K., Chattopahyay K. S., Ray G. G. Hemirings, congruences and the Stone - Cech compactification // Simon Stevin. 1993. V. 67. P. 21-35; They are the same. Hemirings, congruences and the Hewitt realcompactification // Bull. Belg. Math. Soc. 1995. V. 2. No. 1. P. 47-58.
30. Varankina V. I. Maksimal'nye idealy v polukol'ch nepreryvnyh funkcij [Maximal ideals in semirings of continuous functions] // Fundamental'naya i prikladnaya matematika - Fundamental and applied mathematics. 1995. Vol. 1. No. 4. Pp. 923-937; Also her. Maksimal'nye idealy i delimost' v polukol'ch nepreryvnyh funkcij: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk [Maximal ideals and divisibility in semirings of continuous functions: autoref. dis. ... Cand. Phys.-Mat. Sciences]. M. Moscow State Pedagogical University. 1996.
31. Varankina V. I., Vechtomov E. M., Semenova I. A. Polukol'ca nepreryvnyh neotricatel'nyh funkcij: delimost', idealy, kongruencii [Continuous semiring of nonnegative functions: divisibility, ideals, congruence] // Fundamental'naya i prikladnaya matematika - Fundamental and applied mathematics. 1998. Vol. 4, No. 2, pp. 493-510.
32. Semenova I. A. Kongruencii na polukol'ch nepreryvnyh funkcij: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk [Congruences on semirings of continuous functions: autoref. dis. ... Cand. Phys.-Mat. Sciences]. M. Moscow State Pedagogical University. 1998; Podlewskih M. N. Polukol'ca nepreryvnyh funkcij s topologiej potochechnoj skhodimosti: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk [Semi-rings of continuous functions with the topology of pointwise convergence: autoref. dis. ... Cand. Phys.-Mat. Sciences]. M. Moscow State Pedagogical University. 1999; D. V. Shirokov Idealy v polukol'ch nepreryvnyh funkcij: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nau [Ideals in semirings of continuous functions: autor. dis. ... Cand. Phys.-Mat. Sciences]. M. Moscow State Pedagogical University, 2005; D. V. Chuprakov Kongruencii na polukol'ch i polupolyah nepreryvnyh chislovyh funkcij: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk. [Congruences on semirings and semifields of continuous numeric functions: autoref. dis. ... Cand. Phys.-Mat. Sciences]. Kazan. KSU. 2010; Sidorov V. V. Izomorfizmy reshetok podalgebr polukolec nepreryvnyh neotricatel'nyh funkcij: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk [Isomorphisms of lattices of subalgebras of semirings of continuous nonnegative functions: autoref. dis. ... Cand. Phys.-Mat. Sciences]. Kazan. Kazan Federal University. 2011; Lubyagina E. N. Polukol'ca nepreryvnyh $[0, 1]$ -znachnyh funkcij: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk [Semi-rings of continuous $[0, 1]$ -valued functions: autor. dis. ... Cand. Phys.-Mat. Sciences]. Ekaterinburg. IMM UrO RAS. 2012.
33. Vechtomov E. M., Sidorov V. V., D. V. Chuprakov Polukol'ca nepreryvnyh funkcij [Semi-Rings of continuous functions]. Kirov. VyatSHU. 2011; Vechtomov E. M., Lubyagina E. N., Chermnykh V. EHlementy teorii polukolec [Elements of the theory of semirings]. Kirov. VyatSHU: Publishing house LLC "Raduga-PRESS". 2012.
34. I. I. Artamonova, Chermnykh V. V., Mikhalev A. V., Varankina V. I., E. M. Vechtomov Semirings: sheaves and continuous functions // Semigroups with applications, including simigroup rings. Sankt-Peterburg, 1999. P. 23-58; Vechtomov E. M. Vvedenie v polukol'ca [Introduction to semi-ring]. Kirov. VyatSPU. 2000. Also him. Polukol'ca nepreryvnyh otobrazhenij [Semi-rings of continuous mappings] // Vestnik VyatGGU - Herald of VyatSHU. 2004, No. 10, pp. 56-63. Also him. K teorii polukolec nepreryvnyh funkcij [To the theory of semirings of continuous functions] // Matematika. Obrazovanie: materialy XXI Mezhdunar. konf.- Math. Education: proceedings of the XXI Intern. Conf. Cheboksary. Chuvash State University. 2013. Pp. 19-34. Also him. Polukol'ca i puchki. Obzor rezul'tatov issledovanij za 2008-2012 gody [The ring and wisps. A review of research in 2008-2012] // Vestnik VyatGGU - Herald of VyatSHU. 2013, No. 1(1), pp. 185-193.
35. Vechtomov E. M., Chermnykh V. V. Polukol'ca otobrazhenij: analit. nauch. obzor [Semi-rings of mappings: analyt. scientific. Review]. M. Russian Foundation for Basic Research. 2003. 2 p. l. [Grant 03-01-07005-ANO]; Vechtomov E. M. Stroenie polutel: analit. nauch. obzor [Structure of semibodies: analyt. scientific. Review]. M. RFBR. 2008. 2 p. l. [Grant 08-01-11000-ANO].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВА Наталья Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Саратовской государственной юридической академии. 410069, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.

E-mail: nataklenin@mail.ru

АДЯСОВА Людмила Евгеньевна – аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания филологического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37.

E-mail: ladyasova@gmail.com

АНТОНОВ ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорских литератур Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. 430000, г. Саранск, ул. Демократическая, д. 69.

E-mail: antonovug-69@yandex.ru

АРТЕМЬЕВ Николай Семенович – заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России. 390036, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: aru-kiopp@yandex.ru

БАКИНА Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, директор учебно-методического центра повышения квалификации работников культуры и искусства. 610000, г. Киров, ул. Спасская, д. 8.

E-mail: olgabakina@mail.ru

БАЛЫБЕРДИН Юрий Александрович – доктор исторических наук, профессор по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: baliberdin@vshu.kirov.ru

БЕЗРУКОВ Дмитрий Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46.

E-mail: dfgh@lkuh.ru

БУРЧИХИН Антон Николаевич – начальник кафедры криминологии и организации профилактики преступлений кандидат юридических наук, майор внутренней службы Академии ФСИН России. 390036, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: aru-kiopp@yandex.ru

ВАРАНКИНА Вера Ивановна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры фундаментальной и компьютерной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: veravarankina@gmail.com

ВЕЧТОМОВ Евгений Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой фундаментальной и компьютерной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: vecht@mail.ru

ГОРЫКИНА Светлана Сергеевна – ассистент кафедры лингвистики Волгоградского государственного университета. 404105, Волгоградская область, г. Волжский, ул. Оломоуцкая, д. 36.

E-mail: svetlana-gorykina@yandex.ru

ГРАЧЕВ Сергей Павлович – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой «Информационные технологии в машиностроении» Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: grachev@vyatsu.ru

ГУСЕЙНОВА Ульвия Гусейн гызы – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Тюркологические исследования» Бакинского государственного университета. 1148 Азербайджан, г. Баку, ул. Захида Халилова, д. 23.

E-mail: bgu-ul@bk.ru

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: lepse@yandex.ru, alexander_kalinin@mail.ru

КАТКОВА Алла Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры прикладной информатики и экономики Шадринского государственного педагогического института. 641882, Курганская обл., г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, д. 3.

E-mail: AllaKatkova@mail.ru

КУКЛИНА Светлана Станиславовна – доктор педагогических наук, профессор по кафедре иностранных языков и методики обучения иностранным языкам, ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kss@ssk.kirov.ru

ЛЕБЕДЕВ Антон Валерьевич – кандидат культурологии, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

E-mail: toshaleb@mail.ru

ЛЕВИНА Наталия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорских литератур Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. г. Саранск, ул. Демократическая, 69.

E-mail: LEV.NataliyaN@yandex.ru

МАКАРОВ Станислав Павлович – кандидат философских наук, доцент кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: stanislav-makarov-2015@mail.ru

МУХЛЫНИНА Мария Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института. 610014, г. Киров, ул. Щорса, д. 66.

E-mail: super-manyasha@mail.ru

РОДИОНОВА Ольга Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого и французского языков Саратовской государственной юридической академии. 410069, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.

E-mail: nataklenin@mail.ru

РОМАНОВА Светлана Александровна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и политологии Марийского государственного университета. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1.

E-mail: rosswet@mail.ru

СВИНЦОВА Марина Николаевна – ассистент кафедры всеобщей и российской истории Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: MarinaMamzel@yandex.ru

СЕРГЕЕВА Татьяна Сергеевна – ассистент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков Пензенского государственного университета. 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40.

E-mail: ctc-91@mail.ru

СТАРКОВА Елена Валерьевна – аспирант кафедры русского языка факультета русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. 300041, г. Тула, ул. Менделеевская, д. 7.

E-mail: elenabogdanova89@mail.ru.

СТЫЧИНСКИЙ Максим Сергеевич – аспирант кафедры теории и истории культуры факультета культуры, искусства и управления Государственного академического университета гуманитарных наук. 119049, г. Москва, пер. Марононский, д. 26.

E-mail: stichinsky@gmail.com

ТРУШКОВА Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой археологии, этнологии и культурной антропологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_arh@vshu.kirov.ru

ФЕЩЕНКО Павел Николаевич – кандидат юридических наук, доцент по кафедре криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Волго-Вятский институт (филиал). 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 99.
E-mail: fpn2005@mail.ru

ФЛАКСМАН Андрей Львович – кандидат технических наук, доцент кафедры информационных технологий в машиностроении Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.
E-mail: flaksman@vyatsu.ru

ЧЕРНЫШЕВ Константин Анатольевич – кандидат географических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.
E-mail: kochern@rambler.ru

ЧЕРНЫШЕВА Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ШАРДИНА Евгения Сергеевна – учитель английского языка Лингвистической гимназии г. Кирова. 610016, г. Киров, Уральская, д. 9.
E-mail: janeshardina@mail.ru

ШЕЯНОВА Светлана Васильевна – доктор филологических наук, доцент кафедры финно-угорских литератур Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. 430000, г. Саранск, ул. Демократическая, д. 69.
E-mail: sheyanovas@mail.ru

ШМАКОВА Ольга Викторовна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И. К. Яковлева МВД России. 630114, г. Новосибирск, Ключ-Камышенское плато, д. 6/2.
E-mail: olga_shmakowa@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ABRAMOVA Natalia Viktorovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of German and French languages of the Saratov State Academy of Law. 1 Volskaya st. 410069, Saratov.
E-mail: nataklenin@mail.ru

ADYASOVA Lyudmila Evgen'evna – postgraduate student of the Department of modern Russian language and General linguistics of the Philological Faculty of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 37 Bolshaya Pokrovskaya st. 603000, Nizhniy Novgorod.
E-mail: ladyasova@gmail.com

ANTONOV Yuri Grigorievich – Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric literatures of the Mordovian State University named after N. P. Ogarev. 69 Democriticheskaya st. 430000, Saransk.
E-mail: antonovug-69@yandex.ru

ARTEMYEV Nikolai Semenovich – honored worker of higher school of Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of criminology and organization of the crime prevention of Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. 1 Sennaya st. 390036, Ryazan.
E-mail: apu kiopp@yandex.ru

BAKINA Olga Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Director of training and methodological center of training of workers of culture and art. 8 Spasskaya st. 610000, Kirov.
E-mail: olgabakina@mail.ru

BALYBERDIN Yuriy Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian history of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.
E-mail: baliberdin@vshu.kirov.ru

BEZRUKOV Dmitry Aleksandrovich – postgraduate student of the Department of general history and international relations at Ryazan State University named after S. A. Yesenin. 46 Svoboda st. 390000, Ryazan.
E-mail: dfgh@lkuh.ru

BORJIGIN Anton Nikolaevich – head of the Department of criminology and prevention of crimes, the candidate of legal Sciences, major of internal service Academy of the Federal penitentiary service of Russia. 390036, Ryazan, St. hay, D. 1.
E-mail: apu-kiopp@yandex.ru

CHERNYSHOV Konstantin Anatolyevich – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of state and municipal administration of Vyatka State University, 36 Moskovskaya str. Kirov.
E-mail: kochern@rambler.ru

CHERNYSHOVA Natalia Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian history of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

FESHCHENKO Pavel Nikolaevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of criminology and criminal-executive law of University named after O. E. Kutafin (MSAL) (Volgo Vyatsky Institute (branch). 99 Lenin st. 610002, Kirov.
E-mail: fpn2005@mail.ru

FLAKSMAN Andrey Lvovich - Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department "Information technologies in mechanical engineering" of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str. Kirov.
E-mail: flaksman@vyatsu.ru

GORYKINA Svetlana Sergeevna – assistant of the Department of Linguistics of Volgograd State University. 36 Olomoutskaya st. 404105, Volgograd region, Volzhsky.
E-mail: svetlana gorykina@yandex.ru

GRACHEV Sergey Pavlovich – Candidate of Technical Sciences, Professor, Head of Department "Information technologies in mechanical engineering" of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str. Kirov.
E-mail: grachev@vyatsu.ru

GUSEYNOVA Ulviya Huseyn gizi – research worker of the scientific research laboratory "Turkological studies" of Baku State University. 23 Zahid Khalilov st. 1148, Azerbaijan, Baku.

E-mail: bgu-ul@bk.ru

KALININ Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, senior researcher of the Department of General history of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.

E-mail: lepe@yandex.ru, alexander_kalinin@mail.ru

KATKOVA Alla Leonidovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of applied Informatics and Economics of Shadrinsk State Pedagogical Institute. 3 K. Libkneht st. 641882, Kurgan region, Shadrinsk.

E-mail: AllaKatkova@mail.ru

KUKLINA Svetlana Stanislavovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of foreign languages and methods of teaching of foreign languages of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.

E-mail: kss@ssk.kirov.ru

LEBEDEV Anton Valerievich – Candidate of Culturology, Associate Professor in the Department of English for professional communication of Mordovian State University named after N. P. Ogarev. 68 Bolshevistskaya st. 430005, Saransk.

E-mail: toshaleb@mail.ru

LEVINA Natalia Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Finno-Ugric literatures of the Mordovian State University named after N. P. Ogarev. 69 Democratcheskaya st. 430000, Saransk.

E-mail: LEV.NataliyaN@yandex.ru

MAKAROV Stanislav Pavlovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor in the Department of publishing and editing of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.

E-mail: stanislav-makarov-2015@mail.ru

MUKHLYNINA Maria Mikhailovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Kirov branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. 66 Shchorsa st. 610014, Kirov.

E-mail: super-manyasha@mail.ru

RODIONOVA Olga Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of German and French languages of the Saratov State Academy of Law. 1 Volskaya st. 410069, Saratov.

E-mail: nataklenin@mail.ru

ROMANOVA Svetlana Aleksandrovna – Candidate of Philosophy, Professor, Head of Department of philosophy and political science of the Mari State University. 1 Lenin sq. 424000, Yoshkar-Ola.

E-mail: rosswet@mail.ru

SERGEEVA Tatyana Sergeevna – ssistant of the Department of foreign languages and methods of teaching foreign languages of Penza State University. 40 Krasnaya st. 440026, Penza.

E-mail: ctc-91@mail.ru

SHARDINA Evgeniya Sergeevna – teacher of English in Linguistic gymnasia of Kirov. 9 Uralskaya st. 610016, Kirov.

E-mail: janeshardina@mail.ru

SHEYANOVA Svetlana Vasilievna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Finno-Ugric literatures of the Mordovian State University named after N. P. Ogarev. 69 Democratcheskaya st. 430000, Saransk.

E-mail: sheyanovas@mail.ru

SHMAKOVA Olga Victorovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of translation and translation studies of the Novosibirsk Military Institute of Internal Forces in the name of General of the army I. K. Yakovlev of the Ministry of internal Affairs of Russia. 6/2 Kluch-Kamyshenskoe plateau 630114, Novosibirsk.

E-mail: olga_shmakowa@mail.ru

STARKOVA Elena Valeryevna – postgraduate student of the Department of Russian language of Faculty of Russian Philology and records keeping, Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy. 7 Mendeleevskaya st. 300041, Tula.

E-mail: elenabogdanova89@mail.ru.

STYCHINSKY Maksim Sergeevich – postgraduate student on the Department of theory and history of culture of Faculty of culture, arts and management of the State Academic University of Humanities. 26 Maronovskiy per. 119049 Moscow.

E-mail: stichinsky@gmail.com

SVINTSOVA Marina Nikolaevna – assistant on the Department of General and Russian history of Vyatka State University, 36 Moskovskaya str. Kirov.

E-mail: MarinaMamzel@yandex.ru

TRUSHKOVA Irina Yurievna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of archeology, ethnology and cultural anthropology of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.

E-mail: kaf_arh@vshu.kirov.ru

VARANKINA Vera Ivanovna – Candidate of Physico-Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of fundamental and computational mathematics of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.

E-mail: veravarankina@gmail.com

VECHTOMOV Evgeny Mikhailovich – Doctor of Physico-Mathematical Sciences, Professor, Head of Department of fundamental and computational mathematics of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.

E-mail: vecht@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 5 (2015)

Подписано в печать 25.04.2015 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 1000. Заказ № 81.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390